

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт русского языка имени В. В. Виноградова

Труды
Института русского языка
им. В. В. Виноградова

№ 2

МОСКВА
2025

ISSN 2311-150X

Журнал основан в 2013 г.

Главный редактор

А. М. Молдован, доктор филол. наук, академик РАН (Москва, Россия)

Ответственный редактор номера:

М. А. Пузина, канд. филол. наук (Москва, Россия)

Редакционный совет:

- А. Е. Аникин, доктор филол. наук, академик РАН (Новосибирск);
Ю. Д. Апресян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Синтия Вакарелийска, PhD, профессор (Орегон, США);
Ж. Ж. Варбот, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
Бьёрн Вимер, доктор филологии, профессор (Майнц, Германия);
Марчелло Гардзанити, PhD, профессор (Флоренция, Италия);
А. А. Гишпиус, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ольга Йокояма, PhD, профессор (Лос-Анджелес, США);
М. Л. Каленчук, доктор филол. наук, профессор (Москва, Россия);
А. П. Майоров, доктор филол. наук, профессор (Улан-Удэ, Россия);
Ольга Младенова, PhD, профессор (Калгари, Канада);
Туре Нессет, доктор филологии, профессор (Тромсё, Норвегия);
В. А. Плунгян, доктор филол. наук, академик РАН, профессор (Москва, Россия);
Ахим Рабус, Dr. habil., профессор (Фрайбург, Германия);
Ф. Б. Успенский, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия);
Майкл Флайер, PhD, профессор (Кембридж, США);
Вацлав Чермак, доктор филологии (Прага, Чехия);
А. Д. Шмелев, доктор филол. наук, член-корреспондент РАН, профессор (Москва, Россия)

Ответственный секретарь

канд. филол. наук А. Е. Журавлёва

Выходит 4 раза в год

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-76037

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка, д. 18/2

E-mail: ruslang@ruslang.ru

© Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2025
© Авторы, 2025

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
V. V. Vinogradov Russian Language Institute

**Proceedings
of the V. V. Vinogradov
Russian Language Institute**

№ 2

MOSCOW
2025

ISSN 2311-150X

The Journal was founded in 2013

Editor-in-Chief

Alexandr M. Moldovan, D. Sc., Full Member of the RAS (Moscow, Russia)

Chief editor of the issue

Maria A. Puzina, Ph. D. (Moscow, Russia)

Editorial Board

Aleksandr E. Anikin, D. Sc., Full Member of the RAS (Novosibirsk, Russia);
Yury D. Apresyan, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Václav Čermák, Ph. D., Professor (Prague, Czech Republic);
Michael S. Flier, Ph. D., Professor (Cambridge, USA);
Marcello Garzaniti, D. Sc., Professor (Florence, Italy);
Alexey A. Gippius, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Maria L. Kalenchuk, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Alexandr P. Mayorov, D. Sc., Professor (Ulan-Ude, Russia);
Olga Mladenova, Ph. D., Professor (Calgary, Canada);
Tore Nettet, D. Sc., Professor (Tromsø, Norway);
Vladimir A. Plungian, D. Sc., Full Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Achim Rabus, D. Sc., Professor (Freiburg, Germany);
Alexey D. Shmelev, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Fjodor B. Uspensky, D. Sc., Corresponding Member of the RAS, Professor (Moscow, Russia);
Cynthia M. Vakareliyska, Ph. D., Professor (Oregon, USA);
Zhanna Zh. Varbot, D. Sc., Professor (Moscow, Russia);
Björn Wiemer, D. Sc., Professor (Mainz, Germany);
Olga T. Yokoyama, Ph. D., Distinguished Professor (Los Angeles, USA)

Executive secretary

Alexandra E. Zhuravleva

The journal is registered by the Federal Service for Supervision
of Communications, Information Technology, and Mass-Media.

Registration certificate ПИ № ФС 77-76037

Address:

18/2, Volkhonka street, Moscow, 119019

E-mail: ruslang@ruslang.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>М. А. Пузина</i>	
Предисловие.....	11

История русского языка

<i>З. И. Годизова</i> (Шэньчжэнь)	
Глаголы тотального и чрезмерно-кратного способов действия в диахроническом аспекте.....	13
<i>А. Ф. Журавлёв</i> (Москва)	
О <i>сове</i> , с которой всё в порядке, и <i>соловье</i> , который ни при чём.....	25
<i>С. И. Иорданиди</i> (Москва)	
Семантико-словообразовательное описание дериватов с уникальными суффиксами в истории русского языка	34
<i>Н. Я. Козел</i> (Москва)	
К истории слова <i>прохиндей</i> и его лексических вариантов	43
<i>И. М. Ладыженский</i> (Москва)	
Сложные случаи отождествления древнерусских уставных почерков и проблема относительной датировки кодексов, созданных одним писцом	57
<i>Л. В. Прокопенко</i> (Москва)	
Дынь или б(ъ)дынь: еще раз о загадочном слове из Жития княгини Ольги.....	76

Словообразование

<i>С. И. Богданов, Ю. В. Меньшикова</i> (Санкт-Петербург)	
Структурный морфологический анализ как критерий разграничения омонимии и многофункциональности слова	90
<i>Р. Драгичевич</i> (Белград)	
Глагольная транспрефиксация в сербском языке	104
<i>П. С. Дронов</i> (Москва)	
Словообразовательная вариантность во фразеологии.....	114
<i>Н. А. Николина, З. Ю. Петрова</i> (Москва)	
Лексикализация аффиксов в современной русской художественной прозе	124
<i>Е. В. Петрухина</i> (Москва)	
Актуальные вопросы русского и чешского внутриглагольного словообразования (системно-функциональное сопоставление).....	133
<i>Н. Б. Пименова</i> (Москва)	
Синкретизм 'агенса' и 'инструмента' в словообразовании русского языка: несколько типологических заметок.....	145
<i>Л. В. Рацибурская</i> (Нижний Новгород)	
Экспрессивно-оценочные аффиксы в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова и в современных деривационных процессах.....	153

<i>В. С. Елистратов, И. В. Ружицкий</i> (Москва)	
Некоторые дискуссионные вопросы теории универбации (на материале «Толкового словаря живой русской речи» В. С. Елистратова)	161
<i>Л. Л. Шестакова, А. С. Кулева</i> (Москва)	
Числительные и их производные в «Словаре языка русской поэзии XX века»: из опыта наблюдений.....	170

Лексикология. Грамматика

<i>Е. М. Лазуткина</i> (Москва)	
Представление концепта «множество» в грамматической семантике русского языка	180
<i>И. А. Мельчук</i> (Монреаль)	
Психологический предикатив ПЛЕВАТЬIII.2b.....	189
<i>И. В. Нечаева</i> (Москва)	
Правописание новейших заимствований и орфографический прецедент.....	203
<i>Джунгвон Чунг</i> (Чхонджу)	
Русизмы в корейском языке и кореизмы в русском языке.....	215
<i>М. В. Шульга</i> (Москва)	
Именительный-винительный множественного на -á: ограничения и морфологическая функция в системе склонения	237

Язык и культура

<i>В. Н. Виноградова</i> (Москва)	
Об «образе автора» в сатирической прозе XIX в.: М. Е. Салтыков-Щедрин	249
<i>М. Петшак, Я. Носович</i> (Варшава)	
Роль поэтического текста в современном художественно-культурном образовании.....	259
<i>Ji-Hyun Hwang</i> (Stockholm)	
Using the word and concept “polyphony” as a communicative strategy in non-philological discourses: a case study on applying words and concepts from Russian philology to generate interdisciplinary discourses on sustainable development and leadership	269

CONTENTS

<i>M. A. Puzina</i>	
Preface	11

History of the Russian Language

<i>Z. I. Godizova</i> (Shenzhen)	
Verbs of Total and Excessively Multiple Manners of Action in Diachronic Aspect.....	13
<i>A. F. Zhuravlev</i> (Moscow)	
On the Owl, Which Is Fine, and the Nightingale, which Has Nothing to Do with It	25
<i>S. I. Iordanidi</i> (Moscow)	
Semantic-Word-Forming Description of Derivatives with Unique Suffixes in the History of the Russian Language II.....	34
<i>N. Ya. Kozel</i> (Moscow)	
On the History of the Word <i>Prokhindey</i> and Its Lexical Variants	43
<i>I. M. Ladyženskij</i> (Moscow)	
Complex Cases of Identification of Old Russian Uncial Handwriting and the Problem of Relative Dating of Codices Created by One Scribe.....	57
<i>L. V. Prokopenko</i> (Moscow)	
Дунѣ or В(Ѣ)Дунѣ: Once More on the Mysterious Word from the Life of Princess Olga	76

Word Formation

<i>S. I. Bogdanov, Yu. V. Menshikova</i> (Saint-Petersburg)	
Structural Morphological Analysis as a Criterion for Distinguishing Homonymy and Multifunctionality of a Word.....	90
<i>R. Dragičević</i> (Belgrade)	
Verbal Transprefixation in Serbian Language.....	104
<i>P. S. Dronov</i> (Moscow)	
Idiom Variants Based on Word-Formation	114
<i>N. A. Nikolina, Z. Yu. Petrova</i> (Moscow)	
Lexicalization of Affixes in Modern Russian Prose	124
<i>E. V. Petrukhina</i> (Moscow)	
Intra-Verbal Word Formation in Russian and Czech Languages: (A Systemic-Functional Comparison).....	133
<i>N. B. Pimenova</i> (Moscow)	
‘Agent’ and ‘Instrument’ Syncretism in Russian Word Formation: Some Typological Notes	145
<i>L. V. Ratsiburskaya</i> (Nizhniy Novgorod)	
Expressive-Evaluative Affixes in the “Dictionary of Word-Formation Affixes of the Modern Russian Language” by V. V. Lopatin and I. S. Ulukhanov and in Modern Derivational Processes.....	153

<i>V. S. Elistratov, I. V. Ruzhitsky</i> (Moscow)	
Some Debatable Issues of the Theory of Univerbation (on the material of V. S. Elistratov's "Explanatory Dictionary of Living Russian Speech").....	161
<i>L. L. Shestakova, A. S. Kuleva</i> (Moscow)	
Numerals and Their Derivatives in the "Dictionary of the Language of Russian Poetry (20 th Century)": From the Experience of Observations	170

Lexicology. Grammar

<i>E. M. Lazutkina</i> (Moscow)	
The Concept "Set" in Grammatical Semantics of the Russian Language.....	180
<i>I. Mel'čuk</i> (Montréal)	
Psychological Predicate PLEVAT'III.2b	189
<i>I. V. Nechaeva</i> (Moscow)	
The Spelling of the Latest Borrowings and the Spelling Precedent.....	203
<i>Jungwon Chung</i> (Cheongju)	
Russian Loanwords in Korean and Korean Loanwords in Russian	215
<i>M. V. Shulga</i> (Moscow)	
Nominative-Accusative Plural in -Ā: Limitations and Morphological Function in the Declension System	237

Language and Culture

<i>V. N. Vinogradova</i> (Moscow)	
On the Image of the Author in Satiric Prose: M. E. Saltykov-Shchedrin	249
<i>M. Pietrzak, Ya. Nosovich</i> (Warsaw)	
The Role of Poetic Text in Artistic and Cultural Education	259
<i>Чжу-Хюн Хван</i> (Стокгольм)	
Использование слова и концепции «полифония» как коммуникативной стратегии в нефилологических дискурсах: пример применения слов и концепций из русской филологии для создания междисциплинарных дискурсов об устойчивом развитии и лидерстве	269

Предисловие

Настоящий выпуск «Трудов Института русского языка им. В. В. Виноградова» посвящен 90-летию выдающегося ученого, специалиста в области истории русского языка, словообразования, морфемики, лексикологии и грамматики современного русского языка, доктора филологических наук, профессора Игоря Степановича Улуханова.

Игорь Степанович Улуханов родился 31 мая 1935 г. в Москве, окончил филологический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова и с 1958 по 2022 г. работал в Институте русского языка АН СССР (РАН), где в 1966 г. защитил кандидатскую диссертацию на тему «Славянизмы в русском языке (Глаголы с неполногласными приставками)», а в 1975 г. — докторскую диссертацию на тему «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания». Проф. И. С. Улуханов является автором более трехсот работ, в том числе десяти монографий, многие из которых неоднократно переиздавались и получили высокую оценку в России и за рубежом.

Научные интересы ученого охватывают русский язык в его синхронии и диахронии, что крайне редко встречается в русской филологической науке.

Вопросам истории русского литературного языка была посвящена первая монография автора «О языке Древней Руси» (1972). Книга, написанная в научно-популярной форме, стала своего рода бестселлером и выдержала три переиздания (2002, 2009, 2015). В простой и доступной форме в ней рассматривается формирование и развитие основных разновидностей письменного и устного языка Древней Руси с XI по XVII в. Автор показывает, как взаимодействовали между собой книжные и народно-разговорные элементы языка, как на протяжении веков изменялось значение слов, одни грамматические формы сменялись другими и происходило формирование словарного состава и грамматики современного русского языка.

В 1986–2003 гг. И. С. Улуханов возглавлял отдел истории русского языка Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН. Начиная с третьего тома и по сей день он входит в состав редколлегии Словаря древнерусского языка (XI–XIV вв.), под его руководством были опубликованы 5-й и 6-й тома этого словаря.

С точки зрения диахронии рассматривается язык в книге «Историческое словообразование. Историческая лексикология» (2012). В ней демонстрируются новые возможности изучения истории русского языка, открывающиеся благодаря

расширению базы источников за счет публикаций памятников древнерусской письменности и продолжающегося издания фундаментальных лексикографических трудов (исторических, этимологических и диалектных словарей).

Но главным делом жизни Игоря Степановича стало изучение русского словообразования. Совместно с В. В. Лопатиным им был написан раздел «Словообразование» для академической «Русской грамматики» 1980 г., которая была переиздана в 2005 г. и по сей день является основным справочником и учебным пособием для все новых поколений языковедов. За эту работу он был в составе авторского коллектива удостоен Государственной премии СССР. С 1994 по 2008 г. И. С. Улуханов был председателем созданной по его инициативе и благодаря его усилиям Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов.

Словообразованию посвящены практически все крупные труды ученого: «Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания» (1977, 2001, 2004, 2007, 2012), «Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация» (1996, 2008), «Славянизмы в русском языке: Глаголы с неполногласными приставками» (2004, 2010), «Zur Theorie der russischen Wortbildung» (2004), «Мотивация в словообразовательной системе русского языка» (2005, 2010), «Словообразование. Морфонология. Лексикология» (2012), «Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями (2015) и Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами» (2017). Значительным событием для отечественной филологической науки стал подготовленный И. С. Улухановым в соавторстве с В. В. Лопатиным «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» (2016).

Проф. Улуханов является одним из создателей вышедшего в 2007 г. «Русско-немецкого словаря новых слов». В печати находится словарь «Новые фиксации глаголов в русских текстах XX–XXI вв.», который включает более шести тысяч глаголов, употребленных в художественной литературе, прессе и устной речи XX в. (преимущественно во второй половине века) и XXI в., не зафиксированных в завершенных толковых словарях русского языка.

Много сил И. С. Улуханов отдал подготовке нового поколения лингвистов. Он преподавал в МГУ, Российском университете дружбы народов, Московском открытом университете. Выступал с курсами лекций и докладами в университетах и научных центрах Австрии, Армении, Болгарии, Великобритании, Германии, Италии, Польши, Словакии, США, Украины, Финляндии, Чехии, Южной Кореи, где до сих пор продолжают работать вдохновленные его примером последователи. Под его руководством защищены двенадцать кандидатских диссертаций.

В посвященный юбилею И. С. Улуханова выпуск журнала вошли статьи его учеников и коллег по работе в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН и Комиссии по словообразованию при МКС. В соответствии с научными интересами ученого в сборнике выделяются разделы «История русского языка», «Словообразование», «Лексикология. Грамматика» и «Язык и культура».

М. А. Пузина

ИСТОРИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

З. И. Годизова

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь

(КНР, Шэньчжэнь)

godizovazi@rambler.ru

ГЛАГОЛЫ ТОТАЛЬНОГО И ЧРЕЗМЕРНО-КРАТНОГО СПОСОБОВ ДЕЙСТВИЯ В ДИАХРОНИЧЕСКОМ АСПЕКТЕ

В статье рассматривается история возникновения значений тотального и чрезмерно-кратного способов действия, выражаемых приставкой *из-* и конфиксом *из-...-ся*, динамика их развития с XI в. по настоящее время. Интерес к этим способам глагольного действия обусловлен тем, что они выражают целый комплекс акциональных значений (интенсивность, длительность, часто кратность, рассредоточенное воздействие на объект, негативный результат), отличаются стилистической маркированностью, выразительностью, регулярностью функционирования в современном русском языке. В качестве материала для исследования послужили данные исторических словарей, а также Национального корпуса русского языка. Установлено, что истоки тотального способа действия уходят в праславянскую эпоху, в древнерусском языке эти глаголы появляются в результате семантического и морфемного словообразования; в старорусском языке количество их значительно увеличивается за счет расширения семантических разрядов базовых глаголов. В современном русском языке словообразовательные типы, соответствующие этому способу действия, являются продуктивными и регулярными. Выявлено, что немногочисленные глаголы со значением чрезмерно-кратного способа действия, маркированные конфиксом *из-...-ся*, встречаются уже в XI–XII вв. Образование глаголов этого способа действия именно конфиксальным способом стало происходить только с XV–XVI вв. В современном русском языке глаголы чрезмерно-кратного способа действия выражают целый комплекс аспектуальных значений (интенсивность, длительность, кратность, отрицательное состояние субъекта, проявляемое как утомление, негодность, исчерпанность, приобретение (утрата) негативных особенностей, черт характера, привычек и т. д.); эти глаголы регулярны, продуктивны, характеризуются преимущественно разговорной окраской.

Ключевые слова: тотальный способ действия, чрезмерно-кратный способ действия, негативные последствия действия, интенсивность, длительность, кратность, рассредоточенное воздействие на предмет, динамика развития, функционально-стилистическая окраска.

В современном русском языке имеется группа способов глагольного действия (СД), выражающих целый комплекс акциональных значений — интенсивность, длительность, часто кратность, рассредоточенное воздействие на объект, негативный результат. Рассмотрим два СД, маркированных приставкой *из-* и конфиксом *из-...-ся*, — глаголы тотального и чрезмерно-кратного СД. Интерес именно к этим глаголам обусловлен тем, что в современном русском языке они эксплицитно выражают значение негативного результата действия, отличаются яркостью, выразительностью, многочисленностью, регулярностью функционирования.

Целью данной работы является выявление путей возникновения значений тотального и чрезмерно-кратного способов действия, выражаемых приставкой *из-* и конфиксом *из-...-ся*, описание динамики их развития с XI в. по настоящее время. При этом мы будем опираться на языковой материал (включая толкования значений и контексты функционирования интересующих нас глаголов), выделенный из словарей, а также из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) — при анализе их функционирования в современном русском языке.

Приставка *из-* привлекала внимание исследователей на историческом [Богданова 1961; Белозерцев 1966; Ежкова 1998; Годизова 2007] и на современном материале [Вараксин 1996; Добрушина 1997; Добрушина, Меллина, Пайар 2001]. Описывались словообразовательные типы с этой приставкой, предпринимались попытки найти общую идею, присутствующую во всех ее значениях, установить логические связи между этими значениями; проводились сравнения приставки *из-* с синонимичной ей приставкой *вы-* в семантическом и стилистическом отношении.

Обратимся к истокам формирования указанных значений приставки *из-*, проследив их развитие вплоть до современного русского языка. Первичными значениями приставок считаются пространственные, из которых в дальнейшем развиваются вторичные, более абстрактные значения в результате сложных процессов. Компонентный анализ глаголов движения, в которых пространственное значение приставки *из-* представлено в наиболее незамутненном виде, позволил вычленить основные семы, формирующие локальное значение приставки *из-*: исходная точка движения, отдаление от нее, приближение к конечной точке в пространстве, с достижением которой действие прекращается (*изходити* — ‘выходить; брать начало, вытекать; исходить, изливаться // выделяясь, распространяться’ [Бархударов (гл. ред.) 1979]; *извести* — ‘вывести’ [Срезневский 2003]; *исступити* — ‘отделиться, отступить’ [Срезневский 2003], ‘выйти откуда-то’ [Бархударов (гл. ред.) 1979] [Годизова 2007: 103]. Пространственно-результативное значение приставки *из-* явилось источником для вторичных значений, включая тотальное и чрезмерно-кратное.

Всего выбрано глаголов с тотальным значением 41 [Бархударов (гл. ред.) 1979], из них глаголы конкретных действий, направленных на предмет, составляют 32, глаголы изменения состояния предмета — 6, глаголы движения — 2, глаголы речи — 1.

Данные исторических словарей позволяют предположить, что значение тотального СД берет начало в древнерусском языке. При взаимодействии приставки *из-* с глаголами конкретных действий, направленных на предмет, актуализировалась

одна из сем, составляющих пространственное значение приставки *из-*, — сема «конца», проявляющаяся в глаголах движения как «достижение конечной точки в пространстве», а в сочетании с другими глаголами — как «достижение крайнего предела в развитии действия» в результате рассредоточенного воздействия на весь объект или субъект, означающего чрезмерно интенсивное проявление действия, в силу чего объект или субъект действия часто переходят в негативное состояние [Годизова 2007: 105].

Некоторые глаголы подобной морфемной структуры имеются уже в праславянском языке, они зафиксированы в «Этимологическом словаре славянских языков» [Трубачев (ред.) 1983]. Словарные определения значений глаголов, а также приводимый в словарях иллюстративный материал позволяют заключить, что семантика интенсивности актуализируется в некоторых из этих глаголов только в древнерусском языке.

Деривация происходит двумя путями: 1) с присоединением специальных языковых средств к производящей базе (морфемный, морфологический путь) и 2) без присоединения особых средств, а путем переосмысления производящей базы (семантический путь) [Марков 1980]. Проблемы семантической деривации разрабатывались достаточно активно, признано само понятие «семантическая деривация» [Апресян 1974], расхождения касаются только языковой квалификации ее результатов (новые слова или новые значения). В указанных ниже глаголах семантика интенсивности возникает без присоединения специальных словообразовательных формантов, то есть в результате семантической деривации:

изъѣсти — ‘растерзать, **изгрызть**’ [Аванесов (гл. ред.) 1991]; ‘**искусать**’ [Бархударов (гл. ред.) 1979];

иссѣчи — ‘вырубить, высѣчь; **изрубить, избить**’ [Срезневский 2003]; ‘**изрубить, зарубить**’ [Аванесов (гл. ред.) 1991]; ‘**изрубить (на куски)**’ [Бархударов (гл. ред.) 1979].

Другие глаголы тотального способа действия образуются в древнерусском языке морфемным способом: *истерзати, издрати, изболѣти, испряжити, истыкати* и др.

В старорусскую эпоху тотальное значение получает дальнейшее развитие.

В глаголах *избости, изколоти* (и *исклати*), *исслѣдити, изрѣзати, иссушити, искльвати, избити, издробити, изсѣхнути, измокнути, исхудѣти* и др. результативно-пространственное значение трансформируется в тотальное:

избости — ‘**прободать**’: о тебѣ врагы наша *избодемъ* рогы Пс 43, 6 Снм. [Цейтлин и др. (ред.) 1999]; ‘выколоть; вырезать’: повеле вчи его *избости* и азыкъ оурѣзати. Прл XIII, 376. [Аванесов (гл. ред.) 1990]; ‘**исколоть, изранить**’: Нази ходяще и боси нози *избодоша* тернием. Радзив. лет., 128 об. [Бархударов (гл. ред.) 1979];

изколоти (и *исклати*) — ‘**заколоть**’ (ГА XIII–XIV, 168а.) [Аванесов (гл. ред.) 1991]; ‘**изранить колющим оружием или орудием**’. Одново смерти убили, а другово *изкололи*. Польск.д.I, 68. 1492 г. И нашли, государь, и на насъ колыванские нѣмцы и у насъ, государь, дву челоуѣкъ *искололи*: одинъ лежитъ

в конце живота а другой боленъ. Ревел.а.І, 220. 1568 г.; **‘исколоть, изрубить; измельчить, раскалывая что-л.’** *Исколонъ дубъ въ засѣкъ на доски.* Ряз.зас. кн., 52. 1659 г. Герман игумен тѣ *хором(ы) исколов* сметал (в) воду. АСВР II, 92. 1451 г. [Бархударов (гл. ред.) 1979].

Из приведенных контекстов отчетливо видно, что глаголы *избости, изколоти* в старорусских текстах выступают уже не в результативном значении («прободать», «заколоть»), а в тотальном — «подвергнуть рассредоточенному воздействию весь объект или субъект».

В старорусском языке в качестве базовых по-прежнему представлены в основном глаголы конкретных действий, направленных на предмет, число которых возрастает вчетверо (*изгрызти, измарати, искрошити, изранити, изорвати, изрубити, истоптати* и т. д.); однако появляются глаголы и других семантических групп — движения, речи, изменения состояния предмета (*избродити, изляяти, изболѣти, иззябнути, измокнути, изнемочи* и др.).

В выражении семантики интенсивности в древнерусскую и даже в старорусскую эпоху значительна роль контекста, благодаря которому возможно часто идентифицировать интенсивное значение, а не пространственно-результативное (обстоятельства образа действия (*измаравъ кровию вельми; поле ржи гораздо ж изброжено; изрѣзавъ* простой хлѣбъ *въ части*); важен и общий смысл высказывания (одново смерти убили, а другово *изкололи*; а просвиру ту... что тараканъ *изгрызъ девять дыръ сдѣлалъ*).

В дальнейшем в некоторых глаголах тотальное значение несколько расширяется, включая не только семантику «рассредоточенного воздействия на объект или субъект», но и значение «израсходовать предмет в результате действия, названного мотивирующим глаголом»:

искроити — **‘изрезать’** [Бархударов (гл. ред.) 1979] (ср. **‘расходовать, тратить при кройке’** [Бабкин, Сорокин (ред.) 1956]);

исстрѣляти — **‘изранить** (в нескольких местах); прострелить во многих местах’ [Бархударов (гл. ред.) 1979] (ср. **‘расходовать при стрельбе’** [Бабкин, Сорокин (ред.) 1956]).

Представляет интерес оценка глаголов тотального СД, зафиксированных в древнерусском и старорусском языке, с точки зрения стилистической и генетической. Идея соотнесения функциональной и генетической классификации лексического состава языка Древней Руси, а также критерии, позволяющие определить стилистическую окраску слов, принадлежат И. С. Улуханову [Улуханов, Солдатенкова 2002 и др.] и позволяют с большой долей достоверности установить как стилистическую (в значительной степени — жанровую), так и генетическую природу того или иного глагола. В качестве таких критериев определены следующие факторы: 1) характер памятников, в которых слово зафиксировано (на основании данных словарей [Аванесов (гл. ред.) 1990], [Бархударов (гл. ред.) 1979], частично [Срезневский 2003]); 2) наличие/отсутствие слова в говорах; 3) формальные показатели слова; 4) учет системных связей и отношений (стилистические синонимы, омонимическое

отталкивание и т. п.); 5) семантический критерий (например, тяготение некоторых семантических групп к памятникам определенной жанровой принадлежности) [Улуханов, Солдатенкова 2002]. При этом следует иметь в виду, что под стилистической классификацией слов мы подразумеваем в значительной степени жанровую классификацию, так как полноценные функциональные стили речи еще не были сформированы в указанный период.

Выводы о генетической принадлежности глаголов делаются на основании вышеуказанных критериев, а также их наличия или отсутствия в исторических словарях. Например, глаголы *издробити*, *изляяти*, *иззябноути* квалифицируются как новообразования церковнославянского языка, поскольку они отсутствуют в [Трубачев (ред.) 1983] и в [Цейтлин и др. (ред.) 1999], зато они зафиксированы в словаре церковнославянского языка [Востоков 1858]. Функционирование этих глаголов в памятниках церковно-книжных, светских и в деловой письменности позволяет определить их стилистическую окраску как нейтральную.

С точки зрения стилистической глаголы тотального СД с приставкой *из-* являются преимущественно нейтральными. По происхождению они определяются как восточнославянские новообразования (*изболѣти*, *искрошити*, *исстрѣяти*, *истыкати*, *изорвати*, *измарати*, *изгрызти*, *исколоупати*, *истоптати*), а также — старославянизмы (*изломати*, *исхудѣти*), церковнославянизмы (*издробити*, *изляяти*, *иззябноути*), восточнославянские рефлексy праславянских слов (*иссѣчи*); некоторые относятся к праславянской лексике (*изъѣсти*, *изрѣзати*, *избити*).

Например, глагол *иссѣчи* чаще встречается в книжных памятниках, реже — в деловой письменности, он является восточнославянским рефлексом праславянского слова *jъzŕĕkti. Его стилистическую окраску можно определить как нейтральную на основании того, что он употребителен и в летописях, причем в контекстах, близких к разговорным.

Праславянское слово *изъѣсти* в тотальном значении (‘растерзать, изгрызть’, ‘разесть, изесть’ — [Аванесов (гл. ред.) 1991], ‘искусать’ — [Бархударов (гл. ред.) 1979]) распространено как в книжной письменности, так и в деловой, что говорит о его нейтральности, причем в древнерусском языке оно представлено в книжных памятниках, а в старорусском — в памятниках деловой письменности.

Следует подчеркнуть, что характерной особенностью данного словообразовательного типа является его стилистическая эволюция — чем дальше от древнерусской эпохи, тем менее книжным он становится. Это можно объяснить активным взаимодействием разных типов речи русского языка, особенно в разнотильных произведениях.

Нейтральную стилистическую окраску имеет и глагол *изломати*, который в значении ‘изувечить, искалечить’ зафиксирован в книжных памятниках, в летописях, причем в контекстах, в большей степени приближающихся к летописному рассказу, и в деловой письменности:

изломати — И *изламааху* [пленных], опако руцѣ связавше, и гвозды желѣзные посреди главы вбивааху имѣ. Соф. I лет., 25. Ввалилися в яму, у хлѣбную, и тутѣ коня покинулѣ, потому что ево *изломало*. Дон.д. II, 220.

1641 г. Купить гробъ... на умершаго мальчика... которого *изломаль* старецъ въ Осиповѣ монастырѣ. Заб.мат. I, 256. XVII в.; Авв.Ж. 1673 г. [Бархударов (гл. ред.) 1979].

Очень употребительным и многозначным на всем протяжении рассматриваемого периода является глагол *избити*. Особенно часто он встречается в летописях. В тотальном значении ('избить, нанести побои') он отмечен с XIV в. как в книжных памятниках, так и в памятниках делового характера:

избити — Нападоша на ны множество агарянь умръшу князу ихъ и елики убо оца обрѣтоша въ окрѣстных мѣстех, *избиша* немлѣвно. Пов.Ам., 3. XIV в. Меня Марьицу *избилъ* и изъ ушей выхватилъ серги серебряные. АХУ III, 19. 1626 г. Напрасно ты протопопа тово кнутомъ тѣмъ *избилъ*. Ав.Ж., 36. 1673 г. [Бархударов (гл. ред.) 1979].

Более редки глаголы с книжной стилистической окраской, определяемые как праславянизмы (*избости*, *иссучити*, *измокнути*), старославянизмы (*исклати*, *изсѣхнути*, *исслѣдити*, *иссушити*, *изнеможи* (*изнемочи*) и церковнославянизмы (*исклѣвати* (*искльвати*)).

Эти глаголы встречаются в тотальном значении только в церковно-книжных памятниках, например:

изнемочи — 'изнемочь, ослабеть, лишиться сил': бити и. дондеже *изнеможе*. ЖФП XII, 28г; носимѣ быти на рамѣ. и егда *изнеможесть*. прѣлагаетъ на другое рамо. КЕ XII, 278а; аще болни боудоуть... да не *изнемогоуть* постомъ. КН 1280, 513г [Аванесов (гл. ред.) 1991].

Менее всего представлены глаголы с разговорной окраской, являющиеся по происхождению восточнославянскими рефлексам праславянских слов (*исколо-ти* — данный глагол отражает восточнославянский рефлекс: полногласие) и восточнославянскими новообразованиями (*издрати*, *избродити*, *изранити*, *изрубити*, *исстрѣляти*).

Например, глагол *издрати* в тотальном значении ('издрать, разорвать') встречается с XIII в. в светских памятниках и в деловой письменности:

Лучшие в ветчанѣ портищи и во издранныхъ сапозѣхъ на своеи воли, нежели в багряницы в работѣ. Сл.Дан.Зат., 105. XVII в. ~ XIII в. Кушачишко худо изодрано, бывало тафтяно. Оп.им.Тат., 3. 1608 г. [Бархударов (гл. ред.) 1979].

Глаголы *избродити*, *изранити*, *изрубити*, *исстрѣляти* зафиксированы в памятниках деловой письменности и в светских произведениях с XVII в., глагол *изрубити* имеется в говорах.

В современном русском языке выделяют три типа, соответствующие тотальному СД. Основными семами, характерными для этих типов, являются интенсивность, охват действием многих мест в рамках объекта или субъекта и уничтожение, израсходование объекта или субъекта [Лопатин, Улуханов 2016: 93–94].

Интересна стилистическая динамика глаголов тотального СД с приставкой *из-* — если в древнерусском и старорусском языках это были глаголы нейтральной и книжной стилистической окраски, то в современном русском языке тотальный СД в значительной степени представлен стилистически сниженными глаголами (*изволохоть, издырывать, измордовать, измудохоть, избидеть, изодрать, изработать, изругать, истрепать, исиоркать*). Имеются и глаголы с нейтральной окраской (*избить, издрогнуть, иззябнуть, изломать, измучить, измять, изрезать, изрубить, истерзать*). В современном русском языке тотальные глаголы активно представлены в разнообразных произведениях — от русской классики до современной литературы (Ф. М. Достоевский, Н. В. Гоголь, но также и М. М. Зощенко, В. М. Шукшин, В. В. Быков, В. П. Астафьев и др.), например: *Не успела она еще **износить** с тех пор башмаков, как ходит уже в чужом шелку и щеголяет чужими бриллиантами...* (Чехов. Драма на охоте. 1884)¹; *Лаврецкий затрепетал весь и бросился вон; он почувствовал, что в это мгновение он был в состоянии **истерзать** ее, **избить** ее до полусмерти, по-мужицки, задушить ее своими руками* (Тургенев. Дворянское гнездо. 1859); *«Расхотелось мужикам бить Кольку-дзыка. Они **изволохали** Рубакина и дали ему лопату...* (Астафьев. Жестокие романсы (2000) // «Знамя», 2001).

Непереходные глаголы тотального СД, обозначающие крайнюю степень негативного изменения состояния субъекта, встречаются реже, например: *Господин Голядкин вздрогнул; но перед ним стоял его извозчик, тоже весь до нитки **измокий** и продрогий, от нетерпения и от нечего делать вздумавший заглянуть к господину Голядкину за дрова* (Достоевский. Двойник. 1846); ***Издрогий** и измученный, врывается Кобыльников в переднюю желанного дома и долгое время поправляет потерпевшие от снега части своего туалета* (Салтыков-Щедрин. Невинные рассказы / Для детского возраста. 1857–1863).

Глаголы конфиксального чрезмерно-кратного СД, имеющие значение «отрицательно оцениваемой крайней степени (меры) кратного проявления действия (выраженного исходным глаголом), характерного для данного субъекта» [Бондарко (отв. ред.) 2017: 80], — явление более позднее, чем тотальный СД, как и все конфиксальные глаголы. В древнерусском языке имеются лишь единичные глаголы с формантом *из-* ... *-ся* в этом значении. Первоначально чрезмерно-кратный СД, вероятно, был приставочным — образования без постфикса *-ся* с подобной семантикой являются более древними (глаголы *излюбодѣати, извоевати* зафиксированы уже в XI–XII вв. (например, *излюбодѣати* — ‘дойти до предела в прелюбодеянии’ [Бархударов (гл. ред.) 1979]), а конфиксальные глаголы зафиксированы лишь с XV–XVI вв.:

извоеватися — ‘**находясь в постоянных войнах, обессилеть**’. Разумѣти можем... вся вкупѣ языки скотолѣпнѣ живша дотолѣ и по подобию сыроядцов звѣрей другъ къ другу *извоевашася*. М.Гр.Неизд.ІІІ, 556 об. XVI в. [Бархударов (гл. ред.) 1979];

¹ Здесь и далее примеры из текстов XIX и XX вв. взяты из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

изоспатися — ‘переспать, поспать слишком много’. А в ночи не сонлива, а на мѣтву не встанлива, а *изоспався* ему станание и печаль ему наложу на срѣце. Сб.Кир.—Б.м., 64. XV в. [Бархударов (гл. ред.) 1979];

иструдитися — ‘истощить силы, устать’: и то ре(ч) ему король... а ты сѧ прави с кимъ ти вбѣда есть аче ти сѧ полки *иструдать*... ЛИ ок. 1425, 140 (1149); Даниль бо и вои его бѣ *истроудишасѧ*. Поплѣнили бо бѣ всѣ Черниговьскыя страны. Воевалъ бо бѣ в(т) крѣщения до вознесения. Там же, 216 об. (1234) [Аванесов (гл. ред.) 1991]; ‘**перегрузить себя работой, стать изможденным, слабым (в результате чрезмерных трудов, болезней, ран и т. п.)**’. И оградившее около горы и *иструдивше сѧ паче силы*, съвръшиша дѣло славно. Флавий. Полон. Иерус. II, 80. XVI ~ XI в. (1234) [Бархударов (гл. ред.) 1979].

Говорить о стилистической окраске глаголов чрезмерно-кратного СД в древнерусском и старорусском языках не имеет смысла ввиду их немногочисленности.

В современном русском языке глаголы этого СД довольно частотны (34 глагола выбраны из НКРЯ методом сплошной выборки). Определения данного словообразовательного типа, данные в РГ-80 [Шведова (гл. ред.) 2005] и в словаре В. В. Лопатина и И. С. Улуканова, позволяют выделить наиболее характерные для него семы: «интенсивность», «длительность», «кратность», «отрицательное состояние субъекта, проявляемое как утомление, негодность, истощенность, приобретение (утрата) негативных особенностей, черт характера, привычек и т. д.» [Лопатин, Улуканов 2016: 93].

Чрезмерно-кратный СД характеризуется более эксплицитным выражением семантики негативных последствий действия, чем тотальный СД, что обусловлено присутствием постфикса *-ся*, способствующего усилению активности субъекта, а значит — и чрезмерности действия, вызывающей негативные последствия. Чрезмерно-кратные глаголы очень частотны в произведениях художественной литературы, особенно они характерны для разговорной речи и просторечия, например: — *Откуда что взялось! Надо же так уесть бабу. А вот не будешь психовать зря. А то стоит — вся изозлилась* (Шукшин. Сапожки. 1970); *Украсть на полтинник, а измучиться на сто рублей — разве это не каторга?* (Салтыков-Щедрин. Сборник. 1875–1879); — *Как нужно исподличаться и изолгаться, чтобы написать такую вещь, — сказал я* (Лазаревский. Дневник. 1902).

Таким образом, тотальный и чрезмерно-кратный СД выражают сложный комплекс акциональных значений, включая семантику негативного результата действия. Рассмотрев историю возникновения и динамику развития указанных СД с XI в. по настоящее время, мы установили, что значения этих СД развились из пространственного значения приставки *из-*. Семантика тотального СД появляется в древнерусском языке в результате семантического и морфемного словообразования, количество тотальных глаголов увеличивается в старорусском языке за счет расширения семантических разрядов базовых глаголов. В современном русском языке словообразовательные типы, соответствующие этому способу действия, являются продуктивными и регулярными. В процессе исторического развития

произошло некоторое изменение стилистической окраски глаголов тотального СД с префиксом *из-*: если в древнерусском и старорусском языках это в основном нейтральные и книжные, редко — разговорные глаголы, то в современном русском языке это преимущественно глаголы с разговорной окраской, а также нейтральные глаголы.

Чрезмерно-кратный СД сформировался довольно поздно: наиболее ранние немногочисленные глаголы со значением чрезмерно-кратного СД (XI–XII вв.) являются приставочными, а единичные конфиксальные глаголы с этой семантикой появляются только в XV–XVI вв. В современном русском языке глаголы чрезмерно-кратного СД регулярны и продуктивны, характеризуются преимущественно разговорной окраской, хотя нейтральные глаголы тоже встречаются достаточно часто.

Литература

Аванесов Р. И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.): В 10 т. Т. 3. М.: Русский язык, 1990. 511 с.; Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 559 с.

Апресян Ю. Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М.: Наука, 1974. 367 с.

Бабкин А. М., Сорокин Ю. С. (ред.). Словарь современного русского литературного языка (в 17 томах). Т. 5. М.; Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1956. 1918 стлб.

Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 6. М.: Наука, 1979. 359 с.

Белозерцев Г. И. Соотношение книжно-славянских и народно-разговорных элементов в литературном языке XI–XVII вв. (на материале образований с приставками *из-* и *вы-* пространственного значения): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1966. 22 с.

Богданова В. А. Приставки *вы-* и *из-* в древнерусском языке // Вопросы русского языкознания. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1961. С. 5–19.

Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Введение. Аспектуальность. Временная локализованность. Таксис. М.: Editorial URSS, Ленанд, 2017. 352 с.

Вараксин Л. А. Семантический аспект русской глагольной префиксации. Екатеринбург: Изд-во Уральск. гос. ун-та, 1996. 179 с.

Востоков А. Х. Словарь церковнославянского языка: В 2 т. Т. 1. Изд. Второго отделения Императорской Акад. наук, 1858. 255 с.

Годизова З. И. Развитие интенсивных значений приставки *из-* в русском языке XI–XVII вв. // Вестник СПбГУ. СПб., 2007. Сер. 9. Вып. 3 (Ч. II). С. 103–111.

Годизова З. И. Становление семантической категории интенсивности в русском языке XI–XVII вв. Владикавказ: Изд-во СОГУ, 2018. 346 с.

Добрушина Е. Р. В поисках инвариантного значения приставки *из-* // Глагольная префиксация в русском языке: Сб. статей. М.: Русские словари, 1997. С. 121–140.

Добрушина Е. Р., Меллина Е. А., Пайар Д. Русские приставки: многозначность и семантическое единство. М.: Русские словари, 2001. 272 с.

Ежкова С. С. Соотношение глагольных префиксов вы- и из- в русском языке XVII в. // Русистика сегодня. 1998. № 3–4. С. 101–112.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: ИЦ “Азбуковник”, 2016. 812 с.

Марков В. М. Несколько замечаний о способах русского словообразования // *Slavia Orientalis*. 1980. № 1–2. S. 155–160.

Национальный корпус русского языка. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения: 16.08.2024).

Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам. В 3-х т. Т. 1. М.: Знак, 2003. 776 с.

Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Пра-славянский лексический фонд. Вып. 9. М.: Наука, 1983. 197 с.

Улуханов И. С., Солдатенкова Т. Н. О некоторых перспективах изучения исторической лексикологии русского языка // *Russian Linguistics*. № 26. 2002. Р. 29–62.

Цейтлин Р. М., Вечерка Р., Благова Э. (ред.) Старославянский словарь (по рукописям X–XI вв.). М.: Русский язык, 1999. 842 с.

Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика: В 2 т. Т. 1. М.: Ин-т русского языка им. В. В. Виноградова, 2005. 784 с.

Z. I. Godizova

Shenzhen MSU-BIT University

(P. R. China, Shenzhen)

godizovazi@rambler.ru

VERBS OF TOTAL AND EXCESSIVELY MULTIPLE MANNERS OF ACTION IN DIACHRONIC ASPECT

The article deals with the origin of total and excessively multiple manner of action expressed by the prefix *iz-* and the confix *iz-...-sya*, and the dynamics of their development from the 11th century to the present. These manners of verbal action are of the special interest since they express a whole range of actional meanings (intensity, duration, often multiplicity, dispersed impact on the object, negative result) and are distinguished by stylistic marking, expressiveness, and regularity of functioning in the modern Russian language. Data of Historical dictionaries as well as the Russian National Corpus provided the main language material for the research. It has been established that total manner of action dates back to the Common Slavic era. In Ancient Russian, these verbs appear as a result of semantic and morphemic word formation; in Old Russian their number increases significantly due to the expansion of semantic categories of basic verbs. In modern Russian, the word-forming types corresponding to this manner of action are productive and regular. Negative consequences of action in verbs of the total manner of action are manifested as a negative state of the object or subject, resulting from excessive

intensity or duration of an action, coverage of the entire surface of the object by an action. The research revealed that in the course of historic development the stylistic colouring of verbs of the total manner of action with the prefix *iz-* — has changed from bookish and neutral to predominantly colloquial. It has been ascertained that a few verbs with the meaning of an excessively multiple manner of action, marked with the prefix *iz-*, are already found in the 11th – 12th centuries; the formation of verbs of this manner of action in confixal way took place only in the 15th – 16th centuries. In modern Russian, verbs of an excessively multiple manner of action express a whole range of aspect meanings (intensity, duration, multiplicity, negative state of subject, manifested as fatigue, badness, exhaustion, acquisition (loss) of negative characteristics, character traits, habits, etc.); these verbs are regular, productive and characterized as predominantly colloquial.

Key words: total manner of action, excessively multiple manner of action, negative consequences of an action, intensity, duration, multiplicity, dispersed impact on the object, dynamics of development, functional and stylistic colouring.

References

Apresyan Yu. D. *Leksicheskaya semantika: Sinonimicheskie sredstva yazyka* [Lexical semantics: Synonymous means of language]. Moscow, Nauka Publ., 2010. 367 p.

Avanesov R. I. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka* (XI–XIV vv.): V 10 t. [Dictionary of the Old Russian language (11th — 14th centuries): In 10 vols.]. Vol. 3. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1990. 511 p.; Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1991. 559 p.

Babkin A. M., Sorokin Yu. S. (eds.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka (v 17 tomah)* [Dictionary of Modern Russian Literary Language (in 17 vols.)]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the Academy of Sciences of the USSR, 1956. 1918 clmn.

Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language 11th — 17th centuries]. Iss. 6. Moscow, Nauka Publ., 1979. 359 p.

Belozertsev G. I. *Sootnoshenie knizhno-slavyanskikh i narodno-razgovornykh elementov v literaturnom yazyke XI–XVII vv. (na materiale obrazovaniy s prstavkami iz- i vy-prostranstvennogo znacheniya)*: Avtoref. dis. ... kand. filol. nauk [The ratio of bookish — Slavic and folk-colloquial elements in the standard language of the 11th — 12th centuries. (On the material of formations with prefixes *iz-* and *vy-* of spatial meaning): Cand. philol. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1966. 22 p.

Bogdanova V. A. [Prefixes *vy-* and *iz-* in Old Russian language]. *Voprosy russkogo yazykoznaniya* [Questions of Russian Linguistics]. Saratov, Publ. House of the Saratov Univ., 1961, pp. 5–19. (In Russ.)

Bondarko A. V. (resp. ed.). *Teoriya funkcional'noi grammatiki. Vvedenie. Aspektual'nost'. Vremennaya lokalizovannost'. Taksis* [A theory of functional grammar. Introduction. Aspectuality. Temporal Localization. Taxis]. Moscow, Editorial URSS Publ., Lenand Publ., 2017. 352 p.

Cejtlin R. M., Večerka R., Blagova E. (eds.). *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vv.)* [Old Slavonic dictionary (based on manuscripts of the X–XI centuries)]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1999. 842 p.

Dobrushina E. R. [In search of invariant meaning of prefix *iz-*]. *Glagol'naya prefiksatsiya v russkom yazyke: Sb. statei* [Verb prefix in Russian: Collected papers]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 1997, pp. 121–140. (In Russ.)

Dobrushina E. R., Mellina E. A., Pajar D. *Russkie pristavki: mnogoznachnost' i semanticheskoe edinstvo* [Russian prefixes: polysemy and semantic unity]. Moscow, Russkie Slovarei Publ., 2001. 272 p.

Ezhkova S. S. [The correlation of verbal prefixes *vy-* and *iz-* in the Russian language of the 17th century]. *Rusistika segodnya*, 1998, no. 3–4, pp. 101–112. (In Russ.)

Godizova Z. I. [Development of intensive meanings of prefix *iz-* in Russian Language of the 11th — 17th centuries]. *Vestnik SPbGU*, 2007, ser. 9, vol. 3 (part II), pp. 103–111. (In Russ.)

Godizova Z. I. *Stanovlenie semanticheskoi kategorii intensivnosti v russkom yazyke XI–XVII vv.* [Formation of semantic category of intensity in Russian language of the 11th — 17th centuries]. Vladikavkaz, Publ. House of the North Ossetian State Univ., 2018. 346 p.

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language]. Moscow, PC “Azbukovnik”, 2016. 812 p.

Markov V. M. [Some comments on the methods of Russian word formation]. *Slavia Orientalis*, 1980, № 1–2, pp. 155–160. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru> (accessed 16.08.2024).

Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika: V 2 t.* [Russian Grammar: In 2 vols]. Vol. 1. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Institute Publ., 2005. 784 p.

Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovary drevnerusskogo yazyka po pis'mennym pamyatnikam* [Materials for the dictionary of the ancient Russian language on written monuments]. In 3 vols. Vol. 1. Moscow, Znak Publ., 2003. 776 p.

Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. The Proto-Slavic lexical Fund]. Vol. 9. Moscow, Nauka Publ., 1983. 197 p.

Ulukhanov I. S., Soldatenkova T. N. [On some prospects of studying the historical lexicology of the Russian language]. *Russian Linguistics*, 2002, no. 26, pp. 29–62. (In Russ.)

Varaksin L. A. *Semanticheskii aspekt russkoi glagol'noi prefiksacii* [The semantic aspect of Russian verb prefixation]. Ekaterinburg, Publ. House of the Ural State Univ., 1996. 179 p.

Vostokov A. H. *Slovar' cerkovnoslavyanskogo yazyka* [Dictionary of the Church Slavonic language]: In 2 vols. Vol. 1. St. Petersburg, The Second Department of the Imperial Academy of Sciences Publ., 1858. 255 p.

А. Ф. Журавлёв

Институт славяноведения РАН (Россия, Москва)

afzhuravlev@yandex.ru

О *СОВЕ*, С КОТОРОЙ ВСЁ В ПОРЯДКЕ, И *СОЛОВЬЕ*, КОТОРЫЙ НИ ПРИ ЧЁМ¹

В словарях восточнославянских языков продолжения праславянских глаголов **sověti* и **solvěti* (несовершенного вида) и их приставочные расширения **obsověti* ‘осоветь’ и **obsolvěti* ‘осоловеть’ (совершенного вида) нередко толкуются во взаимном соотношении (*sovīti* «те саме, що *solvīti*»; *osolověť* «то же, что *osověť*»), хотя мотивированность и той и другой однокоренных глагольных пар разная. Это неосмотрительное соотношение маловнимательному читателю внушает неоправданную идею словообразовательного и семантического параллелизма между самими производящими глаголами. В статье показывается несходство гнёзд **sov-* и **solv-*, отсутствие параллелей в сочетаемостных характеристиках обозначений ‘совы’ и ‘соловья’ в фольклоре и паремиологии (в отличие, однако, от авторской поэзии). Глагольные производные от цветообозначения *соловый*, которому принадлежит орнитоним *соловей*, и многочисленные дериваты от названий иных лошадиных мастей дают яркие примеры полной десемантизации корня в экспрессивном словообразовании. По соображениям автора, явление десемантизации (и транссемантизации) корня, недооцениваемое описательными грамматиками, должно стать предметом более внимательного и полновесного анализа.

Ключевые слова: деривация, мотивированность, семантический параллелизм, десемантизация корня, экспрессивная глагольная лексика.

Речь не столько о птицах сове и соловье, хотя и о них тоже, сколько о глаголах *осоветь* и *осоловеть*, точнее, об их мотивированности.

Оба глагола имеют бесприставочные формы несовершенного вида — *советь* и *соловеть*, однако отношения производности в однокоренных парах, по-видимому, прямо противоположны: **sověti* → **obsověti* (префиксация), но **solvěti* ← **obsolvěti* (депрефиксация).

Эти две глагольные пары включаются в праславянские реконструкции (см. ЭССЯ 30: 11, 16).

¹ Статья публикуется в авторской редакции.

Первая из них отмечена в восточно- и западнославянских языках: рус. *совѣть*, укр. *совіти*, белор. *савэць*, польск. *sowieć* — рус. *осовѣть* ‘впасть в расслабленное, дремотное состояние’ (начиная с XVIII в.: СлРЯ XVIII в. 17: 137), диал. ‘сильно удивиться, обеспамятствовать, лишиться разума на время’ (Дилакторский: 330), ‘приуныть, опечалиться, пригорюниться’, ‘впасть в болезненное состояние (о курах)’ (Орловский словарь, О: 158), ‘ослепнуть’ (Словарь Ср. Урала III: 71: *Топерь надо только жить, а я осовел*), укр. *осовіти*, белор. *асавэць*, польск. *osowieć* ‘нахмуриться, помрачнеть’, диал. ‘стать сонным’, ‘растрепать волосы’, ‘проявлять недовольство’, словин. *osońec* ‘опечалиться, помрачнеть’, *uosońec* ‘стать апатичным’, словац. диал. *osoviet’* ‘остаться одному, стать одиноким’ с причастными формами *osovetý*, *osovený* ‘подавленный, унылый’, ‘покинутый, одинокий’ (последние — SSN II: 648).

Вторая пара регистрируется только в восточнославянских языках: рус. *соловѣть*, укр. *соловіти*, белор. *салавэць* — рус. *осоловѣть*, диал. ‘обеспамятеть от боли, припадка’, ‘сильно опьянеть’ (СРНГ 24: 43), укр. *осоловіти* ‘стать сонным, расслабленным, полусознательным (от утомления, отравления, пьянства)’, белор. *асалавэць* ‘осоловеть’, диал. ‘утихнуть, стать неподвижным’ (*Асалавела дзіця, можа хворае?* — СПЗБ 1: 105).

Глаголы с теми же корнями, но с другими префиксами, следует рассматривать как более поздние: рус. (диал.) *посоветь*, *посоловеть*, *засоловеть* (СРНГ 11: 48; последние два глагола обещаны также в АОС — см. ОСАГ: 425)²; укр. диал. *засовитися* ‘спохмурніти, надутися (як сова)’, *посовиніти* ‘знепритомніти, сп’яніти’ (деадъектив), *усовитися* ‘стати похмурим, понуритися’ (см. ЕСУМ 5: 341), *посоловіти* и т. д.³

В словарях, включая авторитетные академические, беспрефиксные глаголы **sověti* и **solvěti* и их тождественноприставочные расширения аттестуются по преимуществу как вполне синонимичные и нередко толкуются взаимными отсылками; ср.: «**СОВІТИ** <...> Те саме, що **соловіти**» (СУМ 9: 436), «**Осоловѣть** <...> То же, что осоветь» (ССРЛЯ 8: 1154), «**ОСОЛОВІТИ** <...> Те саме, що **осовіти**» (СУМ 5: 780), «**АСАВÉЦЬ** <...> осоветь, осоловеть», «**АСАЛАВÉЦЬ** <...> см. **аса-вэць**» (БРС 1: 143, 144), «**ПОСОВІТИ** <...>, рідко. Те саме, що **посоловіти**» (СУМ 7: 351); «**ПАСАЛАВÉЦЬ** <...> см. **пасавэць**» (БРС 2: 135), «**ПАСАВÉТЬ** и **ПАСАЛАВÉТЬ** стать вялым, сонным», «**ПАСАЛАВÉТЬ** см. пасаветь» (Расторгуев: 199),

² Глагол влад. *отсовѣть* ‘отвалиться, отстать’ (СРНГ 24: 317) сюда отношения, насколько можно судить, не имеет.

³ Не всегда словарные аттестации характеризуются нужной корректностью. Так, дав глаголу *посоловіти* толкование ‘о глазах: посоловеть, потускнеть’, Гринченко (III: 366) сопроводил его текстом из Квитки-Основьяненко: «Не відмагається від другої (чарки)... очиці по с о л о в і л и ... з а щ е б е т а л а наша Оксана». Процесс опьянения («осоловления»), судя по нашим практическим наблюдениям, да простят эту наблюдательность собутельники, бывает по меньшей мере двухфазовым: потускнению сознания и дремотному состоянию обычно предшествует некоторое оживление, снятие скованности, которое и описано в приведённой цитате (: *защebetала*). Лексикограф же, имея в виду стадию, близкую к финальной, поторопился и допустил неточность.

«ПОСОВЕ́ЦЬ <...> Пасавець, пасалавець» (Тураўскі слоўнік 4: 192) и под. Тем самым читатель, не всматривающийся с нужной тщательностью в словообразовательную мотивированность этих глаголов, подталкивается к их осмыслению как деривативно близких, более того — вполне параллельных: если **sověti* — производное от орнитонима (**sova*), то и **solvěti*, постоянно присутствующее рядом, подсознательно верстается в ту же категорию, несмотря на то, что этот последний глагол является чересступенчатым производным от прилагательного **solvьjь*, непосредственно к «деорнитонимам» (← **solvьjь*) не относимого. Носитель языка, не искущённый в тонкостях реконструкции межгнездовых отношений, может сопрягать орнитоним **solvьjь* со смыслами ‘пьяный, осоловевший’ напрямую, ср. в записях говоров центральной Бойковщины: «*Очи як у соловія. Хто-небудь напідпитку, п’яний. Ни пив кажеш, а чого очи як у соловія?*» (Матіїв: 436; в статье «**Соловій** <...> Соловей (птих родини горобиних) <...>»). Смысловое («парадигматическое») сближение орнитонимов *сова* и *соловей* может опереться и на параллельность именных дериватов, ср. *совушка* : *соловушка*, укр. *совеня* ‘совёнок’: *соловеня* ‘птенец соловья’ и под., однако по причине едва ли не механической пропорциональности таких производных рассматривать их в качестве дополнительного аргумента особенного резона нет.

В подробном компендии А. В. Гуры «Символика животных...», привлекающем материал всех славянских этнических традиций, имена ‘совы’ и ‘соловья’ могут встречаться в параллельных фольклорных контекстах (*праменял салавья на ястреба* || *прамяняў саву ... на ястриба* — Гура 1997: 699), но вместе в пределах замкнутого жанрового «кадра» (пословицы, речения, фразеологизма, фольклорного сравнения и под.) они, насколько можно судить, не отмечаются.

В украинской фразеологии и паремиологии, если судить по богатому и компетентному собранию М. Номиса (М. Т. Симонова), имя *сова* встречается только в пределах текстуального «кадра» в парах с орнитонимами *куриця*, *сич*, *сокіл* (чаще прочих), *яструб*; текстуальных пересечений с орнитонимом *соловій* не отмечено: *Сова хоч би літала попід небеса, то соколом ніколи не буде; Коли сова зъяструбіє* ‘станет ястребом’, *то вище сокола літає; Не видала сова сокола, як уздріла, аж умліла; Сова знає, де кури ночують; Сова спить, та курей бачить; Ні сич, ні сова (не знають); Ніхто не буде знати — тільки сич та сова, та людей півсела; Сова не приведе / не уродить сокола; Видно сокола по політу, а сову по погляді; Дивуєця, як сич на сову; Похожий, як сова на яструба; Сокіл з місця, сова на місці* (Номис 1993; см. внутритекстовые адреса по указателю на с. 678).

Найти с помощью интернета текст, связывающий *сову* и *соловья*, нетрудно (скажем, в стихах Н. Горбаневской: «...и не выразишь / соловья, и не совьёшь сове / в свете дня гнезда...» с закруглением фразы в том же фонетическом ключе: «...в словесности своей»). Однако нам приглянулся другой стихотворный текст — перевод басни «Сова и соловей»⁴, где наши персонажи не упоминаются совместно

⁴ Касаться версификационных качеств что её украинского оригинала, что перевода здесь нет необходимости.

в более или менее отвлечённом плетении словес, а сталкиваются лоб в лоб и, согласно сюжету, делятся житейскими и искусствоведческими воззрениями: «... Сова вздохнула: — Нету слов! / Очаровал всех глас твой вещей. / Но будет больше певчих сов — / а станет грызунов ли меньше?» (С. В. Сыч, из книги «Яйце зозулі», изд-во «Щедрик», г. Стрый Львовской обл., 1996; пер. А. Туссейна).

Пернатые Strigidae ‘совы’ и Lusonia ‘соловьи’ мало похожи: первые — птицы довольно крупные, большей частью молчаливые и с весьма выразительными физиономиями, заставляющими предписывать их носительницам мудрость; вторые — мелкие, с блёклой внешностью, залиvistоголосые и явно далёкие от малейшего глубокомыслия. Сходство этих птиц в распространённых «преднаучных» представлениях ограничивается лишь двумя чертами: нестойкостью, склонностью к одиночеству — и преимущественно вечерним и ночным образом деятельности. Этого оказывается достаточным для их смыслового рифмования в толковых словарях, однако, как мы видели, не поддерживаемого фольклорной параллелизацией.

Этимологических трудностей глагол *осоветь* не вызывает: конфиксальное образование от **sova* ‘птица семейства Strigidae’ (ЭССЯ, 30, 16) со значением ‘уподобиться сове’. Если в восточнославянских продолжениях **obsověti* большей частью эксплуатируется идея вялости и сонливости, вплоть до слепоты («таму што совы, актыўныя ноччу, днём становяцца апатычнымі і соннымі» — ЭСБМ 11: 285), то лехитские глагольные сравнения преимущественно упирают на приписываемые птице утрюмость или наружную взъерошенность⁵.

С глаголом *осоловеть* несколько сложнее. Неся близкую семантику, он произведен не от орнитонима, а входит в гнездо прилагательного *солóвый*, диал. *соловóй* ‘желтоватый со светлым — о лошадиной масти’, ‘светлорыжий (о цвете волос)’, ‘седой’ (СРНГ 39: 278). Поиски этимологических связей этого прилагательного приводят к др.-исл. *solr* ‘грязный, желтый’, др.-в.-нем. *salo*, *salawêr* ‘мутный, темный’, н.-нем. *sól* ‘темный, грязный’, англ. *sallow* ‘бледный’ (Фасмер III: 712; Pokorný I: 879: **sal-uo*; Miklosich EW, 314; Преображенский, I, 664). По этой логике, *соловеть* — первоначально ‘мутнеть (о глазах)’, затем — ‘становиться сонным, с мутными глазами; разомлевать, пьянеть’. Близкая семантика у диалектного (пинез. арханг.) глагола с перфективирующим префиксом *по-* — *посоловѣть* ‘почувствовать недомогание, по бл е д н е т ь, о з я б н у т ь’ (СРНГ 30: 194), ‘п о б л е д н е т ь’ (Словарь Сибири 3: 414).

Формальные отношения между *осоловеть* и *осоветь* не слишком ясны, но во всяком случае вопреки уравниваниям, которые, как мы видели выше, навязываются разными толковыми словарями, гнёзда этих слов устроены не параллельным образом. К тому же мотивированность названия соловья вызывает некоторое когнитивное неудобство: птица, отмеченная несравненной одарённостью по части художественного вокала и ответно воспетая в мифологии, фольклоре и авторской поэзии, почему-то названа с оглядкой на тусклое оперение, которое делает её

⁵ Объяснение приведённого выше словац. *osoviet’* ‘стать, остаться одиноким’ как производного от *os* ‘ось’, *osovú’* ‘осевой’ (Варбот 2023: 151–152) очевидно ошибочно.

в естественных пространствах практически незаметной. Эстетической глухотой славян-ономатетов объяснить это затруднительно.

Однако обращает на себя внимание склонность диалектных адъективных именований лошадиных мастей, которым принадлежит упомянутое прилагательное *солóвый* / *солово́й*, к производству экспрессивных глаголов, у которых цветовая семантика как правило полностью погашается, непредсказуемо подменяясь совершенно несхожею, ср. (примеры только из СРНГ):

саврасый → *насавра́сить* ‘наложить в большом количестве; наполнить (кошёлку и т. п.)’, *насавра́ситься* ‘наколоться на что-либо острое’, *осавра́сить* ‘изнурить, лишить силы’, *отсавра́сить* ‘ловко устроить; приобрести, отхватить’, *присавра́сить* безличн. ‘резко изменить, ухудшить внешний вид кого-л.’; сюда же, с фонетической (/ графической) вариантно́стью корня, *пересовра́ситься* ‘резко измениться (в лице: побледнеть, похудеть)’, также в безличной форме — *пересовра́сило*;

гнедой → *гне́даться* ‘капризничать (о ребёнке)’, *разгне́даться* ‘расплакаться’⁶;

буланый → *набула́ниться* ‘наестся, напиться вдоволь’, *сбула́нить* ‘украсть что-л.’;

пегий → *пе́жить* ‘давить, душить’, ‘мучить’, ‘гнать, притеснять’, ‘с усилием, трудом идти, нести, тянуть что-либо’, ‘бранить’, ‘говорить нелепости, городить чушь’⁷, ‘жалить (о пчёлах)’, ‘быть медлительным в работе, делах’, ‘брить (бороду, усы)’, *запе́жить* ‘задавить, задушить, замучить’, *запе́житься* ‘удавиться’, *упе́житься* ‘устать, утомиться’⁸;

каурый → *кау́риться* ‘сердиться’, ‘морщиться, угрюмиться’, ‘чуждаться, дичиться’, ‘упрямиться’, *скаву́риться* ‘нахмуриться, сморщиться’;

мухортый → *мухо́ртиться* ‘чваниться, важничать’, *замухо́ртиться* ‘стать невзрачным, приобрести плохой внешний вид’, *намухо́ртиться* ‘нахмуриться’, также ‘подстричь, на помадить, причесать (усы, бороду)’, *смухо́ртиться* ‘нахмуриться, насупиться’, ‘стать сутулым, сгорбиться’ (может быть, сюда же и фонетически удаляющиеся *замухо́рдеть* ‘завянуть’, *замухо́риться* ‘загрязниться’, ‘опуститься, потерять чувство собственного достоинства’, ‘начать пьянствовать’, *замухори́ться* ‘стать пасмурным [о небе]’, ‘нахмуриться, задуматься, насупиться’ и проч.);

⁶ Эти два глагола фонетически перекликаются с *(раз)гневаться*, ср. *не гневи ребёнка!* (СРНГ 6: 235), *сгневить* ‘рассердить, разгневать кого-л.’ (*Ребенка сгневить, он заплачет... — СРНГ 37: 23*). Связь, возможно, не случайна.

⁷ Только это значение приведено у Фасмера (III: 225): «Возм., от *пегий*».

⁸ В перечень не включён бесприставочный глагол *пе́житься* ‘становиться чистым, ясным (о небе)’ (костром.), замечательный тем, что при видимом «сдвиговом» характере семантики (от масти животного к окрашенности неба) он как раз в о з в р а щ а е т с я к исходной идее пестроты, пятнистости, которая, однако, замаскирована выражением «становиться ясным» («становиться» — это ещё не «быть», а *пегий* — это «пятнистый», в метеорологическом случае — «прояснившийся не полностью»).

бурый → *буреть* ‘важничать’, *забуреть* ‘освоиться, приобрести несвойственные ранее манеры или утратить прежние, втянуться в некий род деятельности; загордиться, заважничать’, *побуреть* ‘возгордиться, напыжиться’ (возможно, также *забуриться* ‘начать куролесить; загулять’, *набуриться* ‘нахмуриться, наморщиться’ и под.)⁹.

Следует отметить семантическую общность большинства приведённых глаголов: у них преобладают значения отрицательно оцениваемого и даже осуждаемого изменения статуса деятеля или перемены качеств, которыми характеризовался их носитель.

Описанные обстоятельства — прежде всего невыводимость семантики рассмотренной глагольной лексики из значений формально мотивирующих её прилагательных, заметная несводимость разных значений одного и того же глагола к единому мотивному импульсу — дают повод отказаться от поисков глубокой семантической мотивированности входящих в тот же узкий ономаσιологический круг глаголов *соловеть*, *осоловеть*, ограниченных лишь восточнославянским ареалом, и заставляют увидеть в них яркий пример заразительной десемантизации корня в экспрессивном словообразовании¹⁰.

Литература

- АОС — Архангельский областной словарь. 1–. М., 1980–.
- БРС — Беларуска-рускі слоўнік. 1–2. Мінск, 1988–1989.
- Варбот 2023 — Ж. Ж. Варбот. Память славян в словах. Этимологические этюды. М., 2023.
- Гринченко — Б. Д. Гринченко. Словарь украинского языка, собранный редакцией журнала «Киевская Старина». I–IV. Киев, 1958. [Фототипическое воспроизведение издания: Киев, 1907–1909].
- Гура 1997 — А. В. Гура. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
- Дилакторский — Словарь областного вологодского наречия. По рукописи П. А. Дилакторского 1902 г. СПб., 2006.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови. 1–. Київ, 1982–.
- Журавлёв 2021 — А. Ф. Журавлёв. Десемантизация корня как дериватологическая проблема // Исследования по славянской диалектологии 23. М., 2021.

⁹ Часть приведённого здесь диалектного материала затронута также в: Журавлёв 2021: 169–170.

¹⁰ Видимая произвольность семантики глаголов, образованных от названий лошадиных мастей, напоминает экспрессивную семантизацию глаголов, представляющих собою дериваты от заимствованных антропонимов, по условиям игры лишённых в новом для них идиоме значений. Ср.: *заматрѣнить* ‘опьянеть’, *иваниться* ‘модничать, форсить’, ‘превозносить себя, ломаться’, *объегорить*, *объемелить* ‘обмануть’, *опромикутиться* ‘поступить опрометчиво’, *подкузьмить* ‘подвести, обманув’, ‘войти в доверие лестью’, *подсолломонить* ‘приврать’, *проварвариться* ‘прогулять, промотать заработок’, *промикулить* ‘прозевать, пропустить, недосмотреть’, ‘потерять, проиграть’, *разматрѣнить(ся)* ‘растолстеть’, ‘выбранить’, ‘небрежно одеться’, ‘расплакаться’ и др. (СРНГ).

Матіїв — М. Д. Матіїв. Словник говірок центральної Бойківщини. Київ, Сімферополь, 2013.

Номис 1993 — Українські приказки, прислів'я, і таке інше. Збірники О. Марковича та інших. Уклав М. Номис. Київ, 1993.

Орловский словарь — Словарь орловских говоров. О (Об — Ощупкой). Орёл, 1996.

ОСАГ — Обратный словарь архангельских говоров. М., 2006.

Преображенский — А. <Г.> Преображенский. Этимологический словарь русского языка. 1. А–О; 2. П–С. М., 1910–1914; «Выпуск последний» (тело–ящер). // Труды Института русского языка. I. М.–Л., 1949. [Конволютное фототипическое издание: <Китай>, 1956.]

Расторгуев — П. А. Расторгуев. Словарь народных говоров Западной Брянщины (материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.

Словарь Сибири — Словарь русских говоров Сибири. 1–. Новосибирск, 1999.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII века. Вып. 1–. Л. (СПб.), 1984–.

Словарь Ср. Урала — Словарь русских говоров Среднего Урала. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. 1–5. Мінск, 1979–1986.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. 1, 2. М.–Л., 1965–1966. 3–. Л. (СПб.), 1968–.

ССРЛЯ — Словарь современного русского литературного языка. I–XVII. М.–Л., 1948–1965.

СУМ — Словник української мови. I–XI. Київ, 1970–1980.

Тураўскі слоўнік — Тураўскі слоўнік. 1–5. Мінск, 1982–1987.

Фасмер — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. М., 1964–1973.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1–. Мінск, 1978–.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. 1–. М., 1974–.

Miklosich EW — F. Miklosich. Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen. Wien, 1886.

Pokorny — J. Pokorny. Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. I–II. Bern, 1949–1959.

SSN — Slovník slovenských nářečí. I–. Bratislava, 1994–.

A. F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

afzhuravlev@yandex.ru

ON THE OWL, WHICH IS FINE, AND THE NIGHTINGALE, WHICH HAS NOTHING TO DO WITH IT

In the dictionaries of the East Slavic languages, the continuations of the Proto-Slavic verbs **sověti* and **solvěti* (imperfect) and their prefixes **obsověti* and **obsolvěti* (perfect) are often interpreted in mutual correlation (Ukr. *совіму* ‘the same as *соловіму*’; *осоловѣть* ‘the same as *осоветь*’), although the motivation of both single-root verb pairs is different. This careless correlation inspires an inattentive reader with an unjustified idea of word-formation and semantic parallelism between the generating verbs themselves. The article shows the dissimilarity of the **sov-* and **solv-* nests, the lack of parallels in the combinable characteristics of the designations ‘owls’ and ‘nightingale’ in folklore and paremiology (unlike, however, the author’s poetry). Verbal derivatives of the color designation *соловий*, which is associated with the ornithonym *соловей*, and numerous derivatives from names of other horse colors provide vivid examples of complete desemantization of the root in expressive word formation. According to the author, the phenomenon of desemantization (and transementization) of the root, underestimated by descriptive grammars, should be the subject of a more careful and comprehensive analysis.

Key words: derivation, motivation, semantic parallelism, root desemantization, expressive verb vocabulary.

References

AOS — *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk Regional dictionary]. Vol. 1—. Moscow, 1980—.

BRS — *Belaruska-ruski sloŭnik* [Belarusian-Russian dictionary]. Vol. 1–2. Minsk, 1988–1989.

Varbot 2023 — Zh. Zh. Varbot. *Pamyat' slavyan v slovakh. Etimologicheskie etyudy* [The memory of the Slavs in words. Etymological studies]. Moscow, 2023.

Gura 1997 — A. V. Gura. *Simvolika zhyvotnykh v slavyanskoj narodnoj traditsii* [Animal symbolism in the Slavic folk tradition]. Moscow, 1997.

ESUM — *Etimologichnii slovník ukraïns'koï movi* [Etymological Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. 1—. Kiev, 1982—.

Zhuravlev 2021 — A. F. Zhuravlev. [Desemantization of the root as a derivational problem]. *Issledovaniya po slavyanskoj dialektologii* 23 [Studies in Slavic dialectology 23]. Moscow, 2021.

Matiiv — M. D. Matiiv. *Slovník govirok tsentral'noï Boikivshchiny* [Dictionary of dialects of the central Boykiv region]. Kiev, Simferopol, 2013.

Nomis 1993 — *Ukrains'ki prikazki, prisliv'ya, i take inshe. Zbirniki O. Markovicha ta inshikh* [Ukrainian sayings, Proverbs, etc. Collections of O. Markovich and others]. Comp. by M. Nomis. Kiev, 1993.

Orlovskii slovar' — *Slovar' orlovskikh govorov* [Dictionary is a dictionary of Oryol dialects]. Orel, 1996.

OSAG — *Obratnyi slovar' arkhangel'skikh govorov* [Reverse dictionary of Arkhangelsk dialects]. Moscow, 2006.

Rastorguev — P. A. Rastorguev. *Slovar' narodnykh govorov Zapadnoi Bryanshchiny (materialy dlya istorii slovarnogo sostava govorov)* [Dictionary of vernacular dialects of the Western Bryansk region (materials for the history of dialect vocabulary)]. Minsk, 1973.

Slovar' Sibiri — *Slovar' russkikh govorov Sibiri* [Dictionary of Russian dialects of Siberia]. Vol. 1–. Novosibirsk, 1999.

SIRYa XVIII v. — *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 1–. Leningrad, (St. Petersburg), 1984–.

Slovar' Sr. Urala — *Slovar' russkikh govorov Srednego Urala* [Dictionary of Russian dialects of the Middle Urals]. Vol. I–VII. Sverdlovsk, 1964–1988.

SPZB — *Sloŭnik belaruskikh gavorak paŭnochna-zakhodnyai Belarusi i yae pagranichcha* [Dictionary of Belarusian dialects of North-Western Belarus and its borderlands]. Vol. 1–5. Minsk, 1979–1986.

SRNG — *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Vol. 1, 2. Moscow — Leningrad, 1965–1966. Vol. 3–. Leningrad (St. Petersburg), 1968–.

SSRLYa — *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of modern Russian literary language]. Vol. I–XVII. Moscow — Leningrad, 1948–1965.

SUM — *Slovník ukraïns'koï movy* [Dictionary of the Ukrainian language]. Vol. I–XI. Kiev, 1970–1980.

Turaŭski sloŭnik — *Typaŭcki sloŭnik* [Turov dictionary]. 1–5. Minsk, 1982–1987.

Fasmer — M. Fasmer. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Vol. I–IV. Moscow, 1964–1973.

ESBM — *Etymalagichny sloŭnik belaruskai movy* [Etymological dictionary of the Belarusian language]. Vpl. 1–. Minsk, 1978–.

ESSYa — *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavyanskii leksicheski fond* [Etymological Dictionary of Slavic Languages. The Proto-Slavic lexical fund]. Vol. 1–. Moscow, 1974–.

Miklosich EW — F. Miklosich. *Etymologisches Wörterbuch der slavischen Sprachen*. Wien, 1886.

Pokorny — J. Pokorny. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Vol. I–II. Bern, 1949–1959.

SSN — *Slovník slovenských nářečí* [Dictionary of Slovak dialects]. Vol. I–. Bratislava, 1994–.

С. И. Иорданиди

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Москва, Россия)

siordanidi@yandex.ru

СЕМАНТИКО-СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ДЕРИВАТОВ С УНИКАЛЬНЫМИ СУФФИКСАМИ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА II¹

Статья посвящена описанию словообразовательного типа с суффиксом *-но*, восходящему к праславянскому **-sno* в его лексической реализации в истории русского языка с X в. по настоящее время (*лоно*). Если говорить более точно и образно, то следует прибегнуть к терминологии В. В. Виноградова, который такие суффиксальные форманты называет «полумертвыми» и даже «мертвыми» из-за их неспособности участвовать в воспроизведении себе подобных дериватов [Виноградов 1972: 93, 108, 111]. В работах по словообразованию эти суффиксальные форманты обычно называют уникальными — они не входят в базовый список деривативных средств. Описываемый дериват исследуется с точки зрения его происхождения, употребительности на протяжении истории языка, словообразовательного потенциала и отношения к книжно-письменному, народно-разговорному или диалектному типу языка. Достаточно подробное описание деривата *лоно* предпринимается впервые в русской исторической лексикологии.

Ключевые слова: словообразовательный тип, дериват, вторичный суффикс, этимология, семантика, функционирование, унификс.

Суффиксальные форманты, при учете их полного инвентаря, делятся на 3 группы: продуктивные, непродуктивные и уникальные. Некоторые форманты из последней группы, в свою очередь, получили, с подачи Е. А. Земской, название **унификсы** [Земская 1969: 100–106]. Этот термин получил широкое распространение в работах дериватологов, которые, констатируя наличие изрядного числа таких формантов, также пытались дать им свои дефиниции, учитывая их специфику (Г. О. Винокур, Н. М. Шанский, А. Н. Тихонов, Н. А. Янко-Триницкая, В. Г. Головин и др.). Вопрос о том, являются ли унификсы полноправными морфемами или же существуют лишь

¹ Первая статья с аналогичным заголовком и цифрой I опубликована в сб.: Словообразование. Стилистика. Лингвистическая поэтика. М.: ИРЯ РАН, 2024. С. 94–105. DOI: 10.31912/anniversary_vinogradova_288.

«на правах суффиксов и префиксов» [Янко-Триницкая 1968: 536] в большом числе случаев решается положительно. Так, Г. О. Винокур утверждает: «... в нерегулярных образованиях звуковые комплексы, могущие быть выделенными в них в качестве суффиксов, представляют собой подлинные звуковые единства, то есть имеют значения, устанавливаемые нами совершенно так же, как устанавливаются значения суффиксов в образованиях, построенных по продуктивным и регулярным моделям» [Винокур 2016: 682]. Е. А. Земская также констатирует: «Мы относим слова, оформленные унификами, к мотивированным и производным словам» [Земская 1969: 101]. Один из основных признаков, по которому унификсы следует считать полноправными аффиксами, заключается в их способности различать «производное» и «производящее» см., например, [Улуханов 2001: 58]².

Представляется, что термин, введенный Е. А. Земской, как наиболее точный (имеется в виду уникальность и единичность форманта) имеет все основания быть использованным в данной работе.

Из-за ограниченности места сосредоточимся на описании функционирования лишь одного из унификсов — *-но* (*лоно*).

Следует сразу же отметить одно принципиальное обстоятельство. В праславянском языке четко выделяются два суффикса: **-но* и **-sno*. Первый представлен значительным числом примеров в праславянском и древнерусском (*руно* к *рѣвати*, *вѣно* к *вести*, *лукно* к *лякнути*, *лучитися*, *сукно* к *сукати*, *сучити*, *волокно* (ст.-сл. **влакно**) к *волочити* (ст.-сл. **влачитти**) и нек. др. Второй — только одним словом *лоно* [Варбот 1969: 75, 88]. Такие данные содержатся в составленной ученым таблице суффиксов, присоединяющихся только к корню: **-sno* (1 случай — *лоно*) [Варбот 1969: 122]. Этот суффикс, как нам представляется, правомерно было бы назвать **вторичным**, так как он появляется из **-sno* (*sno* > *no*) в результате упрощения группы согласных, в отличие от исконного форманта **-но*. И только *вторичный* формант является предметом исследования в данной статье³.

² Семантико-словообразовательная история каждого слова относится к числу приоритетных задач лексикографов и дериватологов. В. В. Виноградов, говоря о нерешенности главных теоретических проблем семасиологии и лексикографии в деле создания толковых словарей, подчеркивает, что «в ряду этих нерешенных вопросов первое место занимает проблема семантической структуры слова, или, лучше: «... необходимы многочисленные и разнообразные семасиологические исследования, посвященные углубленному анализу значений и способов употребления отдельных слов, а также семантически связанных, соотносительных или внутренне объединенных групп слов в современном русском языке» [Виноградов 1977: 243]. Этот важный постулат может быть спроецирован на каждое слово в его историческом существовании в русском (и во всем славянском ареале).

³ Мы признательны анонимному рецензенту за ценные замечания к тексту и рекомендации по использованию в работе наблюдений и материалов М. Н. Саенко (работы будут указаны в списке литературы) по истории слова *десна*, суффиксом которого, по мнению рецензента, является *-сн-*. Однако слово не входит в число праславянских образований, судя по материалам «Этимологического словаря славянских языков», и пока еще нет четких представлений о его происхождении, как это следует и из исследования упомянутого автора: «Хотя в большинстве славянских языков *десна* обозначается потомками одного праславянского слова, детали реконструкции этого слова остаются предметом дискуссии, в научной литературе можно найти целый ряд противоречащих друг другу гипотез, постулирующих для праславянского формы как женского, так и среднего родов

Этот дериват, если даже принять во внимание точку зрения некоторых исследователей (А. Вайана, П. Я. Черных, см. далее), включающих в разряд с рассматриваемым суффиксом еще несколько других дериватов, выделяется из их числа: здесь имеет место уникальная история с модификацией суффикса: превращение из **-sno* в **-no*⁴. Только в случае *лоно* суффикс *-sno* редуцируется: группа согласных *-sn-* сокращается с выпадением компонента *s*.

С полным основанием мы считаем возможным вновь образовавшийся суффикс **-no* относить к производным (**-no₂*), в отличие от исходного, первичного (**-no₁*). Резюмируя вышесказанное, еще раз подчеркнем, что уникальность деривата *лоно* заключается в особенностях истории его суффиксального форманта, упростившегося с редукцией входящего в его состав *-s-*.

Унификс **-no₂* восходит к прасл. суффиксу **-sno*; с этим формантом фиксируется только одно имя существительное — *лоно* (<**logsno*>⁵). В древнерусском языке мотивирующим к *лоно* является, по мнению Ж. Ж. Варбот, глагол *лечи, ложити*. [Варбот 1969: 88]. Исследуемый дериват отмечается в самых ранних славянских памятниках. В старославянских текстах сущ. *лоно* ‘грудь, пазуха, недра; яйцо детородное’ (греч. соответствие *κόλπος, οἱ κόλποι*) представлено 23 примерами: **бѣ же възлежа единѣ отъ оученикъ его на лонѣ** *ic <оусовѣ>* И 13, 23 Зо҃гр Мар; **мѣрѣ добрѣ дадаѣтъ на лонѣ ваше** Л 6, 38 Зо҃гр. Мар и др.) [Цейтлин и др. (ред.) 1994: 310]. В древнерусских текстах это сущ. отмечается уже в XI в.: *Възьмѣши же бл҃жѣна ѳеодора дѣтишѣ: на лонѣ своѣ. Изб 1076, 112 и др.* В этот период сущ. *лоно*, по данным СДРЯ [Аванесов (гл. ред.) 1991: 427–428], зафиксировано 45 раз в следующих значениях⁶: ‘грудь’

с суффиксами **-sna*, **-snъ*, **-sno*, **-sla*, **-slo*, с начальными звуками **d-* и **j-*. Тщательное изучение материала показывает, что исходной, вероятно, следует признать форму **dēsna* (f.). Возможно, сравнительно древним является вариант с диссимиляцией — **dēsla* / **dēslo*. Формы, потенциально восходящие к **dēsno* и **dēsнь*, скорее всего, вторичны и не должны считаться праславянскими. Первая из них возникла в результате переосмысления **dēsna* как *plurale tantum*, вероятно, под влиянием семантически близкого слова **usta* ‘рот’, что очень хорошо укладывается в логику смены рода, засвидетельствованную у некоторых других обозначений частей тела в славянских языках. Менее распространенный вариант **dēsнь* объясняется влиянием слов с фонетически близким ауслатом (**basнь*, **rēsнь*, **plēsнь*, **wasнь*)» [Саенко 2024: 105]. П. Я. Черных отмечает: «О.-с. **dēsna* (:dēsno). В русском языке *десна́* из *дясна́*. Этимология несколько спорная, но корень в о.-с. языке, по-видимому, был **dēt-...*» [Черных 1994: 245]. Анонимный рецензент утверждает, что к разряду слов с суффиксом *-sn-* М. Н. Саенко относит также прасл. **plesno* / **plesna* ‘подошва стопы, стопа’. Но этот автор лишь полагает, что «вполне можно допустить деривацию **pleso* > **plesno*» [Саенко 2022: 226].

⁴ Мнение о включении слов *десна* (**det-sna*, **det-sno*), *луна* (и.е. *louk-s-nā*), *плесна* (**plet-sna*) в число дериватов с суффиксом *-sna* обнаруживается в «Праславянском словнике» Ф. Славского [Sławski (red.) 1974: 117].

⁵ А. Вайан рассматривает в качестве дериватов с суффиксом **-sno* следующие восточнославянские лексемы: более распространенное *plesno* ‘подошвы ног’ наряду с менее распространенным вариантом *plesna*; *lonо* ‘колени’ (из **lok-no* ‘pan flottant’); *krosno* (‘*krosna pauča*’) [Vaillant 1974: 584]. Но уникальность нашего объекта с точки зрения его деривационной истории, как нам представляется, трудно опровергнуть.

⁶ Из-за ограниченности места словарные материалы приводятся по минимуму. Сокращения названий источников соответствуют принятым в исторических словарях.

(Аще калоугерь скимьнъ възлажеть женѣ на лоно. любо и мѣри. то соудить ѣмоу законъ. СбТр XII/XIII, 51); ‘утроба, нутро’ (съ [Антонин] своего брата в лонѣ мѣрни закла. ГА XIV₁, 1916-в); *перен.* ‘прибежище, приют’ (Всѣ дѣши аще разлоучатъсѣ ѿ(т) тѣла... къ бѣственнымъ лоно(м) несутьсѣ бесмѣртни. Пч н. XV (1), 103); ♦ **лоно аврамле (аврама, аврамово)** ‘райская обитель, местонахождение душ праведников’ (оумр[ѣ] и нищи. лазорь. и донесенъ бы(с). англы на лоно аврамле. СбТр XII/XIII, 4 об.–5); ‘карман, пазуха’ (въложить ли кто огонь въ лоно не сожеть ли ризь [так!] своѣа ПНЧ XIV, 36а); ‘мужские гениталии’ (и симъ оудари и в лоно. и омертвѣша ѣмоу оудове. ПКП 1406, 170в).

В «Материалах» И. И. Срезневского лексема *лоно* отмечена в 3-х значениях: ‘недра, грудь’, ‘пазуха’ и ‘ядро’ [Срезневский 1895: 46]. В [Филин (гл. ред.) 1981: 281] выделено также 3 значения и два оттенка значений: 1. ‘половые органы’; ‘матка, материнское чрево, лоно’ (*И царици бо Еудоксии бысть люта смерть... лономъ грядущи кровь вред сотвори лютыи.* ВМЧ, Ноябрь 13–15, 1121. XVI в.); // ‘о яичках как части мужских половых органов, заключенных в полости (в мошонку)’ (*Отрѣзаша ему обѣ лонѣ съ таиннымъ удомъ, и болѣвъ три дни, и скончаша.* ВМЧ, Дек. 31, 2566. XVI в.); ‘о чреве вообще, проходе из чрева’ (*и чрево мое изъ утробы лономъ моимъ изыде вонъ.* Ч. Серг. Р. Аз., 71. 1654 г.); 2. ‘Внутренность чего-л.; полость, пазуха’ ((1074): *И обиходя подлѣ братью, взявша из лона лѣнокъ, вержаше на козо-любо.* ЛЛ, 190); // *перен.* ‘о владении, праве или возможности распоряжаться’ (*И дахъ ти домъ ѣа бѣ твоего в лоно твое* (2 Цар. XII, 7–8) Библ. Генн. 1499); 3. ‘грудь’ (*лежи же на лонѣ мѣре своѣа Алумпиады.* Александрия, 43. XV в.–XII в.). В [Сорокин (гл. ред.) 2000: 227] *лоно* отмечено в 3-х основных исконных значениях: 1. ‘грудь’, 2. ‘нижняя часть живота, материнское чрево’; 3. ‘лоно Авраама’; имеет дополнительную семантику ‘прибежище, приют, место успокоения’ и оформляется как устойчивое фразеологическое сочетание: *лоно дружбы и любви* (*отче лоно сиротам*), *лоно природы* (*упал бы во всеобъемлющее лоно природы*); в лоне земли, в лоне неба (*лоно небесное, в лоне земли*) и т. п. В «Словаре языка Пушкина» [Виноградов (отв. ред.) 2000: 532] вычленяются следующие значения: 1. Грудь (*Всевишнй бог склонилъ приветный взоръ на стройный станъ, на девственное лоно Рабы своѣй* Гв 4); 2. Поэтическое обозначение поверхности (воды, земли) (*На красныхъ лапкахъ гусь тяжелый, задумавъ плыть по лону водъ, ступаетъ бережно на ледъ* ЕО IV 42, 10); 3. Поэтическое обозначение окружения, обстановки, в которой кто-н. находится, пребывает (*Я наслаждаюсь дуновеньемъ в лицо мне веющей весны на лоне сельской тишины!* ЕО VII 2). В словарях современного русского литературного языка *лоно* зафиксировано лишь в одном значении: ‘грудь или чрево как символ материнства, нежности, ласки’; в большом числе случаев со значением олицетворения (первоначально *о церкви — в лоне церкви, православия, католичества*), *на лоне* (*природы, неба, воды, реки, моря*) и т. п. [Горбачевич (ред.) 2007: 298–299; Ефремова 2001: 802] и др. Диалекты демонстрируют *лоно*, как и вариантное образование *луно*, объединяющиеся «под одной праформой» [Трубачев (ред.) 1990: 34], в значениях, близких или аналогичных значениям, представленным в разные периоды истории языка: ‘грудь, перси, недра, утроба, колени’ [Даль 1956: 688]; ‘оконечность известной части у жеребцов и меринов’ (ворон.) [Даль 1956: 708]; ‘нижняя часть живота’

(калуж, ворон., вост.-казах., тобол.), ‘мошонка’(ряз.), ‘половой орган жеребцов’ (ворон.) [Филин (гл. ред.) 1981: 193, 283; Осовецкий (ред.) 1969: 283].

Из сравнения материалов русского литературного языка и диалектов относительно семантического поля лексемы *лоно* можно сделать вывод о том, что первый на протяжении истории языка сокращает свой круг значений, второй же сохраняет все значения слова, существовавшие на протяжении многих веков.

Вопрос о происхождении сущ. *лоно* остается дискуссионным. М. Фасмер отмечает: «Происхождение неясно. Исходной формой считается **-loksno-*, которое сравнивают с греч. *λοξός* ‘наклонный, косой’... Правильней, по-видимому, объяснять *лоно* из *logsno*, ср. близкое *ложесна* <**logesnā*» [Фасмер 1967: 517]. До сих пор нет общепринятой реконструкции семантики исходного слова (см. [Трубачев (ред.) 1990: 34–35]). Ж. Ж. Варбот отдает предпочтение реконструкции, предложенной Р. Якобсоном: **lono* < **log-sno*, к тому же корню, что и *логъ, lože, ložesna* ‘uterus’ [Варбот 1969: 88]. Другое этимологическое решение, связанное с реконструкцией семантики исходного слова, соотносит прасл. **lono* с и.-е. корнем **lek-* ‘гнуть’. В этом случае **lono* → **lok-sno* с исходным значением ‘углубление’. Такая этимология опирается на мотивационные отношения греч. *κόλπος*, лат. *sinus*; прасл. **lono* было бы родственно греч. *λοξός* ‘изогнутый, кривой’ [Фасмер 1986: 517]. Если же вернуться к предположению Ж. Ж. Варбот о том, что в древнерусском языке мотивирующим к *лоно* являются глаголы *лечи, ложити, ложитися*, то следует обратиться к семантике этих глаголов. В [Аванесов (гл. ред.) 1991: 398, 424] *лечи* выступает в том числе с инвариантным значением ‘принять лежачее положение’ (лечь, расположиться спать, пасть в бою, быть погребенным), *ложити* — ‘повергать, поражать’, *ложитися* ‘ложиться спать’. И. И. Срезневский выделяет также значение ‘класть, положить’, представленное в текстах старшей поры, например: *И ложжѣ ѿбо вам акы желѣзно* Изб 1073, 102 [Срезневский 1895: 46]. В рамках гипотезы Ж. Ж. Варбот словообразовательная цепочка *лечи, ложити, ложитися* → *лоно* на семантическом уровне может быть представлена следующим образом: ‘лежать’ → ‘то, что лежит (находится) под чем-л., внутри чего-л.’ → ‘грудь, чрево, утроба, недра’. Таким образом, в данном случае речь может идти об отглагольной деривации мотивируемого слова.

Словообразовательный потенциал *лоно* невелик. Прежде всего речь идет о *лоно* с уменьшительным значением **lonьko*. Это образование фиксируется в разных славянских языках, но в русском языке и диалектах оно не отмечено: ст.-чеш. *lónko, -a* ср. р. уменьш. к *lóno*, в.-луж. *lónko* ср.р. от *lóno*, н.-луж. *lónko* ср.р. уменьш. от *lóno*, польск. *lonko* уменьшит. от *lono* и др. [Трубачев (ред.) 1990: 35]. В среднерусском языке документирован лишь один дериват — прил. *лоновый*, ‘лоновая проказа’ (венерическое заболевание): [Царь Константин] в лоновую проказу впаде, уязвленъ бысть по всему тѣлу. Пов. бел. клоб., 289. [Филин (гл. ред.) 1981: 282].

Важно отметить, что в нашей работе мы следуем за постулатом И. С. Улуханова о том, что «...факты истории слова должны рассматриваться как таковые, т. е. как факты другой языковой системы по отношению к изучаемой системе [в нашем контексте — синхронному описанию фактов языка — С. И.]. В противном случае создается неадекватное описание современного языка: факты языкового прошлого фигурируют в исследованиях как факты настоящего» [Улуханов 2005: 21].

В этой связи возникает очень важный и любопытный вопрос: когда, в какой период рассматриваемое образование теряет свой статус деривата, в каких хронологических рамках унификс становится частью корня (основы)? О том, что опрощение осуществилось, и что в совр. языке *лоно* — это сущ. сред. рода, бессуффиксное (в данном случае — безунификсное) свидетельствуют все известные нам деривационные словари русского языка (см. [Лопатин, Улуханов 2016]). В списке суффиксов *-н(о)* отсутствует. Такую же судьбу разделяют, естественно, и существительные с суффиксом *по₁*.

Мы полагаем, что проблема создания исторических деривационных словарей Славии остается актуальной⁷; многие вопросы деривационного состава той или иной лексемы могли бы решаться на основе анализа большого исторического материала в сопоставлении с материалом других славянских языков. Как соотносятся между собой единицы одного и того же общеславянского лексикона? Какая из семем является коренной, главной для установления центра и периферии языкового пространства этой деривационной единицы? Каков ее словообразовательный спектр? Но, к сожалению, проблема создания таких словарей не реализована до сих пор.

Литература

- Аванесов Р. И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. 4. М.: Русский язык, 1991. 558 с.
- Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М.: Наука, 1969. 231 с.
- Виноградов В. В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972. 314 с.
- Виноградов В. В. (отв. ред.). Словарь языка Пушкина. В 4 т. 2-е изд., доп. Т. 2. М.: Азбуковник, 2000. 1081 с.
- Горбачевич К. С. (ред.). Большой академический словарь русского языка. Т. 9. СПб.: Наука, 2007. 658 с.
- Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 2. М.: Госиздат, 1956. 779 с.
- Ефремова Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. В 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 2001. 1210 с.
- Земская Е. А. Унификсы (о одном виде морфем русского языка) // Уч. зап. МГПИ им. Ленина. 1969. № 341. С. 100–106.
- Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: ИЦ «Азбуковник», 2016. 312 с.
- Оссовецкий И. А. (ред.). Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М.: Наука, 1969. 612 с.
- Саенко М. Н. Очерки по славянской соматической лексике. М.: Индрик, 2022. 270 с.
- Саенко М. Н. Праславянское название десны: сложности реконструкции // Славянский мир в третьем тысячелетии. Т. 19. № 1–2. М.: Инслав РАН, 2024. С. 105–131.

⁷ Об этом писал И. С. Улуханов еще в далеком 1994 г., настаивая на необходимости составления исторических словообразовательных словарей: «...необходимо создание достаточно полного обобщающего описания конкретного материала, выработка системы единиц и терминов, пригодных для такого описания, определение структуры такого описания» [Улуханов 1994: 4].

Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII в. Вып. 11. СПб.: Наука, 2000. 255 с.

Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка. В 3 т. Т. 2. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1895. 1802 с.

Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд. Вып. 16. М.: Наука, 1990. 264 с.

Улуханов И. С. Состояние и перспективы изучения исторического словообразования русского языка // Сб. Исследования по историческому словообразованию. М.: Изд-во МАИ, 1994. С. 3–16.

Улуханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: ИЦ «Азбуковник», 2005. 311 с.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 2011. 258 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Пер. с немецкого и дополнения О. Н. Трубачева. В 4 т. Т. 2. М.: Прогресс, 1986. 612 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 17. Л.: Наука, 1981. 383 с.

Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 8. М.: Наука, 1981. 351 с.

Цейтлин Р. М., Вечерка Р. и Благова Э. (ред.). Старославянский словарь (по рукописям X–XI веков). М.: Русский язык, 1994. 843 с.

Черных П. Я. Этимологический словарь современного русского языка. В 2 т. Т. 1. М.: Русский язык, 1994. 622 с.

Янко-Триницкая Н. А. Членимость основы русского слова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1968. Вып. 6. С. 532–546.

Ślawski F. (red.). Słownik prasłowiański. T. I. Wrocław: Wydawnictwo polskiej Akademii nauk. 1974. 487 s.

Vaillant A. Grammaire comparée des langues slaves. La formation des noms. Paris: Éditions Klincksieck, 1974. 812 p.

S. I. Iordanidi

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

siordanidi@yandex.ru

SEMANTIC-WORD-FORMATING DESCRIPTION OF DERIVATIVES WITH UNIQUE SUFFIXES IN THE HISTORY OF THE RUSSIAN LANGUAGE II

The article is devoted to the description of word-formation types with non-productive suffixes in their lexical implementation in the history of the Russian language from the 10th century to the present. To speak more precisely and figuratively, we should resort

to the terminology of V. V. Vinogradov, who calls such suffixal formants “half-dead” and even “dead” due to their inability to participate in the reproduction of similar derivatives [Vinogradov 1972: 93, 108, 111]. In works on word formation, such suffixal formants are usually called unique — they are not included in the basic list of derivative means. The described derivatives are studied from the point of view of their origin and usage throughout the history of the language, as well as their word-formation potential and relation to the book-written, folk-spoken or dialectal type of language. A fairly detailed description of the derivative *лоно* (*womb*) is given for the first time in Russian historical lexicology.

Key words: word-formation type, derivative, etymology, semantics, history of language, functioning, unifixes, chronological framework.

References

Avanesov R. I. (ch. ed). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th — 14th centuries)]. Vol. 4. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1991. 558 p.

Chernykh P. Ya. *Etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka. V 2 t.* [Etymological dictionary of the modern Russian language. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 622 p.

Dal' V. I. *Tolkovi slovar' zhivogo velikorusskogo yazyka. V 4 t.* [Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 vols.]. Vol. 2. Moscow, Gosizdat Publ., 1956. 779 p.

Efremova T. F. *Novyi slovar' russkogo yazyka. Tolkovo-slovoobrazovatel'nyi. V 2 t.* [New dictionary of the Russian language. Explanatory and word-formation. In 2 vols.]. Vol. 1. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2001. 1210 p.

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological Dictionary of the Russian language. In 4 vols.]. Vol. 2. Moscow, Progress Publ., 1986. 612 p.

Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 17. Leningrad, Nauka Publ., 1981. 383 p.

Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th — 17th centuries]. Iss. 8. Moscow, Nauka Publ., 1981. 351 p.

Gorbachevich K. S. (ed.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [The Great academic dictionary of the Russian language]. Vol. 9. St. Petersburg, Nauka Publ., 2007. 658 p.

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language]. Moscow, Publ. Center “Azbukovnik”, 2016. 312 p.

Ossovetiskii I. A. (ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo narodnogo govora (d. Deulino Ryazanskogo raiona Ryazanskoi oblasti)* [Dictionary of modern Russian folk dialect (D. Deulino, Ryazan district, Ryazan region)]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 612 p.

Saenko M. N. *Ocherki po slavyanskoi somaticheskoi leksike* [Essays on Slavic somatic vocabulary]. Moscow, Indrik Publ., 2022. 270 p.

Saenko M. N. [The proto-Slavic name of the gum: difficulties of reconstruction]. *Slavyanskii mir v tret'em tysyacheletii*, 2024, vol. 19, no. 1–2, pp. 105–131. (In Russ.)

Ślawski F. (ed.). *Słownik prasłowiański* [Słownik prasłowiański]. Vol. I. Wrocław, Wydawnictwo polskiej Akademii nauk, 1974. 487 p.

Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII v.* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Iss. 11. St. Petersburg, Nauka Publ., 2000. 255 p.

Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: praslavyanskii leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 16. Moscow, Nauka Publ., 1990. 264 p.

Tseitlin R. M., Vecherka R., Blagova E. (eds.). *Staroslavjanskii slovar' (po rukopisyam X–XI vekov)* [Old Slavonic dictionary (based on manuscripts of the 10th — 11th centuries)]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1994. 843 p.

Ulukhanov I. S. [Russian historical word formation: state and prospects]. *Issledovaniya po istoricheskomu slovoobrazovaniyu* [Collection of Research on historical word formation]. Moscow, Publ. House of MAI, 1994, pp. 3–16. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo yazyka* [Motivation in the word-formation system of the Russian language]. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2005. 311 p.

Ulukhanov I. S. *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printsipy ee opisaniya* [Word-formation semantics in the Russian language and the principles of its description]. Moscow, V. V. Vinogradov Russian Language Language RAS Publ., 2011. 258 p.

Vaillant A. *Grammaire comparée des langues slaves. La formation des noms* [Comparative grammar of Slavic languages. The formation of nouns]. Paris, Klincksieck Publ., 1974. 812 p.

Varbot Zh. Zh. *Drevnerusskoe imennoe slovoobrazovanie* [Old Russian nominal word formation]. Moscow, Nauka Publ., 1969. 231 p.

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk* [Russian language]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1972. 314 p.

Vinogradov V. V. (resp. ed.). *Slovar' yazyka Pushkina. V 4 t.* [Dictionary of the Pushkin's language. In 4 vols.]. 2nd ed. Vol. 2. Moscow, Azbukovnik Publ., 2000. 1081 p.

Yanko-Trinit'skaya N. A. [The articulateness of the basis of the Russian word]. *Izvestiya AN SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1968, iss. 6, pp. 532–546. (In Russ.)

Zemskaya E. A. [Uniformities (on one type of morphemes of the Russian language)]. *Uch. zap. MGPI im. Lenina* [Scientific notes of the MGPI named after Lenin], 1969, no. 341, pp. 100–106. (In Russ.)

Н. Я. Козел

Московский педагогический государственный университет

(Россия, Москва)

k_nata17@mail.ru

К ИСТОРИИ СЛОВА *ПРОХИНДЕЙ* И ЕГО ЛЕКСИЧЕСКИХ ВАРИАНТОВ

В статье рассматривается этимология, пути развития и главным образом история слова *прохиндей*. Впервые обсуждается вопрос вариантов его употребления, прежде всего формы *прихиндей*, не зафиксированной и никак не отмеченной в лексикографических изданиях. Судьба и социальный путь этого слова на фоне его более известного, зарегистрированного словарями варианта прослеживается с помощью диахронического анализа и сопоставления различных источников, устных и преимущественно письменных: авторских рукописных текстов, бумажных изданий по каноническим текстам, электронных собраний текстов, в том числе данных Национального корпуса русского языка. Изучается также реализованный деривационный потенциал каждого варианта. На основании проанализированного материала делается предположение, что исторически вариант *прихиндей* развивался параллельно форме с начальным *про-* и свойствен не только устной речи; в письменных текстах с начала XX в. и по крайней мере до начала 1960-х он и его производные регистрируются в художественных изданиях и мемуарной литературе достаточно регулярно в сравнении с конкурентным вариантом. Приводятся факты того, как судьба этого варианта в дальнейшем стала складываться под влиянием тенденции искусственной замены его в письменной речи на форму *прохиндей*, получившую преимущества лексикографически закрепленной.

Ключевые слова: история слова, этимология, диахронический анализ, устная речь, письменная речь, лексикография.

Во многих научных работах Игоря Степановича Улуханова и в его книге «Историческое словообразование. Историческая лексикология» убедительно продемонстрировано, что «новые возможности изучения истории русского языка» открываются перед исследователем благодаря «беспрецедентному расширению базы источников» [Улуханов 2012:8]. В данной статье делается попытка с помощью разнообразных доступных в настоящее время источников дополнить неизвестными до сих пор или же малоисследованными фактами историю отдельного слова.

«Изучение “социально-экспрессивных” форм слов в их эволюции необходимо признать одной из основных задач истории русского литературного языка», — отмечал В. В. Виноградов в первом и одном из самых ярких своих исследований по истории слов под названием «О слове “ахиня” в русском литературном языке» (с посвящением акад. Л. В. Щербе), опубликованном в сборнике «Русская речь», Новая серия, III (Academia. Л., 1928) и вошедшем впоследствии в фундаментальный труд «История слов» [Виноградов 1999: 54].

Через несколько лет после выхода этой статьи, но уже в частном письме от 8 февраля 1936 г., отправленном жене, Н. М. Малышевой, из вятской ссылки, В. В. Виноградов вернулся к истории *ахиней*, рассуждая об этимологическом родстве с ней другого весьма примечательного слова: «К вечеру неожиданно в качестве юбилейного подарка — я получил от Вас два письма (от 3 и 4) и даже открытку от 6-го вместе с короткой открыточкой от Татьяны Григорьевны¹. Вот спасибо. <...> Татьяна Григ. почему-то спрашивает меня, знаю ли я слово *прихиндей*. Этимология его мне понятна. «Хинь» — вздор, чепуха, обман (от хи(б)нь — хиба — о-шиб-ка, ср. ахиня). Отсюда — хинить и хиндя (по-украински хиндя — что-то вроде «лукавого»). Суффикс -ей — как в дуралей, грамотей и т. п. «Прихиндей» должно значить надувало, обманщик, ловкий шут, подлиза. Отсюда глагол — прихиндеиваться. Подробности можно найти в моей статье об ахине (Русская речь, III). Передайте это Татьяне Григ. <...> Интересно, откуда взяла Т. Г. это слово?»² [Виноградов 2024: 299]. 11 февраля 1936 г. В. В. Виноградов вновь возвращается к слову *прихиндей*. Он пишет: «Теперь еще — о слове — “прихиндей”. Это — своеобразное мещанское слово, употребительное и в кухарочьем кругу Ленинграда» [Виноградов 2024: 300].

Добавим, что в статье о слове *ахиня* В. В. Виноградов оспаривает мнение, идущее от Т. И. Филиппова и канонизированное Я. Гротом, что это слово семинарское, произошедшее от названия города Афины, при смешении звуков *ф* и *х*, то есть оно рассматривается как результат фонетической переделки «заимствованных русскими слов» [Виноградов 1999: 41]. Рассуждая о родственных *ахине* образованиях, Виноградов обращает внимание на толкование слова *хинь* в словарной статье к глаголу *хинить* у В. И. Даля: «*Хинить* что, сев. хулить, хаять, осуждать, бранить, бол. охинить. Хинь ж. орл. кур. ярс. ахиня, гиль, чужь, чепуха, вздор, пустяки. Таковую хинь занес, что уши вянут! У него все хинью пошло, даром, на ветер, без пользы и толку» [Даль 2000: 548]. Кроме того, в исследовании В. В. Виноградова отмечены диалектные варианты с ударением на -*и́ть*: *хини́ть* ‘хулить, бранить’ (вычегорск., волог.). Также указаны родственные *хинить* формы в сербохорватском и словинском языках: *сербохорв. hiniti* ‘обманывать; притворяться,

¹ Далее в тексте письма — Татьяна Григ., Т. Г. — Т. Г. Цявловская (Зенгер), литературовед, пушкинист, выдающийся текстолог.

² Письмо впервые опубликовано в «Вестнике Российской академии наук», см.: Виноградов В. В. Вятские будни / Сост. и примеч. А. Б. Гуськовой // Вестник Российской академии наук. 1995. Т. 65. С. 79.

прикидываться', отсюда *hinja* ж. р. 'притворство', словин. *hiníti* 'обманывать', *hiníti se* 'притворяться, лицемерить' [Виноградов 1999: 47]³. Уточним также, что об украинском *хиндя*, значение которого в собственно статье об *ахине* приводится по «Словарю украинского языка» Б. М. Гринченко, В. В. Виноградов упоминает в таком контексте: «*Хиндя*, — *di*, ж. Лихорадка. Хай тебе *хиндя* потрясе (см. Гринченко, Сл. укр. яз., 4, с. 398). Эта сфера слов, скудно представленная примерами, остается неясной и морфологически и семантически. Возможно, что она находится в этимологическом родстве с группой *chyba* (хиба) — 'ошибка, недостаток, нужда' (ср. Berneker E., с. 412–413)» [Виноградов 1999: 48].

Действительно, откуда же взялось слово *прихиндей* в варианте употребления через *-И-*?

К процитированным выше строкам из письма, вошедшего в недавнее издание части эпистолярного наследия В. В. Виноградова, нами дан следующий комментарий: «В словарях⁴ фиксируется только как *прохиндей* — 'мошенник, жулик, ловкач' — с пометой «разговорное» (впервые — в нач. 1980-х гг. в т. 3 «Словаря русского языка» в 4 т. (Малого академического словаря) под ред. А. П. Евгеньевой). По предположению А. С. Львова, это слово писатели и журналисты стали использовать «кажется, не ранее 40-х годов XX столетия» (Львов А. С. *Прохиндей* // Русская речь. 1970. № 1. С. 83–85)» [цит. по: Виноградов 2024: 300].

На нескольких любопытных замечаниях А. С. Львова остановимся в данном случае подробнее и в рамках настоящей статьи дополним собственный комментарий некоторыми наблюдениями и соображениями.

Прохиндей, по мысли А. С. Львова, вписывается в группу других слов с отрицательным оттенком значения: *пройдоха* (как и *проходимец* — 'способный с плутовскими целями пройти везде'), *пролаза* ('тот, кто с недобрыми намерениями всюду входит в доверие'), *проныра*, *прощельга*, *проходимец*, где начальное *про-* имеет значение 'насквозь' [Львов 1970: 85]. Очевидно, что в аспекте парадигматики они образуют ряд полных синонимов, но все названные А. С. Львовым слова, в отличие от слова *прохиндей*, имеют глагольный корень с семантикой движения (ср. еще: *проныра* — 'ловкий, всюду успевающий, проникающий человек'; *прощельга* — букв. 'тот, кто и в щель пролезет'). Так что начальное *про-*, в данной группе слов означающее 'насквозь', в *прохиндее*, скорее, приобретает усилительное значение⁵ (ср., например, *прокуда* — 'проказник', 'лукавый, вредный, злорадный человек').

В варианте *прихиндей* возникновение начального *при* — связано, вероятно, с межслоговой ассимиляцией (*при-хин-*). *При-* означает 'близко, рядом', т. е. используется в значении 'кто-либо, находящийся в непосредственной близости с тем, что названо мотивирующим существительным' [Лопатин, Улуханов 2016: 188]. Если же по аналогии вариант *прихиндей* рассмотреть среди имеющих негативную

³ В настоящее время см. подробно историю исследований реконструируемого праславянского **hyniti* в [Трубачев (ред.) 1981: 157].

⁴ Речь идет о толковых словарях.

⁵ Показательно в связи с этим значение интенсивности у *про-* в диалектном *прохинить* 'обругать' [Герд (гл. ред.) 2002: 316].

коннотацию слов с начальным *при-*, в одном ряду с ним окажутся только те, которые лишь в определенных контекстах можно рассматривать как его квазисинонимы, например: *прихлебатель* ('угодливый человек и подхалим, любящий пожить на чужой счет, дармод'), *приспособленец* ('человек, меняющий свои взгляды, привычки в зависимости от обстоятельств, к которым он приспосабливается'), *притворщик*, *прихвостень* и т. п.

Самый ранний пример употребления слова *прохиндей* А. С. Львов приводит из главы «Прохиндей по следам царя» книги третьей романа «Емельян Пугачев» (1934–1945) В. Я. Шишкова: «С нами бог! — мысленно восклицает, полный упования, **прохиндей**. — Деньги ваши будут наши. Не впервой!» При этом А. С. Львов обращает внимание на производную форму *прохиндейство* с суффиксом *-ств-*, характерным для книжного языка, и опровергает мнение о «народном» происхождении именно этой формы, высказанное в журнале «Знамя» (1965 г., № 10) литературным критиком А. Макаровым, который считал, что «великолепное народное словцо» *прохиндейство* «распространено среди тверяков и в литературу введено тоже тверяком Вячеславом Шишковым» (цит. по: [Львов 1970: 84]). Другие примеры, обнаруженные А. С. Львовым, свидетельствуют о достаточно широком распространении с к. 1950-х гг. этого слова в художественной литературе и газетно-журнальной публицистике.

Кроме того, автор называет еще один вариант звучания слова — *прохондей*, отмечая факт его употребления, например, в газете «Комсомольская правда» от 16 июня 1953 г.: «**Прохондеи**, — говорят о них бывшие друзья по учебе, спорту, — настоящие **прохондеи**! Меткое, но такое обидное для советского юноши прозвище!» А. С. Львов ссылается на сведения из «Опыта областного великорусского словаря» (1852), где *прохондей* ('притворщик') зафиксировано с пометой «Твер.» (тверское), и предполагает для этого варианта мотивирующее *прохонда*, которое, однако, ни в каких словарях не отражено. Распространившееся *прохиндей*, весьма вероятно, с точки зрения А. С. Львова, образовалось от *прохиней*, а жаргонного происхождения «вставной *д*» в нем по образцу слов *браванда*, *брындей*, *шенда* и т. д. [Львов 1970: 84–85]. Корень *-хин-* автор, как и В. В. Виноградов, связывает с диалектными *хинь* и *хինить*, а также с прилагательным *хинарный* — 'лукавый' (псковское). Суффикс *-ей-* в слове *прохиндей* такой же, как в словах *халдей* ('на-хал, наглец'), *гордей* (от *горд*) и т. п. Аналогия же со словами типа *злодей*, *лиходей*, *чародей*, в которых *-дей* (древнерусское *-дѣй*) 'действующее лицо' — от глагола *дѣяти*, сомнительна, т. к. в словах *прохиндей* и *прохондей* нет соединительного гласного.

Позднее *прохиндей* в значении 'неискренний, хитрый человек' появляется также в «Этимологическом словаре русского языка» М. Фасмера. В вопросе о происхождении слова здесь разделяется мнение А. С. Львова [Фасмер 1987: 385].

Другие гипотезы, представленные в «Историко-этимологическом словаре осетинского языка» В. И. Абаева, а также в «Школьном этимологическом словаре русского языка» Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой, менее убедительны. Авторы их все же настаивают на соответствии слова *прохиндей* образованиям типа *злодей*,

чародей. При этом в словаре Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой *прохиндей* рассматривается как производное от предполагаемого в древнерусском языке слова **прохинь* — префиксального образования от *хинь* ‘ерунда, чушь’ [Шанский, Боброва 2004: 259]. В связи с отсутствием каких-либо данных о слове **прохинь* с этой точкой зрения согласиться трудно.

В. И. Абаев строит более сложную, с несколькими гипотетическими звеньями, этимологическую цепочку, но она также не выдерживает лексико-семантической проверки в русских диалектах: возможному **хиндей* приписывается значение ‘занимающийся кознями, плутовством’ и родство с предполагаемым исходным **хин* (‘хитрость’, ‘лукавство’, ‘козни’). Ему соответствует осетинское *xin*, которое, в свою очередь, по версии автора, этимологически идентично с *kinæ* ‘месть’ из древнеиранского **kaina-*, с колебанием в осетинском *к-//х-*. В. И. Абаев полагает также, что **хиндей* синонимично другому возможному в русских говорах образованию **хинарь*. Его автор соотносит с упомянутым выше диалектным *хинарный* [Абаев 1989: 202]. Однако нет никаких бесспорных документальных, исторических, лексикографических свидетельств, подтверждающих сколько-нибудь прочную семантическую связь *прохиндея* с ‘местью’ (ср. опять же *прокуда* — от *куд* в значении ‘злой дух, колдовство’).

Итак, в дискуссии об этимологии интересующего нас слова наиболее достоверной сегодня представляется версия В. В. Виноградова (согласно которой *прохиндей/прихиндей* берет начало от диалектных *хинь* и *хինить*), по сути дополненная соображениями А. С. Львова о вставном *д*. Из современных источников к истории слова можно добавить новые факты и сведения, которые, видимо, еще предстоит осмыслить в русле накопленных представлений о его значении и происхождении.

В выпуске 33 «Словаря русских народных говоров» для существительного мужского рода указано единственное, но неизвестное до сих пор и не вышедшее за рамки диалектного значение: «Прохиндей, м. смелый, боевой человек. На Русско-японской его все за прохиндея считали, и в Гражданскую он не подкачал, тоже прохиндеем числился. Слава о прохиндее добрая шла. Забайкалье, 1980» [Сороколетов (гл. ред.) 1999: 25]. Очевидно, что у этого, другого, значения слова и другая, положительная, коннотация. Следом за ним в словнике названы однокоренные существительные женского рода *прохиндейка* и *прохиндея*. Их толкования в словаре выражают известное нам в литературном языке значение и, соответственно, его отрицательную коннотацию: «Прохиндейка, ж. Хитрая и ловкая женщина, мошенница, проходимка. Хозяйка-прохиндейка. Калинин, 1972»; «Прохиндея, ж. То же, что прохиндейка. Ярослав, 1913» [Сороколетов (гл. ред.) 1999: 25]. Сокращение «Калин», обозначающее географию употребления слова *прохиндейка*, — это не что иное, как Калининская область, с 1990 г. именуемая Тверской, по названию существовавшей до 1929 г. Тверской губернии. Значит, это очередное зарегистрированное в диалектологических изданиях тверское происхождение слов одного семантического гнезда. Отдельно акцентируем внимание на совпадении информации о диалектном пути ярославского *хинь* (см. выше данные о нем из словаря В. И. Даля) и слова *прохиндея* Ярославской же губернии.

Важные сведения об истории интересующего нас слова предоставляет сейчас Национальный корпус русского языка (НКРЯ). При лексико-грамматическом поисковом запросе для лексемы *прохиндей* в общем объеме основного корпуса, содержащего письменные тексты, найдено 233 примера в 158 текстах разных типов и жанров — из художественной литературы, мемуаров, публицистики, повседневной печатной продукции. Самые ранние примеры употребления этого слова в художественной литературе, согласно НКРЯ, датируются 1915 г. (в мистической повести Юр. Юркуна «Клуб благотворительных скелетов», фрагменты из которой в настоящей работе цитируются ниже по бумажному изданию 1918 г.) и 1920–1930-ми гг. — периодом создания романа-эпопеи В. Я. Шишкова «Угрюм-река», действие которого разворачивается вокруг семьи сибирского купца Громова (полное издание романа вышло в свет в 1933 г.):

Батюшка усмехнулся, шепнул Прохору: — Прохиндей⁶, не верь... Дурачка ломает, — и громко: — А вот скоро пожалуют сюда с пловучей ярмаркой купцы. (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 1–4. 1928–1933); — *Вы — наш. А этот прохиндей Протасов, ого-го! Это штучка, я вам доложу.* (В. Я. Шишков. Угрюм-река. Ч. 5–8. 1913–1932).

По данным панхронического корпуса НКРЯ, употребление слова *прохиндей* наиболее активизируется с 1960-х гг., причем в абсолютно всех случаях с ярко выраженной экспрессией порицания, отрицательной коннотацией⁷:

И происходило это даже не из-за готовности здешнего начальника отдавать людскую жизнь за лишней грамм металла, а только из-за его бездушия бурбона и прохиндея. (Г. Г. Демидов. Начальник. 1965); *А что такое «прохиндей»?* — спросил Царек. — *Это человек, который сам не живет и другим жить не дает, — пояснил Курай. — Ясно, — сказал Царек. — Хорошее слово, звучное.* (Валентин Черных. Три рассказа // «Юность», 1972); *Они их, тех, которые гнут спинку-с, называют всякими порочными названиями, как, например, лицемеры, подхалимы, прохиндеи-с и даже ехидны-с, однако не понимают, что это от нравов идет, от закона меж людьми, а не от дурного характера.* (Булат Окуджава. Путешествие дилетантов (Из записок отставного поручика Амираана Амилахвари). 1971–1977); *Редакторы зудели над ухом: «У вас директор, Вик. Вик., тоже прохиндей, а должен быть «положительным».* (А. Б. Гребнев. Дневник. 1984); *Каких только разгильдяев, ханыг, прохиндеев, чудиков и обормотов не встретил Фирсов в спецкомендатуре* (Дмитрий Каралис. Автопортрет. 1999); *В свое время мы с ним очень быстро договорились*

⁶ Приводим полные библиографические данные самого раннего оказавшегося доступным к просмотру бумажного издания романа «Угрюм-река», где воспроизводится написание *прохиндей*: Шишков Вяч. [Текст]: [Роман] / Изд. заново просм. Л.: Гослитиздат, 1935.

⁷ В Портрете слова НКРЯ частотность его употребления в целом оценивается как низкая, при этом статистика функционирования в художественных текстах более чем в 2,5 раза выше в сравнении с нехудожественными.

о социальных аспектах нашего поиска, мы сосредоточили внимание не только на широких проявлениях доброй совестливой души, но и на болезнях века, на агрессивных, внешне обаятельных поплзновениях лихоимцев, **прохиндеев**, делающих подчас блистательную карьеру, людей бес-культурных по своей человеческой сути. (М. А. Захаров. Театр без вранья. 2007).

В НКРЯ обнаруживается также 14 вхождений лексемы *прохиндейка* в 11 текстах, например:

— **Прохиндейка!** Я еще проверю, чего ты здесь околачивалась! Я лично проверю! (Дина Рубина. Уроки музыки. 1982); *Время, когда ее пропащий сын проживал с прохиндейкой Раиской на Дальнем Востоке, не прошло для Комарихи даром <...>* (Ольга Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки. 1995–1999); *И вместе с тем она была необыкновенная кокетка, жуткая прохиндейка, обманщица, авантюристка.* (З. Е. Гердт. Рыцарь совести. 2010).

В группе примеров из НКРЯ самое раннее свидетельство использования слова *прохиндейка* (подчеркнем еще раз — в варианте с -О-) относится к 1914 г. Это фрагмент из «Дневника» М. А. Кузмина — поэта, писателя, композитора Серебряного века. Примечательно, что М. А. Кузмин — уроженец Ярославля, происходивший из дворянского рода (см. выше о географии употребления формы женского рода *прохиндея*, зарегистрированной в «Опыте областного великорусского словаря» (1852)). Как и пример из повести Юр. Юркуна, фрагмент дневниковых записей будет процитирован чуть ниже, но в полном соответствии с автографом — собственноручным рукописным текстом М. А. Кузмина.

Кроме лексемы *прохиндейка*, отметим в порядке убывания частотности имеющиеся в НКРЯ примеры других однокоренных слов, входящих в одно словообразовательное гнездо, также с учетом их форм (если исходное его слово, вершина — *прохиндей*): *прохиндиада* (43 примера в 16 текстах), *прохиндейство* (10 примеров в 9 текстах), *прохиндейский* (5 примеров в 4 текстах), *прохиндейстый* (2 примера в 2 текстах). Помимо суффикса -ств-, на который, как уже сказано, обратил внимание А. С. Львов, к суффиксам книжного характера из этой группы относится -иад- в слове *прохиндиада* (об истории этого слова будет упомянуто далее). Возможной лексемы *прохиндеиваться* (по аналогии с *прихиндеиваться*, существование которого предположил В. В. Виноградов) по запросу в НКРЯ не найдено.

Так или иначе вариант *прихиндей* и возможные его производные отсутствуют как в основной части НКРЯ, так и — отдельно обратим на это внимание — в электронных версиях книг, доступных для чтения в онлайн-библиотеках разного рода.

Между тем нам все же удалось найти свидетельства достаточно давнего существования этого варианта с -И- в письменной речи, причем не только собственно слова *прихиндей*, упоминаемого в письме В. В. Виноградова, но и производных от него. Документальными фактами в данном случае оказались рукописный авторский текст, а также бумажные книги, изданные при жизни автора и, как правило, воспроизводящие каноническое написание. В первом случае речь идет о подлинном архивном документе — «Дневнике» М. А. Кузмина, собственноручно им написанном

и находящемся на хранении в РГАЛИ. Приводим по оригиналу фрагмент записи 17 августа 1914 г.⁸:

*Хотел прийти тот-то и тот-то: и Миллер, и Сашенька, и Бобиш, но никого не было. Впрочем, Саш<енька> вечером пришел. Ездил к Липковской. За мной заезжала **прихиндейка** Люся и возила сначала еще за какими-то нотами.*

Сверка с автографом выявила, что в первом, появившемся относительно недавно бумажном издании дореволюционной части дневника М. А. Кузмина -И- в слове *прихиндейка* заменена на -О-: *прохиндейка* [Богомолов, Шумихин (сост.) 2000: 471]. Отредактированное в наши дни написание вошло и в электронное собрание НКРЯ.

Далее представим результаты обращения к первому бумажному изданию повести «Клуб благотворительных скелетов», включенной в сборник произведений Юр. Юркуна, близкого друга М. А. Кузмина. В этом издании встречаем три интересующих нас примера:

- (1) *За всем и всеми недовольным скелетом, осанкою и манерою держаться похожим на кислого сановника, всюду следом волочился маленький **прихиндей**, имевший свойство влюбляться только в того, кто получал чье-либо одобрение, обезьяна, восторженный сплетник [Юркун 1918: 155];*
- (2) *— Что с вами, г. Скрипицын? — спросил его с чисто **прихиндейским** участием приятель. — Да вот, коллега Секретарев, — отвечал раздумчиво и прислушиваясь к своим словам Скрипицын, — вот только не знаю, как все это вам формулировать, поделиться с вами сжато в двух словах [Юркун 1918: 148];*
- (3) *Секретарев сперва от растерянности прокашлялся таким подобострастным, **прихиндейским** кашлем; потом, сообразив, что так он может пробудить от сна вместе и других совсем ненужных лиц, возбужденной котяшкой прикоснулся к розовому стеганому одеялу... [Юркун 1918: 183].*

В первом примере написание производящего *прихиндей* приводится в буквальном соответствии с бумажным оригиналом книги, где допущена, судя по всему, опечатка с перестановкой соседних букв *НД*: *прихиндней*. Ее можно расценить и как вероятный знак еще малоизвестного слова, неологизма, незнакомого редактору этого издания. В двух других примерах употреблено производное прилагательное *прихиндейский*, но факт использования его в авторской речи, напротив, говорит в пользу достаточной освоенности мотивирующего *прихиндей*.

Примеры вполне показательны, если обсуждать влияние сферы речи на «социально-экспрессивную», по В. В. Виноградову, характеристику слова: в центре сюжета мистической повести Юр. Юркуна — рассказ о собраниях неживой аристократии, обсуждающей житейские дела и строящей планы по достижению

⁸ РГАЛИ. Ф. 232, оп. 1. Ед. хр. 56, л. 326.

определенных целей для своих еще живых родственников (сравним с «народным» вариантом *прохиндей* в приведенных примерах из художественной прозы В. Я. Шишкова). Есть основания считать, что вариант словоупотребления *прихиндей* обрел популярность не только в лексиконе мещанском, по определению В. В. Виноградова, но и в литературно-бытовом. Можно лишь предположить, что ответ на вопрос В. В. Виноградова о том, «откуда Т. Г. взяла это слово», следует искать в первую очередь непосредственно в сфере общения Татьяны Григорьевны (муж М. А. Цявловский — литературовед, известный пушкинист; старшая сестра М. Г. Ашукина (Зенгер), ее муж Н. С. Ашукин — литературоведы (Н. С. Ашукин некоторое время работал в Ярославле); брат — искусствовед Н. Г. Зенгер, который был вхож, между прочим, в круг поэта М. А. Кузмина⁹). Однако никаких фактов упоминания слова *прихиндей* в архивном материале М. А. Цявловского и Т. Г. Цявловской (Зенгер), хранящемся в РГАЛИ¹⁰, нами не установлено.

Подтверждением гипотезы о распространении в художественно-бытовой среде этого варианта служат также гораздо более поздние по времени примеры из другой печатной книги — первого издания романа «Весны гонцы» Е. М. Шереметьевой, в прошлом актрисы и преподавателя театрального института в Ленинграде.

В тексте второй книги романа форму *прихиндей* тоже находим трижды, в двух фрагментах:

- (1) *Если бы не трогали Анну Григорьевну, назло Недову и его прихиндеям еще год не пошла бы. Мерзавцы! И зачем Сашка всем это: «Моя жена, моя жена», — кому какое дело?.. [Шереметьева 1964: 101];*
- (2) *Зачем она пересказывала на своем курсе то, что говорил ей Джек? Ведь знает, что Недов и его прихиндеи ловят все, чем можно насолить Соколовой, ее студентам. А что, собственно, Джек говорил-то? <...> А кого «агитировал» — Майку и этого недовского прихиндея Лютикова? [Шереметьева 1964: 135].*

Действие романа происходит в 1950-е гг., сюжет его связан с актерско-студенческим бытом и театральным закулисьем. Оба фрагмента — из внутреннего монолога главной героини романа, актрисы Алены Строгановой, в прошлом — абитуриентки, приехавшей поступать в театральный институт Ленинграда из Вологды (упоминание о Вологде любопытно в контексте освещенных ранее в настоящей работе лексикографических данных о географии употребления диалектного *прохиндея* и родственных ему слов).

В электронное собрание текстов НКРЯ это произведение не вошло, но дополнительный поиск по Яндексу показал, что на сайтах электронных библиотек повсеместно в тексте произведения используется вариант с -О-: *прохиндей*. Лишь в одном случае по поисковому запросу «прихиндей» обнаруживается, что сайт

⁹ См. об этом: Письма Зенгера Николая Григорьевича к Т. Г. Цявловской. РГАЛИ. Ф. 2558, оп. 2. Ед. хр. 1237.

¹⁰ Ф. 2558.

предоставляет «исправленную версию» романа, с информацией в виде сноски: «В бум. книге: прихиндей»¹¹.

Наконец, для дополнительной культурно-исторической справки, подтверждающей распространение в 1960-е наряду с формой *прохиндей* варианта *прихиндей* в стихии устной разговорной речи, вспомним эпизоды кинокартин, вышедших на экраны в то время. Фраза «Вот ты, оказывается, какой **прихиндей!** [На общественные деньги спекулируешь!]" из трагикомедии Э. Рязанова «Зигзаг удачи» (авторы сценария Э. Рязанов, Э. Брагинский), премьерный показ которой состоялся в 1968 г., стала крылатой, одной из наиболее цитируемых поклонниками киноленты (это единственный пример употребления формы *прихиндей*, обнаруженный нами по поиску в устной части НКРЯ). Ее произносит в адрес фотографа Орешникова (в исполнении Е. Леонова) директор автобазы Иван Степанович Калачев (в роли его — Е. Евстигнеев). К варианту словоупотребления *прихиндей* с тех пор нередко обращаются именно в прецедентных текстах, словно вдохнувших в него новую жизнь. Такие тексты встречаются в самых разных источниках, в печатных периодических изданиях в том числе: *Но не все, кто без маски, человек. Это насчет мусора. Беженцы из Москвы (или из Питера, уж не помним) привезли с собой какого-то бедолагу-разгильдяя. Про таких Евстигнеев в «Зигзаге удачи» говорил: «Прихиндей». Как его, спрашивается, еще назвать, если он швыряет свой мусор прямо на дорогу?* (Журнал «Русский дом», № 7–8, 2020).

Особенный интерес вызывает эпизод первой серии трехсерийного фильма-драмы «Братья Карамазовы», экранизации одноименного романа Ф. М. Достоевского, также осуществленной в 1968 г. (режиссер и автор сценария картины — И. Пырьев). В споре о вере и безверии со Смердяковым (роль актера В. Никулина) Федор Павлович Карамазов (в исполнении М. Прудкина, уже сыгравшего эту роль на сцене МХАТа) произносит:

— Стой, ослица! Стой, **прохиндей!** Да два вас таких, что могут горы сдвигать!? И, полагаю, все-таки есть. <...> Червонца стоит твоё слово, валаамова ослица! Но в остальном ты врёшь: врешь, врешь и врешь! Врет! Знает, **прихиндей**, что мы от легкомыслия лишь не веруем. Времени Бог мало определил: всего во дню 24 часа! Так что некогда выспаться, а не только покаяться¹².

Конечно, этот киноэпизод (как и фильм в целом) срежиссирован с некоторыми отступлениями от сюжета и языка оригинала (в главе «Контroversa» книги

¹¹ Весны гонцы. Екатерина Михайловна Шереметьева. [Электронный ресурс] // CoolLib электронная библиотека. URL: <https://coolib.in/b/163484-ekaterina-mihaylovna-sheremeteva-vesnyigontsyi-2/read> (дата обращения: 30.08.2024).

¹² Ср. в гл. VII кн. III романа: «Стой! — завизжал Федор Павлович в апофеозе восторга, — так двух-то таких, что горы могут сдвигать, ты все-таки полагаешь, что есть они? <...> Червонца стоит твоё слово, ослица, и пришло тебе его сегодня же, но в остальном ты все-таки врешь, врешь и врешь; знай, дурак, что здесь мы все от легкомыслия лишь не веруем, потому что нам некогда: во-первых, дела одолели, а во-вторых, времени Бог мало дал, всего во дню определил только двадцать четыре часа, так что некогда и выспаться, не только покаяться».

третьей романа в разговоре участвует также Алеша Карамазов). Однако привнесенное из другого времени *прохиндей/прихиндей* мастерски, очень органично стилизует речевую манеру героев Достоевского, в целом идиостиль писателя. Произношение слова варьируется совершенно отчетливо, и, вероятно, варьирование не случайно: здесь это эффективный, яркий, во всех смыслах артистический, свойственный артисту и художественно тонкий, прием, направленный на усиление экспрессивности экранного образа героя. В аспекте нашего внимания это убедительное свидетельство параллельного функционирования в устной речи двух вариантов слова.

Кстати, из мира кино родом производное, обладающее яркой экспрессией слово *прохиндиада*, закрепленное в названии художественного фильма 1984 г. «Прохиндиада, или Бег на месте» (режиссер В. Трегубович) и после выхода киноленты на экраны получившее достаточно широкое распространение (см. выше данные НКРЯ). Суффикс *-иад-* В. В. Виноградов называл, в частности, иронически употребляемым «для обозначения событий или явлений, связанных с жизнью и деятельностью какого-нибудь лица» [Виноградов 2001: 124]. Если В. В. Виноградов расценивал суффикс *-иад-* как малопродуктивный, то к настоящему времени, в современных грамматиках и словарях, он считается продуктивным [Лопатин, Улуханов 2016: 343]. Это слово появилось в сценарии к фильму, написанном А. Гребневым.

В НКРЯ есть пример, где автор сценария комментирует художественную идею произведения:

«Прохиндиада» — о вакханалии потребления, о том, что все доступно и возможно, о круге людей, которые это поняли и пользуются всем. Ничего невозможного. Только захоти. В этот круговорот вовлечены люди самых разных профессий — и не только продавцы и буфетчицы, но и доктора, и артисты, и ученые мужи, кто угодно. (А. Б. Гребнев. Дневник. 1982).

В «Словаре обществоведческих терминов» значение слова толкуется как ‘состояние общества, характеризующееся активной деятельностью прохиндеев’ [Яценко 1999: 348]. Роль Сан Саныча Любомудрова, прохиндея, ловкача, умеющего заводить полезные связи и быть успешным, в этом фильме сыграл А. Калягин. Еще один характерный пример, вошедший в НКРЯ:

В «Прохиндиаде» герой остался прохиндеем. Почти в это же время вышла «Блондинка за углом». Там астроном Андрея Миронова грузил ящики в магазине, пел поясняющие фильм песни и перевоспитывал продавщицу. (Алла Сурикова. Любовь со второго взгляда. 2001).

Таким образом, в данной работе осуществлена попытка, с привлечением источников разного рода, в том числе авторских рукописных текстов, бумажных изданий по каноническим текстам, электронных собраний текстов, более полно проследить историю и жизнь слова *прохиндей* и прежде всего судьбу его варианта употребления *прихиндей*, который никак не зафиксирован и не описан лексикографической традицией, хотя появился в художественных изданиях, мемуарной

литературе практически одновременно с известной кодифицированной формой, более активной и более продуктивной сейчас.

Проанализированный массив примеров наглядно подтверждает важность проблемы установления канонического текста для исследования путей развития лексики современного русского языка. Изложенные факты и выявленные артефакты (в частности, тенденция искусственной замены как минимум в последние десятилетия в некоторых письменных текстах начального *при-* на *про-* в самом слове и его производных, составляющих словообразовательное гнездо), думается, помогут объективировать представление об эволюции каждого «социально-экспрессивного» варианта словоупотребления и о его месте в языковой системе.

Источники

Богомолов И. А., Шумихин С. В. (сост.). Кузмин М. А. Дневник 1908–1915 / Предисл., подгот. текста и коммент. И. А. Богомолова и С. В. Шумихина. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. 608 с.

Востоков А. Х. (ред.). Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Академии наук. СПб.: в типографии Императорской академии наук, 1852. [2], XII, 275 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4 т. М.: Издательство «Русский язык», 2000. Т. 4: Р — В. 688 с.

Кузмин М. А. Дневник VI // РГАЛИ. Ф. 232, оп. 1. Ед. хр. 56, л. 326.

Письма Зенгера Николая Григорьевича к Т. Г. Цявловской // РГАЛИ. Ф. 2558, оп. 2. Ед. хр. 1237.

Шереметьева Е. Весны гонцы. Книга вторая. М.: Изд-во «Молодая гвардия», 1964. 336 с.

Юркун Юр. Дурная компания: Сборник; Рис. Юр. Анненкова. Изд. «Фелана», Пб. [Петроград], 1918 [1917]. 186 с.

Литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. IV/U–Z. Л.: Наука, 1989. 327 с.

Виноградов В. В. «Жду перемен в своей судьбе»: Письма к жене из вятской ссылки (1934–1936) / Сост., подгот. текста А. Б. Гуськовой; научн. ред. Н. Я. Козел; сопроводит. материалы А. Б. Гуськовой, В. Н. Виноградовой; коммент. А. Б. Гуськовой, Н. Я. Козел. СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2024. 400 с.

Виноградов В. В. История слов. Отв. ред. академик РАН Н. Ю. Шведова. М.: ИРЯ РАН, 1999. 1138 с.

Виноградов В. В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г. А. Золотовой. 4-е изд. М.: Русский язык, 2001. 720 с.

Герд А. С. (гл. ред.). Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. Вып. 5. Подузорье — Свильнуть. СПб.: Изд-во С.-Петерб.ун-та, 2002. 664 с.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. В 4 т. Т. 3. П–Р. М.: Издательство «Русский язык», 1983. 750 с.

Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.

Львов А. С. Прохиндей // Русская речь. 1970. № 1. С. 83–85.

Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 33. Протка – Разлука. СПб.: Наука, 1999. 362 с.

Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 8 (*ха — *jъvъlga). М.: Наука, 1981. 252 с.

Улукханов И. С. Историческое словообразование. Историческая лексикология. М.: ООО «Лексрус», 2012. 367 с.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза — Сят) / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. 2-е изд., стер. М.: Прогресс, 1987. 832 с.

Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. 7-е изд., стер. М.: Дрофа, 2004. 398 с.

Яценко Н. Е. Толковый словарь обществоведческих терминов. СПб.: Лань, 1999. 524 с.

N. Ya. Kozel

Moscow State Pedagogical University

(Russia, Moscow)

k_nata17@mail.ru

ON THE HISTORY OF THE WORD *PROKHINDEY* AND ITS LEXICAL VARIANTS

The article examines the etymology, the ways of development and mainly the history of the word *prokhindey* and discusses the variants of its use, namely, the form *prikhindey*, which is not fixed and not marked in any way in lexicographic publications. The fate and social path of this word against the background of its more well-known, dictionary-registered variant is traced through diachronic analysis and comparison of various sources, oral and written: author's handwritten texts, paper editions of canonical texts, electronic collections of texts, including data from the National Corpus of the Russian Language. The realized derivational potential of each variant is also being studied. Based on the analyzed material, it is assumed that historically, the version *prikhindey* developed in parallel with the form of the initial *pro-* and is peculiar not only to oral speech; in written texts from the beginning of the twentieth century and at least until the early 1960s, the word itself and its derivatives are registered in art publications and memoir literature quite regularly in comparison with the competitive version. The article shows examples of how this variant was later outshone by the *prokhindey* variant due to the tendency to artificially replace it in writing with the form *prokhindey*, which received the advantages of a lexicographically fixed one.

Key words: the history of the word, etymology, diachronic analysis, oral speech, written speech, lexicography.

References

- Abaev V. I. *Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka* [Historical and etymological dictionary of the Ossetian language]. Vol. IV. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 327 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Dictionary of the Russian language. In 4 vols]. Vol. 3. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1983. 750 p.
- Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka. V 4 t.* [Etymological dictionary of the Russian language. In 4 vols]. Vol. 3. 2nd ed., ster. Moscow, Progress Publ., 1987. 832 p.
- Gerd A. S. (ed.). *Slovar' russkikh govorov Karelii i sopredel'nykh oblastei* [Dictionary of Russian dialects of Karelia and adjacent regions]. Iss. 5. St. Petersburg, Publ. House of St. Petersburg, unita, 2002. 664 p.
- Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language]. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2016. 812 p.
- Lvov A. S. *Prokhidei* [Prokhindey]. *Russkaya rech'*, 1970, no. 1, pp. 83–85. (In Russ.)
- Shansky N. M., Bobrova T. A. *Shkol'nyi etimologicheskii slovar' russkogo yazyka: Proiskhozhdenie slov* [School etymological dictionary of the Russian language: The origin of words]. 7th ed., ster. Moscow, Bustard Publ., 2004. 398 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 33. St. Petersburg, Nauka Publ., 1999. 362 p.
- Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov. Praslavianskii leksicheskii fond* [Etymological dictionary of Slavic languages. The Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 8 (*ха — *jъvylga). Moscow, Nauka Publ., 1981. 252 p.
- Ulukhanov I. S. *Istoricheskoe slovoobrazovanie. Istoricheskaya leksikologiya* [Historical word formation. Historical lexicology]. Moscow, LLC "Lexrus" Publ., 2012. 367 p.
- Vinogradov V. V. «Zhdu peremen v svoei sud'be»: *Pis'ma k zhene iz vyatskoi ssylki (1934–1936)* ["I am waiting for changes in my fate": Letters to my wife from Vyatka exile (1934–1936)]. Comp. by A. B. Guskova; scientific ed. by N. Ya. Kozel; accomp. materials by A. B. Guskova, V. N. Vinogradova; comm. by A. B. Guskova, N. Ya. Kozel. St. Petersburg, Rostok Publ. House LLC, 2024. 400 p.
- Vinogradov V. V. *Russkii yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [Russian language (Grammatical doctrine of the word)]. Ed. by G. A. Zolotova. 4th ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2001. 720 p.
- Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [The History of Words]. Ed. by N. Yu. Shvedova. Moscow, Vinogradov Russian Language Institut RAS Publ., 1999. 1138 p.
- Yatsenko N. E. *Tolkovyi slovar' obshchestvovedcheskikh terminov* [Explanatory dictionary of social science terms]. St. Petersburg, Lan Publ., 1999. 524 p.

И. М. Ладыженский

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

ladij@mail.ru

СЛОЖНЫЕ СЛУЧАИ ОТОЖДЕСТВЛЕНИЯ ДРЕВНЕРУССКИХ УСТАВНЫХ ПОЧЕРКОВ И ПРОБЛЕМА ОТНОСИТЕЛЬНОЙ ДАТИРОВКИ КОДЕКСОВ, СОЗДАННЫХ ОДНИМ ПИСЦОМ

В первой части статьи рассматривается развитие писцовых навыков известного псковского книжника Козьмы Поповича, надежно фиксируемое тремя переписанными им кодексами (Служебный шестоднев Тип. 76 1312 г., Паремейник Тип. 61 и Син. 172 1312–1313 гг., Пролог на сентябрь–февраль Син. 239 1313 г.), а также делается предположение об относительной датировке четвертого кодекса — Пролога на март–август Тип. 177. Вторая часть статьи посвящена другому, безымянному писцу, работавшему вместе с Козьмой над кодексом Тип. 177 (лл. 123–127). Помимо фрагмента Пролога на март–август его почерк представлен еще в пяти рукописных книгах, одна из которых имеет точную дату создания: это хранящиеся в РГАДА Служебные минеи на февраль, июль, август и октябрь (Тип. 105, Тип. 123, Тип. 127 и Тип. 90 соответственно), а также Служебник РНБ Q.п.I.67 1316 или 1317 г. В отличие от Пролога Тип. 177, над остальными рукописями этот писец работал самостоятельно (или при минимальном участии других переписчиков — Минея Тип. 105). Палеографические особенности перечисленных кодексов позволяют судить об их относительной датировке.

Ключевые слова: палеография, датировка, атрибуция, Служебные минеи, Служебник, Пролог, Служебный шестоднев, Паремейник.

Вопросы атрибуции древнерусских писцовых почерков в последние десятилетия приобретают особую актуальность благодаря дигитализации архивных материалов и, соответственно, появившимся возможностям прямого сопоставления рукописей, хранящихся в разных древлехранилищах. Безусловной ценностью новых отождествлений является то, что они позволяют проверить или скорректировать время создания многих кодексов¹, и, следовательно, расширить имеющуюся базу

¹ См. в связи с этим комментарий А. А. Турилова [Турилов 2020: 292–293] об исправлениях к Сводному каталогу XI–XIII вв. [Жуковская и др. 1984].

датированных почерков, а значит, углубить наши представления о хронологии развития и распространения тех или иных палеографических и графических инноваций. В то же время нельзя не осознавать ограниченность такого метода датировки, даже если дата создания одного из кодексов точно установлена. Профессиональная карьера древнерусского писца длилась несколько десятилетий. С некоторой долей условности принято говорить о четверти века. И в абсолютном большинстве случаев мы не знаем, в какой период своей профессиональной деятельности древнерусский книжник переписал ту или иную книгу. В каком направлении нам следует двигаться при датировке кодекса недатированного? Отнимать или прибавлять к имеющемуся году четверть века, чтобы определить возможные хронологические рамки? К сожалению, приходится признать, что в большинстве случаев ответа на этот вопрос у нас не будет, следовательно, датировка на основании атрибуции не будет конкретнее, чем собственно палеографическая, позволяющая определить время создания письменного памятника с точностью до полувека. Тем не менее в некоторых случаях, мы считаем, детальное изучение почерка рукописей, созданных одним писцом, позволяет делать предположения о последовательности создания этих книг.

Медленное уставное письмо древнерусских книжных кодексов, несмотря на кажущуюся стабильность, допускало большую вариативность как на уровне отдельных взятых дуктов, так и на уровне стиливых элементов письма. Это обеспечило не только известное современным исследователям разнообразие писцовых почерков и их изменчивость от поколения к поколению, но и порой заметное варьирование одного почерка, в том числе в пределах одного кодекса. В процессе работы над рукописными книгами писцы усваивали новые начертания графем, а такие характеристики, как ритм и модули, заметно влияющие на внешний облик письменного текста, нередко менялись в зависимости от конкретных ситуационных задач (от необходимости, к примеру, разместить текст на ограниченном пространстве листа).

Даже если мы располагаем примерами того, как писцовый почерк не меняется на протяжении длительного времени, единственный корректный вывод, который мы должны сделать в этом случае, — писцовые навыки могут оставаться неизменными [ср. Зализняк 2000: 423; Турилов 2020: 295–296]. Любое иное утверждение будет ошибочным. Во-первых, потому что, имея два абсолютно тождественных образца почерка, мы не можем быть уверены, что никогда не существовало рукописи, где каллиграфические навыки этого писца были иными, т. е. отличались от того, что представлено в сохранившихся до наших дней кодексах. Во-вторых, мы располагаем значительным числом примеров противоположных: нам известны рукописи, переписанные одним писцом, и особенности письма в этих рукописях отличаются. Ярким примером такой изменчивости писцовых навыков является почерк псковского книжника Козьмы Поповича.

1. Эволюция каллиграфических навыков Козьмы Поповича и датировка Пролога Тип. 177

В настоящее время известны четыре рукописи, переписанные Козьмой [Калугин 1991: 46–47]: это Служебный шестоднев 1312 г. (РГАДА, Тип. 76)², Паремейник 1312–1313 гг. (в настоящее время список Паремейника разделен на два фрагмента: РГАДА, Тип. 61³ и последние 5 листов кодекса ГИМ, Син. 172⁴), Пролог на сентябрь–март 1313 г. (ГИМ, Син. 239)⁵, а также Пролог на март–август начала XIV в. (РГАДА, Тип. 177)⁶. Хронология создания первых трех рукописей известна. Шестоднев Тип. 76 на л. 11 об. содержит дату солнечного затмения — 5 июля 1312 г.⁷ Принадлежность кодекса перу Козьмы Поповича устанавливается на основании тождества почерков двух писцов — самого Козьмы и его отца Андрея, попа церкви св. Николая Мирликийского, а также на основании молитвенных обращений на лл. 35 и 84 к святым покровителям Косме и Дамиану [Калугин 1991: 53]. В Паремейнике основной писец не только называет свое имя, но и сообщает в двух записях о начале и конце работы над исходным кодексом. Переписывать книгу писец начал 17 декабря 1312 г., а закончил 17 мая 1313 г. [Калугин 1991: 49–51]. Датировка Пролога Син. 239 не совсем надежна, так как дата в выходной записи не сохранилась, и кодекс датируется на основании упомянутого 11 индикта [Щепкина и др. 1965: 169]. Следует учесть, что следующий год 11 индикта (1328) также подходит для датировки. Из Псковских летописей нам известно, что отец Козьмы — Андрей Микулинский, — фрагментарно работавший над Прологом, в 1327 г. участвовал в псковском посольстве к князю Ивану Даниловичу Калите [Насонов 1955: 91; Покровский 1916: 84]. Однако надо признать, что датировка 1313 г. все же прекрасно вписывается в надежно установленные даты создания других кодексов. Паремейник был завершен в мае, а, согласно записи, Козьма приступает к работе над Прологом как раз в июне. Кроме того, как будет показано ниже, изменчивый почерк Козьмы в Син. 239 чрезвычайно близок тому, каким Козьма завершает кодекс Тип. 61 (и который представлен на последних пяти листах Син. 172). Таким образом, нам известно, что в мае 1312 г. Козьма вместе со своим отцом Андреем Микулинским и четырьмя другими книжниками работали над Шестодневом Тип. 76, в декабре этого года Козьма приступает к работе над Паремейником. С мая по декабрь он вполне мог принимать участие в создании другого, не известного нам кодекса. Над Паремейником с декабря 1312 г.

² http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_76&name=Шестоднев%20служебный%20и%20Часослов%20с%20дополнениями.

³ http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_61&name=Паремейник.

⁴ https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/178188?page=2&sort=110&fund_ier=647760213__647760263_647760320__647760263_647760288&yes_pdf=true&index=56.

⁵ https://catalog.shm.ru/entity/OBJECT/164757?page=2&sort=110&fund_ier=647760213__647760263_647760320__647760263_647760288&yes_pdf=true&index=55.

⁶ http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_177&name=Пролог,%20март%20–%20август.

⁷ Подробнее о дате см. [Калугин 1991: 53].

по май 1313 г. Козьма работал практически самостоятельно (при минимальном участии своего отца) [Калугин 1991: 51]. В июне этого же года он приступает к переписыванию Пролога на сентябрь–март. Завершена работа была на память священномуч. Климента (вероятно Римского), т. е. 25 ноября 1313 г. Как и в случае с Паремейником, над кодексом Син. 239 книжник работал при минимальном участии своего отца [Калугин 1991: 55]. И если почерк Андрея Микулинского во всех кодексах практически не меняется, то писцовая манера его сына, существенно менее опытного в начале 10-х гг. XIV в. книжника, претерпевает заметные трансформации.

Каллиграфическая техника Козьмы в короткий период улучшилась: тяжелые широкие мачты сменились более тонкими, легкими, широкие модули — более узкими, прямоугольными⁸. Причем изменения наблюдаются даже в пределах одного кодекса. Таблица 1 наглядно демонстрирует изменения в начертании ряда графем в рукописях Тип. 76, Тип. 61 (и Син. 172), а также в Син. 239⁹.

Таблица 1. Изменения в начертании графем в рукописях Козьмы Поповича

Т76								
Т61_н								
Т61_н								
Т61_к								
Т61_к								
С239								

Такие характеристики почерка, как соотношение высоты и ширины графем, межбуквенный интервал и ширина мачт, могут сильно зависеть от внешних факторов — качества заточки пера и задачи, которую ставил перед собой книжник (к примеру, экономия места). Наиболее важным, на наш взгляд, является изменение графемы **ѣ**, косая перекладина которой в Паремейнике начинает писаться выше, чем она писалась в Шестодневе. Почерк Козьмы меняется как раз в процессе работы над кодексом Тип. 76, и в Прологе Син. 239 мы видим практически тот же почерк, каким Козьма завершает Паремейник.

⁸ Этот факт, мы полагаем, заслуживает особого внимания, поскольку Л. В. Столярова рассматривает несовпадение модулей письма как дифференцирующий признак. Так, в работе [Столярова 1998: 156, 174, 208–209, 248] исследовательница четыре раза использует сравнение модулей письма, и во всех случаях это необходимо для подтверждения различия почерков. Писцовая техника Козьмы Поповича вполне наглядно демонстрирует необоснованность такого подхода к атрибуции.

⁹ Для таблицы 1 мы использовали начертания графем строго с одного листа или столбца: Шестоднев Тип. 76, л. 68 (Т76), Паремейник Тип. 61, 7г (начало кодекса — Т61_н) и 151г (конец — Т61_к) и Пролог Син. 239, 4б (С239). Серые образцы букв в пределах одной ячейки представляют более раннее начертание, контурные — более позднее.

Четвертый кодекс, в работе над которым участвовал Козьма, Пролог Тип. 177 на март–август, чаще всего датируется началом XIV в. [Князевская и др. 1988: 255; Калугин 1991: 56]¹⁰. Пролог создавался двумя коллективами писцов: первая группа работала над весенними месяцами, вторая — над летними, после чего две части были переплетены в один кодекс [Калугин 1991: 56–57]. Козьма вместе с отцом и другим безымянным писцом работали над первой частью книги. Как показывает таблица 2¹¹, почерк Козьмы в Прологе Тип. 177 соответствует тому, что мы видим в Шестодневе 1312 г., т. е. наиболее ранней рукописи, точная датировка которой нам известна. Здесь прежде всего обращает на себя внимание положение перекладки **ѣ**, поскольку этот признак является именно писцовым навыком и в меньшей степени зависит от внешних факторов. Нам сложно предположить, что писец, изменивший технику письма в сторону повышения перекладин, вдруг решит вернуться к прежним навыкам, тем более что новые начертания соответствовали общим тенденциям развития древнерусского устава, т. е. книг, в которых эта особенность была представлена, становилось больше¹². Несмотря на то что такие характеристики, как пропорции букв и ширина мачт, менее значимы для относительной датировки, нельзя не отметить, что и в отношении этих признаков почерк Козьмы в мартовском Прологе близок именно Служебному шестодневу. Таким образом, мы полагаем, что период написания рукописной книги Тип. 177 должен предшествовать времени начала работы над Паремейником Тип. 61, т. е. до 17 декабря 1312 г.

Таблица 2. Сравнение почерка Козьмы Поповича в Прологе Тип. 177 с другими переписанными им кодексами

T76								
T177								
T61_н								
T177								
C239								
T177								

¹⁰ Впрочем, в настоящее время на сайте РГАДА кодекс датируется первой третью XIV в.: <http://rgada.info/kueh/index.php?T1=&Sk=381&B1=Найти#:~:text=Пролог%2C%20март%20-%20август.-,Датировка%3A%20первая%20треть%20XIV%20в.,-Аннотация%3A%20рукопись%20содержит.>

¹¹ В таблице 2 мы использовали те же изображения, что и в таблице 1, а также образцы начертаний, взятые со столбца 74в Пролога Тип. 177.

¹² Андрей Микулинский, в отличие от своего сына, использует традиционное начертание **ѣ** преимущественно с прямой перекладной посередине [Калугин 1991: 49]. Почерк Козьмы в этом отношении заметно прогрессивнее, и надо полагать, что с новым образцом этой графемы Козьма знакомится в переписываемых рукописях.

2. Атрибуция почерка в Прологе Тип. 177 (лл. 123–127), Служебных минеях Тип. 105, Тип. 123, Тип. 127, Тип. 90 и Служебнике Q.п.I.67

Пролог на мартовскую половину года Тип. 177, созданный в скриптории Андрея Микулинского, является важным звеном в цепочке других атрибуций. Нам удалось обнаружить один из почерков второй части исходного кодекса, представленный на лл. 123–127¹³, в рукописных книгах, хранящихся в РГАДА (Служебные минеи на февраль, июль, август и октябрь — Тип. 105 (илл. 1), Тип. 123¹⁴, Тип. 127¹⁵ и Тип. 90¹⁶ соответственно), а также в хранящемся в РНБ Служебнике Q.п.I.67¹⁷ (1316 или 1317 г. — подробнее о дате см. ниже). В Каталоге ЦГАДА Служебные минеи датируются первой половиной XIV в. (Тип. 123) и серединой XIV в. (Тип. 105, Тип. 123, Тип. 127) [Князевская и др. 1988: 182, 185, 196, 198]¹⁸. Все минеи поступили на Московский печатный двор из псковской церкви Богоявления в Кстове [Покровский 1916: 40–43]. Имя писца не известно, однако то, что до наших дней сохранилось сразу шесть переписанных им кодексов, факт довольно незаурядный. Причем пять из шести рукописей этот книжник переписывал самостоятельно или при минимальном участии других писцов¹⁹. Этому книжнику принадлежит киноварная запись на л. 1 Минеи Тип. 90 [ЦГАДА 1988: 182], а также, возможно, две пробы пера в этом же кодексе на л. 105, сделанные на нижнем поле чернилами мелким почерком (киноварная проба пера, вероятно, сделана позднее — ср. [Столярова 2000: 402]).

Тождество почерка в Прологе Тип. 177 и Служебных минеях (Тип. 90, Тип. 105, Тип. 123 и Тип. 127) не должно вызывать сомнений, поскольку оно надежно устанавливается как на основании стандартного для атрибуции набора признаков²⁰, так

¹³ Помимо этого нам удалось связать с тремя рукописями почерк, представленный на лл. 128–131 (см. [Крысько, Ладыженский, Мольков 2022: 84]).

¹⁴ http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_123&name=Минея%20служебная,%20июль.

¹⁵ http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_127&name=Минея%20служебная,%20август.

¹⁶ http://rgada.info/kueh/index2.php?str=381_1_90&name=Минея%20служебная,%20октябрь.

¹⁷ <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyi-katalog?ab=AAF09435-958D-4238-BBF5-SAB9764C7629>.

¹⁸ В настоящее время на сайте РГАДА датировки скорректированы следующим образом: Тип. 123 и 127 — первая половина XIV в.; Тип. 90 — первая половина — середина XIV в. Кодекс Тип. 105 не оцифрован.

¹⁹ Только в Минее на февраль представлен еще один фрагментарный почерк, не связанный с поздними приписками — на л. 12. О почерках Служебника см. [Столярова 1998: 246–247].

²⁰ К числу стандартных признаков мы относим своеобразие начертаний графем. Помимо инвариантных для каждой эпохи признаков графемы в уставе обладали также элементами, допускавшими вариативность. К числу таких вариативных элементов относятся различные формы петель (широкие, узкие петли а, округлые, треугольные, квадратные петли ъ, њ, њ и пр.), изгибы хвостов и некоторых других частей графемы (к с коленцем и без него — см. [Калугин 1991: 49]), наклоны мачт и прочих элементов букв по отношению к строке и друг к другу, наличие / отсутствие дополнительных (избыточных) элементов (к примеру покрытия или росчерка вдоль нижнего края строки у графем с нижней петлей, типа ъ, њ, њ и пр.).

и на основании безусловного внешнего сходства. Совпадает целый комплекс дополнительных примет: лигатурные написания и разные каллиграфические варианты букв. Эти элементы в разной мере самобытны, однако в совокупности они создают уникальный набор признаков, который и является основанием для атрибуции.

В то же время нельзя не отметить характерную для каллиграфической манеры данного книжника вариативность в начертании некоторых графем. Практически во всех рассматриваемых рукописях, к примеру, представлены варианты **м**: с плечами, с одним плечом (справа и слева), с различными по степени и форме прогиба петлями (см. образцы этой буквы, зафиксированные в кодексе Тип. 123 — таблица 3). Наименьшее варьирование наблюдается в Прологе Тип. 177, но это объясняется как малым объемом фрагмента переписанного текста, так, возможно, и тем, что писец испытывал давление каллиграфической манеры предшественника — книжника, который работал над лл. 82–123²¹. Исходное варьирование почерка, не ограниченное какими-либо фрагментами кодекса, не должно вызывать удивления. Куда более неожиданным, на наш взгляд, является другой факт: в рукописи Тип. 127 писец начинает использовать новый вариант покрытия , , однако начиная с л. 44 вместо них появляется короткое титло . Кроме того, до этого момента книжник мог писать два варианта самого титла (без выносных букв): длинное, перечеркнутое посередине, и короткое, причем, как кажется, в начале кодекса длинное титло преобладало, но начиная с л. 44 используется только короткое титло.

Таблица 3. Различные образцы начертаний графемы **м** в кодексе Тип. 123

цѣломоуѣдрникъ 54	въ мѣстима 26 об.	Разоумъ 112 об.	прикмѣтъ 94	соузовымъ 124 об.	магдаалъни 93 об.
					

Рукопись Служебника заметно выделяется в данном ряду атрибуций. Отличается художественное оформление кодекса и сам почерк, который здесь кажется более стильным, ритмичным и содержит некоторые новые каллиграфические элементы (илл. 2, таблицы 4, 5). В то же время стоит подчеркнуть, что отличие почерка исключительно внешнее. Если сравнивать непосредственно начертания графем, несложно убедиться в их совпадении практически во всех случаях. Заметным

²¹ Здесь следует отметить, что, на наш взгляд, В. В. Калугин [Калугин 1991: 57] неточно определил границы почерков. Исследователь пишет, что шестой писец приступает к работе на четвертой строке столбца 123в. В действительности смена почерка произошла еще на 123618 (начиная со слов **да воудеть**), что заметно, если обратить внимание на своеобразие начертаний таких графем, как **оу** (**да воудеть** 123618), **х** и **к** (**хотени** 123619–20). См.: http://rgada.info/kueh/1/381_1_177/0139.jpg.

исключением, пожалуй, является только начертание **ω**: в кодексе Q.п.I.67 преобладают более крупные и более округлые варианты данной графемы с «тупой» серединой () , в то время как в минеях и Прологе эта графема, как правило, меньше, а середина прописана гораздо небрежнее (). Впрочем, надо иметь в виду, что образцы омеги с тупой серединой имеются и в других рассматриваемых рукописях. И все же письменный текст в Служебнике внешне столь сильно отличается от Миней и Пролога, что мы, пожалуй, не стали бы настаивать на атрибуции, если бы не одно обстоятельство. Если сопоставить первые листы Миней на август (Тип. 127) и первые листы Служебника, мы обнаружим очевидное внешнее сходство (илл. 3, 4). В обеих рукописях почерк претерпевает некоторые внешние изменения. В Тип. 127 ритм почерка постоянно меняется за счет межбуквенного интервала и незначительного варьирования пропорций графем. В Q.п.I.67 модули практически не меняются, но увеличивается размер букв²², что, при сохранении числа строк и символов в строке, отражается на ритмических характеристиках почерка.

Важным элементом графической системы писца являются каллиграфические варианты некоторых графем²³. Так, почти во всех рассматриваемых кодексах писец использует дополнительный каллиграфический тип графемы **с** (— при стандартном) , а в Служебнике появляются еще два дополнительных начертания: , , что в принципе коррелирует с общим, более богатым, художественным оформлением кодекса. Аналогичным образом представлено варьирование *о*-широкого (таблица 5). Наиболее сложные варианты начертаний появляются именно в Служебнике. Мы полагаем, что подтверждением атрибуции в обоих случаях являются не собственно каллиграфические типы, а сам факт наличия большого числа вариантов. Не менее важным для атрибуции является варьирование омеги. Каждый представленный каллиграфический тип омеги (таблица 4) сам по себе можно считать тривиальным, не представляющим значительную ценность для атрибуции, однако наличие во всех кодексах сразу двух дополнительных вариантов (см. строки 2 и 4 таблицы 4) является довольно уникальным.

²² Наиболее заметны изменения на л. 3 и 6 об., см.: <https://nlr.ru/manuscripts/RA1527/elektronnyiy-katalog?ab=AAF09435-958D-4238-BBF5-CAB9764C7629>.

²³ К каллиграфическим вариантам относятся такие начертания стандартных графем, которые содержат дополнительные, неконструктивные элементы, основная функция которых — эстетическая. Вероятно, собственно эстетическое значение имеет засечка на мачтах и перекладинах, часто используемая древнерусскими книжниками. При этом такие образцы с засечкой следует считать каллиграфическими вариантами только в том случае, когда они употребляются наряду с обычными начертаниями, лишенными избыточных элементов. Стоит отметить, что наш писец также очень охотно использовал эту засечку. Особого внимания заслуживают каллиграфические варианты таких букв, как **ω**, **о** (*о*-широкое), **ф**, **е** (*е*-широкое). Если начертания **о** с горизонтальными или вертикальными утолщениями (или без них), а также вариант **о** (с точкой внутри) относятся к числу стандартных, то написания с двумя или четырьмя засечками внутри, перекладинами и пр. — варианты каллиграфические (см. таблицу 5). Наличие или отсутствие таких каллиграфических вариантов может оказаться важным аргументом при атрибуции.

Таблица 4. Каллиграфические варианты омеги в кодексах Тип. 177, Тип. 105, Тип. 123, Тип. 127, Тип. 90 и Q.п.I.67

	Тип. 177	Тип. 105	Тип. 123	Тип. 127	Тип. 90	Q.п.I.67
1. 	+	+	+	+	+	+
2. 	+	+	+	+	+	+
3. 	+	+	+	+	—	—
4. 	+	+	+	+	+	+

Таблица 5. Каллиграфические варианты о-широкого в кодексах Тип. 177, Тип. 105, Тип. 123, Тип. 127, Тип. 90 и Q.п.I.67

	Тип. 177	Тип. 105	Тип. 123	Тип. 127	Тип. 90	Q.п.I.67
	+	+	+	+	+	+
	—	+	+	+	+	+
	—	+	+	+	+	+
	—	—	—	—	—	+
	—	—	+	+	—	—
	—	+	+	+	—	—
	—	—	—	+	—	+
	—	—	—	—	—	+

3. Вопрос датировки Служебника Q.п.I.67

В работе [Гранстрем 1953: 52], а вслед за ней и в Сводном каталоге XI–XIII вв. [Жуковская и др. 1984: 368] Служебник Q.п.I.67 датируется XIII–XIV вв., однако Л. В. Столярова обратила внимание на маргиналию летописного содержания, которая расположена в кодексе на л. 40 (см. илл. 2). Запись сообщает о кончине Марии Довмонтовой 6 ноября 6025 г. (·✠· кѣ· — так!). Дата, судя по всему, содержит ошибку — пропущена ѡ (800) [Отчет 1912: 40; Столярова 1998: 245]. Поскольку мы не можем точно установить, какое летоисчисление (мартовское или сентябрьское) использовал автор экстратекста при указании даты, маргиналию принято датировать 1316 или 1317 г.²⁴ Сам Служебник Л. В. Столярова датирует

²⁴ Об ошибочной датировке записи Е. Э. Гранстрем и в Сводном каталоге XI–XIII вв. см. в [Столярова 1998: 245–246].

первой четвертью XIV в., при этом отмечает большую близость записи почерку основного текста. Однако сам вопрос принадлежности маргиналии переписчику кодекса исследовательница решает отрицательно из-за несовпадения модулей письма: «Модули их письма (отношение высоты буквы к ее ширине) различны. Если бы запись и основной текст Службника были сделаны одним и тем же почерком, то их модули скорее бы всего совпали» [Столярова 1998: 248]. В Приложении к Сводному каталогу XIV в. предложена поправка к датировке рукописи Q.п.I.67 — ок. 1316 г. [Турилов 2002: 591]. Вопрос принадлежности записи писцу рукописи А. А. Турилов, автор обоих приложений к Сводному каталогу, оставляет без внимания, хотя без учета этого фактора датировка ок. 1316 г. ничем не обоснована — мог пройти любой промежуток времени, прежде чем кто-либо решил оставить запись на 40 л. рукописи. Тем не менее даже недостаточно узкая датировка Службника периодом до 1316 г. (или до 1317 г. — пожалуй, так будет корректнее) важна, поскольку помещает кодекс в число ранних памятников с таким прогрессивным маркером, как высокая перекладина *e*-йотированного [см. Ладыженский 2021: 88–89]. Однако мы полагаем, что экстратекст все же принадлежит самому писцу рукописи. Действительно почерк на полях не совпадает в полной мере с почерком основного текста, но в этом нет ничего удивительного. Напротив, это довольно типично для маргиналий того времени. А. А. Турилов использует в отношении этого текста термин полуустав, что, на наш взгляд, не совсем точно. Это, скорее, некрупный и незначительно упрощенный устав, который отличается от стандартного только отсутствием дублирующих штрихов²⁵. Все элементы букв, в том числе мачты, пишутся в одну линию. Технически это может сближать маргинулию со старшим полууставом, но все же полуустав стал частью письменной культуры только во второй половине XIV в. В самом тексте маргиналии мы не нашли ничего, что не соответствовало бы почерку основного текста. Т. е. ни одно из начертаний графем, ни титла, ни положение точки в строке не отличаются от почерка самого Службника. При этом аргументацию Л. В. Столяровой — о несовпадении модулей письма — мы решительно отвергаем. Как это было показано на примере Козьмы Поповича, пропорции букв могут меняться даже в пределах одной рукописи. И уж тем более они могут меняться при создании текста маргиналии, которую книжник писал существенно меньшим почерком, и это, соответственно, требовало от него решения принципиально иных технических задач. Таблица 6 позволяет сравнить изменение пропорций буквы *м* в записи, оставленной Козьмой Поповичем на л. 64 кодекса Син. 239, авторство которой не вызывает сомнений, в том числе у Л. В. Столяровой [2000: 216], и в маргиналии Службника. Легко заметить, что модуль этой буквы меняется в обоих случаях.

²⁵ См., к примеру, записи в таких рукописях, как Ирмологий 1344 г. (Син. 932) [Турилов 2002: 497], Апостола-Евангелие апракос первой трети XIV в. Увар. 379–4° [Турилов 2002: 168], в обоих случаях в маргиналиях мы видим аналогичный мелкий почерк, отличающийся от основного текста. И при этом составители Сводного каталога XIV в. характеризуют его как устав.

Таблица 6. Сравнение модулей буквы **м** в маргиналиях (Син. 239 и Q.п.I.67) с основным текстом

множество Син. 239, 64610 / дамытине Син. 239, 64	твонмъ Q.п.I.67 40.11 / домонтова Q.п.I.67, 40
	

Новость о кончине Марии Довмонтовой, скорее всего, была получена писцом в тот момент, когда он работал над л. 40, что и послужило поводом для написания экстратекста. Таким образом, Служебник Q.п.I.67 должен датироваться 1316 или 1317 г.

4. Проблема относительной датировки рукописей Тип. 177, Тип. 105, Тип. 123, Тип. 127 и Тип. 90

В ситуации, когда только одна из шести рукописей имеет дату создания, уместной представляется лишь датировка по отношению к этой книге. Последовательность создания остальных кодексов не так важна, тем более что мы не видим никаких признаков, дающих более-менее твердые основания для подобных построений. Т. е. относительная датировка в нашем случае возможна лишь в сравнении со Служебником Q.п.I.67. Почерк Служебника в рассматриваемой группе рукописей, как мы уже отмечали раньше, создает впечатление более профессионального. Он ритмичнее, изящнее и содержит большее, чем в других кодексах, число каллиграфических элементов. Однако это не является основанием для надежных выводов об относительной датировке кодексов, так как может быть обусловлено внешними факторами и намеренной установкой писца на более изящное оформление книги. Тем не менее мы полагаем, что основания для относительной датировки имеются на уровне графики. В рукописях миней писец крайне скуп использует графему **е** (*е-широкое*)²⁶. Она употребляется редко и преимущественно в конце строки или в позиции инициала. Мы нашли лишь два случая, когда эта графема была употреблена внутри строки (**земное** Тип. 90, 35 об.; **по|кланѣмъи** Тип. 127, 5). В отличие от миней в Служебнике эта буква употребляется часто и свободно, ее появление не зависит от позиции в строке и она является в графической системе писца полным дублетом **к**. Ограниченное использование **е** часто объясняют коррекцией длины строки. Даже в целом использование этой графемы, в том числе в середине строки, могло бы объясняться стремлением к экономии. Однако в кодексе Q.п.I.67 такая интерпретация неуместна — *е-широкое* практически всегда крупнее *е-йотированного* (см. таблицу 7, которая отражает соотношение величин трех образцов **е** к единственному **к** на л. 21 об.).

²⁶ В Прологе Тип. 177 на лл. 123–127 эта графема отсутствует, однако, скорее всего, это объясняется малым объемом переписанного данным книжником текста.

Таблица 7. Соотношение величин е-широкого к е-йотированному на л. 21 об. Служебника Q.п.I.67

прѣгрѣшеніе 21 об.6 / ѣвонѣ 21 об.1	невоное 21 об.7	пришьль ствоуемъ 21 об.8–9
		

Мы полагаем, что употребление е-широкого в Служебнике имело, скорее, эстетическое значение, как и в случае с каллиграфическими вариантами с, ѿ и ѡ. Для графической системы писца эта черта прогрессивная. Маловероятно, чтобы писец в какой-то момент просто решил вернуться на консервативную позицию и отказался от широкого употребления этой буквы, продолжая при этом использовать каллиграфические типы других букв. Сопоставление почерков и графических систем Служебных миней кстовского комплекта на февраль, июль, август и октябрь, а также лл. 123–127 Пролога Тип. 177 со Служебником, таким образом, дает основания полагать, что кодекс Q.п.I.67 является наиболее поздним в этом ряду, следовательно, остальные рукописные книги были созданы до 1317 г. Отметим, что эти выводы согласуются с предложенной выше датировкой кодекса Тип. 177 до 17 декабря 1312 г.

Литература

Гранстрем Е. Э. Описание русских и славянских пергаменных рукописей: Рукописи русские, болгарские, молдовлахийские, сербские. Л.: ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина, 1953. 130 с.

Жуковская Л. П., Тихомиров Н. Б., Шеламанова Н. Б. (ред.). Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в СССР: XI–XIII вв. М.: Наука, 1984. 406 с.

Зализняк А. А. Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование // Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1990–1996 гг.). Палеография берестяных грамот и их внестратиграфическое датирование. М.: Русские словари, 2000. С. 134–429.

Калугин В. В. Андрей Микулинский и Козьма Попович — псковские писцы XIV века // Книжные центры Древней Руси. XI–XVI вв.: Разные аспекты исследования. СПб.: Наука, 1991. С. 46–61.

Князевская О. А., Коваль Н. С., Кошелева О. Е., Мошкова Л. В. Каталог славяно-русских рукописных книг XI–XIV вв., хранящихся в ЦГАДА СССР. Ч. 1, 2. М.: ЦГАДА, 1988. 350 с.

Крысько В. Б., Ладыженский И. М., Мольков Г. А. От Моравии до Пскова: текст и экстратексты Софийской триоди // Известия Российской академии наук. Серия литературы и языка. 2022. Т. 81. № 3. С. 74–92.

Ладыженский И. М. О палеографических методах датирования. Краткий обзор датированных почерков второй половины XIII — первой половины XIV в. // Sub

specie aeternitatis: Сб. науч. статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2021. С. 58–134.

Насонов А. Н. (ред.). Псковские летописи. Вып. 2. Изд-во АН СССР, 1955. 363 с.

Отчет Императорской публичной библиотеки за 1905 г. Б. м., 1912.

Покровский А. А. Древнее псковско-новгородское письменное наследие. М.: Синодальная типография, 1916. 282 с.

Столярова Л. В. Древнерусские надписи XI–XIV вв. на пергаменных кодексах. М.: Наука, 1998. 414 с.

Столярова Л. В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XV вв. М., 2000. 542 с.

Турилов А. А. (отв. ред.). Сводный каталог славяно-русских рукописных книг, хранящихся в России, странах СНГ и Балтии. XIV в. / О. А. Князевская, Н. А. Кобяк, А. Л. Лифшиц, Н. Б. Тихомиров, А. А. Турилов, Н. Б. Шеламанова. Вып. 1 (Апокалипсис — Летопись Лаврентьевская). М.: Индрик, 2002. 768 с.

Турилов А. А. К вопросу о датировке «Венского октоиха» («Кодекс Ганкенштейна») // Славянское и балканское языкознание: Палеославистика – 3. М.: Институт славяноведения, 2020. С. 284–305.

Щепкина М. В., Протасьева Т. Н., Костюхина Л. М. и др. Описание пергаменных рукописей Государственного исторического музея // Археографический ежегодник за 1964 г. М.: Наука, 1965. С. 135–235.

I. M. Ladyženskij

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

ladij@mail.ru

COMPLEX CASES OF IDENTIFICATION OF OLD RUSSIAN UNCIAL HANDWRITING AND THE PROBLEM OF RELATIVE DATING OF CODICES CREATED BY ONE SCRIBE

The first part of the article analyzes the changes in the scribal skills of the famous Pskov scribe Kozma Popovich, which are found in three codices he copied (Service Hexaameron 1312 (Typ. 76), Paroemiaron 1312–1313 (Typ. 61 and Syn. 172), Prologue for September–February 1313 (Syn. 239)). The paper also makes an assumption about the relative dating of the fourth codex — Prologue for March–August (Typ. 177). The second part of the article is devoted to another scribe who worked with Kozma on the Codex Typ. 177 (pp. 123–127). In addition to the fragment of the Prologue for March–August, his handwriting is represented in five more handwritten books, one of which has an exact date of creation: these are the Service Menaions for February, July, August, and October (Typ. 105, Typ. 123, Typ. 127, and Typ. 90, respectively), stored in the Russian

State Archives of Ancient Documents (RGADA), as well as the Liturgicon of the Russian National Library Q.п.I.67 of 1316 or 1317. Unlike in the case of the Prologue Typ. 177 the scribe worked on the other manuscripts independently (or with minimal participation of other copyists — Menaion Typ. 105). The paleographic features of the listed codices allow us to judge their relative dating.

Key words: Paleography, Dating, Attribution, Extratexts, Service Menaion, Liturgicon, Prologue, Service Hexaameron, Paroemiaron.

References

Granstrem E. E. *Opisanie russkikh i slavyanskikh pergamennykh rukopisei: Rukopisi russkie, bolgarskie, moldovlakhyskie, serbskie* [Description of Russian and Slavic parchment manuscripts: Russian, Bulgarian, Moldovlahian, Serbian manuscripts]. Leningrad, The State Public Library named after M. E. Saltykova-Shchedrina Publ., 1953. 130 p.

Kalugin V. V. [Andrei Mikulinsky and Kozma Popovich — Pskov scribes of the 14th century]. *Knizhnye tselntry Drevnei Rusi XI–XIV vv.* [Book Centers of Ancient Russia. 11th — 16th centuries]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1991, pp. 41–61. (In Russ.)

Knyazevskaya O. A., Koval' N. S., Kosheleva O. E., Moshkova L. V. *Katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig XI–XIV vv., khranyashchikhsya v TsGADA SSSR. Chasti 1, 2* [Catalog of Slavic-Russian handwritten books of the 11th — 14th centuries stored in the Central State Archive of Ancient Acts of the USSR. Parts 1, 2]. Moscow, Publ. House of the Central State Archive of Ancient Acts, 1988. 350 p.

Krys'ko V. B., Ladyženskij I. M., Mol'kov G. A. [From Moravia to Pskov: Text and extratexts of the St. Sophia triodion]. *Izvestiya Rossiiskoi akademii nauk. Seriya literatura i yazyka*, 2022, vol. 81, no. 3, pp. 74–92. (In Russ.)

Ladyženskij I. M. [On paleographic dating methods. A brief review of dated handwritings of the second half of the 13th — first half of the 14th century.] *Sub specie aeternitatis: Sb. nauch. statei k 60-letiyu Vadima Borisovicha Krys'ko* [Sub specie aeternitatis: Collection of scholarly articles for the 60th anniversary of Vadim Borisovich Krysko]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2021, pp. 58–134. (In Russ.)

Nasonov A. N. (ed.). *Pskovskie letopisi*. [Pskov chronicles.]. Iss. 2. Moscow, Publ. House of the AS USSR, 1955. 363 p.

Shchepkina M. V., Protas'yeva T. N., Kostyukhina L. M. and others. [Description of the parchment manuscripts of the State Historical Museum]. *Arkheograficheskii ezhegodnik za 1964 g.* [Archaeographic yearbook for 1964]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 135–235. (In Russ.)

Stolyarova L. V. *Drevnerusskie nadpisi XI–XIV vv. na pergamennykh kodeksakh* [Old Russian records of the 11th–14th centuries in parchment codes]. Moscow, Nauka Publ., 1998. 414 p.

Stolyarova L. V. *Svod zapisei pistsov, khudozhnikov i perepletechikov drevnerusskikh pergamennykh kodeksov XI–XIV vv.* [Collected records of scribes, artists and bookbinders of Old Russian parchment codices of the 11th — 14th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2000. 542 p.

Turilov A. A. (resp. ed.). *Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v Rossii, stranakh SNG i Baltii. XIV v. Vyp. 1 (Apokalipsis — Letopis' Lavrent'yevskaya)* [Composite catalogue of Slavic-Russian manuscripts stored in Russia, CIS and Baltic Countries: 14th century. Iss. 1 (Apocalypse — Laurentian Chronicle)]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 768 p.

Turilov A. A. [On the question of dating the “Vienna Octoechos” (“Hankenstein codex”)]. *Slavyanskoe i balkanskoe yazykoznanie: Paleoslavistika – 3* [Slavic and Balkan linguistics: Paleoslavistics – 3]. Moscow, Institute of Slavic Studies, 2020, pp. 284–305. (In Russ.)

Zaliznyak A. A. [Paleography of birch bark letters and their extra-stratigraphic dating]. Yanin V. L., Zaliznyak A. A. *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 1990–1996 gg.). Paleografiya berestyanykh gramot i ikh vnestratigraficheskoe datirovanie* [Novgorod letters on birch bark (from excavations of 1990–1996). Paleography of birch bark letters and their extra-stratigraphic dating]. Moscow, Russkiye Slovari Publ., 2000, pp. 134–429. (In Russ.)

Zhukovskaya L. P., Tikhomirov N. B., Shelamanova N. B. (eds.) *Svodnyi katalog slavyano-russkikh rukopisnykh knig, khranyashchikhsya v SSSR: XI–XIII vv.* [Composite catalogue of Slavic-Russian manuscripts stored in the USSR: 11th — 13th centuries], Moscow, Nauka Publ., 1984. 406 p.

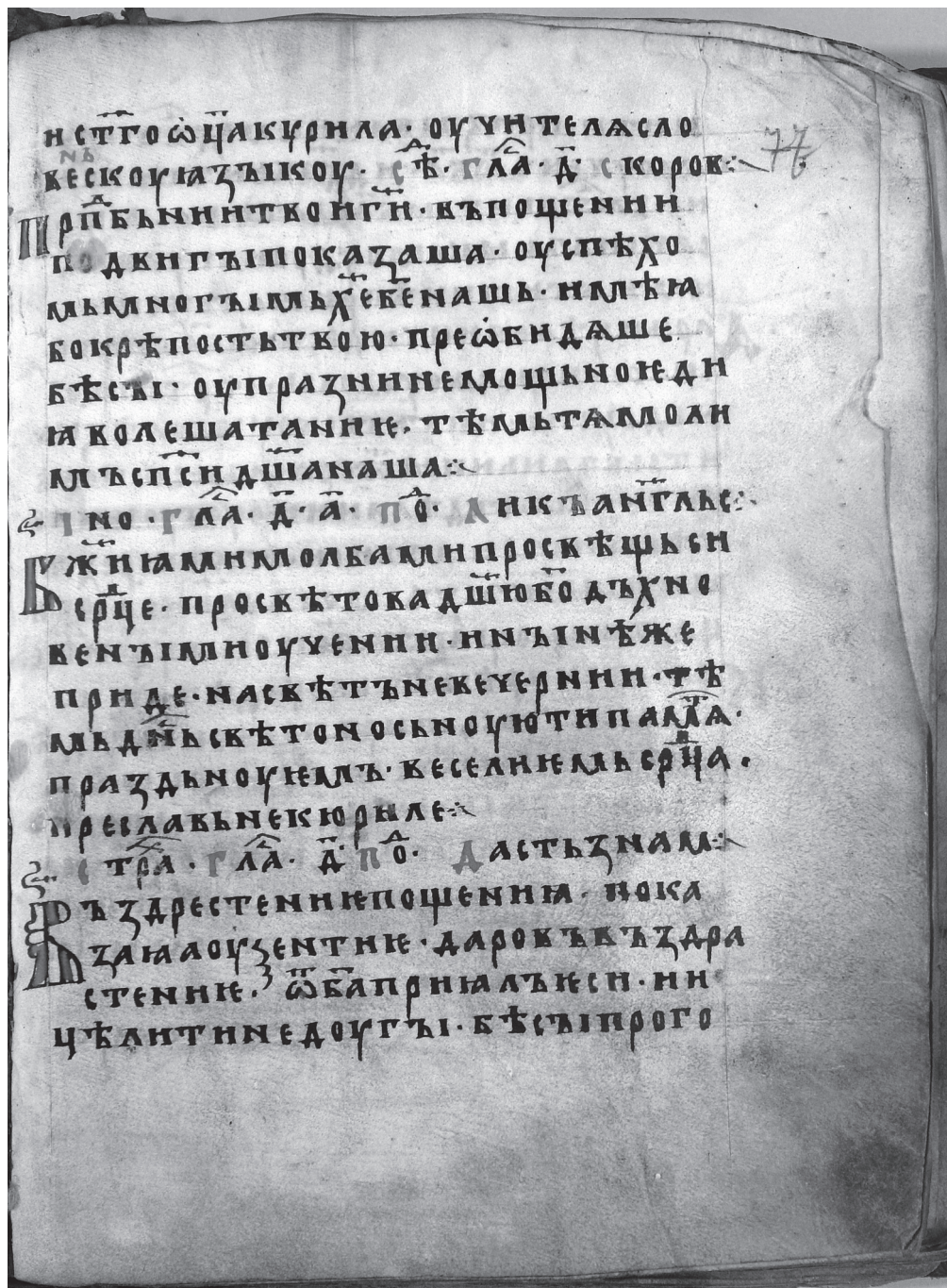

Иллюстрация 1. Служебная минея на февраль Тип. 105, л. 77

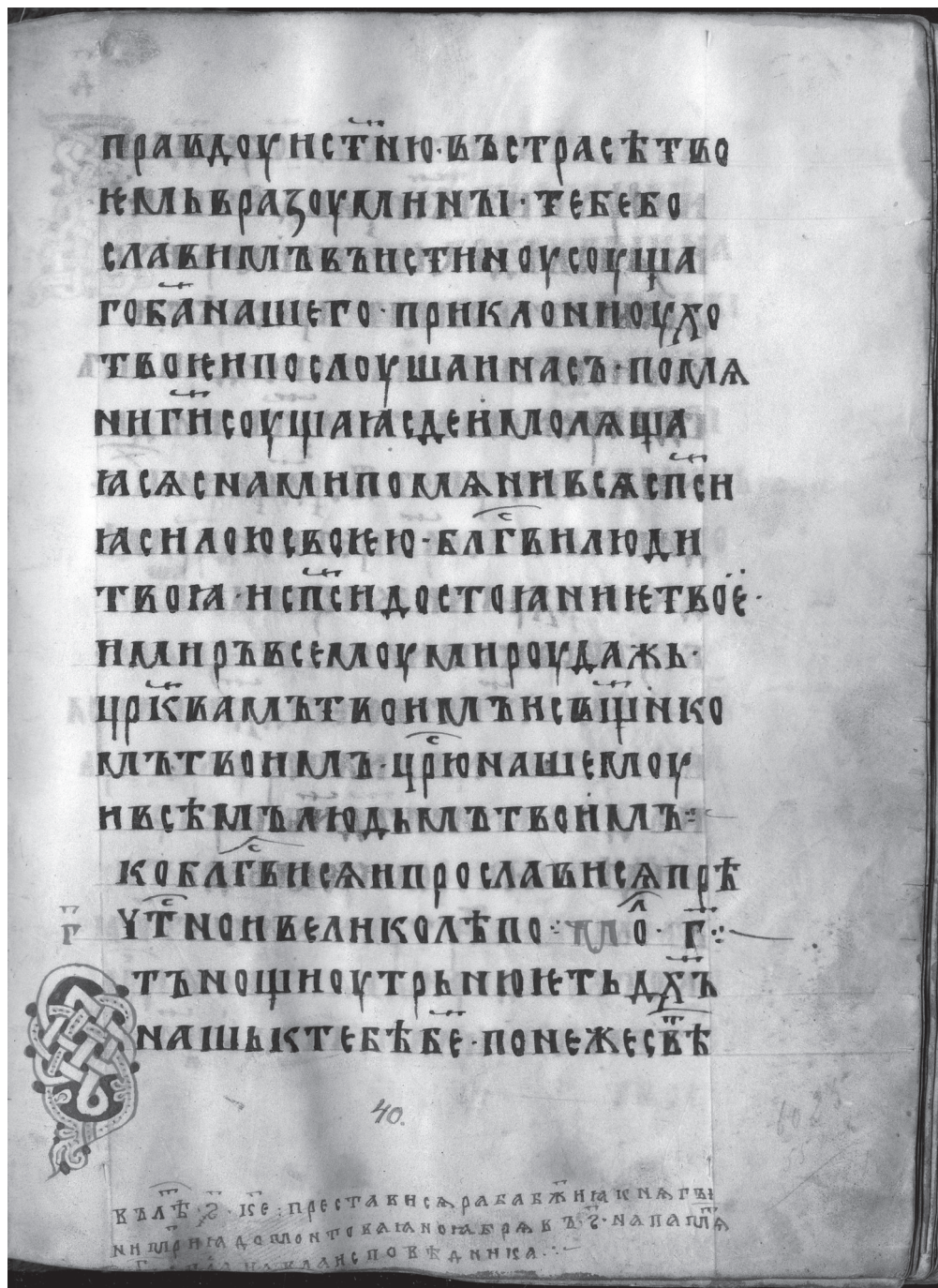

Иллюстрация 2. Служебник Q.p.I.67, л. 40

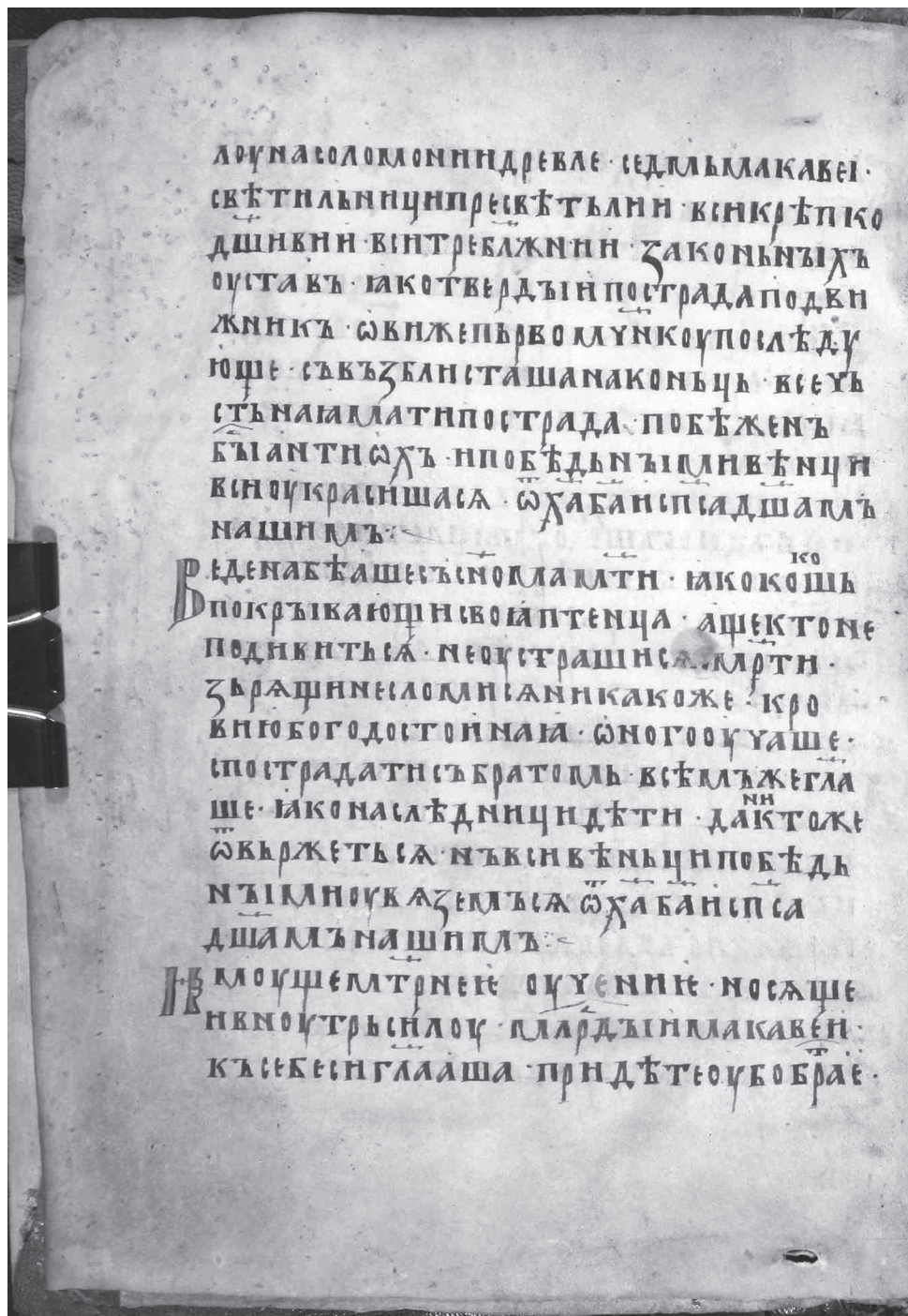

Иллюстрация 3. Служебная минея на август Тип. 123, 2 об.

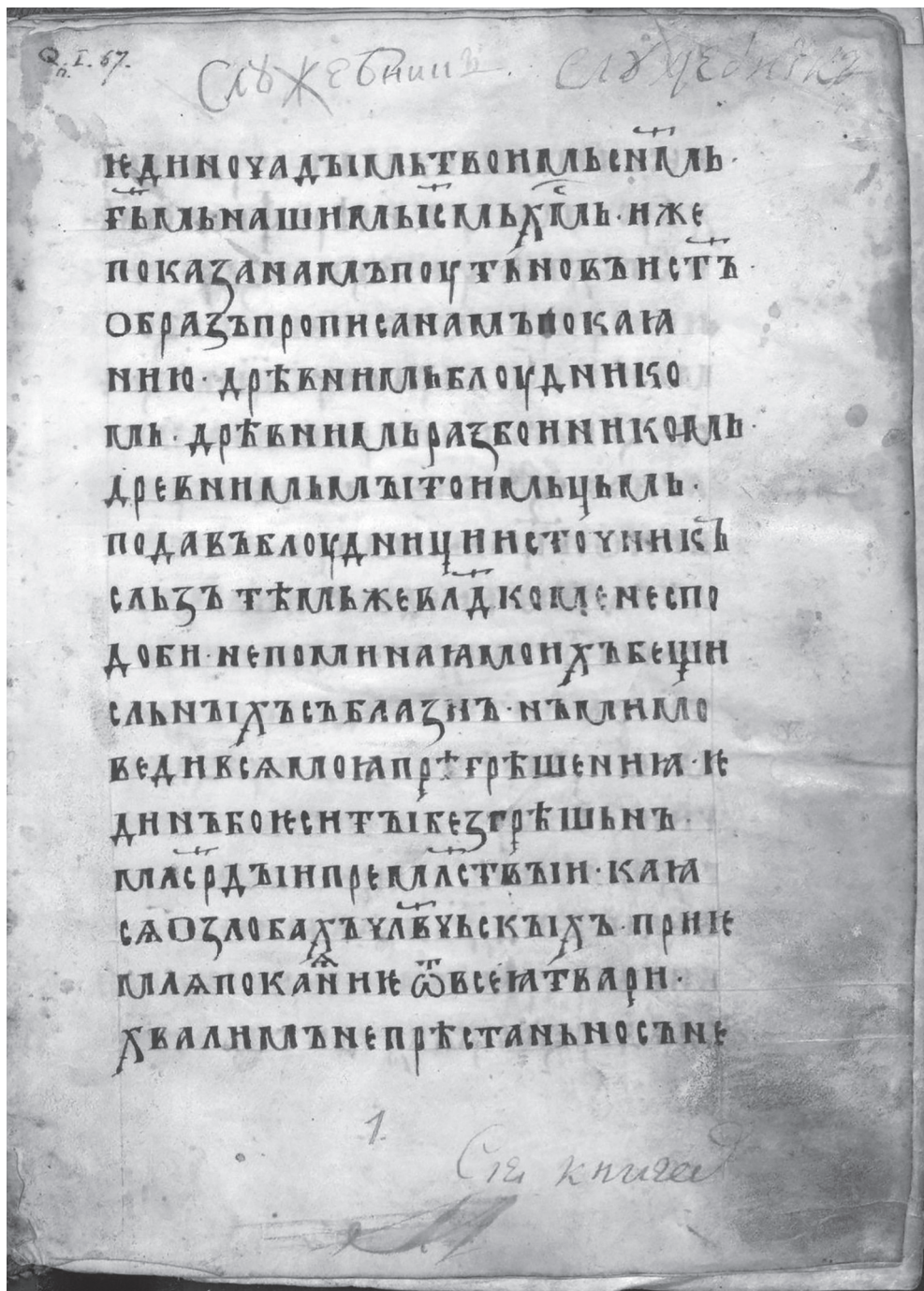

Иллюстрация 4. Службник Q.п.I.67, л. 1

Л. В. Прокопенко

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

prolaruc@gmail.com

ДЫНЬ ИЛИ Б(Ъ)ДЫНЬ: ЕЩЕ РАЗ О ЗАГАДОЧНОМ СЛОВЕ ИЗ ЖИТИЯ КНЯГИНИ ОЛЬГИ

Статья посвящена одной фразе из Жития княгини Ольги в Прологе, где Ольга завещает похоронить ее, не насыпая высокой могилы и не устраивая ни *тризны*, ни *дына* (с вариантами *дыны*, *бдына*, *годины*). Это фраза привлекала внимание исследователей еще в XIX в., но до сих пор не получила однозначного истолкования. В качестве первичного чтения чаще всего рассматривается слово *б(ъ)дынъ*, понимаемое как надгробное сооружение или некий погребальный обряд (в последнем случае оно связывается с глаголом *бъдѣти*). Анализ вариантов, встретившихся в 58 списках Пролога XIV–XVII вв., показал, что скорее первичны формы *дына* или *дыны*, но слово *дынъ* до сих пор не было известно по другим источникам (если не считать Жития Константина Муромского, где оно также испорчено). Недавно мы обнаружили его в болгарском переводе Жития Феодота Киринейского (вероятно, Преславской школы) с греческой параллелью *στάδιον* ‘состязание, место состязания’. Мы полагаем, что такое значение можно приписать и слову в Житии Ольги, где в таком случае речь идет о погребальных играх. Этимология *дынъ* не изучена, важно, что оно во всех случаях употребляется рядом с *тризна* или его производными; очевидно, что два этих слова представляют собой части погребального обряда.

Ключевые слова: Пролог, русская агиография, русская историческая лексикография, древние болгарские переводы, язычество Древней Руси.

Проложное Житие Ольги (память 11 июля) многократно публиковалось и подвергалось глубокому исследованию [Соболевский 1888: 67–68; Серебрянский 1915: 23–32, Приложения, 7–8; Пичхадзе и др. 2005: 288–291, 300–302; Павлова 2008: 230–239; Лосева 2009: 146–154, 421–423], по последним данным оно было написано в 60-е гг. XII в. при составлении на Руси пространной редакции Пролога с использованием различных источников [Лосева 2009: 147, 151].

Интересующее нас слово находится в конце Жития, где Ольга перед смертью обращается к сыну Святославу, наказав ему *погresti сѧ съ землею ровно. а могилы не соути. ни тризны творити. ни дына дѣяти*. Такой текст читается в списке Тип. 173 [Лосева 2009: 423], это единственный список краткой редакции Пролога

с этим Житием, вероятно, заимствованным здесь из пространной редакции. В других списках на месте *дына* отмечено *бдына* (а также близкие варианты *бды*, *бъдына*) или *години*.

Как известно, прологи пространной редакции за мартовское полугодие сохранились только в поздних списках, не ранее конца XIV в. Вполне естественно допустить, что в них имеются многочисленные искажения по сравнению с первичным текстом. В данном случае из трех чтений исследователи обычно делают выбор в пользу *бдынъ* (большинство) или *година* (З. А. Гриценко). Аргументация для выбора между *дынъ* и *бдынъ* неизвестна, но *дынъ* не вызывает никаких ассоциаций, следовательно, «это, конечно, — искажение древнего слова» [Соболевский 1911: 409].

Выбор *години* как первичного варианта объясняется так: «в дефектном, неясно писанном тексте писец прочел вместо первого слога «го» — «б» и, не вдаваясь в подробности, в смысл, переписал его в свой текст. Таким образом, из «година» получилось «бдина». А к XVII в. это непонятное «бдин» стало варьироваться в написании» [Гриценко 1989: 289]. Нам кажется ошибочным такое представление о работе писцов, так как правила текстологии говорят обратное: направление лексических замен всегда идет от сложного к простому, от редкой, архаической, непонятной лексики в сторону обычной, более новой, понятной [Молдован 1994: 73–75]. Противоположные примеры в древней славянской литературе редки и объясняются тем, что писец/редактор поставил перед собой цель архаизации и т. п. Писцы, как правило, не искажали слова в контексте, который им был понятен (а фраза *години дѣяти* вряд ли должна была вызывать затруднения, учитывая разветвленное гнездо с корнем *год-* и нередкий оборот *годину (-ны) правити*, определяемый как ‘совершать церковное поминовение в годовщину смерти’ [Аванесов (гл. ред.) 1989: 345]), они могли столетиями переписывать такие фрагменты текста, не искажив в них ни слова; напротив, если текст казался писцам непонятным, они обязательно «вдавались в смысл» и предлагали массу исправлений. Таким образом, даже если исходить только из соображения *lectio difficilior potior*, гипотезу о первичности слова *година* следует безусловно отвергнуть.

Слову *бъдынъ* в Житии Ольги (а больше это слово нигде не встречается) посвящено немало литературы, которую мы приводим здесь выборочно (см. библиографию в работах [Улуханов 1962; Гриценко 1989; Лосева 2009]). Трактовка связана с погребением и зависит от значения, которое придается слову *дѣяти* — конкретное ‘делать, строить’ (тогда *бъдынъ* — это надгробное сооружение, языческий погребальный памятник [Котляревский 1868: 118–120; Соболевский 1911: 409; Рыбаков 1987: 389]) или абстрактное ‘совершать’ (тогда речь идет о совершении некоего обряда типа бдения на могиле). В этимологических словарях допускаются оба эти толкования [Трубачев (ред.) 1976: 112–113; Фасмер 1: 141; Аникин 2008: 320; Аникин 2013: 346–347]. По мнению И. С. Улуханова, *бъдынъ* имеет значение действия, так как в некоторых списках вся синтагма заменена на *плакатисл*, при этом сущ. *бъдынъ* вполне может быть образовано от глг. **бъдынити*, который в свою очередь происходит от *бъдѣти* [Улуханов 1962: 200]. Слово *бъдынъ* как производное от *бъдѣти* связывается также с названием поминального дня в вятской земле *Бодун* [Напольских 2013: 6].

Отметим, что усилия большинства исследователей направлены на слово *бдынъ*, в то время как *дынъ* считается лишь его испорченным вариантом. Есть также противоположное, несколько маргинальное, мнение, что *бдынъ* — это результат переразложения приставки *об-* (**обдынъ* > *(*о*)-*бдынъ* > *бдынъ*) и происходит, таким образом, от *дынъ*, которое имеет параллель в кельтском со значением «укрепленный холм, форт» [Страхов 2002: 190–191; Страхов 2005: 339]. Наконец, и само слово *бдынъ* признается некоторыми исследователями призрачным, «продолжающ<им> жить в научных текстах как неопознанный таинственный объект» [Добродомов, Шаповал 2005: 335].

Итак, несмотря на все толкования, значение слова *б(ъ)дынъ* точно неизвестно, еще менее известно и значение слова *дынъ* (в словарях оно отсутствует или же приводится как вариант к *бдынъ*, ср. [Бархударов (гл. ред.) 1977: 395]), в таком случае с текстологической точки зрения они должны быть равны, перед писцами были два одинаково темных слова (разве что в слове *бдынъ*, они, даже не зная его, могли увидеть родство с *бѣдѣти* и проч.¹) и, таким образом, замена могла произойти в любом направлении: *дынъ* на *бдынъ* или *бдынъ* на *дынъ*. Чтобы приблизиться к решению вопроса, какое из них первично, рассмотрим картину разночтений более подробно. Для этого мы воспользовались указаниями в работах [Серебрянский 1915: Приложения, 185; Улуханов 1962: 197; Гриценко 1989: 285–286; Лосева 2009: 423], а также доступными оцифрованными прологами XV–XVII вв. из рукописных собраний РГБ, РНБ и БАН (всего 58 списков²). При этом *година* встретилось в 16 списках, *бдынъ* и *дынъ* и восходящие к ним варианты — в 12 и 26 списках соответственно, особняком стоит смысловая замена *плакатисѧ* (4 списка):

дыны (5)	дына (2)	бдына (9 ³)	години (16)
дыни (4)	дина (3)	бѣды (1)	(с орфогр. вар.
	дѣна (1)	бѣдына (1)	годѣны, годи(н),
дѣлы (1)	дѣла (1)	бдѣна (1)	го(д)ны, годинѣ
	надѣятисѧ (2)		и др.)
	(< (ды/ди)на-дѣяти + сѧ)		
	(ни) единою (2), единая (3), едино (2)		
		плакатисѧ (4)	

¹ На это указывает вариант *бдѣна*, см. ниже.

² Житие Ольги включено также в ВМЧ под 11 июля в оба проложных раздела с чтением *бдына* (Синод. 996, л. 133г и 139б; Соф. 1323, л. 93в и 100г) и в печатный Пролог под той же датой с чтением *години* (издание 1643 г., л. 630; 1696 г., л. 570 об.).

³ Три из этих 9 прологов — стихиные (Солов. 703/811, Егор. 484, Егор. 688), написанные в XVI — нач. XVII вв., т. е. представляют собой одну из редакций Стишного пролога, дополненного статьями пространной редакции. Житие Ольги из обычного Пролога очевидно было выписано один раз при составлении этой редакции (затем переписывалась уже сама редакция Стишного пролога), поэтому эти списки очень близки (например, в рассматриваемом фрагменте кроме *бдына* в них читается форма *соути*), фактически их следовало бы считать за один список. Чтение *дѣна* также встретилось в стихном прологе (Увар. 688 XV/XVI в. [Гриценко 1989: 285]). О редакциях Стишного пролога с дополнениями из обычного Пролога см. [Чистякова 2013: 42–50].

Бросается в глаза, что варианты, восходящие к формам *дынь*, более многочисленны (среди них есть морфологические⁴), а в гнездах *бдынь* и *година* вариативность заметно меньше, они представлены, видимо, в форме только одного падежа — род. ед. *Дѣлы/дѣла* — это замена по смыслу, но вряд ли ее источником были *бдына* или *години* (здесь повлиял также глаг. *дѣяти*); *надѣятиса* связано с вариантом *дына* или *дина* (скорее, чем с *бдына*), а *единою* (-ноя) — вероятно, с вариантом *дина*⁵. Обычно богатая картина различий свидетельствует о длительном времени переписывания, поэтому можно предположить, что чтение *дыны* или *дына* (являющееся источником прочих чтений в этом гнезде) появилось раньше *бдына* или *години*. Что касается датировки рукописей, то самые ранние из них для гнезда *дынь* относятся к первой половине XIV в. (это Тип. 173 с чтением *дына*; следующий по старшинству список уже пространной редакции — Погод. 615, 1455–1462 гг., с тем же чтением), для *бдынь* самый ранний список — Успенский пролог⁶ 1406 г. (по другим данным 1410–1425 гг.), для *година* — Прилуцкий пролог XIV/XV в. (по другим данным первой четверти (начала?) XV в. [Лосева 2009: 17]). Таким образом, неверно утверждение, что *година* сохранилось в более ранних списках, а затем в более поздних появляются искажения: сначала *дынь*, потом *бдынь* [Гриценко 1989: 285–286]. Все списки довольно поздние (преобладают списки XVI в.), но этому не следует придавать большое значение, так как ранние списки Пролога за мартовское полугодие просто не сохранились. Как известно, в Синайском палимпсесте XIII в. этой фразы нет⁷.

Важно отметить, что только в списках с вариантами *дынь* и *бдынь* и их производными сохранилась древняя форма инфинитива *соути*, например, в Тип. 173 (см. выше) или в Тр. 724 1562 г. (*а могилы не сути. ни тризна творити. ни бды дѣяти*). В группе списков с вариантом *година* вместо *соути* представлен производный от него итератив *сыпати*, в том числе в наиболее раннем представителе этой группы Прилуцком прологе: *а могилы не сыпати. ни тризна творити. ни години дѣяти* [Абрамович 1905: 287]. Возможно, более поздняя форма *сыпати* указывает и на

⁴ У всех сущ. в этой фразе в списках наблюдается вариативность падежей — род. ед. (*могилы, тризны, тризна, дына, бдына, години*), род. мн. (*могиль, тризнъ*), вин. мн. (*дыны*; как этот падеж могли рассматриваться и формы сущ. жен. р. *тризны, години*). Как известно, при глаголах с отрицанием может употребляться не только род., но и вин., при соблюдении некоторых условий [Мустайоки 1985].

⁵ Отметим, что и чтение *години* связано с вариантом *дина*, а *бдына* — с вариантом *дына*.

⁶ В этом списке слово было стерто, но его первые буквы *б* и *д* различимы. Сверху написано *иная ни* (?) [Лосева 2009: 150], предлагались также чтения этого места как *тина ни* [Серебрянский 1915: 27, Приложения, 8], *тиная тѣя* [Улуханов 1962: 196]. С гипотезой Серебрянского о правильном чтении *тина дѣяти* ‘ударять, бичевать себя (в знак траура)’ был согласен Лихачев или, по крайней мере, считал возможным чтение «тин или дын» [Лихачев 1962: 143–144].

⁷ Причем в Синайском палимпсесте отсутствует вся фраза после *могилы не соути* (т. е. не упоминаются ни *тризна*, ни *дынь/бдынь*) [Пичхадзе и др. 2005: 302], а в некоторых других списках *тризна* есть, но отсутствуют слова *ни (б)дына дѣяти*, например, в F.I.495 [Пичхадзе и др. 2005: 302], Егор. 486. Только о тризне говорится и в летописи: *Ибо [вар. и бѣ] заповѣдала Вльга не творите трызны на(д) собою. бѣ бо имуци презвутьер...* [ЛЛ: 68]. Был ли данный фрагмент удален в списках или, наоборот, вставлен, остается под вопросом.

более позднее появление всего фрагмента с вариантом *година*. Вообще Прилуцкий пролог, помимо новгородских особенностей, в частности массовой мены *ѣ/и* [Абрамович 1905: 283], известен также тем, что писец постоянно использовал «бытовое письмо» и нередко допускал искажения из-за недостаточной грамотности. Не исключено, что именно этот пролог был родоначальником замены *годины*, которое по смыслу подходит к контексту, но переводит обряд из языческого в христианский (получается, что Ольга просит не совершать над ней даже церковного обряда).

Как было сказано, в словарях (в том числе в исторических словарях русского языка) слово *дынѣ* отсутствует. Однако в них не всегда учитывается лексика из болгарских переводов житий святых, получивших распространение на Руси и сохранившихся в поздних восточнославянских списках (обычно в четых минеях). Большая часть этой лексики все же попала в словари благодаря тому, что она встречается в древних рукописях, например, в Супрасльском сборнике. Но нередко в этих поздних списках и *hарах* *legomena*, ср. [Кулева 2011: 130–131].

Так, в Житии Феодота Киринейского (память 2 марта), которое в южнославянской письменности не сохранилось, нам встретилось слово *дынѣ*: *иже невписаны(х) въ дыноу трызници* (Волок. 595, л. 25) — *οἱ τῶν ἀπογραψαμένων εἰς τὸ στάδιον*⁸ *ἀγωνισταί* «борцы из тех, что записаны на состязание»⁹ [Halkin 1981: 241]. Это Житие в том же переводе было включено в ВМЧ (Успенский список, Синод. 992, л. 19в–22а), рассматриваемое место с тем же чтением на л. 20в [GLM 1997: 40]. Греч. *ἀπογραψαμένων* в данной фразе переведено с ошибкой, возможно, приставка *ἀπο-* была понята как *ἀ-* *privativum*, см. об этом [Zanetti 1999: 84]. Итак, мы видим здесь слово *дынѣ* (снова рядом с корнем *тризн-*!) и согласно греч. параллели оно должно означать «состязание». Учитывая это значение, невозможно предполагать, что и на этот раз перед нами искажение из *бѣдынѣ*. Отметим, что *дыноу* — форма местного падежа *ѣ*-склонения, распространявшегося чаще на односложные слова [Вайан 1952: 112–113]. По этому же склонению мог изменяться, например, и древний болгарский тюркизм *сынѣ* «башня» [Фасмер 3: 818].

Перевод этого Жития имеет, очевидно, преславское происхождение, здесь встречается лексема-маркер этой школы *бѣшию* «совершенно, совсем» [Милтенев 2006: 225–228]. Вероятно, признак именно этой школы — использование слова

⁸ В старославянских памятниках отмечены такие варианты перевода греч. *στάδιον* в значении «беговая дорожка, арена», в т. ч. переносно: *мѣсто* (изиде на мльчанъноне мѣсто ἐπὶ τὸ τῆς ἡσυχίας στάδιον «на поприще молчания» Супр. 273. 23), *мѣчение* (τὸ μαρτυρικόν στάδιον Супр. 55. 22), *подвигъ* (Супр. 92. 4), *сѣдилище* (Супр. 140. 25); в значении «мера длины» — *попърище, стадии*. Поиск производился на цифровом портале *gorazd.org*, см. также варианты *позорище, течение* [Аргировски (ред.) 2003: 423]. В служебной минее *στάδιον* соответствует *тризнице* [Крысько (гл. ред.) 2023: 646], то же в Лествице, а в Пандектах Антиоха его передает *тризнѣ* [Кривко (гл. ред.) 2015: 155, 156]. Возможно, переводчик Жития Феодота не хотел создавать *figura etymologica* въ *тризнице* *тризници* и был вынужден использовать редкое слово. Похожие случаи «вынужденного» перевода редкими словами есть в славянском Синаксаре [Прокопенко 2008: 40, 43].

⁹ Здесь используется частое в агиографии сравнение жизненного пути и подвига святых и праведников с бегом на беговой дорожке (ристалище) и состязанием. В данном случае св. Феодот, которого ведут по городу в тюрьму, обращается таким образом к зрителям этого действия.

тризна в значении ‘состязание, борьба’, ‘награда’ и, переносно (о святых и праведниках), ‘подвиг, подвижничество’, с соответствующими значениями в производных словах, ср. статьи *тризна*, *тризненный*, *тризн(ьн)икъ*, *тризнице*, *тризновати*, *тризнодавецъ* и др. с цитатами из «13 Слов» Григория Богослова, Пандект Антиоха, Жития Иоанна Златоуста, Лествицы и др., вероятно, преславских переводов [Крысько (гл. ред.) 2023: 154–156]¹⁰, в то время как *тризна* (фактически *трызна*¹¹) в русских летописях (несколько цитат из Повести временных лет) описывается в словарях общим значением ‘(языческий) погребальный обряд или его часть’¹² [Кривко (гл. ред.) 2015: 154–156]. В Житии Феодота отмечено *тризнице* и *тризнодавецъ*, а также другие редкие слова, такие как *сквара* ‘дым от жертвоприношений’, *онудьнии* ‘тамошний’, *туньба* (регулярно передает греч. δωρεά ‘дар’, ср. [Кривко (гл. ред.) 2015: 229]).

Итак, если слово *дынъ* все-таки существует, что же оно может означать в Житии Ольги (в списках которого, как мы видели, оно встречается неоднократно)? Понять это поможет фраза из Жития Константина Муромского, к которой обращались многие исследователи Жития Ольги, так как в ней содержится примерно такое же описание погребальных обрядов: *погребаему бѣ князю Михаилу вознакъ на востокъ лицемъ, а могилы верхъ холмомъ не сыпаху, но равно со землею ни тризница, ни дымы* (вар. *дыни*) *ни битвы, ни кожи кроения, ни лицедранія, ни плача безмѣрнаго не творяху*¹³ [Костомаров (ред.) 1860: 231; Котляревский 1868: 125–126; Улуханов 1962: 199]. Уже хорошо знакомый нам вариант *дыни*, который встречался и в Житии Ольги, наводит на мысль, что *дымы* — это испорченное *дыны* (а не форма вездесущего

¹⁰ При этом в Супр. гнездо *тризн-* ограничено одним лишь *тризна* в значении ‘награда’ [SJS III: 485], как перевод ἀγωνιστής в этом памятнике используются *подвижьникъ* и *трудоуникъ* (Супр. 64. 10, 57. 16), но не *тризн(ьн)икъ*.

¹¹ В СДРЯ справедливо разделены *трызна* из летописи и Пролога (хотя в поздних списках Пролога встречается и *тризна*) с дефиницией ‘погребальный обряд в языческой Руси’ [Крысько (гл. ред.) 2023: 689] и *тризна* из болгарских переводов [Крысько (гл. ред.) 2023: 646], так как неизвестно, насколько связаны их значения.

¹² На основании словарных данных из древних болгарских переводов некоторые ученые считали «доказанным», что *тризна* и в летописи значит ‘битва’ [Котляревский 1868: 128–129, 131–132; Рыбаков 1987: 313]; согласно другому мнению, ядром тризны являются неразрывно связанные пищество и состязания, так что и то, и другое может называться тризной [Топоров 1990: 17]. В действительности в оригинальных восточнославянских памятниках содержание тризны в тех немногих цитатах, где она упоминается, никак не описано. По мнению О. Н. Трубачева, для слова *тризна*, известного только южным и восточным славянам, значение ‘борьба, состязание’ не является исконным, его первоначальное значение — не пир и не битва, а жертвоприношение животного, позднее оно, возможно, расширилось, и слово стало обозначать всю торжественную часть погребения и даже приобрело отвлеченное значение ‘борьба, подвиг’ [Трубачев 2004: 696–700].

¹³ Ср. ниже в том же Житии, где описывается погребение уже самого кн. Константина и его сына Феодора: *Гдѣ коня закалающеи и по мертвыхъ ременная плетения древолазная с нимъ (и) в землю погребающеи, и битвы и кроения и лицъ натресканія [вм. настрѣка-] творящи* [Костомаров (ред.) 1860: 235]. Как видим, автор Жития не только упоминает принесение в жертву коня, но и настойчиво повторяет слово *битвы*, которое для него, видимо, является обязательным элементом языческого погребения.

бдынь, которое, конечно, и здесь видели все исследователи). При этом мы имеем три однородных члена при описании погребального обряда (*тризница*-**дыны-битвы*), в то время как в Житии Ольги, которое явно было источником этой фразы, только два: *тризны-дына* (*дыны*). Как бы мы ни понимали *тризнице* (как пир, поминки вообще или как жертвоприношение), *битвы*, на наш взгляд, выглядит как пояснение к слову **дыны* (форма вин. мн.). Вероятно, в то время, когда писалось Житие Ольги, слово *дынъ* еще было известно, а ко времени составления Жития Константина Муромского (так наз. средней редакции второй половины XVI в. [Серебрянский 1915: 243]) оно уже было забыто (на это указывают и его искажения) и требовало пояснения. *Дынъ* (возможно, в мн. ч.) в этом контексте очевидно означает игрища, состязания, которые устраивались при погребении, — языческий обычай, засвидетельствованный и у других народов [Топоров 1990: 14–32]. Это значение часто приписывают и слову *тризна*, но, вероятно, больше оснований наделять им *дынъ*. Не исключено также, что это два слова с близким значением, но *дынъ* — диалектное или региональное в отличие от общераспространенного *тризна*.

Происхождение *дынъ* неясно, во всяком случае, его этимологию следует разрабатывать в направлении значения ‘состязание, битва’, оставив поиск параллелей к *б(ъ)дынъ* в значениях ‘надгробное сооружение’ или ‘бдение над покойным’. То, что оно одновременно встречается в древнем болгарском переводном житии и в восточнославянском оригинальном памятнике, также требует объяснения. Предположение, что в восточнославянских списках Жития Феодота Киринейского была сделана лексическая замена на «свое» слово, маловероятно, учитывая изложенные выше соображения (общераспространенное слово не меняют на редкое). Остается предполагать заимствование или одинаковую распространенность этого слова у южных и восточных славян.

Как производное от *бдынь* рассматриваются без колебаний и другие употребления корня *дын-* без начального *б(ъ)-*¹⁴: глаг. *придынивать* ‘прикасаться ризой к могиле перед поминками (о священнике)’ [Сороколетов (гл. ред.) 1997: 198] и глаг. *дынити*, зафиксированный в приходной книге 1603 г. Болдина Дорогобужского монастыря: *Приѣзжала Федорова жена Тиханова Марья мужа своего Федора дынити, и дала она по Федорѣ на столь полтину, да на понахиду шестнатцать алтынъ двѣ денги* [Бархударов (гл. ред.) 1977: 395]. Из последней цитаты выводится, что «бдынъ означало не памятник или голбец, а какой-то момент поминок, отличный от тризны» [Потебня 1891: 117–118], «глагол *дынити* означает какое-то ритуальное действие. Его первоначальное звучание, по-видимому, **бдынити*» [Улуханов 1962: 199].

¹⁴ А. И. Соболевский относил к *бдынь* (точнее *бдынь*) также выражение из Новгородской I летописи младшего извода, где под 1016 г. повествуется о смерти Святополка: *пропаде оканныи, и тако злѣ животь свои сконча, яже дымъ и до сего дни есть* [ЛН: 175]; «здесь форма *яже* указывает скорее на имя женск. р. *бдынь*, чем на имя муж. р. *бдынь*» [Соболевский 1911: 409] (напомним, что Соболевский понимал *бдынь/нь* как надгробное сооружение, памятник). Кажется, никто не поддержал эту идею, *дымъ* в этой цитате толкуют в обычном смысле [Цукерман 2009: 240] или переносно как «дым мучения» из Откр. 14. 11 [Данилевский 2004: 67]. Ср. описание могилы Святополка в ПВЛ: *Есть же могила его в пустыни и до сего дне. Исходить же от нея смрад зол* [ЛЛ: 145].

Слово *б(ѣ)дынъ*, безусловно, могло существовать, но его следует рассматривать скорее как вторичное соотнесение с *бѣдѣти*, чем как производное от **бѣдынити*, так как образования с таким суффиксом чрезвычайно редки [Улуханов 1962: 200]. Найденные же дополнительные материалы заставляют нас снова обратить внимание на давно и, возможно, несправедливо отвергнутое слово *дынъ*. Ведь «если перед нами в каком-нибудь месте памятника непонятное слово, то надо исчерпать все возможности его объяснения и только после того, как все возможности его объяснения отпали, предполагать в нем ошибку» [Лихачев 1962: 144]. То же касается и предполагаемого фонетического изменения.

Источники

ВМЧ — Великие минеи четьи митр. Макария, см. Синод. 992, Синод. 996, Соф. 1323, GLM

Волок. 595 — РГБ, собр. Иосифо-Волоцкого мон-ря, № 595, четья минея за март, последняя четверть XV в.

Егор. 484 — РГБ, собр. Егорова, № 484, стихной пролог за июнь-август, конец XVI в.

Егор. 486 — РГБ, собр. Егорова, № 486, пролог пространной редакции, 1539 г.

Егор. 688 — РГБ, собр. Егорова, № 688, стихной пролог за июнь-август, начало XVII в.

ЛЛ — Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись. Изд. 2-е. Л., 1926.

ЛН — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.–Л., 1950.

ПВЛ — Повесть временных лет, см. ЛЛ

Погод. 615 — РНБ, собр. Погодина, № 615, пролог пространной редакции, 1455–1462 гг.

Прилуцкий пролог — РНБ, собр. СПб. Духовной Академии, № А.І.264, т. 2, XIV–XV в.

Пролог 1643 г. — Пролог: вторая половина (март-август). Москва: Печатный двор, 1643, 6 декабря. 491 л.

Пролог 1696 г. — Пролог: вторая половина (март-август). Москва: Печатный двор, февраль 1696 [7204]. 778 л.

Синод. 992 — ГИМ, Синод. собр., № 992, Успенский список ВМЧ за март, сер. XVI в.

Синод. 996 — ГИМ, Синод. собр., № 996, Успенский список ВМЧ за июль, сер. XVI в.

Солов. 703/811 — РНБ, собр. Соловецкого мон-ря, № 703/811, стихной пролог, XVI в.

Соф. 1323 — РНБ, собр. Новгородской Софийской библиот., № 1323, Софийский список ВМЧ за июль, 1529–1541 гг.

Супр. — Супрасьльски или Ретков сборник. В 2 т. София: Изд-во за Българската Академия на науките, 1982–1983; также URL: <http://suprasliensis.obdurodon.org>.

Тип. 173 — РГАДА, собр. Синод. типографии, № 173, пролог краткой редакции, первая половина XIV в.

Тр. 724 — РГБ, собр. Троице-Серг. лавры, № 724, пролог пространной редакции с прибавлениями, 1562 г.

Увар. 688 — ГИМ, собр. Уварова, № 688, стихной пролог, XV/XVI в.

Успенский пролог — ГИМ, собр. библиот. Успенского собора, № 3, пролог пространной редакции, 1406 г. (или 1410–1425).

F.I.495 — РНБ, ОСПК, № F.I.495, пролог пространной редакции, XVI в.

GLM — Die großen Lesemenäen des Metropolitens Makarij. Uspenskij spisok. 1.–11. März (= Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. T. XXXIX)/Hrsg. E. Weiher, S. O. Šmidt, A. I. Škurko. Freiburg i. Br., 1997.

gorazd.org — виртуальный портал старославянского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://gorazd.org>.

Литература

Абрамович Д. И. О Спасо-Прилуцком прологе СПб. Духовной Академии // Новый сборник статей по славяноведению, сост. и изд. учениками В. И. Ламанского по случаю 50-летия его учено-литературной деятельности. СПб., 1905. С. 282–288.

Аванесов Р. И. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. II. М.: Русский язык, 1989. 495 с.

Аникин А. Е. Русский этимологический словарь. Вып. 2. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008. 336 с.; Вып. 7. М.: ИРЯ им. В. В. Виноградова РАН, 2013. 352 с.

Аргировски М. (ред.) Речник на грчко-црковнословенски лексички паралели. Скопје: Институт за македонски јазик, 2003. 502 с.

Бархударов С. Г. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 4. М.: Наука, 1977. 403 с.

Вайан А. Руководство по старославянскому языку. М.: Изд-во иностранной литературы, 1952. 447 с.

Гриценко З. А. Загадочное «бъдынъ» (Об одном разночтении в произведениях о княгине Ольге) // Герменевтика древнерусской литературы. Сборник 1: XI–XVI века. М., 1989. С. 284–290.

Данилевский И. Н. Повесть временных лет: герменевтические основы источниковедения летописных текстов. М.: Аспект-Пресс, 2004. 370 с.

Добродомов И. Г., Шаповал В. В. О призрачных словах у лексикографов // Palaeoslavica. 2005. Vol. XIII. № 1. Р. 331–337.

Костомаров Н. (ред.) Повесть о водворении христианства в Муроме (по рук. Румянц. Муз. № 364) // Памятники старинной русской литературы, издаваемые гр. Гр. Кушелевым-Безбородко под ред. Н. Костомарова. Сказания, легенды, повести, сказки и притчи. Вып. 1. СПб, 1860. С. 229–237.

Котляревский А. А. О погребальных обычаях языческих славян. М.: К. А. Попов, 1868. [16], 252, 38 с.

Кривко Р. Н. (гл. ред.). Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 30. М.; СПб.: Нестор-История, 2015. 320 с.

Крысько В. Б. (гл. ред.). Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. XIII. М.; СПб.: Нестор-История, 2023. 728 с.

Кулева Н. А. Лексическое своеобразие рукописной февральской Миней XV в. // Вестник ПСТГУ III: Филология. 2011. Вып. 1 (23). С. 124–132.

Лосева О. В. Жития русских святых в составе древнерусских Прологов XII — первой трети XV вв. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 472 с.

Милтенов Я. Диалозите на Псевдо-Кесарий в славянската ръкописна традиция. София: Авалон, 2006. 600 с.

Молдован А. М. Критерии локализации древнеславянских переводов // Славяноведение. 1994. № 2. С. 69–80.

Мустайоки А. Падеж дополнения в русских отрицательных предложениях: Изыскания новых методов в изучении старой проблемы. (Slavica Helsingiensia; 2). Helsinki, Dep. of Slavonic a. Baltic lang. a. lit., Aleksanteri inst. 1985. 188 с.

Напольских В. В. Бодун — поминальный праздник на нижней Вятке // Живая старина. Журнал о русском фольклоре и традиционной культуре. 2013. № 2 (78). С. 3–7.

Пичхадзе А. А., Ромодановская В. А., Ромодановская Е. К. Жития княгини Ольги, варяжских мучеников и князя Владимира в составе Синайского палимпсеста (РНБ, Q.п.I.63) // Русская агиография. Исследования. Материалы. Полемика. СПб.: Пушкинский дом, 2005. С. 288–308.

Потебня А. А. Этимологические заметки // Живая старина. 1891. Вып. 3. С. 117–128.

Прокопенко Л. В. О славянском переводе византийского Синаксаря // Известия РАН. Серия литературы и языка. 2008. Т. 67. № 6. С. 38–45.

Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М.: «Наука», 1987. 784 с.

Серебрянский Н. И. Древнерусские княжеские жития: Обзор редакций и тексты. Приложения (тексты житий) (вторая нумерация). М., 1915. IV, 295, 186, VI с.

Соболевский А. И. Из истории словарного материала. I. Бдынъ // Русский филологический вестник. 1911. Т. LXV. Вып. 2. С. 409–410.

Соболевский А. И. Памятники древнерусской литературы, посвященной Владимиру Святому // Чтения в историческом обществе Нестора летописца. 1988. Кн. 2. Отд. 2. С. 7–68.

Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 31. СПб.: Наука, 1997. 432 с.

Страхов А. Б. Из области обрядовой терминологии: ц.-слав. трызна, (б)дынъ etc. // Palaeoslavica. 2002. Vol. X. № 2. Р. 166–196.

Страхов А. Б. О мнимой «призрачности» др.-рус. бдынъ (реплика) // Palaeoslavica. 2005. Vol. XIII. № 1. Р. 338–341.

Топоров В. Н. Конные состязания на похоронах // Исследования в области балто-славянской духовной культуры: Погребальный обряд. М.: Наука, 1990. С. 12–47.

Трубачев О. Н. (ред.). Этимологический словарь славянских языков: Праславянский лексический фонд. Вып. 3. М.: Наука, 1976. 199 с.

Трубачев О. Н. Следы язычества в славянской лексике: trizna, pĕti, koby // Трубачев О. Н. Труды по этимологии: Слово. История. Культура. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 694–706.

Улукханов И. С. Древнерусское *бѣдынѣ* // Историческая грамматика и лексикология русского языка (Материалы и исследования). М.: ИРЯ АН СССР, 1962. С. 196–200.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / Перевод с нем. и дополнения О. Н. Трубачева. В 4 т. М.: Прогресс, 1964.

Цукерман К. Наблюдения над сложением древнейших источников летописи // Борисо-Глебский сборник (= *Collectanea borisoglebica*). Вып. 1 (*Occasional Monographs published by the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies*; 2). Paris: АСНСВyz, 2009. С. 183–306.

Чистякова М. В. О редакциях церковнославянского Пролога // *Slavistica Vilnensis*. Kalbotyra. 2013. Т. 58 (2). С. 35–58.

Halkin F. La passion ancienne de S. Théodote, évêque de Cyrénie en Chypre // *Analecta Bollandiana*. 1981. Т. 99. P. 239–246.

Pavlova R. Ostslavisches Heilige in südslavischen Kanonentexten der Slavia Orthodoxa im 13.–14. Jahrhundert. (= Павлова Р. Восточнославянские святые в южнославянской письменности XIII–XIV вв.) Halle (Saale): Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2008. 322 S.

SJS — Словарь старославянского языка = *Slovník jazyka staroslověnského*. В 4 т. Репринтное изд. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2006.

Zanetti U. Un témoin slave completant la Vie de S. Theodote de Cyrenie (BHG 2434) // *Analecta Bollandiana*. 1999. Т. 117. № 1–2. P. 81–88.

L. V. Prokopenko

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

prolaruc@gmail.com

DYNŦ OR B(Ъ)DYNŦ: ONCE MORE ON THE MYSTERIOUS WORD FROM THE LIFE OF PRINCESS OLGA

The article deals with a phrase from the Life of Princess Olga in the Prologue, where Olga bequeaths to be buried without filling a high grave and without organising either a *trizna* or a *dynŦ* (with variants *dyny*, *bdynŦ*, *godina*). This phrase attracted the attention of the researchers as early as the 19th century, but has not yet received a clear interpretation. The word *b(ъ)dynŦ*, understood as a tombstone or a certain burial rite (in the latter case it is associated with the verb *bъdъiti*), is most often considered as the primary reading. The analysis of the variants found in the 58 manuscripts of the Prologue of the 14th – 17th centuries has shown that the forms *dyny* or *dyna* are rather primary, but the word *dynŦ* is not known from other sources (unless we include the Vita of Constantine of Murom, where it is also corrupted). We have recently discovered it in a Bulgarian translation of the Life of Theodotus of Cyrene (probably of the Preslav school) with the Greek parallel

στάδιον ‘competition, place of competition’. We believe that such a meaning can be attributed to the word in the Life of Olga, where it refers to funeral games. The etymology of *дынъ* is not studied, but it is important that in all cases it is used along with *trizna* or its derivatives, so it is obvious that these two words represent some parts of the funeral rite.

Key words: Prologue, Russian hagiography, Russian historical lexicography, ancient Bulgarian translations, paganism of Old Rus’.

References

Abramovich D. I. [About the Spaso-Prilutsky Prologue of the St. Petersburg Theological Academy]. *Novyi sbornik statei po slavyanovedeniyu, sost. i izd. uchenikami V. I. Lamanskogo po sluchayu 50-letiya ego ucheno-literaturnoi deyatel'nosti* [A new collection of articles on Slavic studies, compiled and published by V. I. Lamansky's students on the occasion of the 50th anniversary of his scholarly and literary activity]. St. Petersburg, 1905, pp. 282–288. (In Russ.)

Anikin A. E. *Russkii etimologicheskii slovar'* [Russian etymological dictionary]. Iss. 2. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2008. 336 p.; Iss. 7. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute RAS Publ., 2013. 352 p.

Argirovski M. (ed.) *Rechnik na grchko-tsirkovnoslovenski leksichki paraleli* [Dictionary of Greek-Church Slavonic lexical parallels]. Skopje, Macedonian Language Institute Publ., 2003. 502 p.

Avanesov R. I. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th — 14th centuries)]. Vol. II. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1989. 495 p.

Barkhudarov S. G. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th — 17th centuries]. Iss. 4. Moscow, Nauka Publ., 1977. 403 p.

Chistyakova M. V. [On the editions of the Church Slavonic Prologue]. *Slavistica Vilnensis. Kalbotyra*, 2013, no. 58 (2), pp. 35–58. (In Russ.)

Danilevskii I. N. *Povest' vremennykh let: germenevticheskie osnovy istochnikovedeniya letopisnykh tekstov* [Primarily Chronicle: Hermeneutical Bases of the Source Study of Chronicle Texts]. Moscow, Aspect-Press Publ., 2004. 370 p.

Dobrodomov I. G., Shapoval V. V. [About ghost words in lexicographers]. *Palaeoslavica*, 2005, vol. XIII, no. 1, pp. 331–337. (In Russ.)

Fasmer M. *Etimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Moscow, Progress Publ., 1964.

Gritsenko Z. A. [Enigmatic ‘бдынъ’ (About one discrepancy in the works about Princess Olga)]. *Germenevtika drevnerusskoi literatury. Sbornik 1: XI–XVI veka* [Hermeneutics of Old Russian Literature. Collection 1: 11th — 16th centuries]. Moscow, 1989, pp. 284–290. (In Russ.)

Halkin F. [The ancient passion of St. Theodotus, bishop of Cyrenaica in Cyprus]. *Analecta Bollandiana*, 1981, vol. 99, pp. 239–246. (In Fr.)

Kostomarov N. (ed.). [The Tale of Christianity's establishment in Murom (according to Rumyants. Mus. No. 364)]. *Pamyatniki starinnoi russkoi literatury, izdavaemye Gr. Kushelevym-Bezborodko pod red. N. Kostomarova. Skazaniya, legendy, povesti,*

skazki i pritchi [Monuments of Old Russian Literature, published by Gr. Kushelev-Bezborodko under the editorship of N. Kostomarov. Tales, legends, stories, fairy tales and parables], vol. 1. St. Petersburg, 1860, pp. 229–237. (In Russ.)

Kotlyarevskii A. A. *O pogrebal'nykh obychayakh yazycheskikh slavyan* [On funeral customs of pagan Slavs]. Moscow, “K. A. Popov” Publ., 1868. [16], 252, 38 p.

Krivko R. N. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XI–XVII vv.* [Dictionary of the Russian language of the 11th — 17th centuries]. Iss. 30. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2015. 320 p.

Krys'ko V. B. (ch. ed.). *Slovar' drevnerusskogo yazyka (XI–XIV vv.)* [Dictionary of the Old Russian language (11th — 14th centuries)]. Vol. XIII. Moscow, St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ., 2023. 728 p.

Kuleva N. A. [Lexical uniqueness of the 15th century manuscript February Minea]. *Vestnik PSTGU III: Filologiya*, 2011, no. 1 (23), pp. 124–132. (In Russ.)

Loseva O. V. *Zhitiya russkikh svyatykh v sostave drevnerusskikh Prologov XII — pervoi treti XV vv.* [The Lives of Russian Saints in the Old Russian Prologues of the 12th — 1st third of the 15th centuries]. Moscow, Rukopisnye Pamyatniki Drevnei Rusi Publ., 2009. 472 p.

Miltenov Ya. *Dialozite na Psevdo-Kesarii v slavyanskata rukopisna traditsiya*. [Dialogues of Pseudo-Caesarius in the Slavonic manuscript tradition] Sofia, Avalon Publ., 2006. 600 p.

Moldovan A. M. [Criteria of localisation of Old Slavonic translations]. *Slavyanovedenie*, 1994, no. 2, pp. 69–80. (In Russ.)

Mustaioki A. *Padezh dopolneniya v russkikh otritsatel'nykh predlozheniyakh: Izyskaniya novykh metodov v izuchenii staroi problemy* [The case of the complement in Russian negative sentences: Finding new methods in the study of an old problem]. (Slavica Helsingiensia; 2). Helsinki, Dep. of Slavonic a. Baltic lang. a. lit. Publ., Aleksanteri Inst. Publ. 1985. 188 p.

Napolskikh V. V. [Bodun — a memorial holiday on the lower Vyatka]. *Zhivaya starina. Zhurnal o russkom fol'klоре i traditsionnoi kul'ture*, 2013, no. 2 (78), pp. 3–7. (In Russ.)

Pavlova R. *Ostslavische Heilige in südslavischen Kanonentexten der Slavia Orthodoxa im 13.–14. Jahrhundert* (= Pavlova R. *Vostochnoslavjanskije svyatye v yuzhno-slavyanskoi pis'mennosti 13th — 14th vv.*) [East Slavic saints in South Slavic canonical texts of the Slavia Orthodoxa in the 13th — 14th centuries]. Halle (Saale), Publ. House of Martin-Luther-Universität Halle-Wittenberg, 2008. 322 p.

Pichkhadze A. A., Romodanovskaya V. A., Romodanovskaya E. K. [The Lives of Princess Olga, the Varangian Martyrs and Prince Vladimir as part of the Sinai palimpsest (RNB, Q.p.I.63)]. *Russkaya agiografiya. Issledovaniya. Materialy. Polemika* [Russian Hagiography. Researches. Materials. Polemika]. St. Petersburg, Pushkinskii Dom Publ., 2005, pp. 288–308. (In Russ.)

Potebnya A. A. [Etymological notes]. *Zhivaya starina*, 1891, no. 3, pp. 117–128. (In Russ.)

Prokopenko L. V. [On the Slavonic translation of the Byzantine Synaxar']. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka*, 2008, vol. 67, no. 6, pp. 38–45. (In Russ.)

Rybakov B. A. *Yazychestvo Drevnei Rusi* [Paganism of Old Rus']. Moscow, Nauka Publ., 1987. 784 p.

Serebryanskii N. I. *Drevnerusskie knyazheskie zhitiya: Obzor redaktsii i teksty. Prilozheniya (teksty zhitii)* [Old Russian princely hagiographies: Review of editions and texts. Appendices (texts of hagiographies)]. Moscow, 1915. IV, 295, 186, VI p.

SJS — *Slovar' staroslavjanskogo yazyka = Slovník jazyka staroslověnského* [Dictionary of the Old Slavic language]. In 4 vols. St. Petersburg, St. Petersburg Univ. Publ., 2006.

Sobolevsky A. I. [From the history of vocabulary. I. Бдынъ]. *Russkii filologicheskii vestnik*, 1911, vol. LXV, no. 2, pp. 409–410. (In Russ.)

Sobolevsky A. I. [Monuments of Old Russian literature dedicated to Vladimir the Holy]. *Chteniya v istoricheskom obshchestve Nestora letopistsa* [Readings in the Historical Society of Nestor the Chronicler], 1988, book 2, compart. 2, pp. 7–68. (In Russ.)

Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian folk dialects]. Iss. 31. St. Petersburg, Nauka Publ., 1997. 432 p.

Strakhov A. B. [From the field of ritual terminology: Church Slav. tryzna, (b)дынъ etc.]. *Palaeoslavica*, 2002, vol. X, no. 2, pp. 166–196. (In Russ.)

Strakhov A. B. [On the imaginary 'ghostliness' of Old Russian бдынъ (Reply)]. *Palaeoslavica*, 2005, vol. XIII, no. 1, pp. 338–341. (In Russ.)

Toporov V. N. [Equestrian competitions at funerals]. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoi dukhovnoi kul'tury: Pogrebal'nyi obryad* [Studies in the field of Balto-Slavic spiritual culture: Funeral rites]. Moscow, Nauka Publ., 1990, pp. 12–47. (In Russ.)

Trubachev O. N. (ed.). *Etimologicheskii slovar' slavyanskikh yazykov: Praslavyanskii leksicheskiy fond* [Etymological dictionary of Slavic languages: Proto-Slavic lexical fund]. Iss. 3. Moscow, Nauka Publ., 1976. 199 p.

Trubachev O. N. [Traces of paganism in the Slavonic lexicon: trizna, pĕti, kobъ]. Trubachev O. N. *Trudy po etimologii: Slovo. Istoriya. Kul'tura* [Works on etymology: Slovo. History. Culture]. Vol. 1. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2004, pp. 694–706. (In Russ.)

Tsukerman K. [Observations on the composition of the oldest chronicle sources]. *Boriso-Glebskii sbornik* (= Collectanea borisoglebica). Vol. 1 (Occasional Monographs of the Ukrainian National Committee for Byzantine Studies; 2). Paris: ACHCByz Publ., 2009, pp. 183–306. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. [Old Russian бдынъ]. *Istoricheskaya grammatika i leksikologiya russkogo yazyka (Materialy i issledovaniya)* [Historical grammar and lexicology of the Russian language (materials and studies)]. Moscow, Russian Language Institute Publ., 1962, pp. 196–200. (In Russ.)

Vaillant A. *Manuel du vieux Slave*. Paris, 1948. (Russ. ed.: Vaillant A. *Rukovodstvo po staroslavjanskomu yazyku*. Moscow, Foreign Literature Publ., 1952. 447 p.).

Zanetti U. [A Slavic witness completing the Life of St. Theodotus of Cyrenia (BHG 2434)]. *Analecta Bollandiana*, 1999, vol. 117, no. 1–2, pp. 81–88. (In Fr.)

СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

С. И. Богданов, Ю. В. Меньшикова

Российская академия образования

(Россия, Москва)

bogdanov@raop.ru

СТРУКТУРНЫЙ МОРФОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КАК КРИТЕРИЙ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ОМОНИМИИ И МНОГОФУНКЦИОНАЛЬНОСТИ СЛОВА

В статье рассматриваются различные группы лексических единиц, связанных в широком смысле транспозиционными отношениями. Традиционно транспозиционные явления в системе частей речи описываются как процессы «перехода» одной части речи в другую. К ним относят прежде всего случаи субстантивации разных лексико-грамматических классов слов, адъективации причастий, адвербиализации словоформ разного типа, «переход» знаменательных слов в служебные. В центре внимания обычно находится вопрос о степени завершенности/незавершенности процесса потери словом свойств исходной части речи и констатация факта возникновения/невозникновения очевидных грамматических омонимов.

В данной статье эти процессы сравниваются не столько с точки зрения закономерностей самого деривационного процесса, сколько в аспекте лингвистической практики описания его результата, то есть лингвистической интерпретации самого транспозита. Эта интерпретация непосредственным образом связана с проблемой тождества слова и проблемой установления омонимии разных лексических единиц после ответа на вопрос о том, где кончается варьирование языкового элемента и начинается системно значимое противопоставление разных элементов языковой структуры.

Особенность подхода к материалу состоит в признании приоритета формально-грамматического подхода, при котором внимание сосредоточено на конечных составляющих словоформы, вычленяемых с учетом не только функциональных (слово- и формообразовательных), но и мотивирующих структур, являющихся разновидностями морфологической формы.

Ключевые слова: формально-грамматический подход, транспозиция, грамматическая омонимия, переход слов из одной части речи в другую, слово- и формообразовательные структуры, морфемная структура, полифункциональные слова.

В статье рассматриваются различные группы лексических единиц, связанных в широком смысле транспозиционными отношениями. Эти группы сравниваются не столько с точки зрения закономерностей самого деривационного процесса, сколько в аспекте лингвистической практики описания его результата, то есть лингвистической интерпретации самого транспозита. Эта интерпретация непосредственным образом связана с проблемой тождества слова и проблемой установления омонимии разных лексических единиц после ответа на вопрос о том, где кончается варьирование языкового элемента и начинается системно значимое противопоставление разных элементов языковой структуры.

Актуальность исследований в области изучения видов функциональной и функционально-семантической омонимии в системе грамматических классов слов отмечают многие современные лингвисты, см., например [Бабайцева 2000: 126], [Shigurov 2016: 237–245]. Применение структурно-морфологического анализа, выявляющего функциональные и мотивирующие разновидности морфологических форм, позволяет сделать дополнение к существующим сегодня интерпретациям отношений словоформ в системе так называемых омопар.

Особенность подхода к материалу состоит в признании приоритета формально-грамматического подхода, при котором внимание сосредоточено на конечных составляющих словоформы, вычленяемых с учетом не только функциональных (слово- и формообразовательных), но и мотивирующих структур, являющихся разновидностями морфологической формы. Структурный функциональный анализ словоформ позволяет выделить единицы, которые, во-первых, функционально значимы в деривационных процессах, во-вторых, являются непосредственными носителями реализующихся в этих процессах слово- и формообразовательных значений, в-третьих, в большинстве случаев обнаруживают комплексный характер, то есть включают в свой состав несколько минимальных значимых единиц. Компоненты словообразовательных структур (мотивирующая база и формант) ни в аспекте своих функциональных, ни в аспекте своих семантических свойств, ни фактически (в абсолютном большинстве случаев) не равны морфеме. То же можно сказать и о компонентах формообразовательных структур: основных формообразующих основах, парциальных основах, разного типа формативах. Мотивирующие структуры не сводимы к деривационной истории словоформ, собственно морфемная структура отражает возможности морфологической системы в целом. Как результат одна и та же морфемная структура может развивать на своей основе различные функциональные употребления, а отдельная некорневая морфема, рассматриваемая как конечная составляющая разного рода грамматических единиц, способна менять функциональные свойства. Анализ транспозитов разного типа и грамматических омонимов, основанный на структурном грамматическом анализе, позволяет построить типологию степеней функционального варьирования слова, основанную на анализе собственно морфемной структуры транспонированной словоформы.

Функциональная транспозиция может быть полной, в результате чего образуется слово новой части речи с помощью аффиксации или конверсии. В аспекте

рассматриваемой проблемы тождества слова аффиксация и конверсия представляют собой достаточно разные явления. Первую разновидность деривационных процессов уместнее всего было бы определить термином Е. Куриловича — **синтаксическая деривация** [Курилович, 1962: 61], при которой лексическое значение производного и производящего слова тождественны, но это значение реализуется словами разных частей речи. В результате этого деривационного процесса появляются синтаксические дериваты, образованные главным образом по продуктивным моделям словообразования: существительные со значением отвлеченного признака, мотивированные качественными прилагательными (*тупость, доброта*); существительные со значением отвлеченного действия, мотивированные глаголами (*изучение, отход*); относительные прилагательные (*дождевой, английский*) со значением 'относящийся к предмету или явлению'; порядковые числительные (*пятый, двадцатый*); определительные наречия (*громко, искренне*), мотивированные качественными прилагательными.

Вторую разновидность деривационных процессов можно определить как собственно транспозицию. Терминологически это явление определяется в языкознании по-разному: **конверсия** [Смирницкий 1956: 71], **морфолого-синтаксический способ словообразования** [Виноградов 1976: 157]; **транспозиция** [Балли 1955: 138]; **имплицитное словообразование** [Fleischer 1974: 53]; **трансляция** [Теньер 1988: 335]; **деривация с помощью нулевой морфемы** [Marchand 1960: 295]; **несобственная деривация** [Арутюнова 2007: 49]; **трансформация** [Мигирин 1971: 131]. К собственно транспозиции в современном русском языке относятся случаи перехода:

- прилагательных в существительные (*суточные*);
- существительных в наречия (*вечером*), предлоги (*путем*), частицы (*факт*), союзы (*благо*);
- форм глаголов в частицы (*знай*), союзы (*значит*), предлоги (*благодаря*);
- причастий в существительные (*ведущий*);
- наречий в существительные (*завтра*), частицы (*просто*), союзы (*пока*), предлоги (*вокруг*);
- причастий в прилагательные (*любимый*);
- знаменательных слов в местоимения (*данный*).

Противоположность синтаксической деривации и собственно транспозиции проявляется прежде всего характером итогового языкового образования и ориентированностью языкового процесса. Синтаксические дериваты как результат словообразовательного процесса отличаются от производящих слов словообразовательным значением, то есть представляют собой образования более сложные. Собственно транспозиция, напротив, приводит как правило, к обеднению, упрощению семантической и **формальной** структуры транспозита. Транспозиция знаменательных слов в служебные является ярким примером такого упрощения, однако даже такой процесс как субстантивация прилагательных не дает на выходе образования более сложного в каком-либо аспекте. С точки зрения приоритетного

для нас формально-грамматического подхода, опирающегося на структурный морфологический анализ, существенно, что **синтаксическая деривация ориентирована на создание новой морфологической формы, а не на изменение функций уже существующей, как это происходит при собственно транспозиции.**

При синтаксической деривации отчетливо сохраняются константы лексического значения и всегда очевидно направление производности. Напротив, транспозиционные процессы зачастую приводят к образованию «гибридных» языковых единиц (наречие-союз *едва*; наречие-предлог *вокруг*), у которых даже категориальное значение не вполне очевидно (см. также [Бабайцева, 2022: 162–165], [Халиков, 2014: 108–109]). Еще более существенным представляется тот факт, что, хотя исходная транспонируемая форма и конечный результат транспозиционного процесса (транспозит) обычно описываются как функциональные (в терминологии О. С. Ахмановой [Ахманова, 1969:467]), грамматические (в терминологии В. В. Виноградова [Виноградов, 1975: 14]) или транспозиционные (в терминологии О. М. Ким [Ким, 1978:10]) омонимы, **то есть разные слова**, в значительном ряде случаев в правильности такой трактовки можно усомниться. Что касается синтаксической деривации, то в данном случае создание новой номинативной единицы достаточно очевидно.

И все же самая главная разница синтаксических дериватов и собственно транспозитов связана с представленностью в них разных сторон языкового знака: при синтаксической деривации сохраняется тождество лексического значения (плана содержания), при транспозиционном процессе — тождество морфологической формы, представленной в словоформах на уровне конечных составляющих (плана выражения).

Как уже было сформулировано выше, изменение слово- или формообразовательной структуры словоформы может не затрагивать собственно морфемную мотивирующую структуру, выявляемую на уровне конечных составляющих. Так, например, формообразовательная структура формы творительного падежа существительного *зима* (*Все довольны теплой зимой*) представлена формообразующей основой *зим-* и формообразовательным формантом *-ой*. Собственно морфемная структура сохраняется и при транспозиции словоформы *зимой* в наречие (*Зимой обычно холодно*), хотя у наречий формообразовательная структура отсутствует. В русском языке широко представлены и случаи модификации формообразовательной структуры транспозитов: при адъективации причастий происходит утрата грамматической нагруженности компонентов глагольных формообразовательных структур, а флексии, как и при субстантивации прилагательных, получают новый статус, выражающий морфологические категории существительного. Формообразовательная структура всех знаменательных слов, переходящих в разряд служебных, теряет свою актуальность. Модификация может затрагивать и словообразовательную структуру слова. Так, например, при транспозиции наречия *хорошо* в частицу, словообразовательный адъективный суффикс *-о* теряет свою функциональную нагрузку, ср.: *Он хорошо знает французский язык* (наречие) | *Хорошо, я тебе это припомню!* (частица).

Тезис о сохранении собственно морфемных границ в транспонированной словоформе представляется вполне разумным, поскольку альтернативной научно обоснованной интерпретации морфологической формы и структуры транспозита в языкознании не предложено. Предположение, что при транспозиции мы имеем дело с опрошением, выглядит неубедительно по нескольким причинам. Во-первых, опрошение предполагает непрозрачность морфемной структуры слова, в то время как производные транспозиты членятся без всяких проблем, несмотря на потерю или модификацию функциональной значимости компонентов исходной морфемной структуры. Во-вторых, при опрошении основа слова более сложной структуры превращается в одноморфемную основу, равную корню, однако с идеей признать новыми корнями образования типа *зимой* (производное наречие), *хорошо* (производная частица), *типа* (производный предлог), *благо* (производный союз) согласиться трудно. К тому же возникает вопрос относительно родства транспонирующего и транспонированного слов, и при очевидности того факта, что эти слова являются однокоренными, приходится опять вернуться к вопросу о том, что корни получаются разными, а подобный гипотетический корневой алломорфизм мотивирован ничем иным, как морфемной структурой транспонирующего слова.

Утрата исходных функциональных структур словоформы при ее переносе в новую синтаксическую позицию вполне закономерна, при этом морфемная мотивирующая структура на уровне конечных составляющих сохраняется. И хотя морфемный статус компонентов транспозита с точки зрения слово- и формообразования не определяется, собственно морфемная структура при транспозиционном процессе эксплицирует мотивационные отношения между исходными и транспонированными словами. Кроме того, сохранение исходной членимости транспозитов на уровне конечных составляющих является их значимой характеристикой, важным свойством, отличающим их от других слов той части речи, в которую они попадают.

Согласившись с тем, что на собственно морфемном уровне транспозит сохраняет исходную морфемную структуру транспонируемой словоформы, необходимо сформулировать возможные критерии разграничения случаев омонимии (внешнего совпадения разных лексических единиц) и возможной полифункциональности одного и того же слова.

1. Естественно, что единство слова должно обеспечиваться единством его морфологической структуры по крайней мере на уровне конечных составляющих (то есть собственно морфемного состава).

2. Для того, чтобы установить принадлежность двух сопоставляемых словоформ к разным лексическим единицам (т. е. констатировать наличие между ними омонимических отношений), необходимо установить различие между ними на уровне функциональных (слово- и формообразовательных) внутрисловных структур. При этом обе сопоставляемые словоформы должны обнаруживать в своем составе те или иные функциональные структуры.

3. Фактор семантической общности (в частности, схожесть лексического значения) выступает как дополнительный в условиях неоднозначности результатов формально-грамматического измерения (анализа) словоформы.

К чему приводит реализация вышеприведенных принципов целесообразно рассмотреть на материале существующих в русском языке объединенных в пары словоформ. Разграничить омонимию и варьирование одной и той же словесной единицы.

Представляется, что использование методики структурного морфологического анализа во всех его функциональных разновидностях (формо-, словообразовательного) и собственно морфемного позволяет предложить содержательную интерпретацию соотношения словоформ, традиционно рассматриваемых в составе омопар.

Соотносительные словоформы по модели **«прилагательное — существительное»**:

богатый (богатый купец || легче верблюду пройти в игольное ушко, чем богатому попасть с Царствие Небесное)

арестантская (арестантская пища || в арестантской было душно).

В данном случае необходимо констатировать:

1. Границы формообразовательной структуры в обеих словоформах сохраняются (*арестантск-* — формообразовательная основа, *-ая* — флексийный форматив), но со значительной модификацией. Субстантивная флексия отличается от адъективной классификационным (несловоизменительным) значением категории рода и одушевленности/неодушевленности, номинативностью всех имеющихся категориальных значений при сохранении словоизменительного характера у категорий числа и падежа.

2. На уровне конечных составляющих (мотивирующие морфологические формы) собственно морфемный состав словоформ совпадает (*арест-ант-ск-ая*).

3. Дополнительный фактор семантической общности в данном случае не имеет существенного значения, так как применительно к этой паре словоформ модификация формообразовательной структуры (функциональной морфологической формы) очевидна.

Таким образом, перед нами омонимы. Очевидно, что «...субстантивация, будучи одним из важнейших транспозиционных процессов (и результатом этих процессов) в современном русском языке, не относится к области синтаксической деривации. <...> Это транспозиционные производные с мутационным типом семантического преобразования, содержащие «семантические добавки» [Полтавский 2012: 113).

Соотносительные словоформы по модели **«несклоняемое существительное — неизменяемое прилагательное»**:

мини (вместо мини стали носить макси || мини-кобра английского фунта);

В данном случае:

1. Ни одна из словоформ не обнаруживает ни формообразовательных, ни словообразовательных структур.

2. Морфемная структура у словоформ одна и та же (однокоренные слова).

3. Семантическая связь, без сомнения, присутствует.

Все это позволяет увидеть в этих парах не омонимические формы разных слов, а одно и то же полифункциональное слово, изменяющееся по частям речи. Такие слова развивают гибридные свойства, которые позволяют им занять в грамматической системе статус полифункциональной единицы, способной выступать в роли разных частей речи. Еще более ярким примером гибридности выступают слова типа *соло*, которые могут выступать не только как имена, но и как наречия: *соло на ундервуде* || *пассакалия для скрипки соло* || *сначала они споют соло, потом дуэтом*.

Соотносительные словоформы по модели «**причастие — существительное**»:

ведущий (лидер, ведущий по правильному пути || ведущий подготовил странное выступление).

Необходимо констатировать:

1. Формообразовательные структуры словоформ с большей очевидностью, нежели в предыдущем случае, не тождественны. В причастии *вед-* (основная глагольная формообразующая основа), *ведущ-* (парциальная формообразующая основа причастия), *-ий* (флексийный форматив со словоизменительным значением); в существительном: *ведущ-* (формообразующая основа), *-ий* (флексийный форматив с классифицирующим значением категории рода и одушевленности/неодушевленности, номинативностью всех имеющихся категориальных значений при сохранении словоизменительного характера у категорий числа и падежа).

2. Морфемные структуры словоформ на уровне конечных составляющих совпадают (*вед-ущ-ий*).

3. Семантическая общность и даже сохранение транспозитом исходного глагольного управления в условиях разности (отличия) формообразовательных структур не позволяет констатировать вхождение сопоставляемых словоформ в парадигму одного слова. В данном случае мы имеем дело с омонимами.

Соотносительные словоформы по модели «**существительное — наречие**»:

• *броском (в команде много игроков с хорошим броском || внезапно, броском обогнал всех).*

1. Очевидно различие формообразовательных и словообразовательных структур: в существительном *броск-* (формообразовательная основа) *-ом* (флексийный форматив); в наречии *броском* отсутствует флексийный форматив: *броск-* (производящая основа), *-ом* (словообразовательный формант).

В данном случае формообразовательный элемент превращается в словообразовательный при наличии продуктивной словообразовательной модели.

2. Собственно морфемные структуры словоформ тождественны (*броск-ом*). Перед нами омонимы.

• *зло (это было неизбежное зло; зло ответил).*

Адвербиализация форм именительного падежа существительных в целом укладывается в описание предыдущего случая, но не обнаруживает продуктивной словообразовательной модели.

Словоформы обнаруживают тождественные морфемные структуры. В данном случае их можно определить как однокорневые слова.

Необходимо констатировать наличие омонимических отношений между словоформами, хотя этот случай значительно ближе к формам полифункционального слова.

Соотносительные словоформы по модели **«глагол — существительное»**:

- *поцелуй (поцелуй ее || твой горячий поцелуй).*

1. Формообразовательные структуры словоформ разнятся; в глагольной форме: *поцел-* (основная формообразующая основа), *-уй* + *-Ø* (форматив повелительного наклонения); в существительном: *поцелуй-* (формообразующая основа) + *-Ø* (форматив существительного).

2. Словообразовательная мотивация в обоих случаях не актуальна.

3. На уровне конечных составляющих структура словоформ тождественна (*по-цел-уй*).

Благодаря противопоставлению формообразовательных структур словоформы целесообразно признать омонимами.

Соотносительные словоформы по модели **«существительное — категория состояния»**:

- *тепло (тепло костра || здесь тепло и светло).*

1. Формообразовательная структура существительного: *тепл-* (формообразующая основа), *-о* (флексийный форматив) по отношению к категории состояния (предикативному наречию) теряет актуальность. Флексийный форматив меняет свою функцию на словообразовательную, оформляя регулярный ряд (*тепло, свежо, открыто...*).

2. Собственно морфемный состав у словоформ не отличается, образуя на своей основе разные функциональные морфологические формы (формо- и словообразовательные).

Аналогично ранее рассмотренным парам **«существительное — наречие»** (*броском*) эти словоформы следует трактовать как формы разных слов — омонимы.

- *горе (в горе и в радости || Горе мне с тобой!).*

Эта пара словоформ представляет собой следующий шаг по отношению к ранее рассмотренной паре («существительное — наречие»). В данном случае словоформа с функцией категории состояния не обнаруживает ни формообразовательной, ни словообразовательной структур. Общая структура на уровне конечных составляющих (*гор-е*), семантическая корреспонденция и изолированная синтаксическая позиция категории состояния, возникающая только на функциональном уровне, позволяют определить эти формы как реализацию одного и того же

полифункционального слова, изменяющегося по частям речи. Если категорию состояния не признавать отдельной частью речи, вышеприведенная пара ничем не будет отличаться от пары «существительное — наречие»).

Несколько отдельные положения занимают соотносительные словоформы, образованные в результате процесса прономинализации существительных и окказиональной субстантивации местоимений. Например:

*человек (человек — царь природы || работал человек (= 'он') как вол);
вещи (получи свои вещи || есть вещи (= 'нечто, что-то'), которые нужно
знать);
данный (вовремя данный сигнал || ему следует выступить по данному
(= 'этому') вопросу);
один (выбери один путь || вас спрашивает один (= 'какой-то') человек и др.*

В данном случае семантические и функциональные изменения, приводящие к другому частеречному употреблению, осуществляются вне всякого изменения морфологической формы. Альтернативы нет — наиболее естественное решение признание сопоставляемых словоформ формами одного полифункционального слова.

В паре соотносительных словоформ по модели «существительное — деепричастие» типа *заплыв (заплыв прошел удачно || заплыв в камыши)* противопоставление формообразовательных структур, выявляемых в существительных, где *заплы-* (основная формообразующая основа), *-в* (форматив деепричастия совершенного вида) и в деепричастиях, у которых *заплыв-* (формообразующая основа), *-Ø* (флексийный форматив), не оставляет других возможностей, кроме как признания словоформ омонимами.

Исходя из приведенной выше логики, соотносительные словоформы по моделям:

«краткое прилагательное — наречие» (*это враждебно нам || глаза смотрели враждебно*);

«прилагательное — причастие» (*избитая истина || страшно избитый*);

«краткое прилагательное — категория состояния» (*поле безжизненно || бело, безжизненно кругом*);

«глагол — наречие» (*на солнцепеке кисло молоко || кисло улыбнулся*);

«причастие — наречие» (*окно открыто || открыто признать ошибку*);

«деепричастие — наречие» (*разговаривая и шутя меж собой || сказал то ли шутя, то ли всерьёз*);

«наречия — категория состояния» (*он весело смеялся || на балу было весело*);

«глагол — числительное» (*три пол как следует || три подруги*) следует признать омонимами. В первую очередь, в силу разности формообразовательных и словообразовательных структур, выделяемых в словоформах. Семантические отличия между представленными словоформами также часто присутствуют.

Ситуация меняется в случаях, когда в составе соотносительных форм наличествуют слова служебных частей речи.

Модель «**существительное — частица**» (*На авось вся надежда наша || авось повезет; добро не может умереть || Добро! сделаю всё, что ты просишь*). В данном случае частица не актуализирует никаких функциональных структур. На уровне конечных составляющих представленные словоформы либо являются однокорневыми (*авось*), либо совпадают по морфемному составу (*добр-о*). Целесообразно рассматривать эти словоформы как реализацию в разных контекстах одного и того же полифункционального слова.

Модель «**существительное — союз**» (*на благо Родины || он успокоился, благо ему обещали помощь*). Исходя из вышеприведенной логики, словоформы следует признать формами одного слова.

Модель «**существительное — предлог**» (*он пошел своим путем || добиться путем референдума*). Самую большую группу производных предлогов составляют предложно-падежные формы существительных: *в виде, в духе, под видом, за счет, под предлогом, с целью* и под. Количество таких соотносительных пар словоформ постоянно возрастает. Разумной альтернативы признанию этих в исходе предложно-падежных форм существительного формами одного слова с их употреблением в функции предлога нет. То же касается и определения их конечных составляющих на собственно морфемном уровне (*в-вид-е, под-вид-ом, за-счет* и под).

Ярким примером развития у полифункционального слова модальной функции могут быть следующие словоупотребления: *все это правда || разговаривал я с ним, правда, мало; это звание всегда казалось завидным || он, казалось, поправлялся; верно мыслишь || он, верно, будет сам участвовать; литература, собственно, ее не занимала || Эту систему составляют собственно Волга и ее притоки* и под.)

Далее рассмотрим другие модели соотносительных форм с участием служебных частей речи:

«**прилагательное — частица**» (*его выступление было остро и решительно || он решительно потерялся*).

«**прилагательное — союз**» (*расстояние равно пяти метрам || Мы для вас постараемся, равно для себя*).

«**глагол — союз**» (*не пускай никого || пускай чуть слышен голос твой*).

«**глагол — частица**» (*знай, с кем шутишь || живи знай в свое удовольствие*).

«**деепричастие — предлог**» (*он простился, благодаря за оказанную помощь || благодаря хорошему климату*).

«**наречие — частица**» (*исключительно умный человек || его занимали исключительно вопросы мироздания*).

«**наречие — союз**» (*горы чуть видны || Он вышел в путь, чуть встало солнце*).

«**наречие — предлог**» (*вблизи никого не было || вблизи дома рос сад*). Надо отметить, что предлоги соотносительные с качественными наречиями, семантически с ними расходятся, обозначая более отвлеченные и сложные отношения.

«категория состояния — частица» (*Сегодня на улице ясно || Ты при-
дешь? — Ясно, приду.*).

«категория состояния — союз» (*в доме чисто || Весной здесь чисто рай*).

«категория состояния — предлог» (*мне противно на это смотреть ||
война велась противно всем правилам*).

Учитывая неактуальность функциональных внутрисловных структур для словоформ в служебной функции, а также единство собственно морфемных структур в соотносительных словоформах, наиболее рациональное решение — рассматривать их как разные контекстные употребления одного слова.

В части соотношения словоформ, выступающих в контекстах с функциями служебных частей речи, актуальны следующие модели:

«частица — предлог» (*написал что-то вроде воспоминаний || сразу вроде
легче стало*).

«частица — союз» (*Уж будто ты так спешишь? || Согнулся, будто ста-
рик*). Регулярность представленной модели и существующая иногда невозможность четко разделить эти частеречные употребления заставляют некоторых авторов выделять отдельный разряд полифункциональных слов — союзы-частицы.

«предлог — союз» (*Напротив дома росла береза. || Никакой отдельный
жест не отменяет другой, напротив дополняет и удерживает*).

С точки зрения морфологического анализа полифункциональные слова (словасервемы) никаких омонимических пар не формируют. Первообразные предлоги корреспондируют с приставками и в силу этого могут быть определены как одноморфемные. В части единичных пар по модели «предлог — союз» совпадение собственно морфемных структур словоформ (*в-род-е, на-против*) определяет их не как омонимы, но как разные контекстные воплощения одного полифункционального слова.

Предлагается следующий общий вывод: наличие омонимической пары можно констатировать тогда, когда словоформы обнаруживают разные функциональные (формо- и словообразовательные) структуры. Объединение словоформ в составе парадигмы полифункционального слова предполагает на уровне конечных составляющих общую мотивирующую морфологическую форму (собственно морфемный состав), на базе которой могут реализовываться разные функциональные структуры.

Литература

Арутюнова Н. Д. Проблемы морфологии и словообразования: на материале испанского языка. М.: Языки славянских культур, 2007. 425 с.

Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1969. 605 с.

Бабайцева В. В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000. 540 с.

Бабайцева В. В. Местоимение *это* и его функциональные омонимы. М.: Флинта, 2022. 168 с.

Бали Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Изд. иностр. лит., 1955. 408 с.

Виноградов В. В. О грамматической омонимии в современном русском языке // Виноградов В. В. Исследования по русской грамматике. М.: Наука, 1975. С. 13–33.

Виноградов В. В. Вопросы современного русского словообразования // Виноградов В. В. Избранные труды. М.: Наука, 1976. С. 155–165.

Ким О. М. Транспозиция на уровне частей речи и явление омонимии в современном русском языке. Ташкент: Фан, 1978. 227 с.

Курилович Е. Очерки по лингвистике // Деривация лексическая и деривация синтаксическая. М.: Изд. иностр. лит., 1962. С. 7–71.

Мигирин В. Н. Очерки по теории процессов переходности // Процессы переходности на уровне частей речи. Бельцы: б. и., 1971. С. 131–147.

Полтавский П. Х. Семантическая деривация в аспекте современных лингвистических исследований. Вестник МГУ, сер. 9. Филология. 2012. № 2. С. 107–116.

Смирницкий А. И. Лексикология английского языка. М.: Изд. лит. на иностр. яз, 1956. 261 с.

Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988. 656 с.

Халиков М. М. О системном статусе межуровневой транспозиции языковых единиц // Вестник СамГУ. 2014. № 1 (112). С. 108–111.

Fleischer W. Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig: VEB Bibl. Institut, 1974. 383 s.

Marchand H. The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach. Wiesbaden: Harrassowitz, 1960. 379 p.

Shigurov V. V., Shigurova T. A. Theoretical basic of the transpositional grammar of Russian language // International Journal of Applied Linguistics and English Literature. 2016. Vol. 5. № 5. P. 237–245.

S. I. Bogdanov, Yu. V. Menshikova

Russian Academy of Education

(Russia, Moscow)

bogdanov@raop.ru

STRUCTURAL MORPHOLOGICAL ANALYSIS AS A CRITERION FOR DISTINGUISHING HOMONYMY AND MULTIFUNCTIONALITY OF A WORD

The article examines various groups of lexical units connected in a broad sense by transpositional relations. Traditionally, transpositional phenomena in the part-of-speech system are described as the processes of “transition” from one part of speech to another.

Most importantly, these include cases of substantiation of different lexical and grammatical classes of words, adjectivation of participles, adverbialization of various word forms, “transition” of the content words into the function ones. The focus is usually on the degree of the completeness/incompleteness of the process, during which the word loses the properties of the original part of speech, and the fact of the occurrence/non-occurrence of obvious grammatical homonyms. In the article, these processes are compared not so much in terms of the patterns of the derivation itself, but in terms of the linguistic practice of describing its result, that is, the linguistic interpretation of the transposition itself. This interpretation is directly related to the problem of word identity and the problem of establishing homonymy of different lexical units after answering the question of where the variation of a linguistic element ends and the systemically significant opposition of different elements of the linguistic structure begins.

The peculiarity of the approach to the material consists in recognizing the priority of the formal-grammatical approach, in which the attention is focused on the final components of the word form, isolated taking into account not only functional (word- and form-building), but also motivating structures, which present varieties of morphological form.

Key words: formal grammatical approach, transposition, grammatical homonymy, the transition of words from one part of speech to another, word- and formative structures, morphemic structure, multifunctional words.

References

Ahmanova O. S. *Slovar' lingvisticheskikh terminov* [Dictionary of linguistic terms]. Moscow, Sovetskaya Entsiklopediya Publ., 1969. 605 p.

Arutyunova N. D. *Problemy morfologii i slovoobrazovaniya: na materiale ispan-skogo yazyka* [Problems of morphology and word formation: based on the material of the Spanish language]. Moscow, Yazyki Slavyanskich Kul'tur Publ., 2007. 425 p.

Babaitseva V. V. *Yavleniya perekhodnosti v grammatike russkogo yazyka* [The phenomenon of transitivity in the grammar of the Russian language]. Moscow, Drofa Publ., 2000. 540 p.

Babaitseva V. V. *Mestoimenie eto i ego funkcional'nye omonimy* [The pronoun *это* and its functional homonyms]. Moscow, Flinta Publ., 2022. 168 p.

Balli Sh. *Obshhaya lingvistika i voprosy frantsuzskogo yazyka* [General linguistics and French language issues]. Moscow, Publ. House of Foreign Literature, 1955. 408 p.

Fleischer W. *Wortbildung der deutschen Gegenwartssprache* [Word formation of the contemporary German language]. Leipzig, VEB Bibl. Institut Publ., 1974. 383 p.

Halikov M. M. [On systemic status of interlevel transposition of linguistic units]. *Vestnik SamGU*, 20014, no. 1 (112), pp. 108–111. (In Russ.)

Kim O. M. *Transpoziciya na urovne chastei rechi i yavlenie omonimii v sovremen-nom russkom yazyke* [The transposition of parts of speech and the phenomenon of homonymy in modern Russian]. Tashkent, Fan Publ., 1978. 227 p.

Kurilovich E. [Lexical and syntactic derivation]. *Ocherki po lingvistike* [Essays on linguistics]. Moscow, Publ. House of Foreign Literature, 1962, pp. 57–71. (In Russ.)

Marchand H. *The categories and types of present-day English word-formation: A synchronic-diachronic approach*. Wiesbaden, Harrassowitz Publ., 1960. 379 p.

Migirin V. N. [Essays on the theory of transitivity processes]. *Processy perehodnosti na urovne chastei rechi* [Transitivity processes at the level of parts of speech]. Balti, w/o publ., 1971, pp. 131–147. (In Russ.)

Poltavskii P. H. [Semantic derivation in the aspect of modern linguistic research]. *Vestnik MGU, ser. 9. Filologija*, 2012, no. 2, pp. 107–116. (In Russ.)

Shigurov V. V., Shigurova T. A. Theoretical basic of the transpositional grammar of Russian language. *International Journal of Applied Linguistics and English Literature*, 2016, vol. 5, no. 5, pp. 237–245. (In Eng.)

Smirnitskii A. I. *Leksikologiya angliiskogo yazyka* [Lexicology of the English language]. Moscow, Publ. House of Literature in Foreign Languages, 1956. 261 p.

Ten'er L. *Osnovy strukturnogo sintaksisa* [Basic ideas of structural syntax]. Moscow, Progress Publ., 1988. 656 p.

Vinogradov V. V. [On the question of grammatical homonymy in modern Russian]. Vinogradov V. V. *Issledovaniya po russkoi grammatike* [Research on Russian grammar]. Moscow, Nauka Publ., 1975, pp. 13–33. (In Russ.)

Vinogradov V. V. [Questions of modern Russian word formation]. Vinogradov V. V. *Izbrannye trudy* [Selected works]. Moscow, Nauka Publ., 1976, pp. 155–165. (In Russ.)

Р. Драгичевич
 Университет в Белграде
 (Сербия, Белград)
rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

ГЛАГОЛЬНАЯ ТРАСПРЕФИКСАЦИЯ В СЕРБСКОМ ЯЗЫКЕ

Работа посвящена транспрефиксации глаголов с приставкой *од-* в сербском языке. Импульсом для анализа словообразования стали исследования И. С. Улуханова, который убедительно доказал существование транспрефиксации и транссуффиксации в русском языке. Изложив понимание И. С. Улуханова, мы представили и некоторые идеи других авторов, что заставило нас усомниться в этом словообразовательном способе. Основное сомнение основано на том, что трансффиксация вызывает у говорящих большие когнитивные усилия, чем аффиксация, поэтому возникает вопрос, действительно ли говорящие используют этот способ словообразования. Наше исследование показало наличие транспрефиксации и в сербском языке. Рассмотрена транспрефиксация группы сербских глаголов, имеющих приставку *од-*. Глаголы с приставкой *од-* можно разделить на те, которые образуются за счет транспрефиксации, и те, которые таковыми не являются. Установлено, что данный словообразовательный способ влияет на появление многочисленных синонимично-антонимичных блоков и что благодаря некоторым частотным образованным путем транссуффиксации глаголам сохраняются мотивирующие нечастотные префиксальные глаголы, которые бы в противном случае исчезли из современного языка. На основе всего этого сделан вывод, что транспрефиксация вносит вклад в системность лексики русского, сербского и, вероятно, других славянских языков.

Ключевые слова: трансффиксация, транспрефиксация, словообразование, русский язык, сербский язык.

1. Понятие трансффиксации И. С. Улуханова. Стимулом к этой работе стали исследования И. С. Улуханова о словообразовании путем замены морфемы [ср. Улуханов 1974а; 1974б; 2012]. Как И. С. Улуханов отмечает, обычно при словообразовании с основой мотивирующего слова происходят два вида преобразований: добавление и удаление аффикса. Автор описывает и третью возможность, а именно замену одного аффикса другим, т. е. трансффиксацию, которая реализуется как транспрефиксация (напр., *застегнуть* — *рассстегнуть*) или как транссуффиксация (напр., *символизм* — *оказ. символятина*). И. С. Улуханов [Улуханов 2012: 388]

указывает, что не все специалисты по словообразованию согласны с существованием трансaffиксации и среди противников такого взгляда называет также имя видного российского дериватолога А. Н. Тихонова.¹

И. С. Улуханов убедительно доказывает существование трансaffиксации, приводя несколько показателей, среди которых особенно важен семантический критерий. «Глагол *отклеить* означает “отделить, оторвать по клею что-либо приклеенное” и непосредственно мотивируется не глаголом *клеить*: с помощью этого глагола невозможно объяснить значение глагола *отклеить*...» [Улуханов 2012: 389]. Совершенно иная ситуация, например, с глаголом *отломать*, который значит ‘ломаю, отделить’. Его значение можно объяснить через значение мотивирующего глагола *ломать*, а не с помощью замены префикса.

Среди всех префиксов в роли «заменителя» в русском языке чаще всего выступают *раз-* и *от-*, реже *за-*, *с-*, *у-*. Транспрефиксация чаще всего выполняется для получения значения противоположного результата действия, а также интенсификации (*припоздать* ‘немного опоздать’) и повторения (*перебрать* ‘снова набрать’).

В некоторых случаях бывает даже, что и к приставочному глаголу присоединяется префикс с противоположным значением без удаления имеющегося (напр., *разукрупнить*, *разуверить*, *отсоединить* и т. д.). Так возникают «нелогичные глаголы», имеющие два префикса с противоположным значением [Улуханов 2012: 390]. Нелогичные глаголы служат доказательством того, что есть приставочные глаголы, у которых словообразование и семантика базируются не на основном мотивирующем глаголе (бесприставочном), а на каком-либо приставочном глаголе, образованном от того же основного глагола.

2. Один неубедительный пример трансaffиксации в сербской лингвистике. В сербской лингвистике трансaffиксация не исследовалась и этот термин не используется, но в литературе приводятся некоторые деривационные толкования, основанные на трансaffиксации. Так, например, Б. Чорич [Чорич 1982: 7] утверждает, что существительное *старица* ‘старуха, старушка; старая женщина’ образовалось от существительного *старац* ‘старик; старец; старый мужчина’ сначала путем удаления суффикса *-ац-*, а затем замены его суффиксом *-иц-*. Мы не согласны

¹ А. Н. Тихонов [Тихонов 1971: 263–265] считает, что авторы некоторых статей преувеличивают словообразовательные возможности связанных основ. Он предполагает, что пары *обуть* — *разуть*, *замкнуть* — *отомкнуть* образовались за счет того, что первый приставочный глагол мотивировал второй, хотя второй существенно более семантически сложен. Семантическая связь приставочных глаголов не свидетельствует об образовании одного от другого. У таких глаголов, а также у других примеров, которые И. С. Улуханов трактует как трансaffиксацию, А. Н. Тихонов отмечает противоречивость смысловой и структурной взаимосвязи. Так, например, существительное *футурист* структурно образовано от существительного *футур*, а семантически — от *футуризм*. Вот почему возникает вопрос, являются ли эти связанные основы взаимно равноправными или взаимно зависимыми. На этот вопрос А. Н. Тихонов отвечает, что возможны оба типа отношений: в паре *равнодушие* и *равнодушный*, вторая лексема возникла из первой, но между глаголами *подключить* и *отключить* отношение равноправное, т. е. оба глагола произошли от одного и того же производящего слова. Во всех таких случаях можно говорить только о семантическом словообразовании.

с такой интерпретацией Б. Чорича. Считаем, что лексемы *старац* и *старица* возникли независимо друг от друга, причем оба они мотивированы прилагательным *стар* ‘старый’, к основе которого суффиксы *-иц-* и *-иц-* были добавлены за два самостоятельных словообразовательных акта. Определение существительного *старица* — «старая женщина», а значит, семантический критерий показывает: слово *старица* образовано не от производного *старац*, а непосредственно от *стар*. Есть еще одна важная причина, по которой мы полагаем, что существительное *старица* произошло не от *старац*, а именно: слишком большое когнитивное усилие, которое бы прикладывали говорящие, если бы у деривата *старац* удаляли суффикс и заменяли его другим суффиксом. За словообразованием как языковым процессом скрывается словообразование как процесс когнитивный. Он не может быть слишком утомительным для говорящих, потому что иначе это значительно замедляло бы коммуникацию. Умственная деятельность, которую выполнял бы говорящий, удаляя один аффикс, выбирая второй, более подходящий и заменяющий тот, отсеченный, потребовала бы сильного напряжения и замедлила общение. На основе исследования И. С. Улуханова [Улуханов 2012] можно предположить, что транссуффиксация в сербском языке существует. В сербском языкознании подобные исследования не проводились, но можно предположить, что, как и в русском языке, можно сказать, что, например, некоторые существительные на *-ист* (например, *оптимист*) стали транссуффиксированными от однокоренных существительных с суффиксом *-изм* (*оптимизм*).

3. ТЕМА РАБОТЫ. О своем недоверии к транссуффиксации существительного *старица* мы писали еще в 2001 г. [Драгићевич 2001], а затем, спустя десять лет, встретились с идеей транссуффиксации у Игоря Степановича Улуханова. Поскольку автор очень убедительно доказал функционирование этого словообразовательного процесса, мы решили рассмотреть транспрефиксацию сербских глаголов с приставкой *од-*, которую И. С. Улуханов отнес (как и приставку *раз-*) к наиболее распространенным «заменителям» среди приставок.

3.1. Глаголы на *ОД-* ‘от-’, образованные путем транспрефиксации. В сербском языке есть группа глаголов на *од-*, которые, очевидно, образовались путем замены приставки. Они указывают на отмену действия или противоположность другому действию². Действие, которое дает противоположный результат, обычно обозначается в сербском языке глаголами с приставкой *за-*:

одбравити ‘отпереть’, *одвезати* ‘отвязать’, *одвити* ‘отмотать, размотать’, *одврнути* ‘отвернуть, отвинтить’, *одвртети* ‘открутить’, *одгонетнути* ‘отгадать’, *одледити* ‘оттаять; растаять; растопить; разморозить’, *одлепити* ‘отклеить; отделить’, *одмастити* ‘очистить от масла, жира’, *одмотати* ‘отмотать’, *одмрзнути* ‘разморозить’, *одмрсити* ‘распутать’, *одишити* ‘расшить, распороть’,

² В этой статье используются классификация глаголов на *од-* и примеры И. Клайна [Клајн 2002: 264–265], а толкования глаголов и дополнительные примеры приводятся по «Словарю сербского языка» [Пижурица (гл. ред.) 2018]. Информацию об актуальности исследуемых глаголов мы проверяем в электронном корпусе сербского языка PDRS.

одиграфити ‘отвинтить’, *отворити* ‘открыть’, *отказати* ‘отменить; отказаться что-либо предоставить’, *откачити* ‘отцепить, отвязать’, *откључати* ‘отомкнуть’, *отковати* ‘расковать’, *откопати* ‘откопать’, *откопчати* ‘расстегнуть’, *откочити* ‘освободить от тормозов, снять с тормоза’, *отпаковати* ‘распаковать, отпаковать’, *отпасати* ‘развязать пояс, отвязать’, *отпетљати* ‘выпутать, распутать’, *отпечатити* ‘распечатать, снять печать’, *отплести* ‘расплести, развязать’, *отпрегнути* ‘выпрячь, распрячь’, *отпушити* ‘откупорить; освободить отверстие’, *отчепити* ‘отделить; отцепить; оторвать’ и т. д.

И. Клайн [Клајн 2002: 264] отмечает, что корреляция противоположности у других приставок встречается реже, напр.:

- глаголы с префиксом *на-*: *одучити* ‘отучить’ (ср. *научити* ‘научить, приучить’), *одвићи* ‘отучить’ (уп. *навићи* ‘приучить’), *одјавити* ‘исключить’ (ср. *најавити* ‘уведомить, сообщить’), *одљутити се* ‘перестать сердиться’ (ср. *наљутити се* ‘рассердиться’) и т. д.;
- глаголы с префиксом *по-*: *открити* ‘открыть’ (ср. *покрити* ‘накрыть, покрыть’) и др.;
- глаголы с префиксом *у-*: *одморити* ‘отдохнуть’ (уп. *уморити* ‘утомить’) и др.

В данных глаголах следует обратить внимание, во-первых, на то, что они указывают на действие, которое обязательно имело симметричное предыдущее действие. Развязать можно только то, что ранее было завязано; разморозить — то, что было заморожено; открыть — то, что ранее было закрыто, и т. д. Это, таким образом, означает, что вышеуказанные глаголы с приставкой *од-* были образованы путем транспрефиксации, но их корреляты с приставкой *за-* образовались не заменой приставки, а путем обычной префиксации от мотивирующих глаголов.

Действия открывания, расстегивания, развязывания, раскапывания и т. п. невозможно представить, не связывая их с противоположными действиями — закрыванием, застегиванием, завязыванием, закапыванием. Следовательно, можно ожидать, что эти глаголы в одноязычных толковых словарях будут определяться с помощью глаголов, обозначающих противоположное действие.

Наши ожидания оправдались. В одномтомном современном «Словаре сербского языка» [Пижурица (гл. ред.) 2018] основное значение глагола *отвязать* толкуется так: ‘снимая, устранив веревки, путы, освободить что-либо связанное, завязанное, развязать, напр. развязать руки’. Это определение показывает, что глагол *развязать* соотносится с синонимичными *увезати* ‘увязать’ и *завезати* ‘завязать’ и что он мог быть образован путем транспрефиксации от обоих этих глаголов. Также отметим, что у глагола *одвезати* ‘отвязать’ есть синоним *одрешити* ‘развязать’, но последний в сербском языке не соотносится ни с каким другим префиксальным глаголом. Более того, он означает то же самое, что и его мотивирующий глагол *дрешити* ‘развязывать, отвязывать, распутывать’. Это глагол относится к архаизмам и диалектизмам сербского языка, у него не сложилось словообразовательное

гнездо, и чтобы его значение было более понятным, это значение подкрепляется приставкой, несущей ту же смысловую составляющую, что и сам глагол. Следовательно, для транспрефиксации важно, чтобы основной глагол развивал свои деривационные возможности, т. е. свои приставки. Из этого далее делаем вывод, что исконные глаголы, хорошо укоренившиеся в языке, более склонны к ней, чем заимствованные.

Глагол *одвити* определяется так: ‘отмотать, размотать, раскрутить что-либо смотанное, скрученное, замотанное, намотанное, закрученное: раскрутить локон’. В этом случае [Пижурица (гл. ред.) 2018] дает еще два синонима *одвити*: *одмотати* ‘отмотать, открутить’ и *размотати* ‘расмотать, раскрутить’, которые тоже образованы транспрефиксацией от *замотати*, но мы узнаем еще и о синонимах глагола *замотати* — это *намотати* ‘намотать’ и *смотати* ‘смотать’, которые также могли мотивировать глаголы *одмотати* и *размотати*.

Уже этих двух дефиниций достаточно для утверждения, что транспрефиксация семантически и деривационно объединяет целую группу глаголов, связанных между собой в лексической системе.

Глагол *одгонетнути* ‘отгадать, разгадать’ любопытен тем, что в сербском языке нет глагола *загонетнути*³. Его дефиниция звучит так: ‘решить, разрешить, додуматься, угадать смысл чего-л. загадочного, скрытого, неясного; решить загадку’. Выяснилось, что глагол *одгонетнути* ассоциативно и семантически связан с существительным *загонетка* ‘загадка’, так как глагол *загонетнути* ‘загадать’ в сербском языке, скорее, потенциальный, чем реальный. Это произошло потому, что глагол *одгонетнути* расширил сферу своего употребления и сегодня относится не только к отгадыванию загадок, но и (как указано в дефиниции) к решению, угадыванию, пониманию смысла чего-л. неясного. Глагол *загонетнути* не расширил свою сферу употребления, поэтому разрушилась симметрия этих глаголов; более того, *загонетнути* постепенно исчезает из сербского языка, а *одгонетнути* устанавливает ассоциативную корреляцию с его дериватом *загонетка*. Вопреки всему сказанному глагол *одгонетнути* был образован транспрефиксацией от глагола *загонетнути*⁴.

³ В электронном корпусе он не встретился ни разу, а его коррелят несовершенного вида *загонетати* ‘загадывать’ — только 4 раза. Глагол *одгонетнути* в электронном корпусе использован 972 раза, а *одгонетати* — 100.

⁴ Большинство глаголов, оканчивающихся на *-нути*, образованы с помощью суффикса *-нут* от своих коррелятов несовершенного вида, напр. *лупнути* ‘ударить’ (< *лупати* ‘ударять’), *куцнути* ‘стукнуть’ (< *куцати* ‘стучать’). Однако трансффиксация способна изменить, «испортить» ожидаемые словообразовательные процессы, поэтому глагол *одгонетнути* ‘отгадать, разгадать’ не был образован от коррелята несовершенного вида *одгонетати* ‘отгадывать, разгадывать’. Доказательство этого находим и в словаре сербского языка [Пижурица (гл. ред.) 2018], в котором глагол *одгонетнути* объясняется без указания глагола *одгонетати*, а именно с помощью ссылки на существительное *загонетка* ‘загадка’. С остальными глаголами на *-нути* ситуация иная. Объяснение этого видим в том, что трансффиксация предполагает отступление от системных словообразовательных процессов, причина которого — в сильной семантической и ассоциативной связи между определенными лексемами, которая разрушает привычные словообразовательные процессы, ориентированные на форму.

Можно заметить, что в некоторых случаях транспрефиксация способствует сохранению мотивирующего коррелята. Глагол *загонетнути* вообще бы исчез, если бы его не «сохранял», не «поддерживал» (по крайней мере, как потенциальное слово) частый глагол *одгонетнути*.

Мы приходим к выводу, что транспрефиксация имеет большое значение не только для образования слов, но и для их сохранения, а также для создания системных связей в лексической системе. Случай глагольной пары *загонетнути* — *одгонетнути* показывает, что транспрефиксация может, благодаря тенденции к лексической системности, сохранять слова, которые бы в противном случае забылись.

О том, что транспрефиксация — это важный источник новых слов, свидетельствует и детская речь. А именно, дети интуитивно овладевают словообразовательными механизмами, а затем их применяют для новых языковых потребностей. Так, они активируют многие потенциальные слова, которые не существуют в реальном речевом употреблении, но могли бы возникнуть. В «Словаре детских слов и выражений» [Смильанић Рангелов 2024] мы находим подтверждения следующих неузурпированных глаголов:

одбрани ‘разрешить (букв. отпргнуть — ср. запретить)’ (ср. *забрани* ‘запретить’): *Када ће ми бити одбран телефон, који сте ми забранили?* — ‘Когда вы мне отпргнете телефон, который вы мне запретили?’

одгадити ‘отгрязнить’ (уп. *загадити* ‘загрязнить’): *Одгађен је ваздух.* ‘Воздух отгрязнен’.

одгужвати ‘размять, отмять’ (уп. *загужвати* ‘смять’, *изгужвати* ‘измять’): *Кад се одгужва, дођи код мене!* ‘Когда отомнется, приходи ко мне!’.

одгутати ‘выглотить’ (уп. *прогутати* ‘проглотить’): *Одгутај то одмах.* ‘Выглоти это сейчас же’.

одмазати (се) ‘отмазать’ (уп. *намазати* ‘намазать, растереть’): *Одмазали су ми се нокти.* ‘У меня отмазались ногти’.

отпокрити ‘раскрыть’ (уп. *покрити* ‘накрыть, покрыть, укрыть’): *Вруће ми је, отпокриј ме.* ‘Мне жарко, раскрой меня’.

одчарати ‘расколдовать’ (уп. *зачарати* ‘причаровать, заколдовать, очаровать’): *Само љубав може да одчара принца.* ‘Только любовь может расколдовать принца’.

Употребление этих потенциальных слов одновременно подтверждает транспрефиксацию как словообразовательный способ и ее значение для установления симметрии и системности в лексической системе.

Анализ других толкований транспрефиксных глаголов на *од-* показал, что они действительно определяются через приставочные глаголы (которые в сербском языке чаще всего имеют приставку *за-*). Интересно и то, что многие глаголы на *од-*, образованные транспрефиксацией, имеют синонимы, образованные тем же способом. В представленных толкованиях мы показали и то, что мотивирующие глаголы часто имеют синонимы. Так на основе транспрефиксации создается деривационно-семантическая сеть глаголов. Перечислим некоторые слова этой сети деривационно

связанных глаголов из словарных толкований глаголов на *од-*, образованных путем транспрефиксации.

Глагол, образованный транспрефиксацией	Синонимы	Мотивирующие глаголы с антонимичным значением
одвезати 'отвязать, развязать'	одрешити 'развязать'	увезати 'увязать, связать', завезати 'связать, завязать'
одвити 'отмотать; развернуть; развинтить'	одмотати 'отмотать, размотать'	смотати 'смотать, скрутить', намотати 'намотать'
одледити 'растопить; разморозить'	одмрзнити 'растопить; разморозить'	заледити 'заморозить, превратить в лед', замрзнити 'заморозить'
одмотати 'раскрутить, размотать, отмотать'	Размотати 'отмотать, размотать'	замотати 'замотать, закрутить'
одмрзнити 'растопить; разморозить'	одледити 'растопить; разморозить', отопити 'растопить; разморозить'	смрзнити 'заморозить', заледити 'заморозить, превратить в лед'
одмрсити 'распутать'	размрсити 'распутать'	замрсити 'запутать'
отворити 'открыть'	/	затворити 'закрыть'
отказати 'отменить; отказаться что-либо предоставить'	одрећи 'не выполнить; отказаться'	заказати 'назначить, заказать, бронировать'
откачити 'отцепить, отвязать'	/	закачити 'привязать, повесить', окачити 'привязать, повесить', прикачити 'привязать, повесить'
откључати 'отомкнуть'	отворити 'открыть', одбравити 'отомкнуть'	закључати 'закрыть на ключ', забравити 'замкнуть'
откопчати 'расстегнуть'	раскопчати 'расстегнуть'	закончати 'застегнуть, закрыть'
откочити 'освободить от тормозов, снять с тормоза'	отпустити 'освободить; отпустить'	укочити 'затормозить'
отпетљати 'выпутать, распутать'	одвезати 'отвязать, развязать', одмрсити 'отвязать, развязать'	запетљати 'спутать'
отплести 'расплести, развязать'	расплести 'расплести', одмрсити 'отвязать, развязать', одвити 'отмотать; развернуть; развинтить', одмотати 'отмотать, размотать'	уплести 'вплести', сплести 'сплести, связать', смотати 'смотать, скрутить'
отчепити 'отделить; отцепить; оторвать'	отпушити 'откупорить; освободить отверстие'	зачепити 'забить, заткнуть, закрыть'

В этой таблице мы представили только те глагольные синонимы, которые встречаются в толкованиях глаголов на *од-*, имеющих ту же приставку, присоединенную к иному базовому глаголу, или иную приставку, присоединенную к тому же

базовому глаголу. Если к ним добавить еще и те, у которых одинаковое значение и другой префикс и мотивирующий глагол, то сеть значительно расширится. Так, например, глаголу *одвити* 'отмотать; развернуть; развинтить' синонимичен глагол *размотати* 'размотать' (у которого есть и однокоренной синоним *одмотати*); глагол *одмрсити* 'распутать' значит то же, что и *расплести, размотати, распетьлати* (а у них есть свои синонимы с *од-*: *отплести, одмотати, отпетьлати*; у глагола *отплести* в дефиниции появляется и *размрсити* (синоним которого -- *одмрсити*). Все это указывает на богатую сеть взаимных ассоциативных, словообразовательных и семантических отношений между глаголами, связанными транспрефиксацией.

3.2. Глаголы на *од-*, не образованные с помощью транспрефиксации. Не у всех глаголов с префиксом *од-* есть способность транспрефиксации. Их типичное значение аблативное. Оно есть у следующих глаголов: *одломити* 'отломать', *одрезати* 'отрезать', *одмаћи* 'отойти, отодвинуть(ся)', *одвући* 'отволочь, оттащить', *откинути* 'оторвать, оборвать', *одгурати* 'переместить толкая, отодвинуть' и т. д. Все они означают удаление, отдаление или отделение части от целого. В их толкованиях мы видим связь с мотивирующим глаголом, поэтому нельзя говорить о транспрефиксации. *Одломити* значит 'отделить ломая', *одгурати* — 'переместить, отодвинуть толкая' и т. д.

Есть и группа глаголов, у которых *од-* привносит только перфективное значение (ср. [Клајн 2002: 265]): *одрадити* 'отработать', *одиграти* 'сыграть, отыграть', *одсвирати* 'сыграть, отыграть (на музыкальном инструменте)', *одзвонити* 'отзвонить, отзвенеть' и т. д. Они также образованы не с помощью транспрефиксации.

4. ЗАКЛЮЧЕНИЕ. В предлагаемой статье мы изучили ее на примере глаголов на *од-* в сербском языке и выявили, что с помощью транспрефиксации образована группа глаголов, которые обозначают уничтожение, отмену результата или противоположность соответствующим глаголам (в основном на *за-*). О том, что такой процесс есть и, очевидно, не требует слишком больших когнитивных усилий, свидетельствует детская речь: дети, даже в 3–4 года, придумывают свои окказионализмы, пользуясь таким словообразовательным способом. Этот факт служит дополнительным доводом в пользу транспрефиксации. Наше исследование показало, что к транспрефиксации более склонны типичные, распространенные глаголы, чем редкие или плохо сочетающиеся с приставками. Не все глаголы на *од-* образованы транспрефиксацией, а только те, которые взаимодействуют с каким-либо другим префиксальным глаголом и для которых можно определить направление производности. Взаимность, соотносительность проявляются как противопоставление, возвратность, интенсивность, повторение действия и т. д. Глаголы, образованные с помощью транспрефиксации, объединяются в антонимо-синонимические блоки с большим количеством своих синонимов и антонимов. В работе показано, что некоторые частотные глаголы, образованные транспрефиксацией, имеют потенциал, своего рода влияние, благодаря которому сохраняются мотивирующие их редкие префиксальные глаголы, которые бы в противном случае исчезли из современного языка. Эти факты указывают на важность данного процесса в языке. Таким образом, мы не только подтвердили существование транспрефиксации, но и пришли к выводу, что она играет важную роль в установлении системности в лексике.

Литература

Драгићевић Р. Придеви са значењем људских особина у савременом српском језику. Творбена и семантичка анализа. Београд: Институт за српски језик САНУ, 2001. 282 с.

Клајн И. Творба речи у савременом српском језику. Први део. Слагање и префиксација, Београд: Завод за уџбенике, Институт за српски језик САНУ; Нови Сад: Матица српска, 2002. 375 с.

Пижурица М. (гл. ред.). Речник српскога језика. Нови Сад: Матица српска, 2018. 1474 с.

Смиљанић Рангелов В. Речник детињих речи и израза. Београд: Службени гласник, 2024. 296 с.

Тихонов А. Н. Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка. Самарканд, 1971. 387 с.

Улукханов И. С. Словообразование путем замены морфем // Русская речь. 1974а. № 5. С. 74–81.

Улукханов И. С. О замене приставок // Русский язык в школе. 1974б. № 3. С. 89–94.

Улукханов И. С. Словообразование посредством замены морфем // Творба речи и њени ресурси у словенским језицима / ур. Р. Драгићевић. Београд: Филолошки факултет, 2012. С. 387–399.

Ђорић Б. Моциони суфикси у српскохрватском језику. Београд: Филолошки факултет, 1982. 174 с.

Public discourse of the Republic of Serbia (PDRS). Электронный корпус сербского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=pdrs10> (дата обращения: 15.07.2024).

Перевел с сербского Н. В. Супрунчук

R. Dragičević

University of Beograd

(Serbia, Belgrade)

rajna.dragicevic@fil.bg.ac.rs

VERBAL TRANSPREFIXATION IN SERBIAN LANGUAGE

The paper is dedicated to the transprefixation of verbs with the prefix *od-* in the Serbian language. We got inspiration for the analysis of the word-formation of these verbs from the research I. S. Ulukhanov, who convincingly proved the existence of transprefixation and transsuffixation in the Russian language. Our research proved the existence of transprefixation in the Serbian language as well. It was found that this word-formation mode affects the creation of numerous synonymous-antonymous blocks and that, thanks

to some frequent verbs formed by transsuffixation, motivating non-frequent prefixed verbs are preserved, which would otherwise have disappeared from the modern language. Based on all this, it is concluded that transprefixation contributes to the systematicity of the vocabulary of Russian, Serbian and, probably, other Slavic languages.

Key words: transaffixation, transprefixation, word formation, Russian language, Serbian language.

References

Ćorić B. *Mocioni sufiksi u srpskom jeziku* [Motion suffixes in the Serbo-Croatian language]. Belgrade, Faculty of Philology Publ., 1982. 174 p.

Dragičević R. *Pridevi sa značenjem ljudskih osobina u savremenom srpskom jeziku. Tvorbena i semantička analiza* [Adjectives with the meaning of human characteristics in the modern Serbian language]. Belgrade, Publ. House of the Institute for Serbian Language SANU, 2001. 282 p.

Klajn I. *Tvorba reči u savremenom srpskom jeziku. Prvi deo. Slaganje i prefiksacija* [Word formation in the modern Serbian language. First part. Compilation and prefixation]. Belgrade, Publ. House of the Institute of the Serbian Language SANU; Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2002. 375 p.

Public discourse of the Republic of Serbia (PDRS): Electronic Corpus of the Serbian Language. Availble at: <https://www.clarin.si/ske/#dashboard?corpname=pdrs10> (accessed 15.07.2024).

Pizhuritsa M. (ed.). *Rečnik srpskoga jezika* [Dictionary of Serbian Language]. Novi Sad, Matica Srpska Publ., 2018. 1474 p.

Smiljanić Rangelov V. *Rečnik detinjih reči i izraza* [Dictionary of children's words and expressions]. Belgrade, Službeni Glasnik Publ., 2024. 296 p.

Ulukhanov I. S. [Word formation by replacing morphemes]. *Russkaya rech'*, 1974a, no. 5, pp. 74–81. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. [On replacing afixes]. *Russkii yazyk v shkole*, 1974b, no. 3, pp. 89–94. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. [Word formation by replacing morphemes]. *Tvorba reči i njeni resursi u slovenskim jezicima* [Word formation and its resources in Slavic languages]. Ed. by R. Dragičević. Belgrade, Faculty of Philology Publ., 2012, pp. 387–399. (In Russ.)

П. С. Дронов
Институт языкознания РАН
(Россия, Москва)
dronov@iling-ran.ru

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ВАРИАНТНОСТЬ ВО ФРАЗЕОЛОГИИ

Вариантность фразеологических (прежде всего, идиом) представлена на фонетическом, морфемном, лексическом и синтаксическом ярусах, причем как в «чистом», так и в смешанном виде. В рамках данной статьи рассматривается такой аспект связи фразеологии и словообразования, как словообразовательная вариантность фразеологических единиц. Анализируется преимущественно русский материал в сопоставлении с английским и немецким (особенно в тех случаях, когда какие-либо из видов словообразовательной вариантности не представлены в русской фразеологии). Среди словообразовательных вариантов выделяются дериваты, композиты, контаминации (преимущественно игровые), транспозитивные преобразования. Эти варианты могут иметь различную продуктивность в зависимости от грамматики языка: так, если в языке продуктивно словосложение, возможны и варианты идиом, созданные с его помощью. Словообразовательные варианты меняют и план выражения, и план содержания идиомы. Они связаны с другими видами вариантности на разных ярусах языка, в частности лексической, морфологической, синтаксической (в частности, контаминация идиом бывает не только словообразовательной, но также лексической и лексико-синтаксической). Конечным результатом вариантности, в том числе словообразовательной, становится образование новой автономной единицы, которая лишь отчасти связана с исходной.

Ключевые слова: фразеология, идиомы, словообразование, вариантность идиом.

Как известно, фразеология находится на стыке синтаксиса и лексики. Одним из следствий этого является известная общность терминологического и понятийного аппарата словообразования и фразеологии: в частности, такое понятие теории фразеологии, как идиоматичность, применяется не только в отношении фразеологических единиц, но и в отношении слов (композитов и дериватов) — ср. [Мельчук 2001; Улуханов 2015; Šerák 2007]. И. С. Улуханов отмечает связь семантики словосочетаний и их лексических компонентов: «<...> исследуя словообразовательную (а скорее всего не только словообразовательную) семантику, необходимо выявлять

те семантические связи, которые не входят в значение слова, но составляют его “семантический ореол”. <...> При этом важно отмечать объективные показатели этих связей: наличие у непространственных значений управления, аналогичного пространственному (ср. *выйти из дома* и *выйти из себя*), а также наличие у многозначных глаголов с пространственными значениями связанных с ними непространственных значений, аналогичных или близких словообразовательным значениям» [Улуханов 2015: 5]¹.

В рамках данной статьи рассматривается еще один аспект связи фразеологии и словообразования — словообразовательная вариантность фразеологических единиц. В работе исследуется преимущественно русский материал в сопоставлении с английским и немецким (особенно в тех случаях, когда какие-либо из видов словообразовательной вариантности не представлены в русской фразеологии).

Вариантность фразеологизмов исследуется в течение долгого времени (см., например, [Добровольский 2007; Диброва 1979; Телия 1972]). В первую очередь это явление характерно для идиом и паремий ввиду особенностей их грамматической структуры (словосочетания или предложения) и наличия у них нетривиально кодируемой семантической составляющей, которая может быть подвержена как устареванию, так и обновлению. Существуют разные виды вариантности: фонетическая, лексическая, морфологическая, словообразовательная, синтаксическая.

Словообразовательные варианты образуются при вводе в состав компонентов идиомы новых морфем или замене существующих. Новые варианты идиом — результаты трансформации или модификации² — возникают благодаря таким словообразовательным средствам, как аффиксация (прежде всего, деривация), словосложение, словослияние (контаминация), транспозиция.

В качестве примера деривации, типичной для русских вариантов идиом, приведем добавление уменьшительных суффиксов в именной компонент идиомы, ср. региональный вариант идиомы *давать дёрну* vs. *задавать дирка́* (пермский, прикамский, псковский диалектный вариант) [Мокиенко, Никитина 2007: 191]. В художественной литературе вариант *задавать дирка* встречается только у А. Н. Толстого, причем с орфографическими особенностями (*дерка*, а не *дирка*) и опущением глагольного компонента:

- (1) И мы — со страха и отвращения — головой под подушку, другие из нас — *дерка* за границу, а кто позлее — за оружие схватился. (А. Н. Толстой. *Хожение по мукам*/ Книга вторая. Восемнадцатый год. 1928)³;

¹ Ср. также сформулированный А. Е. Кибриком постулат о примате семантики: «как содержательные, так и формальные свойства синтаксиса в значительной мере предопределены семантическим уровнем» [Кибрик 1992: 21].

² Объяснение данных терминов и историю их употребления в теории фразеологии см. в нашей работе [Дронов 2021б].

³ Здесь и далее русские примеры взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ], публицистики и речевого общения Интернета. Немецкие примеры взяты из корпуса Digitales Wörterbuch der Deutschen Sprache [DWDS].

Добавление уменьшительно-ласкательных или уменьшительно-презрительных суффиксов привносит дополнительные иронические коннотации, ср.:

- (2) **а.** Из плюсов у 155РЕЗ — открытые коллекторы, миллиампер 50. Можно сразу ключами управлять или еще чем. Но и процессорных выходов может хватить. Там корпус, здесь корпус. Процессору еще начальный сброс надо организовать. Если бы что посложнее, тогда микроконтроллер без разговоров. А так можно и *не стрелять из пушечки по воробьям*. (Речевое общение Интернета). **б.** Он снят в форме наших афганских стрелков — сразу видно, *стреляный воробышек*. На лбу шрам — наверно его бутылкой треснули в походном борделе — тоже, знаете, вредно для здоровья (Сетевая литература).

Использование уменьшительных суффиксов — особенно в примере (2б) — приводит к двойной актуализации: изменение именного компонента акцентирует внимание читателя или слушателя на внутренней форме идиомы. Одновременно модификация является средством передачи авторской иронии.

Если при деривации компоненты идиомы переходят из одной части речи в другую, меняется синтаксическая структура всего выражения. Ср. трансформацию идиомы *расхлебывать кашу* (3):

- (3) **а.** Не могу, однако, не сказать Вашему Превосходительству, что вы напрасно называете ваши дѣйствія *расхлебываніемъ каши*. (М. А. Алданов. Ключ. 1929). **б.** И вдруг Лопатин совершенно забыл и то, как он выстрегивал свой очерк, чтобы там не было ни сучка ни задоринки, и то, как он заранее решил не ввязываться в бесполезные споры: слова редактора насчет *расхлебывания каши* взбесили его. (Константин Симонов. Так называемая личная жизнь/ Четыре шага. 1956–1965).

По этой причине подобные дериваты следует рассматривать не как чисто словообразовательные, а как морфосинтаксические варианты. Пределом деривации, т. е. словообразовательных и морфосинтаксических трансформаций и модификаций, является образование отфразеологической лексики, ср. *хвостизм* < *плестись в хвосте*, *забугорный* < *за бугром*, а также окказионализмы наподобие *беловороний* < *белая ворона*; ср. [Мелерович, Мокиенко 2014; Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2003].

Деривация является продуктивным способом изменения формы компонентов идиом, тогда как обратное словообразование (т. е. «деривация наоборот», образованная по модели «основа минус “квази-аффикс”») менее продуктивно. Сравним рус. *как рыбе зонтик* vs. *??как рыбе зонт*: в [НКРЯ] нет ни одного подобного контекста употребления, однако в сетевой публицистике представлены единичные контексты, например: *И в этом смысле звание почетного гражданина для патриарха — это как рыбе зонт* (Публицистика Интернета).

В Национальном корпусе зафиксирован очень редкий (3 документа) вариант идиомы *благорастворение воздухов*, полученный путем обратного словообразования,

причем по модели не «деривации наоборот», а «словосложения наоборот»: *растворение воздуха*:

- (4) **а.** И, в сонме кротких светлых духов, // помолюсь за свой народ, // За *растворение воздуха* // И за свя-тей-ший пра-ви-тель-ствующий Сино-о-о-од! (В. С. Соловьев. <Эпиграмма на В. В. Розанова> : «Затеплю я свою лампаду...». 1890–1899). **б.** Но где найдете во Франции такое «*растворение воздуха*», благоухание, как в лесах Валаама? (Б. К. Зайцев. Валаам. 1936). **с.** Еще не различимы слухом, Но глаза краешком видны И благоденствие страны, И *растворение воздуха*. (Пишите оды, господа! Посильная помощь создателям ритуалов новой России // Независимая газета, 03.08.1996).

В (4а, с) употребление такой «усеченной» формы, по-видимому, связано со стихотворным размером.

Что касается образования вариантов при помощи словосложения, т. е. в результате преобразования компонентов идиомы в композиты, в русском языке мы не обнаруживали подобных примеров. В то же время в немецком языке словообразовательные варианты подобного рода фиксируются, ср.: Словообразовательные варианты возникают также при помощи словосложения. Компоненты идиом преобразуются в композиты. В русском языке мы не обнаруживали подобных примеров, однако в преобразование компонентов идиом ср. употребление немецкой идиомы *ein Licht auf jmdn., etw. werfen* ‘jmdn., etw. in bestimmter Weise erscheinen lassen; jmdn., etw. [in bestimmter Weise] deutlich werden lassen’ (‘заставлять кого-л., что-л. выглядеть определенным образом; делать кого-л., что-л. доступным пониманию [определенным образом]’) [Duden 11: 472]: *Aber gerade dadurch wirft er [der Fall des Buches von Gabriele Eckart] ein Blitzlicht auf die Literatur- und Kulturszenenerie in der DDR*. ‘Но именно поэтому он [пример книги Габриэлы Эккарт] «бросает свет фотовспышки» на литературный и культурный пейзаж ГДР’ [Ketman, Per u. Wissmach, Andreas: DDR — ein Reisebuch in den Alltag, Reinbek bei Hamburg: Rowohlt 1986, S. 84; DWDS].

Исходная немецкая идиома буквально переводится как «бросать свет на кого-л., что-л.» (ср. рус. *проливать свет на кого-л./что-л., выставять кого-л./что-л. в каком-л. свете*). В состав именного компонента *Licht* введен корень *Blitz*, и в результате образуется композит *Blitzlicht* ‘фотовспышка’. Понимание предмета или явления осмысливается не как направление луча света на него, а как яркая вспышка света, позволяющая увидеть предмет или явление во всех подробностях. Соответственно, *ein Blitzlicht auf etw. werfen* означает не просто ‘сделать что-л. понятным’, но ‘осознать что-л. во всех его проявлениях и подробностях’. В результате трансформации происходит интенсификация значения идиомы (ЛФ Magn по И. А. Мельчуку).

Возможно образование вариантов идиом в результате словослияния, или контаминации. Такие варианты идиом представляют собой известное отступление от грамматических норм и являются, скорее, результатом языковой игры. Приведем в качестве примера соматическую идиому *аж скулы сводит/свел* и ее современный вариант, встречающийся в Интернет-употреблении. Исходную идиому *аж скулы*

сводит можно было бы назвать номинацией жеста (по [Козеренко, Крейдлин 2011]), но, поскольку подобные «“симптоматические” выражения, указывающие на объективные изменения внешности под влиянием эмоции» [Апресян 1995: 373] не являются осознанными и потому не относятся к жестам, вернее будет назвать их иначе — номинациями симптоматических движений⁴. В данном случае таким движением является спазм мышц лица и челюстей, возникающий при зевоте или в качестве реакции на горькую, соленую или кислую пищу (например, *такое оно [яблоко] было, видно, кислое, что даже сводило скулы* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001). Кроме того, данное выражение метафорически употребляется для указания на такие эмоции, как скука, раздражение, ср. (5).

- (5) **а.** Андрей Николаевич смотрел ему вслед, и что-то пощипывало в глазах, что-то покалывало в сердце, и *скулы сводило то ли зевотой, то ли желанием разрыдаться*. (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998).
б. Неглупая, образованная девочка с представлением о литературе как о жизни с изысканными страстями и романтическими героями. Литературщина. Фразы иногда есть, но ни героев, ни характеров. Возможно, станет когда-нибудь журналисткой, но, наверно, никогда писательницей. *Скулы сводит*. (С. Н. Есин. Дневник. 2006).

В речевом общении Интернета фиксируется словосочетание *аж олдскулы свело*:

- (6) **а.** Начал читать статью, *аж олдскулы свело*. Особенно от скриншотов:) Вот прям как вчера слушал mp3 в винамп под виндовс 95 на своем 486 аналоге от АМД аж на 133 МГц, разогнанного конечно же до 160 (VK; 19.11.2021).
б. Фильм отличный, *олдскулы свело* у всего зала, много кто плакал (Rozetked Discuss. telegram Rozetked Discuss; 16.12.2021).

Здесь представлена контаминация именного компонента *скулы* и жаргонизмов *олдскул*, *олдскульный* от англ. *old-school* ‘старомодный’ (как правило, с положительной коннотацией, ср. *старая школа*, *старая гвардия*). В результате образуется модификат с новым значением: ‘сильная эмоциональная реакция (как правило, положительная), вызванная знакомством со старыми образцами современной культуры (музыкой, фильмами и пр.) или аллюзиями на них в современном творчестве’. В результате модификации фактически возникает новая автономная единица *аж олдскулы свело* — идиома, имеющая иной план содержания, отличный от плана содержания *аж скулы свело*.

Следует отметить, что возможны не только словообразовательные контаминации идиом, но и лексические и лексико-синтаксические. Лексические трансформации могут возникать у идиомы под влиянием ее синонимов, т. е., по сути, на стыке вариантности и синонимии.

Результатом сближения становятся лексические контаминации идиом, основанные на сходстве значения и внутренней формы (ср. просторечное *львиная доза* —

⁴ Ср. также понятие симптоматической лексики со встроенной эмоцией в [Иоанесян 2020].

контаминацию идиом *львиная доля* и *лошадиная доза*; сближение вызвано общими для обеих идиом семантикой параметризации и зооморфной метафорой)⁵. Лексические контаминации могут быть как незнанием внутренней формы, так и языковой игрой.

Лексико-синтаксическая контаминация идиом, т. е. соединение в одном словосочетании структуры и компонентов разных идиом наподобие: *Тот, кто умеет задавать трудные вопросы, давно стал прагматиком, следовательно, он прибережет ядовитый каламбур или остроумную гипотезу для статьи и не будет палить из пушек по стреляным аппаратным или политическим воробьям* (Марианна Баконина. Школа двойников. 2000). Лексико-синтаксические контаминации близки к словосложению и словослиянию (т. е. контаминации в словообразовании) особенно основанному на языковой игре. Ср. лексико-синтаксическую контаминацию *bread-and-butterfly* (от *bread and butter* ‘хлеб с маслом’ и *butterfly* ‘бабочка’) из «Алисы в Зазеркалье» Льюиса Кэрролла, а также словообразовательную контаминацию, предложенную Н. М. Демуровой при переводе на русский, — *баобабочка*.

В отличие от лексической контаминации, при лексико-синтаксической происходит изменение синтаксической структуры и увеличение компонентного состава идиомы. Лексическая же контаминация по своему принципу действия аналогична замене компонента идиомы (т. е. лексической субституции).

При лексико-синтаксической контаминации происходят изменения образной составляющей идиомы, связанные со включением в нее элементов из другого словосочетания (ср. *молчать как рыба об лед* от *биться как рыба об лед* и *молчать как рыба*; подробнее о данной идиоме см. [Дронов 2021a]). В англоязычной литературе подобные контаминации получают наименование «малафоры» (*malaphors*, от *malapropism* ‘неверное словоупотребление’ и *metaphor* ‘метафора’) [Hatfield 2016].

Вернемся к словообразовательной вариантности идиом. Еще одним ее видом сокращение компонентов идиомы. С одной стороны, это едва ли можно считать продуктивным способ образования трансформаций идиом. С другой, на стыке словообразовательной и лексической вариантности возникают креативно-дискурсивные модификации, основанные на двойной актуализации, при которой один из компонентов идиомы заменяется омонимичной аббревиатурой, ср.:

- (7) **а.** *А ВОЗ и ныне там.* Что не так со Всемирной организацией здравоохранения (Публицистика Интернета). **б.** *А ВОЗ и ныне там.* Сегодня в Женеве должен закончиться Международный симпозиум по проблеме острого респираторного синдрома (SARS), получившего название атипичной пневмонии (18.04.2003; Независимая газета).

⁵ Лексические контаминации возможны не только у идиом, но и у коллокаций. Такие контаминации основаны, скорее, на игровом сопоставлении формы и значения антонимичных фразеологизмов — ср. *потерпеть победу, одержать поражение, заклтый друг, закладыный враг*. В итоге образуются автономные единицы с новыми значениями, основанными на значениях исходных коллокаций, ср.: *Кончилось тем, что Наполеон потерпел последнюю победу при Березине и ускакал в Париж* («Всеобщая история, обработанная “Сатириконом”»).

Кроме того, возможен безаффиксальный переход из одной части речи в другую. Такой переход (конверсия) представляет собой разновидность транспозиции (использования одной языковой формы в функции другой — ее противочлена в парадигматическом ряду). Поскольку в теории фразеологии термин «конверсия» используется для обозначения пар типа *дать леща* vs. *получить леща* (ср. [Добровольский 2011]), далее для подобных трансформаций мы предлагаем использовать именно термин «транспозиция» (хотя очевидно, что «Транспозицией в словообразовании обычно считают образование отглагольных имен действия и отадективных названий качества (*читать* — *чтение*, *белый* — *белизна*)» [Улуханов 2015: 5]).

На русском материале мы не обнаруживали подобных транспозитивных вариантов идиом, однако они встречаются в английском и немецком. При транспозитивном преобразовании компонента идиомы меняется структура всего выражения, ср. англ. *to slap sb. on the wrist* ‘поймать кого-л. во время попытки кражи’ (букв. «шлепнуть по запястью»; глагольная группа + предложная группа) vs. *<to give sb> a slap on the wrist* («шлепок по запястью»; именная группа + предложная группа); *to drop the mic* ‘эффектно завершить выступление’ (букв. «бросить микрофон»; глагольная группа + именная группа) vs. *a drop the mic* ‘эффектное завершение выступления’ («брось-микрофон», именная группа + именная группа); нем. *die Suppe auslöffeln [die man sich/ jmd. einem eingebrockt hat]* ‘в одиночку нести ответственность за собственный/чей-л. поступок’ (букв. «расхлебывать суп, [который сам себе / кто-л. кому-л. заварил], ср. *расхлебывать кашу*; глагольная группа + именная группа) vs. *das Auslöffeln der Suppe* («расхлебывание супа»; именная группа). По этой причине такие преобразования следует отнести к морфосинтаксическим.

Транспозитивные трансформации могут сочетаться с отфразеологической деривацией и залоговыми преобразованиями, т. е. трансформациями синтаксического характера. Ср. англ. *to give sb a green light* ‘позволить кому-л. что-л. начать’ (букв. «дать кому-л. зеленый свет») — *to get the green light* ‘получить разрешение приступить к какому-л. действию или заданию’ (букв. «получить зеленый свет») — *to green-light* ‘дать разрешение на что-л.’.

Как можно видеть, словообразовательные варианты могут иметь различную продуктивность в зависимости от грамматики языка: так, если в языке продуктивно словосложение, возможны и варианты идиом, созданные с его помощью. Словообразовательные варианты меняют и план выражения, и план содержания идиомы. Они связаны с другими видами вариантности на разных ярусах языка, в частности лексической, морфологической, синтаксической (вспомним, что контаминация идиом бывает не только словообразовательной, но также лексической и лексико-синтаксической) Конечным результатом вариантности, в том числе словообразовательной, становится образование новой единицы, которая лишь отчасти связана с исходной — ср. *скулы свело* vs. *олдскулы свело*.

Литература

- Алексеевко М. А., Белоусова Т. П., Литвинникова О. И. Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М.: «Азбуковник», 2003. 395 с.
- Апресян Ю. Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Избранные труды. Т. II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995. С. 348–388.
- Добровольский Д. О. Конверсия и актантная деривация во фразеологии // Слово и язык: Сб. статей к восьмидесятилетию акад. Ю. Д. Апресяна / Отв. ред. И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, Л. П. Крысин. М.: Языки славянских культур, 2011. С. 207–227.
- Дронов П. С. Бить себя пяткой в грудь и молчать как рыба об лед: образование вариантов идиом и экспрессивность // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (45): Знаки языка и смыслы культуры: сборник научных трудов, посвященный памятного юбилею Вероники Николаевны Телия / отв. ред. выпуска М. Л. Ковшова. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2021а. С. 649–656.
- Дронов П. С. Варьирование, трансформация, модификация идиом: уточнение понятий // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского, 2021б, № 4. С. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200.
- Иоанесян Е. Р. Симптоматическая лексика со встроенной эмоцией // Научный диалог. 2020. № 7. С. 97–104. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104.
- Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания (универсальное, типовое и специфичное в языке). М.: Изд-во МГУ, 1992. 336 с.
- Козеренко А. Д., Крейдлин Г. Е. Фразеологические соматизмы и семиотическая концептуализация тела // Вопросы языкознания. 2011. № 6. С. 54–66.
- Мокиенко В. М., Никитина Т. Г. Большой словарь русских поговорок. М.: ЗАО «Олма Медиа Групп, 2007». 784 с.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://ruscorpora.ru/> (дата обращения: 20.05.2024).
- Улукханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. I: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2015. 330 с.
- Čermák F. Idioms and morphology // Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research. 1. Halbband. Vol. 1. Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2007. P. 20–26.
- Duden 11 — Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik (Duden Band 11). Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008.
- DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dwds.de/> (дата обращения: 20.05.2024).
- Hatfield D. He smokes like a fish and other malaphors (Unintentional idiom and word blends). USA: Westford, 2016. 104 p.

P. S. Dronov

Institute of Linguistics (Russian Academy of Sciences)

(Russia, Moscow)

dronov@iling-ran.ru

IDIOM VARIANTS BASED ON WORD-FORMATION

The paper studies an important link between word-formation and phraseology, namely idiom variants based on word-formation. It analyses Russian cases against the backdrop of English and German, mostly when certain types of idiom variants are limited or non-existent in Russian. In idiom variants based on word-formation, constituents undergo derivation, compounding, blending, as well as transposition of constituents. Their productivity may also vary based on the grammar of a particular language: for instance, substituting an idiom constituent with a compound is more typical of German than Russian. Altering both the plane of expression and the plane of content of the idiom, the variants in questions are connected to other types of idiom variation, including morphological, syntactic, and lexical ones. For instance, idiom blending is not limited to word formation, since blends may be also based on lexico-syntactic and lexical variation, cf. the so-called malaphors. The end result of idiom variation is formation of an autonomous figurative unit that is only partly connected to the original idiom.

Key words: phraseology, idioms, word formation, idiom variation.

References

Alekseenko M. A., Belousova T. P., Litvinnikova O. I. *Slovar' otfrazeologicheskoi leksiki sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of modern Russian words derived from figurative units]. Moscow, Publ. House "Azbukovnik", 2003. 395 p.

Apresyan Yu. D. [The human image according to language data: a tentative approach to systematic description] *Izbrannye Trudy. T. II. Integral'noe opisanie yazyka i sistemnaya leksikografiya* [Selected works. Vol. II. Integral language description and system lexicography]. Moscow, Shkola "Yazyki Russkoi Kul'tury" Publ., 1995, pp. 348–388. (In Russ.)

Čermák F. Idioms and morphology. *Phraseologie: ein internationales Handbuch zeitgenössischer Forschung = Phraseology: an international handbook on contemporary research*. 1. Halbband. Vol. 1. Berlin, New York, Walter de Gruyter Publ., 2007, pp. 20–26. (In Eng.)

Dobrovol'skii D. O. [Conversion and actantial derivation in phraseology]. *Slovo i yazyk: Sb. statei k vos'midesyatiletiju akad. Yu. D. Apresyana* [Word and language: Studies in honour of the eightieth anniversary of academician Yuri Apresyan]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ. 2011, pp. 207–227. (In Russ.)

Dronov P. S. [Bit' sebya pyatkoi v grud' and molchat' kak ryba ob led: idiom variation and expressiveness]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 2 (45): Znaki yazyka i smysly kul'tury: sbornik nauchnykh trudov, posvyashchennyi pamyatnomu yubileyu Veroniki*

Nikolaevny Teliya [Cognitive studies of language. Iss. 2 (45): Signs of language and senses of culture: collection of papers in memoriam Veronika Teliya: studies on the occasion of her 90th birthday]. Ed. by M. L. Kovshova. Tambov, Publ. House “Derzhavinskii”, 2021a, pp. 649–656. (In Russ.)

Dronov P. S. [Idiom variants, transformations, and modifications: specifying the terms]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo*, 2021b, no. 4, pp. 200–209. DOI: 10.52452/19931778_2021_4_200 (In Russ.)

Duden 11 — Duden Redewendungen. Wörterbuch der deutschen Idiomatik (Duden Band 11). Mannheim: Bibliographisches Institut & F.A. Brockhaus AG, 2008.

DWDS — Digitales Wörterbuch der deutschen Sprache. Available at: <http://www.dwds.de/> (accessed 20.05.2024).

Hatfield D. *He smokes like a fish and other malaphors (Unintentional idiom and word blends)*. USA, Westford Publ., 2016. 104 p.

Ioanesyan E. R. [Syptomatic vocabulary with built-in emotion]. *Nauchnyi Dialog*, July 2020, no. 7, pp. 97–104. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-7-91-104 (In Russ.)

Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznaniya (universal'noe, tipovoe i spetsifichnoe v yazyke)* [Essays on general and applied linguistics: the universal, typical, and specific in language]. Moscow, Publ. House of the Moscow State Univ., 1992. 336 p.

Kozerenko A. D., Kreydlin G. E. [Somatic figurative units and semiotic conceptualisation of the body]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2011, no. 6, pp. 54–66. (In Russ.)

Mokienko V. M., Nikitina T. G. *Bol'shoi slovar' russkikh pogovorok* [The complete and unabridged dictionary of Russian folk sayings]. Moscow, Olma Media Grupp Publ., 2007. 784 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://ruscorpora.ru/> (accessed 20.05.2024).

Ulukhanov I. S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. I.: Glagoly, motivirovannye imenami i mezhdometiyami*. [Verb formation in modern Russian. Vol. I.: Verbs motivated by names and interjections]. Moscow, Publ. Centre “Azbu-kovnik”, 2015, 330 p. (In Russ.)

Н. А. Николина¹, З. Ю. Петрова²

Московский педагогический государственный университет¹,

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН²

(Россия, Москва)

admin@riash.ru¹, zoyap@mail.ru²

ЛЕКСИКАЛИЗАЦИЯ АФФИКСОВ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЕ

В статье на материале современной русской прозы рассматривается явление лексикализации аффиксов — превращение их в полнозначное слово. Показано, что лексикализации в современных прозаических текстах подвергаются разные типы морфем: префиксы, суффиксы, аффиксоиды, флексии. Отмечается, что в современной прозе наиболее активно используется лексикализация префиксов. Анализ материала позволил сделать вывод, что в современной художественной речи лексикализация морфем заметно активизировалась по сравнению с литературой предшествующего периода. «Эмансипации» аффиксов нередко предшествуют рефлексия над значением морфем и их вычленение в составе одноструктурных слов. Лексикализовавшиеся морфемы конденсируют семантику сочетающихся с ними основ и выступают как гиперонимы по отношению к производным словам, включающим тот же аффиксальный формант. Такая конденсация семантики способствует использованию «эмансипировавшихся» аффиксов как ключевых слов художественного текста, в частности употреблению их в позиции заглавия. Особое внимание в статье уделяется рассмотрению семантики заглавий, представленных лексикализированными аффиксами, в произведениях А. Слаповского — «Недо» и Ю. Буйды — «Щина», где эти языковые единицы служат своеобразными лингвокультурными символами, значимыми для русской языковой картины мира.

Ключевые слова: лексикализация морфем, аффикс, префикс, суффикс, современная русская проза, конденсация семантики, художественный прием.

В современной русской речи достаточно часто наблюдается лексикализация морфем — превращение их в самостоятельную лексическую единицу. И. С. Улуханов описывает этот процесс как «отсечение от аффикса всего того, чем различаются слова, объединенные значением содержащегося в них аффикса» [Улуханов 1995: 391]. Это явление в русистике имеет и другие терминологические обозначения: «высвобождение аффиксов» [Земская 1973: 196–197], «эмансипация аффиксов» [Изотов 1998: 32–38], «словное употребление аффикса» [Габинская 1985: 20],

«полная редукция корня и превращение аффикса в корень» [Кузнецова 1986: 47] и др. С нашей точки зрения, наиболее удачным представляется термин «лексикализация (морфем)», синонимом которого может служить термин «эмансипация».

Лексикализация аффиксов неоднократно отмечалась в исследованиях по словообразованию, при этом характеризовалась как явление окказионального словотворчества [Янко-Триницкая 1975], однако недостаточно исследована ее роль и функции в художественной речи. Преимущественно этот процесс рассматривался на материале поэзии (см., например, работы Л. В. Зубовой [2010], Н. А. Фатеевой [2006] и др.).

Лексикализация аффиксов в прозе встречается уже в текстах XIX в.: «Для нас, русского люда, достоверно лишь то, что обе эти принадлежности развитой общественной жизни выдуманы не на берегах Волги, Днепра и Дона; публикация прикатила к нам вместе с первым кораблем, в одном и том же тюке, где заключались цивилизация, аттестация, рекомендация, амбиция, градация, генерация, вариация, грация, репутация, нотация, экскузация, профанация, мистификация, традиция, эрудиция, композиция, кондиция, конкуренция, сентенция, протекция и многое множество всяких акций, *анций, инций и енций*, содействующих обогащению отечественного языка; вывеска же приехала с зимним обозом натяжеле» (И. Кокорев. Публикации и вывески, 1849), «Это были мысли несбыточные, насквозь пронизанные романтизмом, идеализмом и прочими отвлеченными “*измами*”» (М. Салтыков-Щедрин. Брусин, 1847–1848), «Мне скучно, я глуп, я ничего не понимаю во всех этих реализмах, социализмах, нигилизмах и разных других *измах*» (П. Боборыкин. Жертва вечерняя, 1868), «Как в настоящее время у нас существуют муравьишты и петипатисты, а в последние дни начинают слагаться мадаевисты, так и в былые времена всегда существовали эти различные *исты*» (В. Крестовский. Петербургские трущобы. Книга о сытых и голодных. Части 1–3, 1864).

В современной художественной прозе¹ круг лексикализированных аффиксов расширился, а их функции усложнились. Цель нашей статьи — рассмотреть лексикализацию морфем и художественные приемы, связанные с ее использованием, в современной русской прозе. Материалом для исследования служат контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка, и произведения А. Славковского, Ю. Буйды, В. Авченко, М. Вишневецкой и др.

В современных прозаических текстах наблюдается лексикализация:

- 1) префиксов: «— Две прослойки мяса — смори сюда: одна потоньше, другая потолще, и солено, как надо — ни «*пере*», ни «*недо*» — а в аккурат!» (Д. Кудерин. Русский дзен: бесконечная остановка, 2011), «Однако большинство молодых воинов, рассуждая об острове, добавит к слову “родина” словцо “*пра*”» (М. Семенова. Волкодав: Знамение пути, 2003);
- 2) суффиксов, в том числе в сочетаниях с флексиями: «Объект на бумаге полезен, мил и приятен: его можно резво и безнаказанно препарировать, <...>

¹ Под современной прозой в статье понимаются произведения отечественных писателей, созданные начиная с 1990-х годов XX века по настоящее время.

можно подколоть в коллекцию к тем или иным “-истам”, подавляя коллег изощренностью интеллекта и количеством приглашений на международные семинары» (М. Палей. Ланч, 1999), «Писец читал плохо, без выражения, некоторые слова трудно было разобрать: — Несправедливое *ение* магического *ания* карается...» (М. Дяченко, С. Дяченко. Привратник, 1994), «И вообще все эти -ицы, -измы и прочие -ции – блуждающие огоньки иллюзий» (Т. Соломатина. Отойти в сторону и посмотреть, 2011)

- 3) аффиксоидов: «Отношения получались странные, какие-то полотоварищеские; *полу* — потому, что иногда он случайно ловил ее взгляд, растерянный и очень женский...» (И. Безладнова. Дина, 2003);
- 4) флексий: «*ое* животное» (заглавие повести Ю. Буйды).

Лексикализации подвергаются высокорегулярные и, как правило, продуктивные в русском языке аффиксы, имеющие четко выраженное значение. Наиболее часто лексикализируются префиксы, поскольку они обладают в языке большей степенью автономности. Особенно активно «эмансипируются» префиксы *пере-*, *недо-*, *гипер-*, *супер-*, *псевдо-*: «— Раньше вы спорили более определенно, — улыбнулся Федос Платонович. — Перековался, — проворчал Олексин. — Где-то я прочитал, что нам теперь предстоит перековываться, перевоспитываться, пересматриваться. Словом, «*пере*», а эта приставка всегда означает нечто чересчур. Перестарался, перегнул палку, переусердствовал» (Б. Васильев. Дом, который построил Дед, 1990–2000), «— Она нежно поцеловала его в нос. — Ты же у меня просто *супер*! Какой поэт!» (А. Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть, 2000), «А жюри, где, можно сказать, судьба песни решалась, разве не состояло наполовину из псевдознатоков? Всюду, все этим «*псевдо*» окрашивалось» (Н. Кожевникова. В легком жанре, 1986), «Но наши, те которые *гипер-*, это артисты, к обычным наперсточникам и шулерам они имеют такое же отношение, какое законопослушные австралийцы — к своим предкам, всевозможным преступникам, сосланным на край земли» (С. Носов. Фигурные скобки, 2015). Лексикализация большинства этих префиксов отражает динамический процесс их превращения в слово в живой устной речи. В современных прозаических текстах такие лексикализованные приставки часто выполняют характерологическую функцию, служат средством передачи особенностей речи персонажей.

В современной прозе сохраняется активность употребления ранее лексикализовавшихся суффиксов *-изм* и *-ист*, которые последовательно употребляются как самостоятельные полнозначные слова. Так, *изм* указывает на ‘общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, качество, склонность, образ мыслей, сферу жизни и деятельности, болезнь’ [Лопатин, Улуханов 2016: 348]: «— Материя существует сама по себе без всяких “*измов*”» (А. Титов. Путники в ночи, 2008), «Мы все понимаем, говорил Двигубский, пустоту этих понятий, ничтожность этих истовых, или неистовых, — *измов*» (А. Макушинский. Город в долине, 2012), «Все эти “*измы*” всегда вызывали у меня недоверие» (А. Мацанов. Мастер и подмастерье, 2016).

Крайне редко в современной художественной речи наблюдается лексикализация флексий. Она представлена единичными примерами.

Лексикализации аффикса в современных прозаических текстах часто предшествуют рефлексия над его значением и вычленение его из состава слова, которое оформляется дефисом, например: «Наша природа — природа *на-смешки*. <...> Наш способ жить. Если некого *об-дурить* (*об-макнуть*, *обо-драть*, *об-вести*), преодолеваем это с собой, чтоб не утратить генетическое начало. Все, исключительно все на *само-разрушение* (*само-уничтожение*, *сам-издат*, *само-удовлетворение*)» (Г. Щербакова. Уткомесь, или Моление о Еве, 2010), «Мне представилась стая крылатых существ, *полу-людей*, *полу-альбатросов* каких-то, и развернутая во всю ширь сетка, загораживающая серый небосклон, и то, как они бьются об нее, теряя перья, а облететь не могут» (Т. Толстая. Войлочный век, 2015).

Показателем рефлексии над составом слова и значением морфемы может служить также ее графическое выделение: «Иди по-человечески! — с визгом царапала она по стеклу, по нервам, неотступно преследуя жертву. — Да пойдешь ты?!.. Поднимай ноги! Самое жуткое было это “по-человечески”, косноязычное, с “ц” вместо “ч”, произносимое не человеком — *НЕДО...*» (Т. Набатникова. День рождения кошки, 2001).

В современных прозаических текстах «эмансипировавшиеся» аффиксы нередко вступают в оппозиции. Это особенно характерно для употребления *пере-* и *недо-*, например: «Ну-ну. Лучше *пере-*, чем *недо-*... Однако Антонины у парадного подъезда не было» (А. Измайлов. Трюкач, 2001). Оппозиция также может строиться на противопоставлении лексикализовавшегося аффикса и слова: «У нее лучше получалось “недо”, чем “чересчур”, она всегда боялась оказаться застигнутой врасплох...» (Д. Симонова. Сорванная слива, 2002).

Лексикализуясь, морфема приобретает возможность занимать автономную синтаксическую позицию в высказывании (тексте). У нее развивается новая сочетаемость и могут появляться распространители, чаще определения, например: «Чаще других в романах или публицистике Достоевского, как известно, встречается слово “вдруг”. Это не просто прилипчивое наречие, которое могло бы вывести из терпения любого современного редактора, но *подлинная “щина”* писателя, безотчетно черпавшаяся Достоевским из *бездонной многовековой “щины”* России (Ю. Буйда. Желтый дом. Щина, 2001).

«Лексикализовавшаяся морфема, конденсируя семантику сочетающихся с ней регулярно основ, участвует в выражении родо-видовых отношений и выступает как гипероним по отношению к производным словам, включающим тот же аффиксальный формант» [Николина 2001: 56]. Такая конденсация семантики используется в художественной речи. Повторяясь, лексикализованные аффиксы могут в результате выступать как ключевые слова текста, выполнять текстообразующую функцию.

В современной прозе лексикализованные аффиксы способны занимать позицию заглавия, обобщающего различные смыслы текста². Показательно, например, название романа А. Слаповского «Недо». Как отмечает сам автор, недо — «это

² Употребление лексикализованных аффиксов в функции заглавия отмечается в статье [Флоря 2003: 21.]

из разряда вечных неудовлетворенностей более или менее нормального человека. Вспомните А. П. Чехова. Вспомните актера Калягина, игравшего Платонова в “Неоконченной пьесе для механического пианино” и рыдавшего: “Мне 35 лет, а я ничего не сделал!” Ощущение “недо” — очень русское. Есть нации, у которых больше самоуверенности, самодовольства. Мы — самоеды во многом. “Недо”, возможно, и мешает быть счастливым человеком, но я это “недо” рассматриваю как вещь плодотворную. Если ты чувствуешь, что что-то недоделал, но еще можешь, у тебя может появиться желание что-то доделать, что-то воплотить, что-то завершить» [Слаповский]. Как видим, превращение префикса *недо-* в самостоятельное слово-заглавие конденсирует различные мотивы романа и концентрирует его идейное содержание. Показательно, что роман имеет открытый финал, что также соотносится с мотивом незавершенности, недоволощенности. Отметим также, что употребление и лексикализация префикса *недо-* имеют, как отмечают исследователи, и лингвокультурологический аспект. По мнению М. Эпштейна, «приставка “недо-” содержит в себе некий парадокс, причуду, даже оксюморон. Она состоит из двух самостоятельно употребляемых элементов: приставки “до-”, обозначающей достижение цели, доведение действия до конца (*доесть, доехать, дочитать, дожить*), и частицы “не-”, которая отрицает то, что “до” обозначает (*недоесть, недоехать...*). “Недо” указывает на предел действия и одновременно на отступление от этого предела; цель обозначена в модусе ее недостижения. Русский язык и мысль чувствительны именно к этому зазору между целевой проекцией или намеченным результатом действия — и его реальным воплощением, которое всегда “недобирает” до цели». М. Эпштейн определяет *недо-* как культурный символ в русской языковой картине мира, для которого характерно «неразрывное сочетание порыва (“до”) и обрыва (“не”). Порываясь к некоему результату, действие обрывается в ходе самого порыва прежде чем он достигнет цели и воплощения» [Эпштейн]. Сходные мысли встречаем и в работе [Каширина 2012].

Лексикализованную морфему (строго говоря, сочетание морфем — суффикса и флексии) находим также в заглавии произведения Ю. Буйды «Щина». *Щина*, во-первых, определяет жанр текста; во-вторых, эмансипация суффикса связана с темой национального своеобразия, развиваемой в произведении; в-третьих, *щина*, «укрупняя» и обобщая семантику суффикса, служит обозначениям абсурдности и алогизма жизни, власти темных сил. *Щина* устанавливает в тексте и интертекстуальные отношения, отсылая к произведениям Достоевского и Салтыкова-Щедрина: «Он [Ю Вэ] признавался в узком кругу, что для него “щина” чем-то сродни щедринскому О н о», «Его [Достоевского] мир — процесс без начала и конца, в живиокипящей магне которого “вдруг” всего лишь честное свидетельство пред Господом о том жарком неостановимом потоке, который можно назвать Россией со всеми ее “щинами”».

Таким образом, семантика лексикализовавшегося суффикса соотносится с разными ситуациями и темами произведения. Оценочная семантика слова *щина* опирается на характер и значение производных, в которых в русском языке выступает этот суффикс: *чертовщина, бесовщина, дьявольщина; поножовщина, уголовщина;*

бестолковицина, безалаберщина, разгильдяйщина; небывальщина; похабщина, непотребщина, нецензурищина; достоевщина, карамазовщина; аракчеевщина, бироновщина, сталинщина; разинщина, пугачевщина и др. Как подчеркивает Ю. Буйда, «“Щина” — это вам не “изм”. Достоевщина, есенинщина, сталинщина радикально отличаются от байронизма, гитлеризма или нищееанства. История этого суффикса могла бы составить примечательную главу в истории русской духовной культуры» [Буйда 2001: 119–120]. В результате *щина*, как и *недо*, могут рассматриваться как своеобразные лингвокультурные символы, значимые для русской языковой картины мира.

Этот лексикализовавшийся аффикс развивает деривационный потенциал и служит производящей основой для окказиональных производных в тексте произведения — *щинить*, *щиновед*: «Когда суффикс “щин” — эта жутковатая ведьмина метла — сопровождал “пугачевщину” или “бионовщину”, это одно дело, но когда “щинили” культуру, тем самым низводя ее до явлений иного рода и порядка, преобразая наконец в нечто, ничего общего с культурой не имеющее, — тут вылезало что-то дьявольское, причем вылезало усилиями власти и безвольного общества. В России удостоиться “щины” равнозначно сопричислению лику демонов», «попробуйте-ка пнуть “щину” или, того пуще, “щиноведа”: вам такую “щину” устроят, что и пещь огненная покажется морозильной камерой...» [Буйда 2001: 145].

Лексикализация аффиксов как художественный прием в целом характерна для стиля рассматриваемого произведения Ю. Буйды: в его тексте также встречаются лексикализованные морфемы *ющее* и *ость*, в отличие от *щины*, опирающиеся на контекст: «Здесь он познакомился с мужчиной, который просил называть его просто “ющее”: бывшая жена называла его не иначе, как пьяное млекопитающее. Вскоре компанию им составил субъект средних лет, который предпочитал откликаться на кличку “ость” — “гадость”, “подлость”, “мерзость” были его домашними именами» [Буйда 2001: 163]. Эти лексикализованные аффиксы выполняют в тексте оценочную функцию, подчеркивая унижение изображаемых персонажей, теряющих свою личность и подлинное имя.

Итак, лексикализация аффиксов активно используется в текстах современной русской прозы. «Эмансипации» подвергаются аффиксы разных типов. Анализ материала показал, что регулярно подвергаются лексикализации префиксы, продуктивные в современном русском языке, при этом сохраняется употребление лексических единиц, восходящих к суффиксам (*изм*, *ист*). Если ранее лексикализация морфем чаще встречалась в стихотворных текстах, то с конца XX в. она заметно активизировалась в художественной прозе. С одной стороны, это явление отражает тесную связь морфемы и слова в языке, с другой стороны, трансформирует семантику аффикса в сторону ее генерализации. Лексикализация аффиксов в художественной прозе носит не формальный характер, а порождает ряд художественных эффектов. Она служит, с одной стороны, для компрессии смыслов, с другой стороны — для их обобщения. Это особенно ярко проявляется в тех случаях, когда лексикализованные морфемы выступают в позиции заглавия. «Эмансипировавшиеся» аффиксы в современных прозаических текстах многофункциональны: они

могут выполнять оценочную, характерологическую, текстообразующую (а в ряде случаев и интертекстуальную) функции. Дальнейшими перспективами исследования могут стать анализ частоты употребления лексикализованных аффиксов в художественной речи, сопоставление их употребления в стихотворных и прозаических текстах, рассмотрение этого явления в идиостиловом и диахроническом аспектах.

Литература

- Буйда Ю. Желтый дом. Щина. М.: Новое литературное обозрение, 2001. 496 с.
- Габинская О. А. Причины современного русского словотворчества. Автореф. дис. ... докт. филол. наук. Л., 1985. 32 с.
- Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Просвещение, 1973. 304 с.
- Зубова Л. В. Языки современной поэзии. М.: Новое литературное обозрение, 2010. 378 с.
- Изотов В. П. Параметры описания системы способов словообразования (на материале окказиональной лексики русского языка). Дис. ... докт. филол. наук. Орел, 1998. 341 с.
- Каширина М. М. Префикс *недо-* как единица морфемики и культурный феномен // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2012. Т. 25 (64). № 4, ч. 2. С. 89–96.
- Кузнецова А. И. Глубина слова как фактор, регулирующий процессы образования новых слов: (На материале русского языка) // Деривация и семантика: слово — предложение — текст. Межвузовский сборник научных трудов. Пермь: Пермский гос. ун-т, 1986. С. 43–50.
- Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
- Николина Н. А. От морфемы к слову // Языковая деятельность: переходность и синкретизм: Сборник статей научно-методического семинара «TEXTUS». Вып. 7. М.; Ставрополь: Издательство Ставропольского гос. ун-та, 2001. С. 54–58.
- Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 21.08.2024).
- Слаповский Алексей. Ощущение «недо» — очень русское [Электронный ресурс]. URL: <https://yarcenter.ru/articles/culture/literature/pisatel-aleksey-slapovskiy-oshchushchenie-nedo-ochen-russkoe-/?ysclid=lfzjkhvf5k677603914> (дата обращения: 21.08.2024).
- Улукханов И. С. Семантика способов русского словообразования // Филологический сборник. К 100-летию со дня рождения академика Виктора Владимировича Виноградова. М.: Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1995. С. 382–392.
- Фатеева Н. А. Открытая структура. О поэтическом языке и тексте рубежа XX–XXI веков. М.: Издательство Вест-Консалтинг, 2006. 160 с.
- Флоря А. В. Словообразование в стилистическом аспекте // Вестник Оренбургского государственного университета. 2003. № 7. С. 20–24.

Энштейн М. Дар слова. Вып. 18. Проективный словарь русского языка [электронный ресурс]. URL: <https://subscribe.ru/archive/russ.book/200303/12010441.html?ysclid=m8mrsek465539669271> (дата обращения 20.03.25).

Янко-Триницкая Н. А. Продуктивные способы и образцы окказионального словообразования // Актуальные проблемы русского словообразования. Т. 1. Ташкент, 1975. С. 415–416.

N. A. Nikolina¹, Z. Yu. Petrova²

Moscow State Pedagogical University¹,

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences²

(Russia, Moscow)

admin@riash.ru¹, zoyap@mail.ru²

LEXICALIZATION OF AFFIXES IN MODERN RUSSIAN PROSE

The article examines the lexicalization of affixes, i. e. their transformation into an autonomous word, using the material of modern Russian prose. Different types of morphemes are subject to lexicalization in modern prose texts: prefixes, suffixes, affixoids, inflections. It is noted that prefixes most actively undergo lexicalization used in modern prose. The analysis of the material allowed us to conclude that in modern fiction, lexicalization of morphemes has noticeably become more active compared to the literature of the previous period. “Emancipation” of affixes is often preceded by reflection on their meaning and their isolation in the composition of single-structure words. Lexicalized morphemes condense the semantics of the word stems combined with them and act as hyperonyms in relation to derivative words that include the same affixal formant. Such condensation of semantics contributes to their use as key words of a literary text, in particular, their use in the title position. Particular attention in the article is paid to the semantics of titles represented by lexicalized affixes in the works of A. Slapovsky — “Nedo” and Yu. Buida — “Shchina”, where these linguistic units serve as unique cultural symbols significant for the Russian linguistic world image.

Key words: lexicalization of morphemes, affix, prefix, suffix, modern Russian prose, condensation of semantics, artistic device.

References

Buida Yu. *Zheltiy dom. Shchina* [Loony bin. Shchina]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2001. 496 p.

Ehpshtein M. Dар слова. Vyp. 18. Proektivnyi slovar' russkogo yazyka [The gift of words. Iss. 18. Projective dictionary of the Russian language]. Available at: <https://subscribe.ru/archive/russ.book/200303/12010441.html?ysclid=m8mrsek465539669271> (accessed 20.03.25).

Fateeva N. A. *Otkrytaya struktura. O poehticheskom yazyke i tekste rubezha XX–XXI vekov* [The open structure. On poetic language and text at the turn of the 21st century]. Moscow, Vest-Konsalting Publ., 2006. 160 p.

Florya A. V. [Word formation in the stylistic aspect]. *Vestnik Orenburgskogo gos. Universiteta*, 2003, no. 7, pp. 20–24. (In Russ.)

Gabinskaya O. A. *Prichiny sovremennogo russkogo slovotvorchestva. Avtoref. dis. ... dokt. filol. nauk* [Causes of modern Russian word creation. Doct. philol. sci. diss. abstr.]. Leningrad, 1985. 32 p.

Izotov V. P. *Parametry opisaniya sistemy sposobov slovoobrazovaniya (na materiale okkazional'noi leksiki russkogo yazyka)*. Dis. ... dokt. filol. nauk [Parameters of description of the system of word formation methods (based on the occasional vocabulary of the Russian language). Dr. philol. sci. diss.]. Orel, 1998. 341 p.

Kashirina M. M. [The prefix *nedo-* as a morphemic unit and a cultural phenomenon]. *Uchenye zapiski Tavricheskogo natsional'nogo universiteta imeni V. I. Vernadskogo. Seriya «Filologiya. Sotsial'nye kommunikatsii»*, 2012, vol. 25 (64), no. 4, part 2, pp. 89–96. (In Russ.)

Kuznetsova A. I. [Word depth as a factor regulating the processes of new word formation (based on the Russian language)]. *Derivatsiya i semantika: slovo — predlozhenie — tekst. Mezhevuzovskii sbornik nauchnykh trudov*. Perm, Perm State Univ., 1986, pp. 43–50. (In Russ.)

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.

Nikolina N. A. [From morpheme to word]. *Yazykovaya deyatel'nost': perekhodnost' i sinkretizm: Sbornik statei nauchno-metodicheskogo seminara «TEXTUS»* [Language activity: transitivity and syncretism: Collection of articles of the scientific and methodological seminar “TEXTUS”], no. 7. Moscow, Stavropol, Stavropol State Univ. Publ., 2001, pp. 54–58. (In Russ.)

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at <https://ruscorpora.ru> (accessed August 21, 2024).

Slapovskii Aleksei. *Oshchushchenie «nedo» — ochen' russkoe* [The feeling of “nedo” is very Russian] [electronic resource]. Available at: <https://yarcenter.ru/articles/culture/literature/pisatel-aleksey-slapovskiy-oshchushchenie-nedo-ochen-russkoe/?ysclid=lfzjkvf5k677603914> (accessed August 21, 2024).

Ulukhanov I. S. [Semantics of Russian word formation methods]. *Filologicheskii sbornik. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Viktora Vladimirovicha Vinogradova*. Moscow, Vinogradov Russian Language Institute, 1995, pp. 382–392. (In Russ.)

Yanko-Trinitskaya N. A. [Productive methods and examples of occasional word formation]. *Aktual'nye problemy russkogo slovoobrazovaniya*, vol. 1. Tashkent, 1975, pp. 415–416. (In Russ.)

Zemskaya E. A. *Sovremennyyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [Modern Russian Language. Word Formation]. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1973. 304 p.

Zubova L. V. *Yazyki sovremennoi poezii* [Languages of modern poetry]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2010. 378 p.

Е. В. Петрухина

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

(Россия, Москва)

elena.v.petrukhina@yandex.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ РУССКОГО И ЧЕШСКОГО ВНУТРИГЛАГОЛЬНОГО СЛОВООБРАЗОВАНИЯ (СИСТЕМНО-ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ СОПОСТАВЛЕНИЕ)¹

Внутриглагольное словообразование в русском и чешском языках характеризуется системным сходством, которое во многом обусловлено аналогичным устройством морфологической деривационной категории глагольного вида. Имеются также соответствия в системе словообразовательных типов, формантов и способов словообразования, что фрагментарно продемонстрировано в данной статье. При этом системное сходство сочетается с различиями в реализации отдельных словообразовательных моделей, их мотивирующей базе, продуктивности и семантике. Сопоставительный подход к изучению внутриглагольного словообразования, реализованный в данной статье, выявляет особенность семантики одноструктурных фазисно-временных глагольных дериватов в каждом языке, а именно более четкое выражение временных границ действия в русских глаголах с приставками *за-*, *по-*, чем в чешских (с приставками *za-*, *po-*). Использование русско-чешского подкорпуса Национального корпуса русского языка открывает возможность сравнения употребления одноструктурных дериватов в параллельных текстах — оригинального художественного или публицистического текста и его литературного перевода на другой язык. Такое сопоставление в статье проводится в частности на материале параллельных текстов, включающих формы русских глаголов *закричать* и *увидеть* и их чешских переводных эквивалентов. Среди последних большое место занимают непроеизводные глаголы НСВ, не выражающие границы обозначаемых ситуаций. Соответственно закономерности образования глаголов со значением протекания действия во времени в сопоставляемых языках взаимосвязаны с тенденциями построения нарративных текстов и выражения в повествовании границ действий.

Ключевые слова: русский язык, чешский язык, внутриглагольное словообразование, системно-функциональное сопоставление.

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00260, <https://rscf.ru/project/23-18-00260/>).

1. Вступление. Словообразовательные исследования И. С. Улуханова отличаются такие черты, как системность и целостность, когда изучаются и описываются не только фрагменты системы или отдельные ее элементы, но русское словообразование в его полноте со всеми формантами, способами и типами [Улуханов 1996, 2005, 2015, 2017; Улуханов, Лопатин 2016]. При этом в работах юбиляра словообразование представлено как динамическая система — как органическая совокупность реализованных и возможных, системно предопределенных моделей и дериватов, т. е. как «совокупность возможностей (или «клеток»), одни из которых реализованы («заполнены»), а другие не реализованы («пустуют»)» [Улуханов 1996: 7]. Исследования И. С. Улуханова широко известны за рубежом и оказали большое влияние на изучение славянского словообразования, в частности на работу Словообразовательной комиссии при Международном комитете славистов, которую И. С. Улуханов основал и возглавлял с 1994 по 2008 г. (автор настоящей статьи, являясь членом Комиссии, сотрудничает с И. С. Улухановым в ее рамках с 2000 г., что и определило славистический ракурс данного исследования).

Значимым результатом словообразовательного направления научно-исследовательской деятельности И. С. Улуханова является описание глагольного словообразования современного русского языка в двухтомной монографии: «Глаголы, мотивированные именами и междометиями» (2015) и «Глаголы, мотивированные глаголами» (2017). В монографии уникальный «исчислительно-объяснительный метод» анализа глагольной деривации направлен не только на узуальные, но и на окказиональные производные глаголы. Важной особенностью данной работы является семантическая классификация словообразовательных типов, формантов и производных глаголов в рамках отдельных способов словообразования, что позволяет определить зоны семантического сближения формантов и моделей. Такой системно-семантический подход к исследованию производных глаголов важен для изучения словообразовательных категорий русского глагола и участия словообразования в структурировании русской языковой картины мира, а также для сопоставления глагольной деривации в русском и других славянских языках. В данной статье реализован сопоставительный подход к изучению внутриглагольного словообразования в русском и чешском языках; основное внимание уделено производным глаголам со словообразовательной семантикой протекания действия во времени, которые анализируются с использованием параллельного русско-чешского подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и с учетом 2-го тома упомянутой выше монографии И. С. Улуханова, прежде всего раздела «Глаголы со значением протекания действия во времени» [Улуханов 2017: 86–152].

2. Сопоставительное изучение внутриглагольного словообразования. Типологической особенностью русского и, шире, славянского глагола является то, что глагольные лексемы как словарные единицы выражают важные характеристики обозначаемого действия, а именно фазисно-временные, результативные, пространственные, количественные, оценочные и др., причем выражают комплексно: лексически — семантикой глаголов, словообразовательно — префиксами, суффиксами и постфиксами и их комбинацией, а также грамматически — видовой

принадлежностью глагола. Соответственно внутриглагольная деривация в славистике исследуется с позиций двух подсистем: грамматической (в связи с категорией глагольного вида, видообразованием и способами глагольного действия) и словообразовательной, как, например, это представлено в пражской Русской грамматике [Barnetová и др.: 215–267, 523–600]. При этом в обеих подсистемах средствами выражения словообразовательных и грамматических значений являются префиксы и суффиксы.

В своих исследованиях мы придерживаемся двухчленной функциональной классификации глагольных аффиксов в русском и других славянских языках (в частности чешском), созданной на основе теории деривационной ономазиологии М. Докулила [Dokulil 1962: 46; Петрухина 2024]. Соответственно выделяются 1) модификационные² префиксы, уточняющие и модифицирующие характеристики базовых действий, названных мотивирующими глаголами, — пространственные, обстоятельственные, количественно-оценочные, а также аспектуальные, характеризующие протекание действия во времени и служащие для образования видовых пар и способов глагольного действия; 2) мутационные префиксы, создающие номинацию качественно новых действий и меняющие синтаксическое управление мотивирующего глагола, например: *сидеть* — *отсидеть* ноги, *работать* — *заработать* (5 тысяч) [Петрухина 2024]. Глагольные суффиксы делятся на две модификационные группы, значимые для аспектуальной деривации: 1) участвующие в регулярной имперфективации мотивирующих глаголов совершенного вида (СВ), т. е. в образовании видовых пар (ср. *открыть* — *открывать*, *рассмотреть* — *рассматривать*); 2) образующие словообразовательные модификации со значением однократности (*стукнуть*, *хлопнуть*) и многократности (*сизживать*, *хаживать*), о семантике данных глагольных суффиксов в русском языке подробнее см. [Улуханов 2017: 87–152]. Рассмотрение аспектуальных формантов, а именно суффиксов вторичной имперфективации и результативных приставок, в системе модификационной деривации соответствует трактовке русского (и, шире, славянского) вида как морфологической деривационной категории [Бондарко 1976: 103; Петрухина 2014, 2021]. Специфика славянского видообразования допускает рассмотрение обеих подсистем со словообразовательной точки зрения, как это представлено в [Улуханов 2017], с учетом грамматической значимости глагольной префиксации и суффиксации в связи с перфективацией и имперфективацией глаголов. Важно, что в монографии И. С. Улуханова собран большой языковой материал, доказывающий наличие у целого ряда многозначных «глаголов с суффиксом *-ыва/-ва/-а*» значений, отсутствующих у соотносительных глаголов совершенного вида», что

² Модификацию и мутацию мы определяем согласно теории деривационной ономазиологии М. Докулила. Под модификацией понимается номинация явления на основе его спецификации, когда к содержанию исходного понятия добавляется дополнительный признак, обогащающий это понятие, в результате чего создается более специфицированное название того же предмета или явления действительности. Мутация же — это создание номинации нового предмета или явления на основе его отношения к исходному [Dokulil 1962: 46].

не позволяет трактовать имперфективацию глаголов СВ как словоизменение [Улуханов 2017: 41–50].

Как было уже отмечено, в русском и чешском языках внутриглагольная деривация имеет системное сходство. Но это не исключает и существенных различий в отдельных ее подсистемах, особенно мутационных. Даже при наличии сходных по значению моделей конкретные дериваты могут различаться приставками, как, например, в следующих мутационных производных: *проспать поезд* — *zaspal vlak*, *отсидеть ногу* — *presedet si nohu*. Кроме того, часто не совпадают мотивирующие базы сходной модели, и тогда глагольные дериваты могут быть переведены на другой язык только описательными конструкциями, например: (1) *Когда же это закончится, я уже (все) ноги отстояла*. (1') *Kdy to skonci, ja uz ani necitim nohy*³ (букв. я уже не чувствую ноги). (2) *Muž, který se z metra vyzpíval mezi nejlepší zpěváky* (<https://www.evropa2.cz> › video). (2') *Мужчина, который пенуем в метро выбился* (букв. *выпелся из метро) в лучшие певцы (перевод с чешского осуществлен автором данной статьи).

Модификационные системы производных глаголов в русском и чешском языках более объемны и проявляют больше сходств в семантике аффиксов и способах словообразования, чем мутационные. Например, в русском и чешском языках сходны словообразовательные типы и модели со следующими фазисно-временными значениями: начинательно-усилительным (*разболеться* — *rozbolet se*; *разговориться* — *rozpovídat se*; *разгореться* — *rozhořet se*); длительно-ограничительным, или пердуративным (*пролежать (целый день)* — *proležet (celý den)*); завершительным, или комплетивным (*догореть* — *dohořet*, доварить — *dovařit*). Но при этом, конечно, имеются и различия в формантах, мотивирующей базе, продуктивности и репрезентации отдельных словообразовательных типов конкретными глаголами. Например, разнообразным русским результативным приставкам со значением изменения состояния в чешском языке соответствует одна приставка *z-*: *ослабнуть* — *zslábnout*, *побелеть* — *zbělet*, *постареть* — *zestárnout*, *замерзнуть* — *zmrznout*. В обоих языках имеется модель со значением повторного действия, ср. *перешить* — *přesít*, *перестроить* — *přebudovat*, но мотивирующая база данной модели в русском языке шире, чем в чешском, в котором повторение некоторых действий может быть выражено только аналитически, например: *пересеять* — *znovu osít, zasít*, подробнее см. [Barnetová и др. 1979: 249, 253]. Редко, но все же встречаются и лакуны в системе словообразовательных типов. Например, в русском языке продуктивна модель *до- -ся*, выражающая негативные последствия длительного действия: *доработаться (до инфаркта)*, *докупаться (до простуды)*, а в чешском языке подобная модель со значением негативных последствий действия отсутствует.

Различия могут касаться и семантики дериватов со сходными приставками, а также степени их употребительности и частотности. Изучению семантико-функциональных особенностей одноструктурных глагольных дериватов в русском

³ Данный чешский перевод проверен чешским информантом, сотрудником Славянского института Чешской академии наук (Slovanský ústav Akademie věd České republiky).

и чешском языках способствует использование параллельного русско-чешского подкорпуса НКРЯ, а именно сравнение употребления таких производных глаголов в параллельных текстах — оригинала и его перевода. Некоторые результаты такого исследования излагаются в конце данной статьи.

3. Особенности производных глаголов, выражающих словообразовательными средствами протекание действия во времени. Русский язык отличается от чешского более последовательным выражением темпоральных границ действия в семантике как терминативных (предельных) глаголов, так и фазисно-временных дериватов от нетерминативных основ [Петрухина 2019]. Так, в русском языке много продуктивных префиксальных глаголов, выражающих границы действия — начальную и конечную (приставка *по-*): *поработать, посидеть, погулять*; только начальную (приставки *за-, по-, у-*): *закричать, заблестеть, зашагать, пойти, поехать, увидеть, услышать*. В чешском языке также имеются глагольные дериваты со сходными приставками (кроме глаголов движения с приставкой *po-*), которые при этом имеют семантические и функциональные отличия от аналогичных русских производных глаголов. Рассмотрим данный вопрос подробнее.

Сопоставление русских и чешских параллельных текстов НКРЯ демонстрирует меньшую употребительность делимитативов в чешском языке, чем в русском. Так, в следующих предложениях, почерпнутых из параллельного русско-чешского подкорпуса НКРЯ, русские делимитативы переводятся на чешский язык, как правило, либо простыми глаголами без приставки (как, например, в 3'), либо производными глаголами СВ с другими формантами (4' — одноактным *sednout si*, 5' — результативным *vyspat se*):

(3) Тяжела, видно, жизнь. О ней Артем не говорит, но это и так видно. Час-другой **поработали** вместе. Расстались. (Н. Островский. «Как закалялась сталь»). (3') *Je vidět, že má těžký život, ač o něm nemluví. Hodinu, dvě **pracovali** ('работали') spolu. Rozloučili se.* («Jak se kalila ocel», переводчик J. Wagsteino-vá). (4) Вы не возражаете, если я у вас **посижу** несколько минут? (А. Днепро-в. «Глиняный бог»). (4') *Nebudete mít nic proti tomu, když **si** u vás na chvíli **sednu** ('сяду')?* («Hliněný bůh», перевод J. Tůč). (5) Я дал тебе снотворное, тебе нужно **поспать** и успокоиться (А. Громова. «Глеги»). (5') *Dal jsem ti prášek na spaní, musíš **se vyspat** ('выспаться') a uklidnit* («Glegy», переводчик J. Piskáček).

В русском языке в семантике делимитативов конечная граница деятельности (и тем самым ее результат) может быть имплицитно актуализирована (см. пример 6), что не характерно для чешского языка. Поэтому в чешских параллельных текстах результативность выражается другими способами (в 6' — аналитической конструкцией; в 7' — оценочным прилагательным с девербативом), ср.: (6) *А тут я понимаю — человек на свой пай **поработал**, отдых-ласку честно заслужил...* (М. Горький. «Лето»). (6') *Ale když je to tak, tak tomu rozumím. Člověk **má kus práce za sebou** ('сделал работу', букв. 'часть работы имеет за собой') a zasloužil si odpočinek a lásku.* («Léto», переводчик S. Machonin). (7) «*Pak se nedá nic dělat. **Dobrá práce** ('хорошая работа')», **pochválím ho.*** (M. Viewegh. «Andělé všedního dne»). (7') «*Смало*

быть, ничего не поделаешь. Но ты **хорошо поработал**», — хвалю я его («Ангелы на каждый день», переводчик Н. М. Шульгина). Отметим, что в русском переводе (7') с оценочным наречием употреблен делимитатив.

Словообразовательный тип русских делимитативов соотносится с продуктивным чешским типом на *za-* + *si*, выражающим целостное восприятие действия, без актуализации его границ. Приятная для производителя деятельность (на что указывает формант *si*) независимо от объективной продолжительности представлена как единый квант: *zakritizovat si*, *zamanifestovat si*. На русский язык обычно такие дериваты переводятся делимитативами, в данном случае глаголами *покритиковать*, *помитинговать*. У некоторых дериватов имеются и более точные русские соответствия, например, *zaběhat si* можно точно перевести как *пробежаться* [Петрухина 2012: 167–169].

Четкое выражение начальной границы действия отличает семантику русских глаголов с префиксом *za-* от их чешских структурных эквивалентов с *za-*. Последние выражают, как правило, кратковременное проявление действия, что фиксируют и словарные толкования в [PSJC]. Например: *zavanout* ‘*zacit vanout, zpravidla na chvilku*’ (‘начать дуть, обычно недолго’), *zagestikulovat* ‘*vykonat nekolik gest, zacit gestikulovat*’ (‘сделать несколько жестов, начать жестикулировать’), ср. с употреблением соответствующих русских глаголов, четко выражающих начальную границу: *Задул северный ветер. Он возбужденно зажестикულიровал*. Глаголов движения с начинательной приставкой *po-* в чешском языке вообще нет, не выражается также словообразовательными средствами и начало деятельности — при необходимости выразить ее начало употребляются аналитические конструкции с фазовыми глаголами, например: (8) *Он опять встал и, заложив руки за спину, зашагал по комнате* (А. Куприн. «Поединок»). (8') *Znovi vstal a s rukama za zády se začal procházet* (‘начал прохаживаться’) *pokojem* («Souboj», переводчик Z. Psůtková).

В монографии И. С. Улуханова зафиксированы многочисленные неузальные производные глаголы с начинательной приставкой *za-*, образованные от приставочных глаголов (например, *завскрикивать*, *заспрашивать*, *завсплескивать*, *заприговаривать*, *заприхрамывать*, *завздрагивать*) [Улуханов 2017: 87–119], что демонстрирует высокую продуктивность данного словообразовательного типа в русском языке. Подобные дериваты, образованные от префиксальных глаголов, в чешском языке в принципе невозможны. При этом имеющиеся глаголы с приставками *za-* и *u-*, способные при поддержке контекста выражать начало действия (например, *zakřičet*, *uvidět*), употребляются в чешском языке значительно реже, чем в русском. Продемонстрируем это на материале русско-чешского подкорпуса НКРЯ.

Мы проанализировали в параллельных текстах данного подкорпуса чешские соответствия русскому глаголу *закричать* в 180 первых примерах (всего в подкорпусе зафиксировано 380 употреблений различных форм глагола *закричать* в русских текстах — дата обращения 03.04.2024). Данный глагол интересен тем, что в русском языке в зависимости от контекста он может выражать два типа начинательности: ингрессивное — ‘начало без четкой прорисовки продолжения действия’ [Шведова (гл. ред.) 1980: 597] и инхоативное — ‘начало длительного

действия' [Виноградов 1972: 419]. Соответственно его аналогами могут выступать как глаголы *прокричать* и *крикнуть*, не выражающие начало, так и аналитическая конструкция с фазовым глаголом *начать кричать*. В чешском языке, как уже было упомянуто выше, глаголы с приставкой *za-* при поддержке контекста могут выражать начало только кратковременного действия, если такой поддержки нет, то они выражают кратковременное действие без семантики начинательности. Поэтому глагол *zakřičet* в Большом чешско-русском электронном словаре толкуется как 'vydat krátký křik' ('издать короткий крик'), но переводится двумя русскими глаголами *закричать*, *прокричать* [VČRS, https://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/Main_crs.html?dict=crs].

Рассмотрим выявленные в параллельном русско-чешском подкорпусе НКРЯ чешские соответствия русскому глаголу *закричать*. В чешских текстах глаголы речи с приставкой *za-* при переводе глагола *закричать* употребляются всего 33 раза. Отмечено 6 форм глагола *zakřičet*, 11 форм синонимичного глагола *zavolat*, 14 раз употребляется *zařvat* ('завопить'), и 2 *zasténat* ('застонать', 'простонать'), 2 раза встретился глагол с усилительным значением *rozkrřičet se* ('раскричаться'). В большинстве случаев (в 147 контекстах) чешские соответствия не имеют приставки *za-*, в том числе в 75 контекстах употребляются одноактные глаголы со значением 'крикнуть' — *křiknout* (14 раз) и 'выкрикнуть' — *vykřiknout* (в 61 случае). В 72 контекстах русскому начинательному глаголу соответствуют формы чешских глаголов НСВ со значением 'кричать' без приставки — *křičet* (32), *volat* (36), *řvat* ('кричать', 'орать') (4). Бесприставочные корреляты преобладают в нарративных художественных текстах при вводе реплик персонажей, например: (9) *To jseš rakouskej voják? volal tatínek, co je tohle?* (J. Veis. «Srdce»). (9') «И это австрийский солдат?! — **закричал** папаша. — Что все это значит?» («Сердце», переводчик Г. Матвеева). (10) *Однако неожиданно возле него столкнулись две женщины, и одна из них, востроногая и простоволосая, **закричала** над самым ухом поэта другой женщине так: — «Аннушка, наша Аннушка!»* (М. Булгаков. «Мастер и Маргарита»). (10') *Až se u něj doslova srazily dvě ženy a jedna z nich, prostovlasá, se špičatým nosem, **křičela** na druhou přímo u básnikova ucha: «Anuška, naše Anuška!»* («Mistr a Markétka», переводчик А. Морávková).

Таким образом, в приведенных примерах глагол *закричать* вводит реплики в линию повествования, тогда как в чешских эквивалентных текстах бесприставочные глаголы *křičet*, *volat* останавливают повествование и делают реплики персонажей своеобразным фоном, на котором происходит смена действий, что соответствует закономерностям построения нарратива в плане прошедшего времени в обоих языках [Петрухина 2023].

Сходные функциональные различия выявлены также при сопоставлении употребления одноструктурных чешских и русских глаголов восприятия: *видеть* — *увидеть*, *vidět* — *uvidět*. Приставочный глагол СВ, выражающий начало восприятия, в русском языке употребляется чаще, чем в чешском. Согласно проведенному исследованию в русских переводах чешских публицистических текстов (преимущественно 2016–2020 гг., включенных в НКРЯ с сайта ИноСМИ) глагол *увидеть*

употребляется значительно чаще, чем эквивалентный глагол *uvidět* в чешских оригиналах. Так, на первых четырех страницах заданного поиска глагола *увидеть* (дата обращения 10.07.2024) 55 форм данного русского глагола 11 раз соответствует аналогичный чешский глагол СВ *uvidět*, в 23 случаях — глагол НСВ *vidět*, а в 21 случае другие глаголы восприятия (*spatřit*, *všimnout si* — ‘заметить’, ‘обратить внимание’ и др.). Соответственно самыми частотными переводными эквивалентами в нашей выборке выступают чешский глагол НСВ *vidět* и русский глагол СВ *увидеть*, например: (11) *Chtěl ji vidět až po propuštění z nemocnice, aby viděla, že nemá nohu, ale zároveň už je zase v pořádku.* (11') Он хотел **увидеть** ее после выписки из больницы, чтобы она **увидела**, что у него хоть и нет ноги, но все уже в порядке. (12) *Až když jsem přišel do «New Yorku Rangers», najednou jsem viděl, jak se to dělá.* (12') Только перейдя в «Нью-Йорк Рейнджерс», я **увидел**, как это делается. Отметим, что в последнем чешском предложении наречие *najednou* (‘сразу’) выражает моментальность восприятия, тем не менее с данным наречием употреблен глагол НСВ *vidět*, который может быть переведен на русский язык в данном контексте только глаголом СВ *увидеть*.

4. Заключение. Проведенное в данной статье исследование демонстрирует бóльшую продуктивность фазисно-временных словообразовательных типов (делimitативных и начинательных) в русском языке, чем в чешском. Данный факт соответствует выявленной продуктивности начинательных и ограничительных словообразовательных типов в рассмотренном системном описании русских производных глаголов, мотивированных глаголами [Улуханов 2017: 87–119]. Сопоставительный функционально-дискурсивный анализ русских и чешских глагольных дериватов с делимитативными и начинательными приставками *po-*, *za-*, *y-*; *po-*, *za-*, *u-*, проведенный в последнем разделе данной статьи на базе русско-чешского параллельного подкорпуса НКРЯ, выявляет диктуемую языковой системой различную в каждом из сопоставляемых языков интерпретацию одной и той же ситуации даже при наличии в них структурно близких производных глаголов.

Параллельный русско-чешский подкорпус дает возможность на материале отдельных производных глаголов продемонстрировать взаимосвязь деривационных глагольных систем с дискурсивными факторами, влияющими на выбор возможных вариантов в конкретном художественном или публицистическом тексте. Так, начинательный глагол *закричать*, вводящий реплики персонажей, а также глагол зрительного восприятия *увидеть* в русском языке обычно участвуют в построении нарративной цепочки событий, тогда как для чешского языка в параллельных текстах характерно употребление базовых бесприставочных глаголов (см. примеры 9–12 и 9'–12'), которые замедляют повествование, выражая процесс говорения и длительность зрительного восприятия.

Таким образом, сопоставление внутриглагольного словообразования в близкородственных русском и чешском языках может быть дополнено исследованием употребления однотипных производных глаголов в художественных и публицистических параллельных текстах. Такой подход выявляет взаимосвязь тенденций в образовании и употреблении сходных дериватов в сопоставляемых языках.

Литература

- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Ленинград: Наука, 1976. 255 с.
- Виноградов В. В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М.: Высшая школа, 1972. 614 с.
- Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Азбуковник, 2016. 812 с.
- Петрухина Е. В. Аспектуальные категории глагола в русском языке в сопоставлении с чешским, словацким, польским и болгарским языками. 2-е издание. М.: УРСС. 2012. 256 с.
- Петрухина Е. В. Русский вид как морфологическая деривационная категория в контексте современных исследований видовой коррелятивности // Scando-Slavica. 2014. Т. 60. № 2. С. 253–274
- Петрухина Е. В. Интерпретация видовых различий между русским, чешским словенским языками // Slavistična revija. 2019. Т. 67. № 1. С. 31–49.
- Петрухина Е. В. О дискуссионных вопросах славянской аспектологии с типологической точки зрения // Cuadernos de rusística Española. 2021. Т. 17. С. 12–26.
- Петрухина Е. В. Аспектуальные модели нарратива в русском и чешском языках: доминанты и дискурсивные варианты языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. 2023. № 4. С. 57–67.
- Русско-чешский подкорпус Национального корпуса русского языка [Электронный ресурс]. URL: <https://ruscorpora.ru/search?search=CiUqFwoICAAQChgyIAogADIFZ3JzdGRABXgBMgcIBRIDY2VzOgEB> (дата обращения 10.07.2024).
- Улукханов И. С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М.: Институт русского языка, 1996. 224 с.
- Улукханов И. С. Мотивация в словообразовательной системе русского языка. М.: Азбуковник. 2005. 314 с.
- Улукханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 1: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М.: Азбуковник, 2015. 330 с.
- Улукханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. 2: Глаголы, мотивированные глаголами. М.: Азбуковник, 2017. 432 с.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.). Русская грамматика. Т. 1. М.: Наука, 1980. 789 с.
- Barnetová V., Běličová-Křížková H., Leška O., Skoumalová Z., Straková V. Русская грамматика. Т. 1. Praha: Academia, 1979, 664 с.
- Dokulil M. Tvoření slov v češtině I. Teorie odvozování slov. Praha: Nakladatelství Československé akademie věd, 1962. 263 с.
- Petruchina J. Modifikace vs. mutace ve vnitroslovesné derivaci // Bozděchová I., Nisheva B., Skwarska K. (eds.): Česká slovtvorná koncepce v kontextu slovanské jazykovědy. Praha: Academia, 2024. S. 61–69.
- PSJČ – Příruční slovník jazyka českého. D. 1–9. Praha, 1935–1957.
- VČRS — Velký česko-ruský slovník, https://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/index_crs.html

E. V. Petrukhina

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

elena.v.petrushina@yandex.ru

**INTRA-VERBAL WORD FORMATION
IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES:
(A Systemic-Functional Comparison)**

Intra-verbal word formation in Russian and Czech is characterized by systemic similarities largely due to the analogous structure of the morphological derivational category of verb. There are also significant correspondences in the system of word formation types, formants, and methods of word formation, as demonstrated fragmentarily in this article. This systemic similarity is combined with differences in the implementation of individual word formation models, their motivating basis, productivity, and semantics. A comparative approach to studying intra-verbal word formation reveals the peculiarities of the semantics of single-structured phasal-temporal verbal derivatives in each language, namely, a clearer expression of the temporal boundaries of action in Russian verbs with prefixes such as “за-”, “по-”, “у-”, compared to Czech verbs (with prefixes “za-”, “po-”, “u-”). Using the Russian-Czech sub-corpus of the National Corpus of the Russian Language opens up the possibility to compare the use of similar derivatives in parallel texts—original fictional or journalistic text and its literary translation into another language. In expressing a sequence of consecutive actions, speech acts and visual perception in Russian are integrated into this sequence through the use of perfective verbs, including initiatory ones, whereas in Czech narration, the boundaries of a speech act in frequent use of non-derived imperfective verbs may remain unexpressed. This pattern is demonstrated in the article using parallel texts that include forms of the Russian verbs “закричать” (to shout) and “увидеть” (to see) and their Czech equivalents. Thereafter, the formation of the verbs with time action meanings in the compared languages are interconnected with the patterns of constructing narrative texts and expressing boundaries of actions in the narrative chain.

Key words: Russian, Czech, intra-verbal word formation, system-functional comparison.

References

- Barnetová V., Běličová-Křížková N., Leška O., Skoumalová Z., Straková V. *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Praha, Academia Publ., 1979. 664 p.
- Bondarko A. V. *Teoriya morfologicheskikh kategorii* [Theory of morphological categories]. Leningrad, Nauka Publ., 1976. 255 p.
- Dokulil M. *Tvoření slov v češtině I. Teorie odvozování slov* [Word formation in Czech I. The theory of word derivation]. Praha, Publ. House of the Czechoslovak Academy of Sciences, 1962. 263 p.

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-formation affixes of the modern Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2016. 812 p.

Petrukhina E. V. *Aspektual'nye kategorii glagola v russkom yazyke v sopostavlenii s cheshskim, slovatskim, pol'skim i bolgarskim yazykami* [Aspectual categories of the verb in Russian in comparison with Czech, Slovak, Polish and Bulgarian languages]. 2nd ed. Moscow, URSS Publ., 2012. 256 p.

Petrukhina E. V. [Russian aspect as a morphological derivational category in the context of modern linguistic studies of aspectual correlations]. *Scando-Slavica*, 2014, vol. 60, no. 2, pp. 253–274. (In Russ.)

Petrukhina E. V. [Interpretation of aspect differences between Russian, Czech and Slovenian]. *Slavistična revija*, 2019, vol. 67, no. 1, pp. 31–49. (In Russ.)

Petrukhina E. V. [On some debatable issues in Slavic aspectology from a typological perspective]. *Cuadernos de rusística Española*, 2021, vol. 17, pp. 12–26. (In Russ.)

Petrukhina E. V. [Aspectual narrative models in Russian and Czech: dominants and discursive variants of linguistic interpretation]. *Voprosy kognitivnoi lingvistiki*, 2023, no. 4, pp. 57–67. (In Russ.)

Petruchina J. [Modification vs. mutation in the intra-verbal derivative]. Bozděchová I., Nisheva B., Skwarska K. (eds.). *Česká slovotvorná koncepce v kontextu slovanské jazykovědy* [Czech word-forming concept in the context of Slavic linguistics]. Praha, Academia Publ., 2024, pp. 61–69. (In Czech)

PSJC — Priručni slovník jazyka ceskeho. D. 1–9. Praha, 1935–1957.

Russko-cheshskii podkorpus Natsional'nogo korpusa russkogo yazyka [Russian-Czech subcorpus of the Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru/search?search=CiUqFwoICAAQChgyIAogADIFZ3JzdGRABXgBMgcIBRIDY2VzOgEB> (accessed 10.07.2024).

Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. Vol. 1. Moscow, Nauka Publ., 1980. 789 p.

Ulukhanov I. S. *Edinitsy slovoobrazovatel'noi sistemy russkogo yazyka i ikh leksicheskaya realizatsiya* [Units of the word-formation system of the Russian language and their lexical realization]. Moscow, Publ. House of the Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, 1996. 224 p.

Ulukhanov I. S. *Motivatsiya v slovoobrazovatel'noi sisteme russkogo yazyka* [Motivation in the word-formation system of the Russian language]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2005. 314 p.

Ulukhanov I. S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. 1: Glagoly, motivirovannye imenami i mezhdometiyami*. [Verb word-formation of the modern Russian language. Vol. 1: Verbs motivated by names and interjections.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. 330 p.

Ulukhanov I. S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. 2: Glagoly, motivirovannye glagolami* [Verb word formation of the modern Rus-

sian language. Vol. 2: Verbs motivated by verbs.]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2017. 432 p.

VČRS — Velký česko-ruský slovník, https://slovník.slu.cas.cz/slovník/main/index_crs.html

Vinogradov V. V. *Russkii yazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove*. [Russian language. Grammatical study of the word]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1972. 614 p.

Н. Б. Пименова

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

(Россия, Москва)

nb.pimenova@hse.ru

СИНКРЕТИЗМ ‘АГЕНСА’ И ‘ИНСТРУМЕНТА’ В СЛОВООБРАЗОВАНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА: НЕСКОЛЬКО ТИПОЛОГИЧЕСКИХ ЗАМЕТОК

В статье анализируется место в системе словообразования русского языка словообразовательных типов с очевидным совмещением значений ‘агенса’ (‘деятеля’) и ‘инструмента’ (синкретичных типов), с одной стороны, и типов имен ‘деятеля’ без подобного совмещения (несинкретичных типов) — с другой. Показывается, что словообразовательные типы ‘деятеля’, которым несвойственно значение ‘инструмента’, обладают особыми признаками. В системе русского именного словообразования они вытесняются на периферию: во-первых, в основном они непродуктивны или маргинальны; во-вторых, их преобладающая часть составляет грамматически обособленную группу с признаком ‘общего рода’, в-третьих, если для них и фиксируются отдельные производные с конкретным значением, то они, как правило, имеют не значение ‘орудия’, а общее значение ‘предмета’. Присутствие системных дополнительных значений ‘животных’, ‘растений’ и ‘вещей’ у типов имен ‘деятеля’ рассматривается как типологическая характеристика, в частности, отличающая русский язык от соседних алтайских языков, и в наибольшей степени сближающая его с индоевропейскими балтийскими языками. Широкий спектр конкретных значений русских типов имен ‘деятеля’ означает доминанцию принципа максимального абстрагирования: единое маркирование в системе могут получать любые конкретно-предметные сущности независимо от признака ‘одушевленности’ или ‘неодушевленности’.

Ключевые слова: Словообразовательный тип, имена ‘деятеля’, имена ‘инструмента’, полисемия, типология словообразования.

Под синкретизмом ‘агенса’ и ‘инструмента’ в теории и типологии словообразования понимается выражение значений ‘производитель действия’ и ‘инструмент действия’ в рамках одного словообразовательного типа [Rainer 2015: 1308]. Использование единого агентивно-инструментального образца широко распространено в языках мира [Rainer 2015: 1308]. По примерной оценке, произведенной по

выборке из 63 языков, такая словообразовательная полисемия фиксируется в 47% случаев [Luschützky, Rainer 2011].

Многозначности словообразовательных типов со значением ‘производителя действия’ и полисемии ‘агенса’ — ‘инструмента’ посвящена обширная литература. Предметом внимания в ней становится прежде всего направление «концептуального» либо исторически обусловленного сдвига между значениями (агенса — инструмента, агенса — инструмента ~ место) [Rainer 2015, 1308, Luján 2010 и др.]. При изучении внутреннего строения типов с полисемией ‘агенса’ — ‘инструмента’ анализ ориентируется в основном на уточнение семантических ролей, которые могут выражаться соответствующими производными (собственно агенса, экспериенцер, каузатор и т. п.).

Очевидно, что в качестве основного принципа типологического сравнения, как правило, выступает фиксация самого разделения либо неразделения значений ‘производитель действия’ — ‘инструмент действия’, а главной категорией анализа становятся «семантические роли». Принцип редукции параметров до основных значений ‘агенса’ и ‘инструмента’ прямо декларируется в классической статье Х. К. Лушютцки и Ф. Райнера: словообразовательные типы разных языков в рамках изучения синкретизма категоризируются именно по этим значениям, а присутствие у наблюдаемых типов ‘деятеля’ и ‘инструмента’ каких-либо дополнительных значений для упрощения картины исключается из анализа [Luschützky, Rainer 2011, 330].

Задача данных заметок — напротив, проанализировать, насколько в качестве потенциальных типологических признаков могут быть использованы расширенные внутрисистемные характеристики «агентивных» типов. Мы рассмотрим дистрибуцию «синкретичных» (с совмещением значений ‘деятеля’¹ и ‘инструмента’) и «несинкретичных» типов в системе словообразования русского языка, обращая внимание на регулярные дополнительные значения этих типов. В центре внимания при таком анализе оказываются следующие вопросы:

- насколько распространен агентивно-инструментальный образец внутри системы словообразования русского языка;
- какие дополнительные значения системно свойственны типам ‘деятеля’ в русском языке;
- обладают ли особыми признаками те словообразовательные типы деятеля, которым несвойственно значение ‘инструмента’.

Особенности синкретичных типов

Наиболее продуктивные словообразовательные типы русского языка сосредоточены именно в категории синкретичных типов.

¹ В дальнейшем мы будем использовать для простоты обозначение ‘имя деятеля’ не только для типов имен, которым приписывается семантическая роль собственно агенса, но и для имен, несущих другие отглагольные субъектные значения, а также для моделей, образующих как отглагольные, так и отадективные имена лиц.

Анализ значений синкретичных типов по «Словарю словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина, И. С. Улуханова [Лопатин, Улуханов 2016] позволяет заметить, что в их наборе наряду со значениями 'деятели' и 'инструмента' с заметной регулярностью присутствуют также значения 'животного' (номинация по характерному действию или признаку) или 'животного' и 'растения'². Ср. типы на *-тель* (*строитель, нагреватель*, животное: *вредитель*), *-ник, -ик* (*истопник, подъемник*, растения: *стланник*, при адъективных базах: животные и растения: *навозник, рыжик*), *-ак* (*вожак, резак* и при адъективных базах: *заяц-беляк, сорняк*), *-ач* (лицо и орудие: *ткач, секач*, животные: *секач*, при адъективных базах: *лихач*, животное: *рогач*), *-ун* (*прыгун, колун*, животные и растения: *грызун, вьюн*), *-ец* (*жнец, резец*, животные: *плавунец*, животные и растения при адъективных базах: *голец, острец*), *-ла, -ло* (муж. и ср. р. *меняла, точило*, животные: *прилипала*), *-льщик* (*бурильщик*, животные: *удильщик*), *-ень* (лицо: *сидень*, орудие: *болтень*, животное: *выползень*).

Значения 'животного', 'растения' не засвидетельствовано у типов на *-щик* и *-лец* — если рассматривать их не как варианты типов на *-льщик, -ец* (см. выше), а как самостоятельные типы (именно так они подаются в словаре В. В. Лопатина и И. С. Улуханова [Лопатин, Улуханов 2016: 497, 695, 482, 317]). Несвойственны эти значения и типам с суффиксами иностранного происхождения *-ант, -ент, -ер, -ир, -ор, -(V)тор*. Вместе с тем по регулярности совмещения 'агентивного' и 'инструментального' значения ('орудие' либо 'машина, механизм') последние полностью вписываются в систему русского языка.

Для подсистемы исконных типов связка 'деятель' — 'инструмент', по-видимому, оказывается весьма устойчивой. Примечательно, что даже если обозначения 'лиц' оказываются неглавными в структуре значений типа, то присутствие значения 'инструмента' — хотя бы непродуктивного — можно считать достаточно ожидаемым, ср. тип на *-ня* (место: *пилильня*, лицо: *сводня*, орудие или приспособление: *наковальня, градирия*). Существенно и то, что значение 'инструмента' может фиксироваться даже у маргинальных типов 'деятели', ср. тип на *-аш* (единичное обозначение лица — *торгаши*) с эпизодически продуктивным значением 'приспособления для совершения действия' (*бегаши* 'беговые коньки').

Еще одна очевидная регулярность русских синкретичных типов 'деятели' — слабая чувствительность к признаку 'одушевленности', которая выражается в способности образовывать не только орудийные имена, но и иные производные с широким спектром конкретно-предметных значений. Ср. напр. *окислитель, пламень* ('действующее вещество'), *пльвун* (обозначение грунта), *лежак* ('лежащее бревно', 'субъект состояния'), *топляк* ('затонувший лес': «совокупность однородных предметов — субъект совершившегося действия» [Лопатин, Улуханов 2016, 252], *складень* ('объект действия') и др.

² Здесь рассматриваются именные типы с основной грамматической характеристикой «мужской род», однако эта особенность свойственно и типам женского рода с основным значением 'лица, обозначаемого по производимому им действию'.

Несинкретичные типы

Рассматривая несинкретичные типы 'деятеля' внутри системы, мы можем констатировать, что они отличаются рядом признаков:

- во-первых, они в основном являются непродуктивными или маргинальными, то есть представленными единичными образованиями;
- во-вторых, их преобладающая часть составляет грамматически обособленную группу: по этим типам образуются производные с грамматическим признаком 'общего рода';
- в-третьих, если для них и фиксируются отдельные производные с конкретным значением, то они, как правило, имеют не значение 'орудия', а общее значение 'предмета'.

Типы без инструментальных значений, по которым образуются обозначения лиц общего рода — это типы с суффиксами -ля (единичное образование *пискля*), -са (*плакса*), -ца (*убийца*), -ага (*трудяга, бедняга*), -уга (*подлюга, хануга*), -ыга (*торопыга*), -ха, -яха, -оха, -ёха (*растеряха, завироха*). Типы с суффиксами -са, -ыга непродуктивны, типы на -ха, -яха, -оха, -ёха, на -уга и -ца характеризуются как эпизодически продуктивные или эпизодически продуктивные в разговорной речи, тип на -ага продуктивен в просторечии и разговорной речи. Далее, образования как общего, так и мужского рода фиксируются среди производных на *ака, яка* (*гуляка, рубака*), продуктивных только в просторечии и разговорной речи.

Среди всех этих типов единичное неорудийное предметное имя засвидетельствовано только у типа на -уга (*кольчуга*).

Единичные производные со значением инструмента зафиксированы у типа с суффиксом -уша (*волокуша*), по которому также производятся имена общего рода. Этот тип отличается от перечисленных как большей количественной продуктивностью (при ограниченной эмпирической продуктивности), так и грамматическими характеристиками: в первую очередь он образует имена женского, во вторую — общего рода (*вруша*).

Нетрудно заметить также, что характеристики большей продуктивности и отличающиеся грамматические признаки (женский и общий род) соответствуют изменению внутренней структуры типа: у него представлены уже более разнообразные значения (лицо — производитель действия или носитель признака, животное, предмет и орудие, объект действия) которые сближают его с обычными продуктивными «агентивными» типами, характерными для русского языка и рассмотренными выше.

Признак 'женский и общий род' характеризует и тип на -уля, -юля (*воображуля*). Его количественная и эмпирическая продуктивность оказывается еще выше, чем у типа на -уша. Однако предметные имена остаются лишь эпизодически продуктивными (отадъективное *кривуля*), а близкое к инструментальному значение средства действия (*ходуля*) — непродуктивным. Близкие характеристики продуктивности имеет тип на -ага (общ., жен. род, с единичными предметными именами и обозначениями животных).

Посмотрим на типы имен 'деятеля', не относящихся к общему роду. Здесь имеются типы с единичными производными (*влад-ыка* и *волок-ита*, *паст-ырь* с неорудийным отадъективным *пуст-ырь*, а также производные с непродуктивными суффиксами *-ух*, *-юх* (ср. *пастух*, *конюх*). Тип на *-аль* (*враль*, *коваль*) непродуктивен как отглагольный; при эпизодически продуктивном отадъективном словопроизводстве фиксируются значения 'лица' (*стропаль*), 'животного', 'предмета'.

В непродуктивный тип на *-ар* (*дояр*, *овчар*) интегрируется редкое для системы заимствованное *пульсар* (от англ. *pulsar*) — обозначение физического явления, которое можно причислить к субъектным именам (воспринимается как отглагольное от *пульсировать* [Лопатин, Улуханов 2016: 269], т. е. с мотивацией как у лиц — имен 'деятеля': 'тот, кто пульсирует'). По типу на *-ай* эпизодически образуются имена, характеризующие лиц по свойственному им действию (*растрепай*); обозначения неодушевленных предметов непродуктивны (*растегай*).

Особое положение в категории несинкретичных имен занимает модель с суффиксом *-арь*. Она не совсем соответствует наблюдаемой тенденции 'если несинкретичность, то, как правило, общий род у производных и/или непродуктивность'. Отглагольные имена 'производителя действия' (*пекарь*, *токарь*) с точки зрения эмпирической продуктивности характеризуются лишь как эпизодически продуктивные в просторечии (ср. *сачкарь* от *сачковать*), как и имена носителя признака от прилагательных (*дикарь*), однако отсубстантивные имена лиц (*свинарь*, *главарь*) продуктивны в разговорной речи (ср. *очкарь* 'тот, кто носит очки').

Тем не менее конкретно-предметные имена от прилагательных единичны (*сухарь*), а от существительных непродуктивны (ср. *букварь*, *словарь* и нек. др.). Инструментальное имя зафиксировано лишь один раз — это *дымарь* (спец.) 'прибор, выделяющий дым для окулирования пчел'. В «Словаре...» оно квалифицируется не как отглагольное производное от *дымить*, а как образование от существительного *дым*.

Как и в случае с типом на *-уша* (см. выше), в данном случае мы наблюдаем отмеченную корреляцию: если продуктивность типа несколько увеличивается, т. е. превышает некоторый нижний порог, то у типа наряду со значениями лиц с большой вероятностью фиксируются названия животных (ср., например, отадъективные и отыменные *глухарь* и *пескарь*), как и в категории синкретичных имен.

Подводя баланс характеристик несинкретичных имен, мы можем заключить, что в целом сдвиг в сторону общего рода в этой категории очевиден. Таким образом, оказывается, что 'общий род' как показатель значения 'лица' выступает как дополнительное, «сопровождающее» маркирование категории, дополнительный признак ее обособления.

Совокупность всех признаков категории говорит о том, что система вытесняет несинкретичные имена на периферию. Это означает, что выделение 'агентивного' словообразовательного значения как самостоятельного несвойственно системе русского языка не только с точки зрения количественных показателей, но и с точки зрения качественных характеристик.

Замечания о внешней и внутригенетической типологии

Синкретичное кодирование ‘деятеля’ совместно с ‘предметами’, ‘инструментами’, а также ‘животными’ и ‘растениями’ отнюдь не представляет само собой разумеющийся принцип организации системы словообразования. Пример организации системы словопроизводства на иных основах — словообразование в алтайских языках, не только достаточно последовательно разводящее типы имен деятеля, инструментальных и предметных имен, но иногда резервирующее специальные типы в сфере номинации животных и растений (ср. тунгусо-маньчжурские и чувашский языки, а также древнетюркский [Erdal 1991, 89]).

Следовательно, рассматривая русскую систему именного словообразования с «онтологической» точки зрения, мы можем отметить доминанцию принципа максимального абстрагирования: в ней действуют преференции, по которым единое маркирование могут получать любые конкретно-предметные сущности (независимо от признака одушевленности или неодушевленности).

Внутри семьи индоевропейских языков признаки, наиболее близкие к славянской — русской — системе, как и можно было ожидать, демонстрируют балтийские языки. Так, в латышском языке наиболее продуктивные суффиксальные отглагольные типы, как правило, совмещают значения ‘агентов’ и ‘инструментов’ (типы с суффиксами *-āj-*, *-ēj-*, *-tāj-*, *-ul-*) или ‘агентов’ и ‘предметов’ (*-on-*, *-l-/sl-*), а также нередко участвуют в номинации животных (*-tāj-*, *-ul-*, *-on-*) [Kalnaša, Lokmane 2021: 131–136]. Аналогичное совмещение функций демонстрируют форманты «окончаний», распределяющие имена по парадигматическим классам (endings) [Kalnaša, Lokmane 2021: 137–138]. Обособление функций ‘агенса’ (несинкретизм) демонстрирует лишь тип с суффиксом *-niek* (обозначения лиц по профессиональной деятельности и другим характерным признакам), по всей видимости, находящийся под влиянием интерференции со стороны русского языка [Kalnaša, Lokmane 2021: 131–136].

Проведенный анализ позволяет внести дополнительные параметры в типологические классификации систем словообразования разных языков. Наряду с дистрибуцией «ролевых» значений деятеля (агенса) и инструмента, к характеризующим признакам систем можно отнести интеграцию в модели ‘имен деятеля’ других предметных значений, кроме орудийных. Помимо этого, выделяется стратегия кодирования, которая альтернативна совмещению значений ‘лицо’ — ‘животное’ либо ‘предмет’ — ‘животное’. Такая альтернативная стратегия заключается в действии классифицирующего принципа, т. е. в существовании некоторых особых словообразовательных типов для лексических классов ‘животные’ и ‘растения’.

Различные способы кодирования могут быть представлены в языках в большей или меньшей степени и, вероятно, частично совмещаться друг с другом. Обобщая особенности их взаимодействия, мы можем условно выделить функциональный и «субстантный» принцип словообразовательного маркирования имен. При доминировании функционального принципа выделяется тенденция к разделению словообразовательных типов, несущих значения ‘одушевленного деятеля’, ‘неодушевленного инструмента’, ‘одушевленного животного’ (и ‘растения’). При доминировании

субстантного принципа мы можем наблюдать не только синкретизм значений 'дея-теля' и 'инструмента', но и их совмещение с другими предметными значениями (возможность единого маркирования различных конкретно-предметных сущностей, как в русском языке).

Литература

- Лопатин В. В., Улукханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.
- Erdal M. Old Turkic word formation: a functional approach to the lexicon Vol. 1. Wiesbaden: Otto Harrassowitz Verlag, 1991. 874 p.
- Luján E. R. Semantic maps and word formation: agents, instruments, and related semantic roles // *Linguistic discovery*. 2010. № 8 (1). P. 162–175.
- Kalnača A., Lokmane I. Latvian grammar. Rīga: University of Latvia Press, 2021. 560 p.
- Luschützky H. Ch., Rainer F. Agent-noun polysemy in a cross-linguistic perspective // *STUF – Language typology and universals*. 2011. № 64 (4). P. 287–338.
- Rainer F. Agent and instrument nouns // *Word-formation. An International handbook of the languages of Europe*. Vol. 2 / ed. by P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2015. P. 1304–1316.

N. B. Pimenova
HSE University
(Russia, Moscow)
nb.pimenova@hse.ru

'AGENT' AND 'INSTRUMENT' SYNCRETISM IN RUSSIAN WORD FORMATION: SOME TYPOLOGICAL NOTES

The article analyzes word-formation types with an obvious combination of the meanings of 'agent' ('actor') and 'instrument' (syncretic types) in the word-formation system of the Russian language, as well as the 'actor' names without such a combination (non-syncretic types). It is shown that the 'actor' word-formation types, which do not have the 'instrument' meaning, have special features. In the system of Russian nominal word-formation, they are pushed to the periphery: firstly, they are mainly unproductive or marginal; secondly, their predominant part constitutes a grammatically isolated group with the feature of 'common gender', thirdly, if individual derivatives with a specific meaning are recorded for them, then, as a rule, they do not have the 'instrument' meaning, but possess the general 'object' meaning. The presence of additional systemic names with 'animal', 'plant' and 'thing' meanings in 'actor' names is considered as a typological characteristic, in particular, distinguishing the Russian language from the neighboring Altaic languages,

and bringing it closest to the Indo-European Baltic languages. The wide spectrum of specific meanings of Russian ‘actor’ names signifies the dominance of the principle of maximum abstraction: any concrete-objective entities can receive a single marking in the system, regardless of the feature of ‘animateness’ or ‘inanimateness’.

Key words: word-formation type, agent nouns, instrumental nouns, polysemy, typology of word-formation.

References

Lopatin V. V., Uluhanov I. S. *Slovar’ slovoobrazovatel’nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of word-forming affixes of the modern Russian language]. Moscow, Publ. Center “Azbukovnik”, 2016. 812 p.

Erdal M. *Old Turkic word formation: a functional approach to the lexicon*. Vol. 1. Wiesbaden, Otto Harrassowitz Publ., 1991. 874 p.

Luján E. R. Semantic maps and word formation: agents, instruments, and related semantic roles. *Linguistic discovery*, 2010, no. 8 (1), pp. 162–175. (In Eng.)

Kalnača A., Lokmane I. *Latvian grammar*. Rīga, University of Latvia Press, 2021. 560 p.

Luschützky H. Ch., Rainer F. Agent-noun polysemy in a cross-linguistic perspective. *STUF — Language typology and universals*, 2011, no. 64 (4), pp. 287–338. (In Eng.)

Rainer F. Agent and instrument nouns. *Word-formation. An International handbook of the languages of Europe*. Vol. 2. Ed. by P. O. Müller, I. Ohnheiser, S. Olsen, F. Rainer. Berlin, Boston, De Gruyter Mouton Publ., 2015, pp. 1304–1316. (In Eng.)

Л. В. Рацибурская

*Национальный исследовательский Нижегородский государственный
университет им. Н. И. Лобачевского
(Россия, Нижний Новгород)
racib@yandex.ru*

**ЭКСПРЕССИВНО-ОЦЕНОЧНЫЕ АФФИКСЫ
В «СЛОВАРЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ АФФИКСОВ
СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА»
В. В. ЛОПАТИНА И И. С. УЛУХАНОВА
И В СОВРЕМЕННЫХ ДЕРИВАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ**

В статье рассматривается проблема функционирования экспрессивно-оценочных аффиксов, представленных в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» (2016) В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, в современных деривационных процессах. Материалом исследования являются новообразования в современных медийных текстах. В результате выявлены разные группы аффиксов (суффиксов, префиксов) с точки зрения их экспрессивно-оценочной функции в деривационных процессах: аффиксы, проявляющие в деривационных процессах ту оценочность, которая отмечена в словаре; аффиксы, развивающие в деривационных процессах оценочность в соответствии с семантикой, отмеченной в словаре; аффиксы, у которых отсутствует в словаре экспрессивно-оценочная характеристика, но которые развивают определенную оценочность в деривационных процессах. Охарактеризованы факторы, обуславливающие оценочность (позитивную и/или негативную) аффиксов: семантико-стилистические признаки аффиксов и основ мотивирующих слов, структурно-семантические параметры словообразовательных моделей, условия контекста, экстралингвистические факторы, связанные с социальной оценкой тех реалий, которые номинируются новообразованиями.

Ключевые слова: русский язык, словообразовательные аффиксы, новообразования, деривационные процессы, экспрессивно-оценочная функция.

Как известно, словообразование занимает в системе русского языка исключительно важное место, поскольку словообразовательные средства «служат пополнению лексического состава языка новыми словами, создаваемыми на базе уже существующих слов» [Лопатин, Улуханов 2016: 5]. Функционально-семантическое описание словообразовательных аффиксов — важнейшая научная задача, которую

решали многие поколения лингвистов. Большое значение имеет в этом плане, вышедший в 2016 г. «Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, который системно представляет словообразовательные аффиксы и дает их многостороннюю характеристику.

Словарные статьи содержат описание морфем по разным параметрам: состав морфов морфемы, ее наличие в словах определенных частей речи и способов словообразования, значение морфемы и семантика соответствующих словообразовательных типов, продуктивность морфемы в пределах каждого типа и подтипа; сведения о распределении разных морфов морфемы по определенным морфонологическим позициям, по разным словообразовательным типам и подтипам; фонемный состав морфов данной морфемы и др.

«Большое значение словарь имеет для неологии, поскольку приведенные в словаре примеры новообразований являются наглядной иллюстрацией современных словообразовательных процессов, продуктивных словообразовательных типов, моделей, аффиксов. Материалы словаря формируют у носителей языка новые представления о современной языковой реальности, синтагматических возможностях аффиксов и их деривационном потенциале» [Рацибурская 2018: 76]. Значение словообразовательных средств, с помощью которых образуются новые слова, по мнению авторов словаря, является необходимым звеном «в усвоении языка в целом, овладении его богатствами» [Лопатин, Улуханов 2016: 5].

Кроме значения аффиксов в словаре указывается и их возможная оценочность. Так, значение слов с суффиксом *-щин(а)* определяется как «явление, характеризующееся признаком, названным мотивирующим словом (преимущественно с неодобрительной оценкой)» [Лопатин, Улуханов 2016: 700]: *безалаберщина, патриархальщина, казенщина, канцелярщина* и др. Суффиксы *-ик-, -чик-, -к(а)* добавляют «к значению мотивирующего слова экспрессию ласкательности или (реже) уничижительности, сопровождающуюся в некоторых ср. уменьшительным знач.» [Лопатин, Улуханов 2016: 583]: *домик, садик, деревенька, сиротка* и др.

В деривационных процессах оценочность аффиксов так или иначе проявляется при их функционировании. В новообразованиях аффиксы могут выражать ту оценку, которая отмечается в словаре. Так, неодобрительная оценка у суффикса *-щин(а)* представлена в новообразованиях: *Лучше хотя бы предполагать, чем обернется для нас **трамповщина**, чем оказаться неготовыми к каким-либо действиям Америки* (Iron post, 14.11.2016); *Что касается «**навальновщины**» как таковой, в том числе нижегородского митинга, то это политическая провокация «пчёл против мёда»* (Заноза, 28.03.2017); *Откуда в них столько театральщины, **додинщины**?* (радио «Комсомольская правда», 16.12.2022); ***Малаховщина*** (заголовков). *Как поставить заслон грязи и пошлости на нашем телевидении* (<https://www.stoletie.ru/>, 23.06.2023); *Начинается глубокая **ремарковищина**, но без Ремарка* (Россия-1, 13.07.2023); *В девяностые годы он был против **солженицынщины*** (радио «Комсомольская правда», 11.12.2023). Негативная оценка граничит с речевой агрессией в тех случаях, когда новообразования мотивируются личными именами собственными.

В медийных текстах представлены новообразования с суффиксами *-ик-*, *-чик-*, *-к(а)*. Среди них встречаются дериваты с уменьшительно-ласкательной семантикой: ... *вживую это выглядит так, что в великую реку Ангара (ширина 1.5 км) впадает маленький Енисейчик (ширина 0.5 км)* (<https://zen.yandex.ru/media/kiba/taina-ozera-baikal-5d1549bddb2d3700ada4dad4>); ...*были уничтожены ударом нашего «Искандерчика»* (радио «Комсомольская правда», 20.05.2023).

Вместе с тем для медиатекстов характерны скорее дериваты с негативной оценочностью. По мнению ученых, «обычно с деминутивами ассоциируются симпатия, сочувствие, жалость, так как они чаще связаны с выражением положительной оценки обозначаемого, с похвалой. Однако деминутивы способны также к передаче разнообразных отрицательных эмоций и негативных оценок, выполняя пейоративную или даже инвективную прагматическую функцию» [Коряковцева 2015: 186; см. также Фуфаева 2018].

Активизация диминутивного словообразования отчасти объясняется усилившейся в последнее время тенденцией к фамильярному умалению и снижению объектов номинации: *Я еще тогда предполагал, чем кончится твоя карьерка* (Вести FM, 05.07.2018); *Карьерка-то у него была ох какая неплохая!* (Вести FM, 13.03.2019); *Это уже секточка* (о либеральной оппозиции в период пандемии — Авт.) (Вести FM, 27.03.2020); *Та еще либеральная мировая элитка* (Россия-1, 19.07.2022); *Когда существовали сицилийские кланы, всегда находился маленький кланчик* (Россия-1, 22.03.2022); *Там есть свой маленький вульгарный интересик* (1-й канал, 26.07.2022); *Это даже не Паулюсы, а паулюсики* (Россия-1, 22.05.2022).

Таким образом, в медийных новообразованиях проявляется амбивалентный характер размерно-оценочных суффиксов, отмеченный в словаре.

Оценочность аффиксов в новообразованиях может и не соответствовать оценочности аффиксов (или ее отсутствию), указанной в словаре. Так, у суффикса *-оид* в словаре указано значение: «подобие тому, что названо мотивирующим словом» [Лопатин, Улукханов 2016: 576]: *аффиксоид, монголоид, негроид, эллипсоид* (все — спец.). В словаре отмечается продуктивность данного суффикса в научной терминологии, в публицистической речи. Однако в медийных новообразованиях суффикс *-оид* может развивать негативную оценочность: *«Осуждение любых фактов насилия со стороны фашизоидов должно быть единогласным», — подчеркнул политик.* [Парламентская газета, 2017.11.30] (<https://ruscorpor.ru>); *Понятно, перед нами ужасный трампоид, вдобавок, расистка и мусульманофобка.* (<https://kosarex.livejournal.com/3799978.html>); *Слушайте, коллеги, байденкиды так самозабвенно несут пургу (от наклона крыши до иранского следа), что я начинаю сомневаться в своей первоначальной версии про «отдельно стоящую» группу радикалов-антифа* (<https://svo.pressa24.ru/17/07/2024/slushajte-kollegi-bajdenoidy-tak-samozabvenno-nesut/>); *Вот именно для таких ситуаций и «подарили» нам эту дубину «Клинтоноиды»!* (<https://cont.ws/@amurweb/824417>). Исследователи характеризуют подобные новообразования как «дериваты со значением ‘умственно недоразвитое человеческое существо, имеющее сходные свойства с лицом, названным производящей основой» [Коряковцева 2018: 42]. Негативная

оценочность в новообразованиях с суффиксом *-oid* может быть обусловлена мотивирующими словами, в качестве которых выступают слова, имеющие негативный ореол, — существительные нарицательные, потенциально инвективные (*фашист*), или собственные, называющие известных, социально значимых лиц, которые негативно оцениваются автором или определенным социумом, к которому принадлежит автор.

Аналогичная ситуация наблюдается в новообразованиях с суффиксом *-ист-*, который имеет значение лица, характеризующегося «отношением к тому, что названо мотивирующим словом» [Лопатин, Улуханов 2016: 393]. В новообразованиях, относящихся к словообразовательному подтипу с семантикой «лицо, по своим идейно-политическим, научным, эстетическим и т. п. взглядам, являющееся сторонником того, что названо или кто назван мотивирующим сщ, а также принадлежащее к политической организации, связанной с именем лица или с событиями какого-л. времени (месяца), названными мотивирующим сщ» [Лопатин, Улуханов 2016: 394] (*автономист, карамзинист, сандинист, декабрист*), негативная оценочность может быть связана с мотивирующими именами собственными, называющими социально значимых лиц, деятельность которых негативно оценивается автором и его окружением: «*Эрдоганисты*» не могут придумать другой причины, как преступный сговор (Федеральное агентство новостей, 07.05.2016); Никто из *чавистов* так и не стал *мадуристом* (Россия-24, 19.04.2019); Осеннее обострение в политике США: как *трамписты* все-таки захватили Конгресс (<https://tass.ru/opinions/18948023>).

Неоднократно писали ученые о негативном ореоле, характерном для существительных с суффиксом *-аци(я) / -изаци(я)* [Николина, Рацибурская 2023], имеющим значение «действие, состояние, сфера занятий, в соответствии со значением мотивирующего слова» [Лопатин, Улуханов 2016: 288], в частности существительного (*рубрикация, гибридизация, диспетчеризация*): Семимильными шагами идет *юанизация* (НТВ, 18.06.2022); Кадыров заявил о неизбежности «*дешиайтанизации*» Украины (РИА Новости, 03.07.2022); ...*рутинизация* сложной деловой политики (1-й канал, 25.02.2022); ...*афганизация* конфликта на Украине (1-й канал, 27.02.2022); Бербок — символ *прибалтизации* и полонизации (1-й канал, 28.11.2022); Байден шутит про *финляндизацию* НАТО (Россия-1, 13.07.2023); Я думаю, что Франция возглавит процесс *диктатуризации* Европы (Россия-1, 02.07.2024). Новообразования с данным суффиксом нередко создаются на базе личных имен собственных: В Швеции лингвисты официально приняли в обращение слово «*трампизация*», появившееся после многочисленных выступлений избранного американского президента Дональда Трампа в ходе предвыборной гонки (L!fe, 01.01.2017); стремительная *бандеризация* Украины (Россия-1, 18.02.2018). Возможно, негативная оценочность подобных дериватов обусловлена мотивирующей семантикой и социальной ситуацией, определившей появление данных дериватов, а также отношением автора к социально значимому лицу, названному исходным словом, и/или тем ореолом, который окружает историческую личность.

Суффикс *-изм* регулярно сочетается с основами личных имен собственных и образует новации, называющие «общественно-политическое, идейное, эстетическое, научное направление, связанное с собственным именем лица, его основавшего» [Лопатин, Улуханов 2016: 349] (*героизм, паразитизм и др.*): «**Траманизм**» — это решение кризиса неолиберализма (Кто в курсе, 16.11.2016); Обыкновенный **шольцизм** (1-й канал, 04.04.2023). Суффикс *-изм-* сочетается также с основами имен нарицательных и других частей речи: *Шольц превращается в какого-то клоуна. И вот этот клоунизм...* (Вести FM, 26.08.2022); *Российская экономика остается сырьевой. Как же одолеть «сырьеризм»?* (Московский комсомолец, 18.11.2016); *В плену догматизма. В СССР лозунг «Догнать и перегнать Америку» был популярен еще с 1920-х годов* (Коммерсантъ, 2016. № 24). Негативная оценочность новообразований с данным суффиксом может быть связана как с мотивирующими словами, так и с контекстом.

Таким образом, оценочность суффиксальных новообразований в деривационных процессах формируется как суффиксами с отмеченной в словаре оценочностью, так и суффиксами, приобретающими в деривационных процессах оценочность преимущественно негативного характера. На оценочность новообразований влияют и такие факторы, как мотивирующая семантика, условия контекста и ситуативная обусловленность.

Аналогичная ситуация наблюдается и в сфере словообразовательных префиксов. Префикс *до-* в сочетании с постфиксом *-ся* проявляет негативную оценочность в словообразовательном типе глаголов с семантикой «довести себя до неприятных последствий посредством действия, названного мотивирующим глг» [Лопатин, Улуханов 2016: 75] (*докуриться, допеться, досидеться и др.*); ср. новообразования: *Скажут: вы ничего не понимаете. Но вон Лукашенко допонимался* (Вести FM, 29.09.2020); *Большой Брат смотрит за нами, и скоро он досмотрится до того, что у каждого будет паспорт здоровья* (Россия-1, 05.04.2020); *Мы становились легкой добычей, когда от Бога отказывались. И до того доотказывались, что чуть Москвы не лишились* (1-й канал, 02.09.2023).

Префикс *супер-* с семантикой высокой или высшей степени чего-либо [Лопатин, Улуханов 2016: 229] (*суперарбитр, суперавиация, суперфильтр*) участвует в образовании дериватов с размерной семантикой: *Это решение не просто важное, а суперважное* (Соловьев LIVE, 07.06.2022); *В этом суперперегруженном мире премии могут стать регулятором* (1-й канал, 08.09.2024). Вместе с тем новообразования с данным префиксом нередко обладают положительной оценочностью, сопряженной с семантикой префикса: *Она у меня не только супермама, но и супержена. За этими суперзваниями она не должна забывать, что она суперженщина* (1-й канал, 01.06.2020); *В Нижнем Новгороде выбирают супербабушку* (Россия-1, 28.10.2022); *Сегодня у нас с вами ну просто супергость!* (1-й канал, 07.02.2023); *Он будет говорить, что у него <...> супермассажное кресло* (YouTube, 12.04.2023). В то же время семантика словообразовательных типов с префиксом *супер-* обуславливает и наличие негативной оценочности благодаря семе чрезмерности, нежелательности: «что-кто-л., обладающее(ий) высшей или

высокой (иногда чрезмерно) степени признаками того, что (кто) назван(о) мотивирующим сщ» [Лопатин, Улуханов 2016: 229]: ...**суперсоветы** дня от нескончаемых коучей (Sunmag.me, 25.06.2019); Но, как и многие другие компьютерные люди, ее ум затуманен нереальным миром, **супергеймер** не в состоянии разглядеть и увидеть свое счастье (Российская Газета, 29.04.2020); ... и без всяких **суперподач** и прочих изысков (1-й канал, 26.03.2023). Данная негативная оценочность может обуславливаться в новообразованиях и ироничным контекстом. Таким образом, префикс *супер-* является амбивалентным в оценочном аспекте.

В последние годы в медийных текстах активизировался префикс *недо-*, который в сочетании с именными основами имеет значение «кто-л. (что-л.), не обладающий (-ее) полностью признаками того, кто (что) назван(о) мотивирующим сщ» [Лопатин, Улуханов 2016: 124] (*недочеловек, недокомплект*): Какого черта **недодипломат** Кислицын делает в Совете Безопасности? (Россия-1, 29.07.2022); Как можно считать маленьким писателем или **недописателем** человека, который основал несколько жанров (радио «Комсомольская правда», 23.01.2023); Это настолько другие, что это не люди, или **недолюди** (1-й канал, 19.10.2022); Учителями для украинской **недозлиты** выступают представители Польши (1-й канал, 13.06.2022); ...чтобы французского **недонаполеона** не оставлять с цветом китайского дракона... (НТВ, 11.05.2024); Чего Макрон так нервничает, этот **недодоголь**? (Россия-1, 05.05.2024). Негативная оценочность префикса *недо-* обусловлена прежде всего его семантикой.

В префиксальном словообразовании оценочность префикса может формироваться при его функционировании в деривационных процессах. Так, префикс *экс-* имеет значение «бывший ранее кем-чем-л.» [Лопатин, Улуханов 2016: 239]: (*экс-чемпион, экс-президент, экс-министр и др.*). Данная семантика обуславливает негативную оценочность новообразований во многих медийных текстах: *Капитан вседозволенность: пьяный экс-депутат* и уголовник не вышел сухим из воды, захватив с собой 10 человек (Заголовки, ru. 13.06.2018.); *Экс-тюремщик* объяснил, кто передал бандиту Цеповязу икру и крабов (Московский комсомолец, 06.11.2018); *Экс-возлюбленные* Харламова постоянно напоминают о себе (НТВ, 10.09.2022); *Заменяем этих экс-королей* верхней одежды на более простые и пушистые шубы с коротким ворсом (ellegirl.ru, 27.11.2022); *Этой осенью за границей пройдет несколько спектаклей с участием экс-звезд* нашей театральной сцены и кинематографа (Mail.Ru, 14.09.2024); *Деньги экс-адвокат* получил, но обещанное выполнить не смог (Вести FM, 17.09.2024). Негативная оценочность в подобных случаях поддерживается мотивирующей семантикой и контекстом.

Таким образом, экспрессивно-оценочные аффиксы, представленные в «Словаре словообразовательных аффиксов современного русского языка» В. В. Лопатина и И. С. Улуханова, по-разному функционируют в деривационных процессах. Одни аффиксы проявляют в деривационных процессах ту оценочность, которая отмечена в словаре (*-щин(а), до-* с негативной оценочностью, *-ик, -чик, -к(а)* с амбивалентной оценочностью). Другие в соответствии с отмеченной в словаре семантикой развивают в деривационных процессах оценочность различного характера

(*супер-* с амбивалентной оценочностью, *недо-* с негативной оценочностью). Наконец, аффиксы, не отмеченные в словаре как оценочные, могут развивать оценочность в деривационных процессах благодаря мотивирующей семантике, условиям контекста, а также экстралингвистическим факторам (*-оид*, *-изаци(я)*, *-изм*, *экс-* с негативной оценочностью).

Литература

Коряковцева Е. И. Интернационализация, демократизация и «медиатизация» славянских языков в условиях глобализации (словообразовательный аспект) // *Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages*. Uniwersytet Przyrodniczo-Humanistyczny w Siedlcach. Siedlce: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Przyrodniczo-Humanistycznego w Siedlcach, 2018. С. 33–47.

Коряковцева Е. И. Субстантивные (квази)деминутивы, образованные от русских и польских *nomina abstracta* с интернациональными аффиксами // *Деминутивы в славянских языках: форма и роль*. Maribor: V Mariboru: Mednarodna zaloaba Oddelka za slovanske jezike in knjizevnosti, Filozofska fakulteta. 2015. С. 184–196.

Лопатин В. В., Улуханов И. С. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. 812 с.

Николина Н. А., Рацибурская Л. В. Современное русское словообразование: функционально-динамический аспект. Москва: ФЛИНТА, 2023. 176 с.

Рацибурская Л. В. [Рецензия] «В. В. Лопатин, И. С. Улуханов. Словарь словообразовательных аффиксов современного русского языка. — М.: Издательский центр «Азбуковник», 2016. — 812 с.» // *Русский язык в школе*. 2018. № 2. С. 74–76.

Фуфаева И. В. Деминутивы в русских иронических дискурсах: от дружеской шутки до сарказма // *Национальные коды в языке и литературе. Язык и культура: сборник статей*. Нижний Новгород: ДЕКОМ, 2018. С. 302–311.

L. V. Ratsiburskaya

Lobachevsky National Research Nizhny Novgorod State University

(Nizhny Novgorod, Russia)

racib@yandex.ru

EXPRESSIVE-EVALUATIVE AFFIXES IN THE “DICTIONARY OF WORD-FORMATION AFFIXES OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE” BY V. V. LOPATIN AND I. S. ULUKHANOV AND IN MODERN DERIVATIONAL PROCESSES

The article deals with the expressive-evaluative affixes presented in the “Dictionary of Word-formation Affixes of the Modern Russian Language” (2016) by V. V. Lopatin and I. S. Ulukhanov in modern derivational processes. The research material is neologisms in modern media texts. As a result, different groups of affixes (suffixes, prefixes)

have been identified from the point of view of their expressive-evaluative function in derivational processes: affixes that manifest the evaluativeness in derivational processes that is noted in the dictionary; affixes that develop ambivalent evaluativeness in derivational processes; affixes that lack an expressive-evaluative characteristic in the dictionary, but which develop a certain evaluativeness in the derivation processes. The factors determining the evaluativeness (positive and/or negative) of affixes, semantic and stylistic features of affixes and motivating bases, structural and semantic parameters of word-formation models, context conditions, and extralinguistic factors are characterized.

Key words: Russian language, word-formation affixes, neologisms, derivational processes, expressive and evaluative function.

References

Fufaeva I. V. [Diminutives in Russian ironic discourses: from friendly jokes to sarcasm]. *Natsional'nye kody v yazyke i literature. Yazyk i kul'tura: sbornik statei* [National codes in language and literature. Language and culture: a collection of articles]. Nizhnii Novgorod, DEKOM Publ., 2018, pp. 302–311. (In Russ.)

Koryakovtseva E. I. [Substantive (quasi) deminutives formed from Russian and Polish nomina abstracta with international affixes]. *Deminutivy v slavyanskikh yazykakh: forma i rol'* [Deminutives in Slavic languages: form and role]. Maribor: V Mariboru: Mednarodna zaloaba Oddelka za slovanske jezike in knjizevnosti, Filozofska fakulteta Publ., 2015, pp. 184–196. (In Russ.)

Koryakovtseva E. I. [Internationalization, democratization and “mediatization” of Slavic languages in the context of globalization (word formation aspect)]. *Globalizacja a języki słowiańskie. Globalization and Slavic languages*. Siedlce, Scientific Publ. House of the Univ. of Life Sciences and Humanities in Siedlce, 2018, pp. 33–47. (In Russ.)

Lopatin V. V., Ulukhanov I. S. *Slovar' slovoobrazovatel'nykh affiksov sovremennogo russkogo yazyka* [Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language]. Moscow, Publ. Center “Azbukovnik”, 2016. 812 p.

Nikolina N. A., Ratsiburskaya L. V. *Sovremennoe russkoe slovoobrazovanie: funktsional'no-dinamicheskii aspekt* [Modern Russian word formation: functional-dynamic aspect]. Moscow, FLINTA Publ., 2023. 176 p.

Ratsiburskaya L. V. [Review. V. V. Lopatin, I. S. Ulukhanov. Dictionary of derivational affixes of the modern Russian language. Moscow, Publ. Center “Azbukovnik”, 2016. 812 p.]. *Russkii yazyk v shkole*, 2018, no. 2, pp. 74–76. (In Russ.)

В. С. Елистратов¹, И. В. Ружицкий²

МГУ имени М.В. Ломоносова¹,

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН²

(Россия, Москва)

vse.slova@mail.ru¹, konnitie@mail.ru²

**НЕКОТОРЫЕ ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ
ТЕОРИИ УНИВЕРБАЦИИ
(на материале «Толкового словаря живой русской речи»
В. С. Елистратова)**

Статья посвящена некоторым дискуссионным вопросам уже в достаточной степени разработанной теории универбации. Под универбацией понимается компрессионное словообразование, когда новое слово создается на базе словосочетания, которому оно синонимично (*маршрутка, зачетка, зеленка, Третьяковка, Ленинка, Гражданка* и т. п.). Рассматриваются различные подходы к данному явлению, а также функции универбатов в речи. Акцент делается на дискуссионных вопросах теории универбации, к которым относятся следующие: время появления и широкого распространения в русском языке универбации и схожих с ней по функции явлений; связь с определенной исторической эпохой или с каким-либо значимым, возможно, даже непродолжительным отрезком времени; связь универбации и других способов конденсации с так называемым «законом экономии языковых средств»; стилистическая маркированность универбатов; территориальная, профессиональная, социокультурная и т. п. обусловленность появления универбатов. Делается предположение о том, что медиацифровое пространство интенсивно разрушает границы между социолектами, что находит отражение и в функционировании универбатов в современной русской речи. Материалом для исследования послужили в основном лексикографические данные «Толкового словаря живой русской речи» В. С. Елистратова.

Ключевые слова: компрессионная функция словообразования, способы универбации, функции универбатов, «Толковый словарь живой русской речи».

Универбация (включение, семантическая компрессия, конденсация, стяжение), т. е. «способ образования слова на основе словосочетания, при котором в производное слово входит основа лишь одного из членов словосочетания, так что по форме производное соотносится с одним словом, а по смыслу — с целым словосочетанием»

[Земская 1987: 113]¹, является одной из возможных реализаций компрессивной (компрессионное словообразование — один из активных деривационных процессов в последние десятилетия — см. [Авина 2015: 7]), номинативной и экспрессивной функций словообразования. Это наиболее часто используемое определение универбации, не исключающее, однако, существования других взглядов на данное явление, что уже в той или иной степени отражает его неоднозначность. Такие подходы в сжатом виде описаны, например, в работе Н. А. Николиной [Николина 2017], в диссертационных исследованиях, посвященных универбации (см. [Копоть 2005; Сунь 2016; Дозорова 2018] и др.), и т. д. Н. А. Николина выделяет три основных подхода к универбации — «синтаксическое» словообразование, когда любое производное слово «рассматривается как единица, изоморфная синтаксической единице» [Николина 2017: 21], своего рода свертывание предикативной синтагмы; «объединение различных видов словообразовательной компрессии в широком смысле» [Николина 2017: 22] (в таком случае к универбации относятся любые виды словообразовательной компрессии); и «свертывание словосочетания с атрибутивными отношениями и одновременной суффиксации» [Николина 2017: 22].

Приведенное выше определение, т. е. достаточно узкое понимание универбации, связано с третьим подходом, ему мы и следуем в настоящей статье. Более того, наше внимание будет сосредоточено только на универбатах, образованных при помощи суффиксов *-к(-а)*, *-ушк(-а)*, *-яшк(-а)* — наиболее продуктивных способах их создания. Т. е. мы не рассматриваем лексические единицы, образованные, например, посредством суффиксов *-ик / -ник*, *-ак / -як*, *-ух(-а)* и др. (*грузовик*, *мобильник*, *холостяк*, *косуха* и т. п.), а также такие мотивированные существительные, как *аперитивка* — ‘тележка с напитками, предлагаемая бортпроводниками во время полета’ (из речи работников гражданской авиации), *балаболка* — ‘1. комментатор (из речи спортивных фанатов). 2. радиостанция (зафиксировано в зоне СВО)’, *банка* — ‘1. футбольные ворота. 2. скамейка запасных (из жаргона спортсменов). 3. заранее записанный материал, выдаваемый за прямой эфир (из жаргона радиожурналистов)’, *вкатка* — ‘первый тренировочный сбор в зимнем сезоне, «на снегу» (из жаргона спортсменов-лыжников)’ и т. п. (см. [Елистратов 2024]), хотя и полагаем, что существует гипотетическая связь между дериватами такого типа и компрессией словосочетаний посредством суффиксов *-к(-а)*, *-ушк(-а)*, *-яшк(-а)*.

Отметим, что само явление универбации следует считать досконально изученным, это касается как русистики, так и славистики в целом, новые работы, посвященные словам-универбатам, носят скорее описательный характер, они направлены на привлечение нового материала, чаще всего жаргонной лексики, тем не менее некоторые положения теории универбации, помимо объема самого понятия, остаются дискуссионными.

Материалом для исследования послужили в основном лексикографические данные «Толкового словаря живой русской речи» В. С. Елистратова (см. [Елистратов

¹ Ср.: «Универбация (от *лат.* *unus* — ‘один’ и *verbum* — ‘слово’), компрессионное словообразование, — образование слова на базе словосочетания, которому оно синонимично» [Лопатин 2008: 577].

2024])). Словарь объединяет материалы, которые собирались около двух последних десятилетий, это, однако, вовсе не исключает того, что зафиксированные в нем лексические единицы не употреблялись и в более ранние периоды. Основным источником материала были информанты (более 1000 респондентов), в основном студенты. Кроме того, источником материала послужили тексты различных средств массовой информации, при этом к интернет-источникам автор Словаря относился с большой осторожностью, понимая необходимость их верификации и корректировки.

Словарная статья строится по традиционному принципу классических толковых словарей, количество лексикографических параметров, заложенных в ее основу, минимизировано. К параметрам словарной статьи относятся следующие: вход, фонетический параметр (ударение), грамматические пометы (частеречная принадлежность слова, форма множественного числа и род), стилистические и др. пометы (*ирон.*, *бран.*, *ласк.*, *неодобр.* и др.), этимологический параметр (в основном в случае заимствования лексической единицы из других языков), дефиниция. При необходимости в словарную статью включается лингвокультурологическая зона, т. е. Словарь, по мнению его автора, в известном виде является не только лингвистическим, но и лингвоэнциклопедическим. В основном это пояснение, касающееся того, в чьей речи употребляется описываемая лексема: «в (из) речи... (туристов, медиков, работников телевидения, русскоязычных жителей Германии, спортсменов, болельщиков, антикваров, дальнобойщиков, сварщиков, студентов, гопников, юристов, официантов, протестантов и т. д.), и региональная маркированность: «зафиксировано в... (Калуге, Сибири, Новосибирске, Ставропольском крае, Петербурге, Бурятии, Удмуртии, Белоруссии, Грузии и др.)».

Подчеркнем следующую, заложенную в предисловии к Словарю мысль, имеющую, в частности, отношение к функционированию универбатов: «Можно было бы с традиционных лингвистических (социолингвистических) позиций охарактеризовать основные составляющие словаря как социолекты (жаргон, сленг и т. д.) и регионализмы. Пожалуй, такой подход был бы вполне оправдан. Но мы настаиваем на том, что в тексте Словаря освещается именно живая русская речь в ее максимальной репрезентативности. Дело в том, что, на наш взгляд, мы живем во времена активного смешения того, что традиционно зовется социолектами. Медиа-цифровое пространство интенсивно разрушает границы (социальные “мембраны”) между ними. Речевые единицы превращаются как бы в “смысловых (цифровых) кочевников”. Обычно цифровыми кочевниками называют людей, которые не привязаны к фиксированному месту работы (предприниматели и т. д.). Мы же говорим именно о синкретических речевых единицах, этих “семантических номадах”, которые легко перемещаются в глобальном семантическом поле живой русской речи. В значительной степени сказанное относится и к регионализмам, которые часто активно дублируются в различных регионах. Все эти тенденции отмечались и раньше, но сейчас они резко интенсифицировались» [Елистратов 2024]. Если говорить об особенностях региональной маркированности описываемых в словаре единиц, то в предисловии к Словарю отмечается, что в нем фиксируются слова,

употребляемые не только в регионах Российской Федерации, но учтены также материалы, относящиеся к русской речи Закавказья, Белоруссии, Германии, Украины и др. И это важно: русское культурное пространство расширяется далеко за пределы Российской Федерации.

К дискуссионным вопросам теории универбации, по нашему мнению, можно отнести следующие.

1. Время появления и широкого распространения в русском языке универбации и схожих с ней по функции явлений (аббревиации, усечения и др.)

Нет никакого сомнения в том, что универбация и схожие с ней словообразовательные процессы активизировались в русском языке в XX–XXI вв., однако универбаты, несомненно, существовали и ранее. Насколько широко была распространена универбация в предшествующие эпохи, судить сложно, это особенность прежде всего устной речи, в письменном тексте был своего рода запрет на использование слов-универбатов, тем не менее универбаты проникали, например, в произведения художественной прозы писателей XIX в. Так, в текстах Ф. М. Достоевского мы встречаем следующие новообразования на *-к(-а)*, возможно, заимствованные из жаргонной или простонародной речи: *квартишка* (в речи П. Верховенского в «Бесах») — ‘квартильный надзиратель’, *картавка* (в авторской речи в «Дневнике писателя») — ‘утрированное подражание парижскому грассирующему «р»’ (ср. там же: *грассейман* — картавое произношение «р» на парижский манер). В произведениях Н. С. Лескова: *лежка* (в авторской речи в рассказе «Несмертельный Голован») — ‘лежащие люди’ (ср. с общелитературным значением: ‘долгое лежание, хранение’ (о том, что «вылеживается»); ‘место, где лежит, скрывается зверь’); *похоронка* (там же) — ‘схороненная, спрятанная вещь, тайник’ (в этом же значении слово зафиксировано в словаре Вл. Даля). В конце XIX в. А. П. Чехов использовал слово *кредитка* в значении ‘общество взаимного кредита’. К различным периодам XIX в. относится и появление универбатов *ночлежка*, *столовка*, *казенка*, *уравниловка*, *обезличка* и др. Осмелимся предположить, что универбация в устной русской речи в XIX в., да и в предшествующие столетия, была распространена не меньше, чем в последующие эпохи, до нас просто не дошли соответствующие источники. В связи со сказанным возникает проблема определения индивидуально авторских универбатов в их соотношении с общеупотребительными.

2. Связь с определенной исторической эпохой или каким-либо значимым, возможно даже с непродолжительным отрезком времени

Есть точка зрения о том, что универбаты быстро образуются, но точно так же и быстро уходят из языка (см., например, [Земская 1996: 119]). В качестве примера Е. А. Земская приводит слово *визитка*, которое в значении ‘визитная карточка покупателя’ вошло в русский лексикон в 1991 г., а в 1993 г. уже стало восприниматься как архаизм. Однако *визитка* в значении ‘визитная карточка’ существует и в наше время. Более того, у слова *визитка* есть и два других значения, зафиксированных, например,

в Словаре С. И. Ожегова, — ‘1. однобортный короткий сюртук с закругленными полами’ и ‘2. мужская ручная сумочка’, в которых, хотя и не часто, *визитка* употребляется и в современном русском языке. Ср. также *визитка* — ‘тот, кто ловит машину на трассе’ (из речи таксистов, водителей) [Елистратов 2024]. Универбат исчезает из речи вовсе не потому, что он универбат, а потому, что исчезает обозначаемая им реалья, это свойство любого историзма, а не универбата. Кстати сказать, почти все примеры универбатов, которые приводит Е. А. Земская в своих работах, вполне актуальны и в наше время, хотя с момента их написания прошло больше четверти века, период довольно большой, особенно если принять во внимание произошедшие за это время эпохальные изменения во всех сферах человеческой деятельности. Слова *пятизэтажка*, *девятизэтажка*, *девятка*, *японка*, *высотка*, *оборонка*, *наружка*, *рукопашка*, *неучтенка*, *Средиземка*, *Волоколамка* и др. продолжают активно функционировать и в современном русском разговорном языке. Более того, некоторые вышедшие из употребления универбаты вновь стали использоваться, например, слово *зеленка* в значении ‘зеленая зона и дорога через нее’, появившееся во время войны в Афганистане, затем исчезло из речи, а с момента начала СВО снова вошло в речь в том же значении. В [Елистратов 2024] *зеленка* — 1. ‘ряд российских топонимов, имеющих в своем составе корень «зелен», например, город Зеленоград, авторынок во Владивостоке («Зеленый угол») и др.’ <...>. 2. ‘испорченные продукты’ (зафиксировано в речи спортсменов-туристов, альпинистов). 3. ‘свежескошенное сено’ (из речи коневодов). 4. ‘хромакей, технология совмещения различных изображений, кадров в одной композиции’ (из речи работников киноиндустрии). 5. ‘лес, лесонасаждения, парк, лесная зона’. Одновременно в сознании многих русских людей продолжает бытовать *зеленка* в значении ‘спиртовой раствор бриллиантовой зелени’, а также, у работников сельского хозяйства, как ‘зеленый корм для скота, а также культуры, идущие на такой корм’. Такой универбат, как *учредиловка* — ‘Учредительное собрание’, конечно, исчез, но, с большой долей вероятности, при возможном появлении соответствующей реалии снова войдет в употребление. Возникает, таким образом, вопрос о причинах константности и переменности универбатов, к которым может относиться далеко не только наличие обозначаемой универбатом реалии.

3. Связь универбации и других способов конденсации с так называемым «законом экономии языковых средств» («экономии усилий», «законом языковой лени» и т. п.)

Тенденция к экономности речи, краткости, безусловно, существует (например, эллипсис), и появление слов-универбатов, а также других способов конденсации таким законом можно объяснить, что чаще всего и делается, однако есть и другой феномен — избыточность речи («закон избыточности»), например, выражение одного смысла средствами различных уровней языка, повторы различных типов, слова-паразиты в разговорной речи и т. д., и экономия возникает в тех случаях, когда имеется избыточность. Несомненно, что в *смс* (от *Short Message Service* → *смс-сообщение*) — следствие «закона экономии», но как тогда объяснить добавление к этой аббревиатуре суффикса *-к(-а)* в *смска*?

Номинации-словосочетания существуют в языке вопреки законам знака, вследствие чего они и сокращаются, и универбаты — не что иное, как возврат к логике языка как знаковой системы. Возможно, их бытование, например, в жаргоне, — это не обязательно отклонение от нормы, далеко не всегда «болезнь» языка, но скорее «лекарство» от другой «болезни» — его избыточности? Не случайны в связи со сказанным и весьма частотные детские новообразования-универбаты (универбаты-инновации), которые, конечно, возникают прежде всего в силу действия аналогии, но, вероятно, не только: детское языковое сознание в процессе онтогенеза автоматически следует закону знака, который в общелитературном языке чаще всего нарушается: один объект действительности — одно значение — один символ. Отметим, что на слова-универбаты в детской речи — *губенка* ('губная помада'), *зубалка* ('зубная щетка'), *испеченка* ('печеная картошка'), *снегобабка* ('снежная баба') и т. п. исследователи (А. М. Шахнарович, И. С. Улуханов, Т. А. Гридина и др.) неоднократно обращали внимание.

Закон знака нарушается и в использовании универбатов в общелитературном языке, что приводит к их многозначности и к появлению омонимичных значений: *косметичка* (1. 'специалистка по косметическому уходу за лицом, телом'; 2. 'небольшая сумочка для предметов косметики' в Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой, а также 'рюкзак' и 'косметический ремонт' в жаргоне); *жестянка* (1. 'жестяная коробка, банка, вообще предмет обихода из жести'; 2. 'кусочек жести' в Словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой и 'старый легковой автомобиль, чаще его корпус', 'авария без смертельного исхода', 'безрадостная жизнь' в жаргоне и — шире — в разговорной речи). Ср.: *железка* (1. 'то же, что железобетон'; 2. 'ряд неофициальных топонимов в России, содержащих в себе слово «железный» или «железнодорожный», например, улица Железной дивизии в Ульяновске); *Васька* — 'ряд неофициальных топонимов в России, включающих в себя собств. Василий (Васильевский остров в Петербурге, храм Василия Блаженного в Москве и др.)'; *Гражданка* — 'Гражданский проспект в Петербурге и прилегающий к нему спальный район, а также наименование ряда др. топонимов в РФ, содержащих слово «гражданский»' [Елистратов 2024] (ср.: *гражданка* — 'гражданская, невоенная жизнь'); *интеллектуалка* — 'интеллектуальная собственность и институт гражданского права, устанавливающий режим интеллектуальной собственности (из речи юристов)' [Елистратов 2024]. Е. А. Земская, ссылаясь на работы Г. О. Винокура и В. В. Виноградова, в связи со сказанным пишет: «Характерно, что одни и те же по форме слова образуются в разных профессиональных или социальных группах лиц, а также в разное время для сокращения различных сочетаний: *минеральное удобрение* и *минеральная вода* — *минералка*, *бытовое преступление* (юрид.) и *бытовое помещение* — *бытовка*, ср. современное *зажигалка* 'прибор для зажигания огня' и *зажигалка* 'зажигательная бомба' <...> [Земская 1987: 114]; добавим также *зажигалка* в значении 'девушка, любящая зажигать, веселиться, отрываться' в молодежном жаргоне.

4. Стилистическая маркированность универбатов

Существует общепринятый тезис, согласно которому функционирование слов-универбатов связывают с разговорным регистром речи, что вряд ли может вызвать

сомнения. Тем не менее этот характерный для русского языка феномен носит более глубокий характер, к тому же он, на наш взгляд, связан с другими явлениями — с функционированием суффиксов субъективной оценки, модальных частиц и междометий, других единиц мотивационного уровня в структуре русской языковой личности. Недостаточно, по всей видимости, отметить, что универбаты — просто элемент разговорной речи, это и способ установления контакта (их контактообразующая функция), и способ определения «своего» (функция парольности), и связанная с ней малопонятность для непосвященных (энигматическая функция). Экспрессивность, эмоциональность, стилистическая маркированность и т. д., безусловно, важные признаки универбатов, но, как нам представляется, данные свойства вторичны.

И, конечно, если говорить о стилистической маркированности, следует различать функционирование в речи универбатов типа *лабораторка* и т. п. и *ночлежка*, *зачетка*, *маршрутка* и др. Границы между социолектами иногда становятся очень и очень размытыми, так же как и границы между, например, жаргонной лексикой и общелитературной.

5. Территориальная, профессиональная, социокультурная и т. п. обусловленность появления универбатов

Все эти аспекты традиционно рассматриваются в теории универбации, нет, пожалуй, ни одной работы, в которой в качестве примеров не приводились бы универбаты-топонимы, универбаты-названия, универбаты-термины и т. д. Так, в [Елистратов 2024] у слова *потеряшка* зафиксированы следующие три значения — 1. ‘больной с возрастными изменениями психики, который потерялся и не может найти дорогу домой’ (возможно, из речи врачей); 2. ‘пропавший без вести человек’ (в речи работников полиции); 3. ‘утерянный мелкий предмет’ (в речи копателей, тех, кто ищет какие-л. артефакты в земле с помощью металлоискателя). Соответственно, универбаты объединяются в лексико-семантические группы, это одна из возможностей их классификации. Однако и здесь возникают некоторые вопросы — почему, например, от какого-то составного названия универбаты образуются, а от другого — нет?

Существует несомненная связь прихода универбатов в язык с границей — территориальной (страна, регион, городская топонимика, двор и т. д.), временной, профессиональной, социокультурной и др., создающей общность людей, находящихся в ее пределах. Когда граница по каким-либо причинам исчезает (*маршрутка*, *зачетка* и т. п.), размываются и социолекты, о чем было сказано выше, универбат становится единицей общелитературного языка.

Литература

Авина Н. Ю. Об активных процессах в современном словообразовании: аббревиация (некоторые региональные особенности) // *Осьмь десятъ*: Сб. науч. ст. к 80-летию И. С. Улуканова / отв. ред. М. А. Малышина. М.: Изд. центр «Азбуковник», 2015. С. 7–13.

Дозорова Д. В. Семантика, структура и функции универбатов в современной русской речи: Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2018. 209 с.

Земская Е. А. Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Русский язык, 1987. 240 с.

Земская Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия (1985–1995) / отв. ред. Е. А. Земская. М.: Языки русской культуры, 1996. С. 90–141.

Елистратов В. С. Толковый словарь живой русской речи / под ред. И. В. Ружицкого и М. М. Ровинской. М., 2024 (в рукописи).

Копоть Л. В. Универбация как вид компрессивного словообразования в современном русском языке: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2005. 22 с.

Лопатин В. В. Универбация // Русский язык. Энциклопедия. 2-е изд., перераб. и доп. / гл. ред. Ю. Н. Караулов. М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. С. 577.

Николина Н. А. Суффиксальные универбаты и смежные с ними явления // Zbornik Radova. Osamnaesta međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija / Univerbizacija u slavenskim jezicima. Sarajevo, 2017. С. 21–30.

Сунь Мяо. Компрессивные номинации с предметной семантикой в русском жаргоне: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2016. 22 с.

V. S. Elistratov¹, I. V. Ruzhitsky²

Lomonosov Moscow State University¹,

V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences²
(Russia, Moscow)

vse.slova@mail.ru¹, konnitie@mail.ru²

SOME DEBATABLE ISSUES OF THE THEORY OF UNIVERBATION (on the material of V. S. Elistratov's “Explanatory Dictionary of Living Russian Speech”)

The paper studies some debatable issues of the sufficiently developed theory of univerbalization. Univerbalization is a compression word formation where a new word is created on the basis of a word combination to which it is synonymous (*marshrutka, zacetka, zelenka, Tret'yakovka, Leninka, Grazhdanka*, etc.). The article also describes other approaches to this phenomenon as well as the functions of univverbals in speech. The article focuses on the debatable issues of univerbalization theory, which include the following: the time of the emergence and spreading of univerbalization and phenomena functionally similar to it in Russian language; the connection with a certain historical epoch or some significant shorter time period; the connection of univerbalization and other ways of condensation with the so-called “law of economy of language means”; the stylistic markedness of univverbals; the territorial, professional, socio-cultural, etc. prerequisites for the emergence of univverbals. An assumption is made that the media

digital space intensively destroys the boundaries between sociolects, which is reflected in the functioning of univerbals in modern Russian speech. The material for the study was mainly lexicographic data from the “Explanatory Dictionary of Living Russian Speech” by V. S. Elistratov.

Key words: the compression function of word formation, ways of univerbation, functions of univerbation, “Explanatory Dictionary of Living Russian Speech”.

References

Avina N. Yu. [On active processes in modern word formation: abbreviation (some regional features)]. *Osm' deset': sbornik nauchnykh statei k 80-letiyu I. S. Ulukhanova* [80: collection of scientific articles for the 80th anniversary of I. S. Ulukhanov]. Ed. by M. A. Malygina. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015, pp. 7–13. (In Russ.)

Dozorova D. V. *Semantika, struktura i funktsii univerbatov v sovremennoi russkoi rechi*: Diss. ... kand. filol. nauk [Semantics, structure and functions of University univerbates in modern Russian speech. Dr. philol. sci. diss.]. Moscow, 2018. 209 p. (In Russ.)

Elistratov V. S. *Tolkovyi slovar' zhivoi russkoi rechi* [Explanatory dictionary of living Russian speech]. Ed. by I. V. Ruzhitsky and M. M. Rovinskaya. Moscow, 2024 (in manuscript). (In Russ.)

Kopot' L. V. *Univerbatsiya kak vid kompressivnogo slovoobrazovaniya v sovremennom russkom yazyke*. Diss. ... kand. filol. nauk [Univerbation as a type of compressive word formation in modern Russian language. Dr. philol. sci. diss.]. Maikop, 2005. 22 p. (In Russ.)

Lopatin V. V. *Univerbatsiya* [Univerbation]. *Russkii yazyk. Entsiklopediya* [Russian language. Encyclopedia]. 2nd ed. Ch. ed. Yu. N. Karaulov. Moscow, Bol'shaya Rossiiskaya Entsiklopediya Publ., 2008, p. 577. (In Russ.)

Nikolina N. A. [Suffixal univerbates and related phenomena]. *Zbornik Radova. Osamnaesta međunarodna naučna konferencija Komisije za tvorbu riječi Međunarodnog komiteta slavista Univerbacija/Univerbizacija u slavenskim jezicima* [Proceedings. Eighteenth international scientific conference of the commission for the formation of words of the International Committee of Slavists Univerbation in Slavic languages]. Sarajevo, 2017, pp. 21–30. (In Russ.)

Sun' Myao. *Kompressivnye nominatsii s predmetnoi semantikoi v russkom zhargone*. Diss. ... kand. filol. nauk [Compressive nominations with subject semantics in Russian jargon. Dr. philol. sci. diss.] Kazan', 2016. 22 p.

Zemskaya E. A. *Russkaya razgovornaya rech': lingvisticheskii analiz i problemy obucheniya* [Russian colloquial speech: linguistic analysis and learning problems]. 2 ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1987. 240 p. (In Russ.)

Zemskaya E. A. [Active processes of modern word formation]. *Russkii yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian language of the late 20th century (1985–1995)]. Ed. by E. A. Zemskaya. Moscow, Yazyki Russkoi Kul'tury Publ., 1996, pp. 90–141.

Л. Л. Шестакова¹, А. С. Кулева²

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

lara.shestakova@mail.ru¹, an_kuleva@mail.ru²

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ И ИХ ПРОИЗВОДНЫЕ В «СЛОВАРЕ ЯЗЫКА РУССКОЙ ПОЭЗИИ XX ВЕКА»: ИЗ ОПЫТА НАБЛЮДЕНИЙ

Многотомный «Словарь языка русской поэзии XX века», создаваемый в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН, представляет поэтический язык Серебряного века на основе произведений десяти выдающихся авторов (И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой). В статье на примере очередного тома словаря (Том IX. Книга 1: Только–Уехать, 2021 и Книга 2: Уж–Цезарь, 2022) показаны особенности словообразования в сфере числительных. Рассматривается словообразовательное гнездо с исходным числительным *три* и его производными *тринадцать*, *тридцать*, *триста*, образующими собственные гнезда. На материале словаря, в сопоставлении с данными Национального корпуса русского языка, демонстрируется специфика поэтического языка, заключающаяся: 1) в особой роли культурно и эстетически нагруженных контекстов употребления числительных и 2) в большей свободе образования сложных слов на их основе (*треум*, *трёхдневье*, *трёхпарусник*, *трёхъярый*, *трирогий* и др.). Подчеркивается, что специальный интерес для исследователя представляют словарные статьи, включающие единичные или немногочисленные поэтические контексты.

Ключевые слова: авторская лексикография, поэтический язык, лексикология, лингвистическая поэтика, словарь, числительное, дериваты числительных, НКРЯ.

Статья строится на материале «Словаря языка русской поэзии XX века» [СЯРП], который описывает поэтический язык Серебряного века по произведениям десяти авторов: И. Анненского, А. Ахматовой, А. Блока, С. Есенина, М. Кузмина, О. Мандельштама, В. Маяковского, Б. Пастернака, В. Хлебникова, М. Цветаевой. Этот лексикографический проект стал воплощением идей В. П. Григорьева, отраженных в публикациях начиная с 1970-х гг.; см., в частности, [Григорьев 1979]. СЯРП представляет собой конкорданс комментирующего типа, т. е. содержит не только значительный массив языкового материала, описанного по параметрам конкорданса,

но и существенный объяснительный компонент, увеличивающий информационный потенциал словаря; см. [Шестакова 2011: 89–93].

Для более точной характеристики той или иной лексемы привлекаются данные словарей (толковых, авторских и др.), материалы [НКРЯ], исследовательская литература.

Особый интерес представляют единицы редкого или единичного употребления¹, поскольку они обычно относятся к так или иначе выделенным лексическим пластам — устаревшей или областной лексике, индивидуально-авторским новациям, иноязычным заимствованиям и пр.

В то же время привлекают внимание своего рода словообразовательные гнезда, включающие примеры из ограниченного кругом выбранных источников материала. Имея в виду работы, посвященные специфике поэтической (и шире — художественной) речи в сфере словообразования, например, [Виноградова 1995; Виноградова, Улуханов 1996], а также важные для целей данного исследования материалы сборника [Арутюнова (ред.) 2014], мы остановимся на нескольких группах примеров с числительными из тома IX словаря. Сразу отметим, что в приводимых словарных статьях используются условные обозначения СЯРП — шифры, указывающие на автора и год создания произведения: *Анн* — Анненский, *Ахм* — Ахматова, *АБ* — Блок, *Ес* — Есенин, *Куз* — Кузмин, *ОМ* — Мандельштам, *М* — Маяковский, *П* — Пастернак, *Хл* — Хлебников, *Цв* — Цветаева; одни шифры после зон значения указываются в случаях, когда в статью входят единичные или немногочисленные примеры, чтобы можно было представить, для кого из авторов подобные нечастые лексемы наиболее характерны.

Том IX, последний из опубликованных томов словаря, содержит слова на буквы Т–Ц (более 3,5 тысяч словарных статей): Т. IX, кн. 1: Только–Тятыкин (952 словарные статьи), У–Уехать (398); Т. IX, кн. 2: Уж–Уязвленный (1102), Ф (425), Х (641), Ц–Цезарь (122). Эти алфавитные отрезки включают несколько гнезд, образованных числительными и их дериватами: *три* (*тринадцать*, *тридцать*, *триста*), *тысяча*.

Ожидаемо наиболее содержательным оказывается словообразовательное гнездо, вершиной которого является числительное *три* — одно из самых значимых в культурно-символическом аспекте как в европоцентричной, христианской культуре, так и в русском языке.

В СЯРП на алфавитном отрезке с начальным ТРЕ... — ТРО... 242 словарные статьи (для сравнения: в [СУ] этот же отрезок включает 445 лексем), из них в гнездо с вершинным словом *три* входит немалая часть: 99.

Словарная статья ТРИ содержит около 220 контекстов (для сравнения: в поэтическом корпусе НКРЯ поиск «три», хотя и без учета омонимии, дает 5,5 тыс. результатов), т. е. лексему можно отнести к частотным. Кроме того, числительное употребляется в составе дефисных образований ТРИ-ЧЕТЫРЕ, ТРИ-НЕ, ДВА-ТРИ и РАЗ-ДВА-ТРИ-ЧЕТЫРЕ.

¹ Степень малоупотребительности единиц можно оценить, обратившись к поэтическому и основному корпусам НКРЯ.

Важно, что в немалом числе контекстов числительное предстает в составе устойчивых сочетаний, символических употреблений и т. п., что в СЯРП фиксируется в зоне значения словарной статьи (подробнее об этой зоне см. в томе I СЯРП):

ТРИ [*тж* в назв.; *тж* в счет.: в три дуги (изогнуться, согнуться), в три ручья (плакать, реветь; лить, течь), в три погибели (дождик лил, Ес924), обхвата в три кто-л. (М925); три свечи (над покойником)] ...

Ср. показательные контексты:

Он любил **три вещи** на свете: За вечерней пенье, белых павлинов И стертые карты Америки. Не любил, когда плачут дети, Не любил чая с малиной И женской истерики. ...А я была его женой. [о Н. С. Гумилеве] *Ахм910 (43.1)*

Грешить бесстыдно, непробудно, Счет потерять ночам и дням, И, с головой от хмеля трудной, Пройти сторонкой в божий храм. // **Три раза** преклониться долу, Семь осенить себя крестом, <...> Кладя в тарелку грошик медный, **Три**, да еще семь раз подряд Поцеловать столетний, бедный И зацелованный оклад. *АБ914 (III, 274)*

А в Угличе играют дети в бабки И пахнет хлеб, оставленный в печи. По улицам меня везут без шапки, И теплятся в часовне **три свечи**. // Не **три свечи** горели, а **три встречи** — Одну из них сам Бог благословил, Четвертой не бывать, а Рим далече — И никогда он Рима не любил. *ОМ916 (110.1)*

Мой день беспутен и нелеп: У нищего прошу на хлеб, Богатому даю на бедность, <...> Мне нищий хлеба не дает, Богатый денег не берет, Луч не вдевается в иголку, // Грабитель входит без ключа, А дура плачет **в три ручья** — Над днем без славы и без толку. *Цв918 (I, 413.3)*.

Можно отметить случаи, когда числительное становится опорным элементом аллюзии, отсылая к общеизвестному сюжету (так, в следующих двух контекстах не требует уточнения легко восстанавливаемое слово *волхвы*):

Мерцала звезда по пути в Вифлеем. <...> Растущее зарево рдело над ней И значило что-то, И **три звездочета** Спешили на зов небывалых огней. *Аллюз. П947 (III, 530)*; ср.: Ее спеленутое тело Сложили в молодом лесу. <...> Златит далекие вершины Прощальным отблеском заря, И над туманами долины Встают усопших **три царя**. // Их привела, как в дни былые, Другая, поздняя звезда. И пастухи, уже седые, Как встарь, сгоняют с гор стада. [об Успении] *АБ909 (III, 120)*.

Особенно интересны строки, где устойчивые выражения и символические ситуации разворачиваются и переосмысляются. Так, регулярное устойчивое выражение *в три обхвата* у Маяковского модифицируется и приобретает ироническое звучание:

Это кит — говорят. / Возможно, и так. / Вроде рыбьего Бедного — / **обхвата в три**. / Только у Демьяна усы наружу, / а у кита / внутри. *М925 (176)*.

В строках Хлебникова числительным *два* и *три* приписывается новая семантика, противопоставляющая их:

Трата и труд, и трение, Теките из озера **три**! Дело и дар — из озера **два**!
Трава мешает ходить ногам, Отрава гасит душу, и стынет кровь. <...> Все вы течете из **тройки**, А дело, добро — из озера **два**. Дева и дух, крылами шумите оттуда же. **Два** — движет, трется — **три**. Хл922 (179.1).

Рассматриваемая группа включает лексемы, обозначающие числа 13, 30, 300, а также соответствующие порядковые числительные, к ним примыкают лексемы *триллион* / *трильон* и *тридевять*, использующиеся в значении 'очень много', а также их немногочисленные дериваты: *тринадцать*, *тринадцатый*; *тридцать*, *тридцатый*, *тридцатирублёвка*, *тридцатитысячный*; *триста*, *трёхсотый*, *трёхсотлетний*; *тридевять*, *тридевятый*; *триллион*, *трильон*.

Показательно, что названные единицы также приобретают в поэтическом тексте дополнительную смысловую нагрузку, несут различные коннотации, зачастую неочевидные для современного читателя, что требует от составителей словаря дополнительного комментирования. Так, *тринадцать* отсылает к составу Временного правительства; *тринадцатый год* (1913) — хронологический маркер конца эпохи, последний мирный год Российской Империи; «гиперболические» *триллион* и *трильон* по одному разу встречаются у Маяковского в ироническом ключе; «сказочные» *тридевять* и *тридевятый* употребляет почти исключительно Цветаева (кроме одного случая у Пастернака):

ТРИДЕВЯТЫЙ [нар.-поэт.] О неподатливый язык! Чего бы попросту — мужик, Пойми, певал и до меня: — Россия, родина моя! // Но и с калужского холма Мне открывалась она — Даль — тридевятая земля! Чужбина, родина моя! [ср. сочет.: тридевятое царство (государство)] Цв932 (II,302.1)

ТРИДЕВЯТЬ [в стар. счете девятками — число 27; тж большое кол-во чего-л.; тж в сочет.: за т. земель] Цв922 (III,270) Цв922 (III,312) Цв923 (II,166) Цв923 (II,182) П940 (II,149).

Ср. также употребления в значении хронологического маркера:

ТРИДЦАТЫЙ ... Когда назовут вам волка — Сугробы, сумерки, зверь. Но слово одно: «треуголка» Владеет мною теперь. Конечно, **тридцатые годы**, И дальше: Пушкин, лицей, Но мне надоели моды И ветошь старых речей. Куз911 (103.2); ...

ТРИДЦАТИРУБЛЁВКА [разг.] «Москва. / Жалоба сборщицы: / в «Ампирах» морщатся / или дадут / **тридцатирублёвку**, / вышедшую из употребления в 1918 году». // Будьте прокляты! / Пусть будет так, / чтоб каждый проглоченный / глоток / желудок жёг! [о голоде в Поволжье] РП М922 (99).

Отметим, что лексема *тридцатирублёвка* есть в СУ, а в НКРЯ встречается лишь четырежды в основном корпусе (Д. Хармс — дважды, Б. Можаяев, В. Шаламов), что подчеркивает ее выделенность у Маяковского.

Числительное *три* реализует в поэзии значительный словообразовательный потенциал, причем безусловно важным явлением для поэтического языка следует назвать свободу использования редких лексем и создания окказиональных.

Широкий диапазон поэтического словоупотребления демонстрируют порядковое числительное *третий*, его варианты и производные. Ср.:

ТРЕТИЙ [т. и Т.; *числит. порядк.*; третее М928; *тж* в знач. *местоим.* кто-, что-л. из числа нескольких лиц или предметов при их перечислении; *тж* в сочет.: т. день (день воскресения Иисуса Христа после распятия), т. звонок, т. класс, третьи петухи, *тж* Т. Завет (Ес918); *см. тж* ТРЕТЁЙ] ...; ср. В-ТРЕТЬИХ, САМ-ТРЕТИЙ

ТРЕТИЙ [*субст. числит.*; *см. тж* ТРЕТЬЕ]

ТРЕТЬЕ [*субст. числит.*; десерт к обеду]

ТРЕТЁЙ [стилиз.; в третём, в третём-то Цв921; *вар. к* ТРЕТИЙ; *ср. обл.* третей] Три царя, Три ларя С ценными дарами. // Первый ларь — Вся земля С синими морями. // Ларь второй: Весь в нем Ной, Весь, с ковчегом-с-тварью. // Ну, а в том? Что в **третём**? Что в **третём-то**, Царь мой? *Аллюз. Цв921 (II, 74.2) ...*

ТРЕТЬЁВЫЙ [*обл.*] «<...> Вот тоже, допустим... с Криуши... <...> У них там есть Прон Оглоблин, Булдыжник, драчун, грубиян. Он вечно на всех озлоблен, С утра по неделям пьян. И нагло в **третьевом** годе, Когда объявили войну, При всем честном народе Убил топором старшину. <...>» [*ср. обл.* третьегодишний — позапрошлогодний] *РП Ес925 (III, 187).*

См. также **ТРЕТЬ**, **ТРЕТЬЕКЛАССНИК** и др.

Особое значение в культурно-символическом аспекте имеет ряд лексем, связанный с концептом христианской Троицы, причем и в этом случае поэты иногда обращаются к стилистически окрашенным, стилизованным формам:

ТРОИЦА [в христианстве — триединный Бог, *тж* Святая Троица; то же, что Троицын день (церк. праздник); *см. тж* ТРОЙЦА] ...; ср.: **СЕРГИЙ-ТРОИЦА** (о Троице-Сергиевой Лавре)

ТРОИЦЫН [*прил. к* ТРОИЦА; *тж* в сочет.: Т. день (церк. праздник); *см. тж* ТРОЙЦЫН]

ТРОЙЦА [*вар. к* ТРОИЦА] ... Он [день 30 апреля] ... долго будет днем переустройства, Предпраздничных уборок и затей, Как были до него березы **Тройцы** И, как до них, огни панатеней. *П931 (I, 419)*

ТРОЙЦЫН [*прил. к* ТРОЙЦА; только в сочет.: Т. день; *вар. к* ТРОИЦЫН]

ТРОИЦКИЙ [*преимущ. в назв.*: Т. мост в Петербурге].

Ср. ряд, образуемый лексемой *тройка*: *тройка* ‘три; *тж* игральная карта; *тж* разг. группа из трех человек, трех предметов’, *тройка* ‘упряжка’, *тройка-вьюга*, *троечка*. Например:

ТРОЙКА [упряжка] ... Где отдается в длинных залах Безумных **троек** тихий лёт, Где вина теплятся в бокалах, — Там возникает хоровод. *АБ910 (III,195)*; ... Оправдай змеиную породу: Дом — меня — мои стихи — забудь. // Знай одно: что завтра будешь старой. Пей вино, правь **тройкой**, пой у Яра, Синеокою цыганкой будь. ... [обращ. к дочери Але (А. С. Эфрон)] *Цв917 (I,355.1)* ...

ТРОЙКА-ВЬЮГА Разыгралась **т.-вьюга**, Брызжет пот, холодный, терпкий, И плакучая лещуга Лезет к ветру на закорки. // Смерть в потемках точит бритву... Вон уж плачет Магдалина. *Ес916 (I,208)*.

Как представляется, с точки зрения поэтического словообразования наиболее интересны двухосновные единицы, среди которых велика доля индивидуально-авторских словоупотреблений. Можно сравнить в этом плане данные СЯРП и СУ — толкового словаря, хронологически наиболее близкого языку Серебряного века. Ниже приводятся списки слов с разными вариантами первой части (с указанием их количества в СЯРП), шрифтом выделены лексемы, отсутствующие в СУ, в скобках приводятся данные из этого словаря:

(13) *треволнение, трезвон, трезвонить, **трезвониться**, трезначный, трезубец, треклятый (и треклят), треножник, треуголка, треугольник, треугольный, **треум**, треух (в СУ 21, в том числе *треглавый, трезвучие*)*;

(23) *трёхаришинный, **трёхвечный**, трёхвёрстный, **трёхверстовой**, **трёхглазый**, **трёхгорный**, трёхдневный, **трёхдневье**, трёхдюймовка, **трёхжальный**, трёхлетний, трёхпалый, **трёхпарусник**, **трёхпрудный**, трёхрублёвка, **трёхсаженный**, **трёхсекундный**, трёхсотлетний, трёхсотый, **трёхтрубный**, трёхугольный, трёхъярусный, **трёхъярый** (в СУ 76, в том числе *трёхактный, трёхгранный, трёхколёсный, трёхлетие, трёхмерный, трёхстоппный, трёхязычный*)*;

(8) *триединство, триединый, трикратный, трилистник, **трирогий**, **трисвят**, **трисолнечный**, **тристен** (в СУ 10, в том числе *тристих*)*;

(2) *троекратный, **Троеручица**² (в СУ 11, в том числе *троеборье, троеперстие*)*.

В отличие от толкового словаря, СЯРП, как видно, фиксирует не только регулярные образования (*трёхглазый, трёхсекундный*) и имена собственные (*Трёхгорная мануфактура* (также *трёхгорное* — сорт пива) и *Трёхпрудный переулок* в Москве), но и устаревшие единицы (*трёхсаженный*), областные (*тристен* ‘трехстенный сарай’), а также окказиональные и индивидуально-авторские, особенно интересные для исследователя. Согласно НКРЯ, из выделенных выше лексем единично употребленными остаются *трезвониться М920, трезначный М925*,

² Словарная статья к этому слову содержит только один контекст из стихотворения Цветаевой:

ТРОЕРУЧИЦА [в иконографии: образ троерукой Божией Матери] Коли милым назову — не соскучишься! Богородицей — слыву — **Троеручицей**: Одной — крепости крушу, друга — тамотка, Третьей по морю пишу — рыбам грамотку. *Цв916 (I,279)*.

треум Хл920-22, *трёхверстовой* П926-27, *трёхдневье* П944, *трёхпарусник* М926, *трёхъярый* ОМ934, *трирогий* Цв918. Некоторые из них образованы своего рода словообразовательным сдвигом, ср.: *трёзначный* — *трёхзначный*, *трёхпарусник* — *трёхмачтовый* (корабль), *в шляпе трирогой* — *треуголка*. В других случаях семантика поэтических словоупотреблений заслуживает более глубокого анализа, ср.:

ТРЕЗВОНИТЬСЯ [нов.] Стена теней, / ночей тюрьма / под солнц двустоволкой пала. / Стихов и света кутерьма — / сияй во что попало! / Устанет то, / и хочет ночь / прилечь, / тупая сонница. / Вдруг — я / во всю светаю мочь — / и снова день **трезвонится**. М920 (86)³

ТРЕХЪЯРЫЙ [нов.] А посреди толпы, задумчивый, брадатый, Уже стоял гравер — друг меднохвойных доск, **Трёхъярой** окисью облитых в лоск покатый, Накатом истины сияющих сквозь воск. [посв. памяти А. Белого] ОМ934 (209.2), (408.2).

Следует отметить, что и в СУ фиксируются некоторые слова, которые остаются на периферии современного лексикона, например: *трёхдекадник* ‘срок в три декады’ и *трёхдекадный* (по два примера в основном корпусе НКРЯ), *триплан* ‘аэроплан с тремя плоскостями’ (10 примеров в НКРЯ), что, видимо, в сопоставлении с поэтическими примерами, можно рассматривать как свидетельство большей свободы словообразования как характерной черты языка рассматриваемой эпохи.

Не все приведенные лексемы с полной очевидностью для современного читателя содержат корень «три-» (ср. *трезвон* ‘удары трижды с небольшими перерывами’), однако в ряду с другими словарными статьями этот компонент может актуализироваться. Кроме того, к рассмотренной группе примыкают заимствованные слова из европейских языков, содержащие соответствующий корень, созвучный русскому: *триада*, *триангель*, *трио*, *триолет*, *триптих*, *трирема* и даже *треченто*, *трэнзель*, *трефы* (‘карточная масть’, в СУ: «от лат. *trifolium* — трилистник»):

ТРЕЧЕНТО [итал. *trecento* — букв. **Триста**, а также 1300-е гг.; принятое в итал. языке наименование XIV в.; в истории искусств используется для обозначения периода Проторенессанса] За тусклый колер позумента, За пыльный золотообрез Простите — это масть небес Полуистлевшего т.. // В дни ангела,

³ См. словарную статью к этому окказионализму Маяковского в словаре [Валавин 2010]:

ТРЕЗВОНИТЬСЯ, -нюсь, -нишься; *несов., возвр.* Производить трезвон; *бурно, радостно заявлять о себе, проявляться во всю мощь. *Устанет то, // и хочет ночь // прилечь, // тупая сонница. // Вдруг — я // во всю светаю мочь — // и снова день трезвонится.* Необычайное приключение, бывшее с Владимиром Маяковским летом на даче. II, 38.

Трезвонить + ся. Ср. браниться, дразниться.

(«Звездочка (*) в толковании ставится после буквального толкования перед метафорически-контекстным» [Там же: 25]).

гостей и съест Склонясь на подоконник жаркий, В пыли найдете Вы Петрарку
И все забудется окрест... П914 (I,505)

ТРЕНЗЕЛЬ [нем. *Trense* — удила; здесь: ударный муз. инструмент в виде металлического прута, изогнутого в форме **треугольника**] Ты играй, гармонь, под т. Отсыпай, плясунья, дробь! На платке краснеет вензель, Знай прищелкивай, не робь! Ес915 (I,164);

ср.: **ТРИАНГЛЬ** [итал. *triangolo*, англ. и франц. *triangle*, нем. *Triangel* — треугольник; ударный муз. инструмент в форме **треугольника**] Этот альт — только дек поднебесий, Якорями напетая вервь, Только утренних, струнных полесий Колыханно-туманная верфь. // И когда твой блуждающий ангел Испытает причалов напор, Журавлями налажен, т. Отзвенит за тревогою хорд. П913 (I,442).

Похожую картину демонстрируют и другие словарные гнезда, образованные на основе числительных (*тысяча* — *тысча*, *тыща*; *тысячелетие*, *тысячный*; *тысячеверстье*, *тысячеголосый*, *тысячедневный*, *тысячеоконный*, *тысячесвечник*, *тысячестраничный*).

Таким образом, жанр словаря позволяет не только более пристально взглянуть на каждое слово в поэтическом языке, но и рассматривать его в сопоставлении с окружением, в том числе в составе словообразовательного гнезда.

Литература

Валавин В. Н. Словотворчество Маяковского: Опыт словаря окказионализмов. М.: Издательский центр «Азбуковник», 2010. 622 с.

Виноградова В. Н. Словотворчество (И. Анненский, М. Волошин, И. Северянин) // Очерки истории языка русской поэзии XX века. Образные средства поэтического языка и их трансформация. М.: Наука, 1995. С. 143–177.

Виноградова В. Н., Улуханов И. С. Словотворчество В. Набокова // Язык как творчество. Сборник статей к 70-летию В. П. Григорьева. М.: ИРЯ РАН, 1996. С. 267–276.

Григорьев В. П. Поэтика слова. М.: Наука, 1979. 344 с.

Арутюнова Н. Д. (отв. ред.). Логический анализ языка: Числовой код в разных языках и культурах. М.: URSS, ЛЕНАНД, 2014. 523 с.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruscorpora.ru> (дата обращения 23.05.2024).

СУ — Толковый словарь русского языка / Под ред. Д. Н. Ушакова. Т. I–IV. М.: ОГИЗ, 1935–1940.

СЯРП — Словарь языка русской поэзии XX века. Т. I–IX — / Сост.: В. П. Григорьев (отв. ред.), Л. Л. Шестакова (отв. ред.), Л. И. Колодяжная (ред.), А. С. Кулева (ред.), В. В. Бакеркина, А. В. Гик, Т. Е. Реутт, Н. А. Фатеева. М.: Языки славянской культуры, 2001–2022–.

Шестакова Л. Л. Русская авторская лексикография: Теория, история, современность. М.: Языки славянских культур, 2011. 464 с.

L. L. Shestakova¹, A. S. Kuleva²

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Russia, Moscow)*

lara.shestakova@mail.ru¹

an_kuleva@mail.ru²

**NUMERALS AND THEIR DERIVATIVES
IN THE “DICTIONARY OF THE LANGUAGE
OF RUSSIAN POETRY (20th CENTURY)”:
FROM THE EXPERIENCE OF OBSERVATIONS**

The multivolume “Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)”, created at the Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, presents the poetic language of the Silver Age based on the works of ten outstanding authors (I. Annensky, A. Akhmatova, A. Blok, S. Yesenin, M. Kuzmin, O. Mandelstam, V. Mayakovsky, B. Pasternak, V. Khlebnikov, M. Tsvetaeva). In the article, using the example of the next volume of the dictionary (Volume IX. Book 1, 2021 and Book 2, 2022) we show the features of word formation in the field of numerals. The paper considers a word-formation nest with the initial numeral *three* and its derivatives *thirteen*, *thirty*, *three hundred* forming their own nests. The dictionary material, in comparison with the data of the Russian National Corpus, demonstrates the specificity of the poetic language, which consists of: 1) in the special role of culturally and aesthetically loaded contexts of the use of numerals and 2) in greater freedom of forming complex words based on them. It is emphasized that dictionary entries involving single or few contexts are of special interest to the researcher.

Key words: author lexicography, poetic language, lexicology, linguistic poetics, dictionary, numeral, derivatives of numerals, RNC.

References

Grigor'ev V. P. *Poehtika slova* [Poetics of the word]. Moscow, Nauka Publ., 1979. 344 p.

Arutjunova N. D. (ed.). *Logicheskii analiz yazyka: Chislovoi kod v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of language: Numerical code in different languages and cultures]. Moscow, URSS Publ., LENAND Publ., 2014. 523 p.

Natsional'nyi korpus russkogo yazyka [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>. (accessed 23.05.2024).

Shestakova L. L. *Russkaya avtorskaya leksikografiya: teoriya, istoriya, sovremen-nost'*. [Russian author lexicography: Theory, history, modernity]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2011. 464 p.

Slovar' yazyka russkoi poezii 20 veka [Dictionary of the language of Russian poetry (20th century)]. Grigor'ev V. P., Shestakova L. L., Kolodyazhnaya L. I., Kuleva A. S., Bakerkina V. V., Gik A. V., Reutt T. E., Fateeva N. A. (eds.). Vol. 1–9–. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2001–2022–.

Tolkovyi slovar' russkogo yazyka [Explanatory dictionary of the Russian language]. Ushakov D. N. (ed.). Vol. 1–4. Moscow, OGIZ Publ., 1935–1940.

Valavin V. N. *Slovotvorchestvo Mayakovskogo: Opyt slovary okkazionalizmov* [Mayakovsky's word coinage: The experience of the dictionary of nonce words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2010. 622 p.

Vinogradova V. N. [Word-building (I. Annensky, M. Voloshin, I. Severyanin)]. *Ocherki istorii yazyka russkoi poezii XX veka. Obraznye sredstva poeticheskogo yazyka i ikh transformatsiya* [Essays on the history of the language of Russian poetry of the 20th century. Figurative means of poetic language and their transformations]. Moscow, Nauka Publ., 1995, pp. 143–177. (In Russ.)

Vinogradova V. N., Ulukhanov I. S. [Word-building of V. Nabokov]. *Yazyk kak tvorchestvo. Sbornik statei k 70-letiyu V. P. Grigor'eva* [Language as creativity. Collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V. P. Grigoriev] Moscow, Publ. House of the Vinogradov Russian Language Institute of RAS, 1996, pp. 267–276. (In Russ.)

ЛЕКСИКОЛОГИЯ. ГРАММАТИКА

Е. М. Лазуткина

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

lazutkelena@yandex.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ КОНЦЕПТА «МНОЖЕСТВО» В ГРАММАТИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена выявлению способов представления мыслительной категории «множество» в грамматической семантике русского языка. Материал исследования — словосочетания, модели простых предложений, фразеологизированные конструкции, устойчивые выражения. Концептуальный анализ проводится в аспекте новой теории гуманитарного знания, методология которой предписывает использовать при изучении всех значимых единиц языка триаду понятий — интерпретация, репрезентация, конвенция.

Концепт «множество» имеет единственный дифференциальный признак — «больше единицы». В работе показывается важность оппозиционной характеристики «дискретное (расчленяемое) множество» / «недискретное (нерасчленяемое) множество»: она связана с категорией определенности / неопределенности и обуславливает дискурсные свойства предложения.

В статье анализируются эксплицитные и имплицитные способы репрезентации концепта «множество». Имплицитный способ представления имеет место в моделях предложений, в которых нет иконического соответствия логической структуры и линейной организации.

Строение предложений, обозначающих динамичные процессы в пространстве, обычно служит матрицей образного представления реальных и воображаемых событий в различных областях жизни, включая социальные, экономические процессы, перемены во внутреннем мире человека. В синтаксических конструкциях, которые являются общезыковыми метафорами, концепт «недискретное множество» часто представляется как неисчисляемое количество конкретных проявлений какой-то сущности или свойство этой сущности.

Ключевые слова: теория языка, концептуальный анализ, концепт «множество», семантическая структура предложения, грамматическая семантика.

1.0. Введение. Интерес к мыслительной категории «множество» проявляли многие отечественные языковеды XIX–XX вв. Так, А. А. Потебня обращает внимание ученых на разное значение однокоренных имен существительных, которые

подчеркивают нюансы значения множественности: «*между лист* («лист сухой валится» осенью), *листы* и *листья*, во мн. ч. *листья*, разница в образе, т. е. в исходной точке и способе, каким получается значение множественности» [Потебня 1968: 28]. На важную смысловую черту множества «нерасчленяемость» указывали К. С. Аксаков (его выражение — «одно целое» [Аксаков 2011]), А. А. Потебня (его определение — «сплошное множество, понятое как единица», «масса». Он называет это синекдохой [Потебня 1958: 25–36]), А. А. Холодович («непрерывное», «сращенное множество» [Холодович 1979: 174–175]).

Основной грамматический способ представления концепта «множество» — формы морфологической категории числа имени существительного, формы категории числа глагола, лексико-грамматический разряд собирательных существительных. Анализ языковой категории собирательности см. в [Лопатин 1994; Кручинина 2002]. В работе [Лазуткина 2014] анализируется языковая категория числа существительных как семиотический комплекс.

Идея множественности получает выражение в элементах разного уровня языковой системы, и некоторые лингвисты считают важной характеристику «счетное множество» / «несчетное множество» [Солдатова 2022: 19]. Мы считаем, что мыслительная категория «множество» имеет единственный дифференциальный признак — «больше единицы».

Цель нашей работы — показать способы репрезентации концепта «множество» в грамматической семантике простых предложений, устойчивых выражений и фразеологизированных конструкций; показать важность оппозиционной характеристики «дискретное (расчленяемое) множество» / «недискретное (нерасчленяемое) множество» для семантики предложения и его дискурсной функции.

2.0. Определение термина «концепт» и методология исследования.

В области гуманитарного знания в XXI в. применяется новый эпистемологический подход, при котором точкой отсчета является субъект познания и коммуникативное взаимодействие субъектов. Методология новой теории гуманитарного знания предписывает использовать при изучении всех значимых единиц разных уровней языка, имеющих определенную грамматическую оформленность, триаду понятий — интерпретация, репрезентация, конвенция [Микешина 2016: 85–94].

В языкознании открытие роли говорящего и его оценок в линейной организации речи произошло значительно раньше, чем в других гуманитарных науках. Основными единицами исследований когнитивно-прагматического направления функциональной лингвистики являются исторически сложившиеся модели предложения, сложные знаки семиотической природы, в которых отражается типизированный в данном социуме способ осмысления мира и демонстрируются возможности языка.

2.1. Параметр «интерпретация» в грамматике. Определение термина «концепт».

Язык — это интерпретативная система, формирующая навыки владения языком. Элементы интерпретации, кванты знания — это концепты и когнитивные категории. Термины «концепт» и «мыслительная категория» в работе употребляются как синонимичные.

Если понятие представляет собой логически выведенный, четкий элемент, очевидный для всех, то концепт — квант коллективного языкового сознания, феномен операционной системы, часто не осознаваемый носителями языка. Ср. заключение Н. Н. Болдырева: «Концепт является результатом и теоретического, и обыденного сознания, фрагментом любого познавательного опыта» [Болдырев 2018: 170].

Для данной работы мы определяем концепт следующим образом: концепт — мыслительная категория, служащая операционным элементом в когнитивно-коммуникативных процессах и находящая свое выражение в языковых структурах разного уровня; например: *В основе значения собирательных существительных лежит концепт «множество».*

2.2. Термин «репрезентация» в новой теории гуманитарного знания трактуется как представление объекта изучения с помощью любых знаковых систем. Для лингвистов репрезентация — это представление эпистемического, ассоциативного мира разными средствами — макросемантическими разрядами лексики, грамматическими и функционально-семантическими категориями, словообразовательными моделями, семантической структурой предложения, синтаксическими деривационными отношениями.

Поскольку кодирование смысла в языке обусловлено особенностями мыслительной деятельности человека, тесно связанной с процессами общения и возможностями сложившейся системы, репрезентация концептов происходит эксплицитными и имплицитными способами, неочевидными при поверхностном восприятии линейной структуры предложения. Для их выявления необходимо применять гипотетико-дедуктивный метод, метод моделирования. При этом на основе исследования конкретных высказываний создается мыслительный конструкт концепта, дается перечень его облигаторных характеристик, проводится их верификация в дискурсе. Таким образом, начальным этапом и завершающим этапом при моделировании является языковой материал [Степанов 1974: 118; Селиверстова 1976: 133–143; Лекомцев 1980: 152–163].

2.3. Параметр «конвенция» в новой эпистемологии соответствует основному положению теории культуры речи: действие законов ортологии обусловлено когнитивными и коммуникативными процессами, культурно-историческими канонами.

3.0. Грамматический способ представления концепта «множество» на уровне словосочетания.

Идею множества передают субстантивные словосочетания: существительные со значением «неопределенное множество» нуждаются в указании названия считааемых сущностей; например: *«стая воробьев, толпа мальчишек, кучка крикунов, рой пчел, ватага сорванцов, стадо коров»* [Шведова 1980: 60].

4.0. Модели двусоставных предложений с количественно-именными словосочетаниями в позиции подлежащего.

Оппозиционная характеристика «дискретное множество» / «недискретное множество» имен существительных взаимодействует с формами категории числа глагола и определяет дискурсные свойства моделей предложений.

4.1. В коммуникативно-смысловом типе речи описание часто используются конструкции со статическим значением, текстовая функция которых — констатация факта, сообщение об итоговом состоянии; например: *Большинство ученых придерживается мнения, что вряд ли когда-нибудь удастся создать единую общегосударственную эколого-геоморфологическую карту* (журн.). В таких предложениях предиктируемый компонент обозначает недискретное множество, а предикат употребляется в форме ед. ч. Количество предметов или лиц незначимо для сообщения, множество осмыслено говорящим как целостная совокупность.

Среди подобных предложений много результативных и пассивных конструкций, с предикатом, имеющим бытийный компонент в своей семантике. Им свойствен обратный порядок слов; например: *Сегодня в России имеется уже три завода по утилизации этих химических веществ* (журн.).

4.2. В таких коммуникативно-смысловых типах речи, как динамичное описание и повествование, в которых говорящий описывает смену событий, подчеркивает активность субъектов действия, преобладают конструкции с предикатом в форме мн. ч., а предиктируемый компонент имеет значение дискретного неопределенного множества; например: *К такому выводу пришли большинство участников состоявшегося вчера круглого стола по вопросам стратегии развития бизнеса в России* (пример Т. Ю. Лабунской; см.: [Лабунская 2011: 238]).

5.0. Представление дискретного и недискретного неопределенного множества в устойчивых грамматических образцах.

5.1. Представление неисчисляемого множества запечатлено во фрагментах высказываний, ставших устойчивыми выражениями; например: *Это Софочка, она из балетных* (М. Зощенко); *Я бы в летчики пошел, пусть меня научат* (В. Маяковский); *остаться в дураках; она была еще в девках*. Концепт «множество» лежит и в основе метонимического обозначения возраста человека через характеристики его частей тела; ср.: *с молодых ногтей; до седых волос*.

5.2. Недискретное множество представляют фразеологизированные схемы предложения с именем в родит. пад. с количественным значением; например: *Народу!; Много цветов!; Наварено варенья!; Уйма времени!; Сколько попыток побить этот рекорд!*

5.3. Идея недискретного множества, возникшего в результате динамического процесса, находит свое воплощение также в моделях бытийных предложений с предикатом со значением перемещения. В предложениях обратный порядок слов; например: *В корзинку с яблоками напозли муравьи / Напозли муравьи*.

5.4. Смысловой квант неопределенного множества содержится во фразеологизированных восклицательных предложениях, экспрессивных утверждениях, в основе которых лежит прием обобщения; например: *Где он только не побывал!; Какие только путевки на Кавказ ей не предлагали! Куда его только не приглашали!*

6.0. Представление концепта «множество» как недискретного множества в предложениях со скрытой предикацией.

Имплицитный способ представления концепта «множество» имеет место в моделях предложений, в которых нет иконического соответствия логической

структуры и линейной организации. Это обнаруживается при анализе семантической структуры предложения с использованием понятия «синтаксическая позиция формы слова», введенного в теорию синтаксиса Т. П. Ломтевым и названного им главной единицей смысловой организации предложения [Ломтев 1960]. Это понятие помогает определить структурную значимость форм слов, выявить пропозициональную семантику форм слов, их смысловую емкость, указывает на кореферентную соотносительность форм слов в деривационно связанных предложениях.

Пропозицию можно охарактеризовать с помощью формулировки континуум-гипотезы математика Н. Н. Лузина (1907 г.), которая более ста лет назад стала аксиомой: множество точек представляет некую единую реальность.

6.1. Простому предложению со скрытой предикацией соответствуют две логические структуры, оно может быть преобразовано в сложное предложение. Форма слова имеет пропозитивное значение, является каналом репрезентации концепта «недискретное множество». Ср.: *Она не пришла на работу из-за ребенка* (“из-за того, что ребенка было не с кем оставить”).

6.2. Как правило, предложения, организованные *событийными глаголами*, которые обозначают сложное действие с переходом от исходной ситуации к завершающей [Данеš 1971: 197–207], содержат синтаксическую позицию со значением пропозиции. Ср., например, представление недискретного множества: *Надо очистить двор от снега; Мы освободили стол от книг*. Слово в род. пад. указывает на исходную ситуацию наличия чего-нибудь, которая угадывается по значению префиксального глагола.

6.3. Предложения, организованные *двухвалентными событийными глаголами* локально направленного действия, содержат синтаксическую позицию — имени в творит. пад., указывающую на скрытую предикацию. Здесь имена разной категориальной семантики (конкретные во мн. ч., отвлеченные, вещественные) обозначают недискретное множество [Лазуткина 1988]. И. С. Улуханов подчеркивает, что это сильноуправляемая форма, необходимый элемент структуры предложения [Улуханов 1980: 373; Улуханов 2015: 11]. Она выполняет двойную функцию — средства воздействия в одной логической основе предложения и производителя действия в другой логической основе; например: *Она пропитывала торт кремом; Мы наполняли корзины яблоками*.

6.4. Такое же значение у имен в творит. пад. в производной модели предложения с глаголами-автокаузативами и с общевозвратными глаголами; например: *Она [Наташа] сбросила с себя одежду и кинулась к крему и немедленно им намазалась* (М. Булгаков); *Обойная лавка задернулась туманом* (М. Булгаков).

6.5. В деривате с *одновалентным глаголом* синтаксическая позиция субъекта (существительного в именит. пад.) также обладает свойствами пропозиции, выполняет две функции — субъекта действия и средства воздействия. Она имеет особые содержательные характеристики — «определенность», «множественность»; представляет концепт «недискретное множество»; например: *Спортсмены обступили тренера; Отряд занял высоту; Тучи медленно закрывают солнце*.

7.0. Общеязыковые метафоры, в которых неисчисляемое количество конкретных проявлений какой-то сущности или свойство этой сущности представляется как множество.

Строение предложений, обозначающих динамичные процессы в пространстве, обычно служат матрицей образного представления реальных и воображаемых событий в различных областях жизни, включая социальные, экономические процессы, перемены во внутреннем мире человека.

7.1. При метафоризации часто используется модель предложения с пространственными ориентирами, организованная одновалентным глаголом (тип *Тучи закрывают солнце*; см. пункт 6.5.). Субъект представляет концепт «множество», а функция предиката сводится к роли оператора генерализации; при этом конкретная лексическая семантика глагола затушевывается, сохраняется только сема полноты охвата; например: *Лексика разной степени терминологичности все больше и больше насыщает словесную ткань произведений различных письменных жанров и стилей современного русского языка* (Т. С. Коготкова).

7.2. Как множество проявлений какой-то стихийной силы носители русского языка интерпретируют чувства, мысли, ощущения. Субъектом в модели предложения является имя человека в винит. пад., функцию предиката выполняет смысловое целое «подлежащее и сказуемое». Нейтральным является обратный порядок слов; например: *Почему-то приковавшись к ветвям, Римский смотрел на них, и чем больше смотрел, тем сильнее и сильнее его охватывал страх* (М. Булгаков).

Таким образом, концепт «множество» имеет разные содержательные характеристики и разные способы своего представления в грамматической семантике русского языка — эксплицитные и имплицитные.

Литература

Аксаков К. С. Опыт русской грамматики // Аксаков К. С. Полн. собр. соч. М., 1875. Т. II. Репр. изд. Москва: URSS, 2011. 221 с.

Болдырев Н. Н. Язык и система знаний. Когнитивная теория языка. М.: Изд. Дом ЯСК, 2018. 480 с.

Кручинина И. Н. Имена существительные. Категория числа. Категория падежа. Значение падежей // Краткая русская грамматика. М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова, 2002. С. 176–184.

Лабунская Т. Ю. К вопросу о согласовании сказуемого с количественно-именным подлежащим // Вопросы культуры речи. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2011. С. 235–239.

Лазуткина Е. М. К проблеме разграничения первичных и вторичных глагольных значений // Словарные категории. М.: Наука, 1988. С. 109–111.

Лазуткина Е. М. Концепт «множество» и категория числа имени существительного в русском языке // Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. М.: ЛЕНАНД, 2014. С. 140–149.

Лекомцев Ю. К. Структура лингвистической гипотезы в аспекте формализации // Гипотеза в современной лингвистике. М.: Наука, 1980. С. 152–163.

Ломтев Т. П. Об абсолютных и реляционных свойствах синтаксических единиц (О понятии позиции в теории синтаксиса) // Филологические науки. 1960. № 4. С. 15–28.

Лопатин В. В. Собирательность в русском языке. Фрагмент функциональной грамматики // Русистика сегодня. 1994. № 3. С. 34–49.

Микешина Л. А. Феноменология и обогащение понятий в эпистемологии // Вопросы философии. 2016. № 2. С. 85–94.

Потебня А. А. Из записок по русской грамматике. Т. I–II. М.: Учпедгиз, 1958. 536 с.; Т. III. М.: Просвещение, 1968. 551 с.

Селиверстова О. Н. Об объекте лингвистической семантики и адекватности ее описания // Принципы и методы лингвистических исследований. М.: Наука, 1976. 380 с.

Солдатова Д. Н. Категория количества в межкуатегориальном взаимодействии имен и глаголов: дис. ... канд. филол. наук. М.: 2022. 224 с.

Степанов Ю. С. Методы и принципы современной лингвистики. М.: Наука, 1975. 313 с.

Улуханов И. С. Словообразование глаголов // Русская грамматика. Т. I. М.: Наука, 1980. С. 333–398.

Улуханов И. С. Глагольное словообразование современного русского языка. Т. I: Глаголы, мотивированные именами и междометиями. М.: «Азбуковник», 2015. 330 с.

Холодович А. А. Категория множества в японском в свете общей теории множества в языке // Проблемы грамматической теории. Л.: 1979. 304 с. С. 173–195.

Шведова Н. Ю. Подчинительные связи слов и словосочетания // Русская грамматика. Т. II. М.: Наука, 1980. С. 13–82.

Daneš F. Pokus o strukturní význam českého slovesá // Slovo a slovesnost. Praha: 1971, № 3. S. 197–207.

E. M. Lazutkina

*Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)*

lazutkelena@yandex.ru

THE CONCEPT “SET” IN GRAMMATICAL SEMANTICS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

The article studies the ways of representing the mental category “set” in grammatical semantics of the Russian language. The research material includes phrases, models of simple sentences, phraseologized constructions and stable expressions. The conceptual analysis is carried out in the aspect of a new theory of humanitarian knowledge, the methodology of which prescribes to use a triad of concepts — interpretation, representation, convention — in the study of all significant units of language.

The concept of “set” has a single differential feature — “more than one”. The paper shows the importance of the oppositional characteristic “discrete (dissectable) set” / “non-discrete (non-dissectable) set”: it is associated with the category of certainty / uncertainty and determines the discursive properties of the sentence.

The article analyzes explicit and implicit ways of representing the concept of “set”. The implicit way of representation takes place in sentence models in which there is no iconic correspondence between logical structure and linear organization.

The structure of sentences denoting dynamic processes in space usually serves as a matrix for imaginative representation of real and imaginary events in various areas of life, including social, economic processes, and changes in the inner world of a person. In syntactic constructions, which are common language metaphors, the concept of a “non-discrete set” is often represented as an innumerable number of specific manifestations of an entity or a property of this entity.

Key words: language theory, conceptual analysis, the concept of “set”, semantic structure of the sentence, grammatical semantics.

References

Aksakov K. S. *Opyt russkoi grammatiki* [The experience of Russian grammar]. Aksakov K. S. *Polnoe sobranie sochinenii* [Complete Edition of Works]. Moscow, 1875. Vol. II. Repr. ed. Moscow, URSS Publ., 2011. 221 p.

Boldyrev N. N. *Yazyk i sistema znaniy. Kognitivnaya teoriya yazyka* [Language and knowledge system. The cognitive theory of language]. Moscow, Publ. House YASK, 2018. 480 p.

Daneš F. [An attempt at structural analysis of Czech verb meanings]. *Slovo a slovesnost*, 1971, no. 3, pp. 197–207. (In Czech)

Kholodovich A. A. [The category of sets in Japanese in the light of the general theory of sets in the language]. Kholodovich A. A. *Problemy grammaticheskoi teorii* [Problems of grammatical theory]. Leningrad, Nauka Publ., 1979, pp. 173–195. (In Russ.)

Kruchinina I. N. [Nouns. The category of the number. The category of the case. The meaning of cases]. *Kratkaya russkaya grammatika* [A short Russian grammar]. Moscow, Publ. House of the Vinogradov Russian Language Institute RAS, 2002, pp. 176–184. (In Russ.)

Labunskaya T. Yu. [On the question of the agreement of the predicate with the quantitative-nominal subject]. *Voprosy kul'tury rechi* [Issues of speech culture]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2011, pp. 235–239. (In Russ.)

Lazutkina E. M. [To the problem of distinguishing between primary and secondary verb meanings]. *Slovarnye kategorii* [Dictionary Categories]. Moscow, Nauka Publ., 1988, pp. 109–111. (In Russ.)

Lazutkina E. M. [The concept of “set” and the category of the number of a noun in the Russian language]. *Logicheskii analiz yazyka. Chislvoi kod v raznykh yazykakh i kul'turakh* [Logical analysis of the language. Numeric code in different languages and cultures]. Moscow, LENAND Publ., 2014, pp. 140–149. (In Russ.)

Lekomtsev Yu. K. [The structure of the linguistic hypothesis in the aspect of formalization]. *Gipoteza v sovremennoi lingvistike* [Hypothesis in modern linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 152–163. (In Russ.)

Lomtev T. P. [On the absolute and relational properties of syntactic units (On the notion of position in syntax theory)]. *Filologicheskie nauki*, 1960, no. 4, pp. 15–28. (In Russ.)

Lopatin V. V. [Collectivity in the Russian language. A fragment of a functional grammar]. *Rusistika segodnya*, 1994, no. 3, pp. 34–49. (In Russ.)

Mikeshina L. A. [Phenomenology and the enrichment of concepts in epistemology]. *Voprosy filosofii*, 2016, no. 2, pp. 85–94. (In Russ.)

Potebnya A. A. *Iz zapisok po russkoi grammatike* [From notes on Russian grammar]. Vol. I–II. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1958. 536 p.; Vol. III. Moscow, Prosveshchenie Publ., 1968. 551 p.

Seliverstova O. N. [On the object of linguistic semantics and the adequacy of its description]. *Printsipy i metody lingvisticheskikh issledovaniy* [Principles and methods of linguistic research]. Moscow, Nauka Publ., 1976. 380 p.

Soldatova D. N. *Kategoriya kolichestva v mezhkategorial'nom vzaimodejstvii imen i glagolov*. Dis. kand. filol. nauk [The category of quantity in the inter-categorical interaction of names and verbs. Cand. phil. sci. diss.]. Moscow, 2022. 224 p.

Stepanov Yu. S. *Metody i printsipy sovremennoi lingvistiki* [Methods and principles of modern linguistics]. Moscow, Nauka Publ., 1975. 313 p.

Shvedova N. Yu. [Subordinate relations of words and phrases]. *Russkaya grammatika*. [Russian grammar]. Vol. II. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 13–82. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. [Verb formation]. *Russkaya grammatika*. [Russian grammar]. Vol. I. Moscow, Nauka Publ., 1980, pp. 333–398. (In Russ.)

Ulukhanov I. S. *Glagol'noe slovoobrazovanie sovremennogo russkogo yazyka. T. I: Glagoly, motivirovannye imenami i mezhdometiyami* [Verbal word formation of the modern Russian language. Vol. I: Verbs motivated by names and interjections]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2015. 330 p.

Игорь Мельчук
 Монреальский университет
 (Канада, Монреаль)
 igor.melcuk@umontreal.ca

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПРЕДИКАТИВ ПЛЕВАТЬ III.2b¹

— *А мне **плевать** — мне очень хочется!*

Владимир Высоцкий

В заметке рассматривается русская синтаксическая конструкция с лексемой ПЛЕВАТЬ III.2b (как во фразе *А мне плевать на их мнение!*), которая является наречным психологическим предикативом. Кратко характеризуются русские психологические предикативы и конструкции с ними; эти конструкции имеют три особенности: 1) в них наблюдается существенное расхождение между семантической и синтаксической организацией; 2) они представляют собой коллокации предикатива с глаголом БЫТЬ; 3) многие из них безличны, т. е. имеют пустое нулевое подлежащее; во всех наблюдается миграция (переподчинение) актантов от предикатива к глаголу БЫТЬ. Приводятся формальные описания структур иллюстративной фразы с коллокацией БЫТЬ ПЛЕВАТЬ III.2b на семантическом, глубинно-синтаксическом, поверхностно-синтаксическом и глубинно-морфологическом уровнях и полная словарная статья лексемы ПЛЕВАТЬ III.2b (в рамках Толково-Комбинаторной лексикографии), снабженная списком всех лексем вокабулы ПЛЕВАТЬ. Предлагается небольшой глоссарий некоторых существенных понятий — таких, как **коллокация** и **опорный глагол**.

Ключевые слова: русский язык, психологические предикативы, безличность, пустое нулевое подлежащее, формальное представление структур фразы, коллокации.

¹ Первые версии этой заметки были прочитаны Валентиной Апресян, Лидией Иорданской, Светланой Крылосовой, Ясминой Миличевич и Антоном Циммерлингом; учет их замечаний, а также пожеланий анонимного рецензента позволил мне улучшить изложение. Спасибо вам от всей души!

1. Вводные замечания

1.1. Задача: формальное описание конструкции с психологическим предикативом ПЛЕВАТЬ III.2b

В данной заметке рассматривается один конкретный образец русской синтаксической конструкции с **психологическим предикативом** — лексемой ПЛЕВАТЬ III.2b, выступающей в эпиграфе и в иллюстративной фразе (3), см. раздел 2.

- ☛ Шрифтом **Helvetica** набираются технические термины при их первом упоминании; они комментируются в разделе 4.

В заметке предлагаются:

1) формальные описания структур фразы (3) на семантическом [Сем-структура = СемС], глубинно-синтаксическом [ГСинтС], поверхностно-синтаксическом [ПСинтС] и глубинно-морфологическом [ГМорфС] уровнях представления высказываний (раздел 2); и

2) словарная статья лексемы ПЛЕВАТЬ III.2b (раздел 3).

Обсуждение ведется в рамках подхода Смысл-Текст; основные понятия и формализмы этого подхода предполагаются известными и не разъясняются, за исключением нескольких понятий, непосредственно релевантных для данной заметки.

В силу специфического характера настоящей публикации изложение является достаточно схематичным и эскизным — для многих решений обоснования не приводятся.

1.2. Русские предикативы состояния

Предикативы состояния, в частности — **психологические предикативы**, представляют собой популярный объект изучения в сегодняшней русистике. Почти 100 лет назад Лев Щерба (1928) ввел в рассмотрение класс слов, который он назвал **категорией состояния**: эти слова, употребляясь только как предикативно-связочное дополнение глагола *быть*² (= как «именная часть сказуемого»), характеризуют состояние данного существа или окружающей среды: *Мне (было/будет) грустно/стыдно; Здесь (было/будет) холодно/темно*. Щерба предполагал, что подобные слова образуют отдельную часть речи [Щерба 2004]. Однако Ю. Апресян [Апресян 1985: 302–308] показал, что слова категории состояния не принадлежат к особой части речи, а являются подклассом наречий: слово категории состояния есть наречие, имеющее синтаксический признак «предикатив», который обеспечивает его употребление в данной конструкции³. В настоящее время такие слова

² Наряду с глаголом *быть* в этой конструкции употребляются еще несколько глаголов, имеющих семантический компонент ‘*быть*’ в толкованиях: *бывать*, *стать*, *сделаться*, ...

³ Предикативы включаются в класс наречий, прежде всего, потому, что они не существительные, не прилагательные и не глаголы, а наречие — это класс *by default*, т. е. своеобразная свалка. Кроме того, предикативы синтаксически неизменяемы, т. е. не имеют синтаксически обусловленных граммем (как все русские наречия), а те из них, смысл которых допускает градации, имеют сравнительную степень — опять же, как качественные наречия.

называют **предикативами состояния**; ниже они обозначаются символом $L_{\text{ПС}}$ [L от *lexeme*]; конструкции, в которых $L_{\text{ПС}}$ употребляются, естественно назвать **$L_{\text{ПС}}$ -конструкциями**. В данной заметке рассматриваются только психологические $L_{\text{ПС}}$, т. е. обозначения психологических состояний, и только соответствующие $L_{\text{ПС}}$ -конструкции:

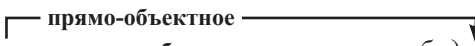
- (1) а. *Ждать мне стало **скучно**.* б. *Марию мне было очень **жаль**.*
 с. *Мне будет на все **наплевать**.* д. *Мне это **все равно**.* | *Мне **все равно**, куда идти*⁴.

Как видно из этих примеров, по своему «происхождению» психологический предикатив $L_{\text{ПС}}$ может быть наречием со словообразовательным суффиксом **-о**, существительным, инфинитивом или наречной идиомой.

$L_{\text{ПС}}$ -конструкции обладают тремя следующими важными свойствами.

1) Прежде всего, $L_{\text{ПС}}$ -конструкции характеризуются существенным расхождением между их семантической и синтаксической организацией.

- **Семантически первостепенный** элемент $L_{\text{ПС}}$ -конструкции — носитель состояния X, или Экспериенцер, — выражается **синтаксически второстепенным** членом предложения: непрямым дополнением (в дательном падеже).
- Синтаксическая вершина $L_{\text{ПС}}$ -конструкции — обычно глагол быть, т. е. **типичнейшая связка**; однако в этой конструкции он функционирует **вовсе не как связка**, так как не соединяет подлежащее с именной частью сказуемого, как ему положено, а выступает в качестве **опорного глагола** [$V_{(\text{support})}$] Oper_0 (реже — как Oper_1) для предикатива состояния $L_{\text{ПС}}$. В этой роли быть может иметь дополнения — не прямое в дательном и прямое в винительном падеже (переходящие к нему от $L_{\text{ПС}}$, см. ниже):

- (2) Жалко _{$L_{\text{ПС}}$} *было-непрямо-объектное* → *мне этого беднягу*.

Глагол быть в $L_{\text{ПС}}$ -конструкции, строго говоря, не является ни одной из известных лексем вокабулы быть (см. [Мельчук 2023]); быть^{I.1}, приведенный в словарной статье лексемы ПЛЕВАТЬ III.2b на стр. 196 как ее Oper_0 , — это, так сказать, его «эфемерное» воплощение: эфемерный быть^{I.1} сохраняет морфологию настоящего быть^{I.1}, но получает модель управления от своего зависимого предикатива! Такой быть и горстка его партнеров могут быть названы **псевдосвязочными** глаголами.

2) С точки зрения своего лексического статуса, $L_{\text{ПС}}$ -конструкция представляет собой **коллокацию** предикатива с $V_{(\text{support})} \text{Oper}_{0/1}$. А сам предикатив $L_{\text{ПС}}$, **база** этой коллокации, который вне нее вообще не употребляется, является **унилексемой**. Данная коллокация достаточно специфична: в ней могут использоваться только несколько псевдосвязочных глаголов. Она, однако, имеет параллель — коллокации, базами которых являются существительные, означающие «неизбежный

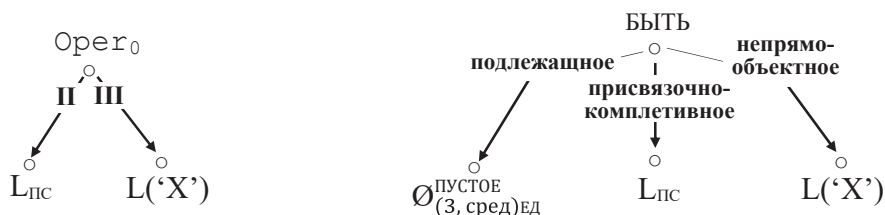
⁴ См. детальное семантико-синтаксическое описание идиомы 'все равно' в [Иомдин 2010].

крах/гибель': *Мне (был/будет) каюк.* | *Мне (была/будет) крышка*; здесь эфемерный глагол **БЫТЬ**₁ выступает в качестве опорного глагола Func_1 (см. [Апресян 1992, 2013])⁵.

3) В синтаксическом плане $L_{\text{ПС}}$ -конструкции имеют две существенные особенности.

- Во многих $L_{\text{ПС}}$ -конструкциях отсутствует полноценное лексическое подлежащее, т. е., по традиционной терминологии, они **являются безличными**. В них в качестве подлежащего выступает семантически пустая нулевая лексема $\emptyset_{(3, \text{сред})\text{ЕД}}$, эквивалентная таким семантически пустым ненулевым «безличным» местоимениям, как англ. *it*, фр. *il*, нем. *es*; это подлежащее — чисто формальное: оно контролирует лично-числовое согласование глагола-сказуемого. Однако ряд $L_{\text{ПС}}$ -конструкций имеет в качестве подлежащего реальное языковое выражение — лексему или словосочетание, как, например, *ждать* в (1а) и *это* или *(куда) идти* в (1d). Это, правда, весьма ограниченное — неканоническое, слабое — подлежащее, но все-таки реальное подлежащее.

Схематически, безличная $L_{\text{ПС}}$ -конструкция имеет на ГСинт- и ПСинт-уровнях следующий вид:

- Как это типично для многих коллокаций с $V_{(\text{support})}$, некоторые ГСинт-актанты лексемы $L_{\text{ПС}}$ обязательно или факультативно переподчиняются опорному глаголу, т. е. происходит **миграция (= подъем) актантов**, см. раздел 2, комментарий 2. Языковая информация, необходимая для правильного осуществления этой операции, содержится в **моделях управления** как самой $L_{\text{ПС}}$, так и опорного глагола $V_{(\text{support})}$. Это приводит к необходимости разработать новые, более богатые формализмы для записи моделей управления — как самого заглавного слова, т. е. базы коллокации, так и опорного глагола, т. е. коллоката.

Русские предикативы $L_{\text{ПС}}$ и $L_{\text{ПС}}$ -конструкции подробно описаны в ряде сравнительно недавних работ, на результаты которых я опирался: [Циммерлинг, Трубицина 2015; Циммерлинг 2017, 2018а, 2018b; Летучий 2017, 2022; Тематический блок 2018; Кустова 2024]; в этих публикациях приводится также практически

⁵ В коллокациях с *каюк*, *кирдык*, *конец*, *кранты*, *крышка*, *хана* и т. п. наряду с *БЫТЬ* выступают глаголы *настать*, *наступить*, *прийти*, ...

исчерпывающая библиография вопроса. Формальное описание конструкций типа *Мне стыдно* в русском и сербском языках предложено в статье [Meľčuk, Milićević 2024], результаты которой широко используются ниже.

2. Иллюстративная фраза (3) и ее формальные представления

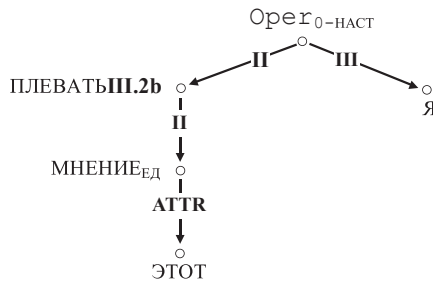
(3) *Мне плевать на это мнение.*

Буквальное прочтение данной Сем-структуры:

‘Я считаю, что это мнение несущественно,
что каузирует, что я не считаюсь с ним’

Фигура 1: Сем-структура фразы (3)

Фигура 2: ГСинт-структура фразы (3)

Два комментария к Фиг. 2:

1. Вершинный глагол $Oper_0$ имеет ГСинт-актанты II и III, но не имеет ГСинт-актанта I. Это явление хорошо известно: в русском языке наличествует целое семейство подобных глаголов, называемых **безличными**: *Меня знобит, лихорадит, рвет, тошнит* и т. д. На ПСинт-уровне такой глагол получает нулевое подлежащее-«пустышку», см. ниже⁶.

2. В ГСинтС фразы (3) наблюдается синтаксическое явление, известное как **миграция**, или **переподчинение** (= **подъем**), **актантов**. Дело в том, что в синтаксически полноценном предложении лексема *плеватьIII.2b* употребляется, как было

⁶ Глаголы этого типа имеются во многих языках; например, лат. *Me paenitet erroris mei* букв. ‘Меня раскаивает в ошибке моей’, фр. *Il s’agit d’un problème* букв. ‘Оно действует [= речь идет] об одной проблеме’ или нем. *Es geht ums Geld* букв. ‘Оно идет о деньгах’. (Безличные местоимения *il* и *es* являются семантически пустыми и не соответствуют никакому ГСинт-актанту глагола.)

отмечено выше, только вместе с одним из своих $V_{(support)}$ — с глаголом БЫТЬ или СТАТЬ⁷.

Другими словами, ПЛЕВАТЬ**III.2b** является базой коллокации, где в качестве коллоката выступает $V_{(support)}$. Как известно, в таких коллокациях синтаксические актанты базы, или ключевого слова, могут или должны переподчиняться глаголу $V_{(support)}$ ⁸; во фразе (3) лексема я, «исконный» ГСинт-актант **III** лексемы ПЛЕВАТЬ**III.2b** (см. ее модель управления на стр. 196), обязательно становится ГСинт-актантом **III** глагола $V_{(support)}$ и непрямым (= дательным) дополнением его поверхностной реализации — глагола БЫТЬ**I.1**.

Фигура 3: ПСинт-структура фразы (3)

Я_{ДАТ} Ø_{НАСТ}^{БЫТЬ.1} ПЛЕВАТЬ**III.2b** НА2 ЭТОТ_{СРЕД, ЕД, ВИН} МНЕНИЕ_{ЕД, ВИН}

Фигура 4: ГМорф-структура фразы (3)

3. Словарная статья лексемы ПЛЕВАТЬ**III.2b**

Объект описания в данном разделе — лексема ПЛЕВАТЬ**III.2b**; ее полная словарная статья приводится ниже. Однако поскольку целесообразно представить ПЛЕВАТЬ**III.2b** на фоне других лексем той же вокабулы, сначала выписан так называемый **синописис**, т. е. оглавление словарной суперстатьи вокабулы ПЛЕВАТЬ.

Каждая глагольная лексема подается в той видовой форме, которая наиболее соответствует ее смыслу (в соответствии с [Апресян 2010: 59–60]).

Данная словарная статья в достаточной степени параллельна словарным статьям предикативов безразлично и больно¹ [Апресян В. 2014] в *Активном словаре*

⁷ В аналогичных коллокациях, где базой является предикатив состояния, могут появляться еще несколько подобных псевдосвязочных глаголов, таких, как БЫВАТЬ, СДЕЛАТЬСЯ или ОКАЗАТЬСЯ.

⁸ В зависимости от ключевого слова или от $V_{(support)}$.

Ю. Апресяна [Апресян (ред.) 2014]; синонимы, конверсивы и антонимы заимствованы, по большей части, из [Апресян В. 2017].

ПЛЕВАТЬ

Означающее [общее для всех лексем вокабулы]

/pl'ev-(át')/ *плев-(ать)*; /pl'uj-(ù)/ *плю-(ю)*; /pl'ún-(ut')/ *плюн-(уть)*

плюнуть I.a	‘X вытолкнул изо рта сгусток слюны(, направив его в/на Y)’ <i>И Иван_X плюнул (в яму_Y). [НЕСОВ: плевать I.a]</i>
плевать I.b	‘X выталкивает изо рта Z-ы одни за другими, направляя их в/на Y’ <i>Девушки_X плевали шелуху_Z/шелухой_Z семечек на тротуар_Y. [СОВ: сплюнуть]</i>
плевать II	‘X выталкивает сущность Z (из своей части W) (, направляя Z в/на Y,) — X ‘как бы’ плюет I.b Z-ом (в/на Y)’ <i>«Ламборгини» плюет огнем_Z из глушителя_W. Ивану плюнуло в лицо_Y жидким свинцом_Z. [СОВ: плюнуть II]</i>
плюнуть III.1	‘X пренебрег Y-ом — X ‘как бы’ плюнул I.a на Y’ <i>Иван_X плюнул на прекрасную зарплату_Y. [НЕСОВ: плевать III.1]</i>
плевать III.2a	‘X не считается с Y-ом, что каузируется тем, что X считает Y несущественным, — X ‘как бы’ плюет I.a на Y’ <i>Иван_X плевал и плюет на все приказы_Y. [СОВ: наплевать]</i>
плевать III.2b	‘X считает Y несущественным, что каузирует, что X не считается с Y-ом, — X ‘как бы’ плюет I.a на Y’ <i>Ивану_X было плевать на все приказы_Y.</i>

☛ В верхние полускобки ‘ ’ заключаются идиомы.

Первые пять лексем этой вокабулы, т. е. плюнуть I.a — плевать III.2a, являются глаголами, тогда как лексема плевать III.2b — наречие-предикатив. Я позволяю себе отвлечься от обсуждения проблемы, может ли наречная лексема (в данном случае, предикатив) находиться в одной вокабуле с глаголами. О лексемах плюнуть III.1, плевать III.2a и плевать III.2b см. [Шмелев 2015].

ПЛЕВАТЬ III.2b, наречие; предикатив [= употребляется только с V_(support), который является псевдосвязочным глаголом]; разг.-сниж.; сравн. степень: *еще больше П.*

Означаемое = Толкование

‘X-у быть плевать на Y’ = ‘X считает Y несущественным, что каузирует, что X не считается с Y-ом, — X ‘как бы’ плюет I.a на Y’

быть плевать III.2b $\approx$ *CONV₀₂₁(плевать III.2a)*

Ивану_{III} было плевать на соседей_{II}. $\cong$ Иван_I плевал на соседей_{II}.

Синтактика

Модель управления

_____	‘Y’ ⇔ II	‘X’ ⇔ III
1. Ø _{ПУСТОЕ} (3, сред)ЕД	1. на N _{ВИН} 2. на то, что ПРЕДЛ 3. что ПРЕДЛ 4. ПРЕДЛ(L(местоим, относит)) 5. если/когда/ли ПРЕДЛ	1. N _{ДАТ}

1) C_I : обязательно Ø_{ПУСТОЕ}_{(3, сред)ЕД} ⇒ Ø_{ПУСТОЕ}_{(3, сред)ЕД} ← подлежащее–V_(support)

2) C_{II.1-4} : возможно L(‘Y’)←III–ПЛЕВАТЬ III.2b ⇒ L(‘Y’)←IV–V_(support)

3) C_{III} : обязательно L(‘X’)←III–ПЛЕВАТЬ III.2b ⇒ L(‘X’)←III–V_(support)

C_{II.1/2} + C_{III} : (Нам) плевать на его мнение <на то, что он думает>.

C_{II.3/4} + C_{III} : (Нам) плевать, что Иван ушел <почему/куда/с кем Иван ушел>.

C_{II.5} + C_{III} : (Нам) плевать, если Иван ушел. | Ушел ли Иван, (нам) плевать.

Лексические функции

Syn : разг.-сниж. *наплевать II*, неприл. *на...ть II*, разг. *начихать*, разг. *начхать*

Syn_n : [быть] безразлично, [быть] ‘все равно’; разг.-сниж. [быть] ‘до лампочки’, разг.-сниж. [быть] ‘до фонаря’; сленг ‘не гребет’, сленг ‘не колышет’; [быть] неважно; разг. [быть] ‘ни жарко ни холодно’; разг.-сниж. [быть] ‘один фиг’, груб. [быть] ‘один хрен’, разг.-сниж. [быть] ‘один черт’; сленг [быть] ‘по барабану’, разг.-сниж. [быть] ‘пó фиг(у)’; сленг [быть] фиолетово

Conv_{32n} : сленг *забить* [на Y]; *игнорировать* [Y]; неприл. *класть* [на Y] <неприл. ‘класть с прибором’ [на Y]; ‘махнуть рукой’ [на Y]; [от Y-а] *отмахнуться* [от Y-а]; не обращать внимания [на Y]; не париться; разг.-сниж. ‘плевать хотел’ [на Y]; пренебречь [Y-ом]

Anti_n : беспокоиться [об Y-е]; обращать внимание [на Y]; соблюдать [Y]; считаться [с Y-ом]; учитывать [Y]

Able₁ : равнодушный

Able₂ : неважный, несущественный

Magn : абсолютно, глубоко, ‘с высокой колокольни’, совершенно, ‘тысячу раз’; ‘и растереть’

Oper₀ : быть I.1 [N_{X-ДАТ} ~ на N_{Y-ВИН}] | нет неличных форм и формы императива мн. числа; форма императива ед. числа **будь** может употребляться только для выражения ирреалиса

InserOper₀ : *стать* [N_{X-ДАТ} ~ на N_{Y-ВИН}] | нет неличных форм и форм императива

Примеры

— *А сколько это будет стоить, нам плевать.* — *Ну, мне еще больше плевать.* | *Всем было тысячу раз плевать (на то), что мы ездили на Кавказ.* | *Ивану стало глубоко плевать, что там пишут в книгах.* | *Будь Ивану плевать на это, он бы не ушел.* | — *Плевать,* — *ответил Иван.*

Комментарии

1. Правила 1) и 3), следующие за моделью управления, описывают обязательное переподчинение поверхностно-синтаксического подлежащего и глубинно-синтаксического актанта Π_X лексемы ПЛЕВАТЬ III.2b опорному глаголу.

ГСинтА Π_Y , т. е. на кого/что X-у плевать, может оставаться при ПЛЕВАТЬ III.2b, но может и перейти к $V_{(support)}$ — при условии, что он выражен способами 1–4; в таком случае данное выражение становится ГСинт-актантом IV этого $V_{(support)}$: см. правило 2).

2. НАПЛЕВАТЬ I.a — как в *наплевали на пол*, НАПЛЕВАТЬ I.b — как в *наплевали гору шелухи*.

3. Поскольку опорные глаголы БЫТЬ I.1 и стать в данных коллокациях безличные (т. е. имеют пустое подлежащее), они не могут выражать **граммему** императива. Однако у БЫТЬ I.1 **форма** императива ед. числа *будь* имеется — она выражает смысл ирреалиса ('если бы').

4. Невозможно не отметить изобилие в русском языке синонимов и конверсивов для выражения идеи безразличия/пренебрежения — и это еще без производных от точного синонима НАПЛЕВАТЬ II (таких, как *наплевательский* и *наплевизм*), от квазисинонима 'по фигу' (*пофигизм*), и т. д.

4. Некоторые существенные понятия

Коллокация

Семантически композиционное фразеологическое словосочетание (= фразема), состоящее из двух компонентов:

- **база** — лексема L, выбираемая Говорящим для выражения определенного смысла свободно (т. е. независимо от других лексем);
- **коллокат** — лексема L', выбираемая Говорящим для выражения определенного смысла не свободно, а как функция от L. Например: *заклятый* [коллокат] *враг* [база] или *одержать* [коллокат] *победу* [база].

Лексема

Множество словоформ и словосочетаний — аналитических форм, которые различаются только словоизменительными (= флективными) элементами. Например:

ПЛЮНУТЬ I.a = { *плюну, плюнешь, ..., плюнул, плюнула, плюнуло, плюнули, плюнь, плюнул бы, ..., плюнуть, плюнувший, плюнувшего, ..., плюнув, ..., плюю, ..., плевал, ..., буду плевать, будешь плевать, ..., плюй, ..., плевал бы, ..., плевать, плюющий, ..., плюнув, плюя* }

Опорный глагол

Глагольный коллокат именной базы L, который является семантически пустым в контексте лексемы L и используется исключительно для «оглаголивания» этой L, т. е. в качестве как бы вспомогательного глагола. Из-за их семантической неполноценности опорные глаголы часто называют **легкими**. В соответствии с их актантной структурой, опорные глаголы делятся на три типа:

- Oper_i, у которого L является ГСинт-актантом II;
- Func_i, у которого L является ГСинт-актантом I; и
- Labor_{ij}, у которого L является ГСинт-актантом III или выше.

Предикативы

Множество слов и словосочетаний (≈ 450 , по данным статей [Циммерлинг 2017, 2018b: 21]), включающее в себя, наряду с предикативами состояния, предикативы модальности (можно, нужно), восприятия (видно, известно), оценки (трудно, вредно) и другие; подкласс наречий.

Унилексема

Лексема, которая употребляется только в составе фраземы — идиомы (‘про-валиться в ТАРТАРАРЫ¹, ‘ТЮТЕЛЬКА в ТЮТЕЛЬКУ¹) или коллокации (*Пиррова победа, одержать победу*).

Литература

- Апресян В. Ю. Словарные статьи БЕЗРАЗЛИЧНЫЙ^{1,2} и БОЛЬНО¹ // Апресян Ю. Д. (ред.) 2014: 202 и 317–318.
- Апресян В. Ю. Словарная статья ЗАБИТЬ⁸ // Апресян Ю. Д. (ред.) 2017: 429–430.
- Апресян Ю. Д. Синтаксические признаки лексем // Russian Linguistics. 1985. Т. 9. № 2/3. С. 289–317.
- Апресян Ю. Д. Лексикографические портреты (на примере глагола БЫТЬ) // Научно-техническая информация. 1992. Сер. 2. № 3. С. 20–33.
- Апресян Ю. Д. Введение // Проспект активного словаря русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 17–152.
- Апресян Ю. Д. Словарная статья глагола БЫТЬ: исправленное и дополненное издание // Slavica Svetlanica. Язык и картина мира. К юбилею Светланы Михайловны Толстой / Под ред. А. Гуры, О. Беловой, Е. Березович. М.: Индрик, 2013. С. 9–30; см. также [Апресян Ю. Д. (ред.) 2014: 394–401].
- Апресян Ю. Д. (ред.). Активный словарь русского языка. Т. 1. А — Б. М.: Языки славянской культуры, 2014. 408 с.; Т. 3. Д — З. М.: Языки славянской культуры, 2017. 768 с.
- Иомдин Л. Л. Синтаксические фраземы: между лексикой и синтаксисом // Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие грамматики и словаря / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 141–190.

Кустова Г. И. Семантика предикатов и функции инфинитивов в конструкции “предикатив + инфинитив” в русском языке // *Russian Linguistics*. 2024. Т. 48. № 5. С. 1–20.

Летучий А. Б. Предикативы // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. 2017 [Электронный ресурс]. URL: <http://rusgram.ru> (дата обращения 17.08.2024).

Летучий А. Б. Предикативы в системе русских признаков слов — наречий и прилагательных // *Вестник Томского государственного университета. Филология*. 2022. № 76. С. 105–147. doi: 10.17223/19986645/76/5.

Мельчук И. А. Снова про глагол быть — три новые лексемы и кое-что еще // *Язык как он есть: сборник статей к 60-летию Андрея Александровича Кибрика* / Под ред. Т. Давидюк, И. Исаева, Ю. Мазурова, С. Татевосова, О. Федоровой. М.: Буки Веди, 2023. С. 388–397. См. также:

URL: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/books/2023/aak60/aak60_59.pdf (дата обращения 17.08.2024).

Тематический блок «Именные предикативы и дативные модели предложения в славянских языках» на Международном съезде славистов, 2018, Белград. [Электронный ресурс]. URL: <http://mpgu.su/isli/proektyi/tematicheskij-blok-imennyye-predikativyi-i-dativnyie-modeli-predlozheniya-v-slavyanskikh-yazyikah-na-mezhdunarodnom-sezde-slavistov-2018/> (дата обращения 17.08.2024).

Циммерлинг А. В. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. 2017. № 16 (= 23). [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dialog-21.ru/media/3964/zimmerlingav.pdf> (дата обращения 17.08.2024).

Циммерлинг А. В. Имперсональные конструкции и дативно-предикативные структуры в русском языке // *Вопросы языкознания*. 2018а. № 5. С. 7–33.

Циммерлинг А. В. Предикативы и предикаты состояния в русском языке // *Slavistična revija*. 2018b. № 1. С. 45–64.

Циммерлинг А. В., Трубицина М. В. Дативные и сентенциональные подлежащие в русском языке: от внутренних состояний к общим суждениям // *Rhema. Рема*. 2015. № 4. С. 71–104.

Шмелев А. Д. Жесты и слова: соотношение вербальных и невербальных элементов в русской речи // *Русский язык и культура. Изучение, методы, подходы и интерпретации* / Под ред. Д. Мерилла, А. Логунова, В. Проскуриной. М.: Эдиториал УРСС, 2015. С. 127–151.

Щерба Л. В. О частях речи в русском языке // Щерба Л. В. *Языковая система и речевая деятельность*. М.: Эдиториал УРСС, 2004. С. 77–100.

Meľčuk I., Milićević J. Two predicative-of-state constructions in Russian and Serbian (*Marii_{DAT} stydno / Mariju_{ACC} je sramota* ‘Mary is ashamed’) // Paper presented at the conference Formal Approaches to Slavic Linguistics (FASL) 33, Halifax (Nova Scotia, Canada), May 16–19, 2024.

Сокращения и обозначения

ГМорфС	: глубинно-морфологическая структура
ГСинтС	: глубинно-синтаксическая структура
ПСинтС	: поверхностно-синтаксическая структура
L _{ПС}	: лексема-предикатив состояния
L('X')	: лексема, выражающая смысл 'X'
V _(support)	: опорный глагол
∅ _{(3, сред)ЕД} ^{ПУСТОЕ}	: пустое нулевое подлежащее
∅ _{НАСТ} ^{БЫТЬ.1}	: нулевая словоформа глагола БЫТЬ в настоящем времени
I, II, ...	: глубинно-синтаксические актанты
'L ₁ , L ₂ , ..., L _n '	: идиома L ₁ , L ₂ , ..., L _n

I. Mel'čuk

Observatoire de linguistique Sens-Texte, Université de Montréal

(Canada, Montréal)

igor.melcuk@umontreal.ca

PSYCHOLOGICAL PREDICATE PLEVAT'III.2b

The paper considers the syntactic construction with the lexeme PLEVAT'III.2b 'do not care', lit. 'to spit' (as in the sentence *A mne plevat' na ix mnenie!* 'Well, I don't care about their opinion!'); PLEVAT'III.2b is an adverbial psychological predicative. The paper offers a concise characterization of Russian psychological predicatives and the corresponding constructions. These constructions have three particularities: 1) they feature an essential divergence between their semantic and their syntactic organizations; 2) they are collocations of a predicative with the verb БЫТ' 'to be'; 3) many of them are impersonal, that is, they have an empty zero subject; all show the migration (= transfer) of actants from the predicative to the verb БЫТ'. The formal structures of the illustrative sentence with the collocation БЫТ' PLEVAT'III.2b are presented on the semantic, deep-syntactic, surface-syntactic and deep-morphological levels. The paper gives a full lexical entry for PLEVAT'III.2b (in the framework of the Explanatory Combinatorial Lexicography), which is supplied with a list of the lexemes of the vocable PLEVAT' 'to spit'. A small glossary of several essential notions, such as **collocation** and **support verb** concludes the paper.

Keywords: Russian language, psychological predicatives, impersonality, empty zero syntactic subject, formal representation of sentence structures, collocations.

References

- Apresjan Yu. D. [Syntactic features of lexemes]. *Russian Linguistics*, 1985, vol. 9, no. 2/3, pp. 289–317. (In Russ.)
- Apresjan Yu. D. [Lexicographic portraits (with the verb БЫТ' 'be' as example)]. *Nauchno-tekhnicheskaya informatsiya. Ser. 2*, 1992, no. 3, pp. 20–33. (In Russ.)
- Apresjan Yu. D. [Introduction]. Apresjan Yu. D. (ed.). *Prospekt aktivnogo slovarya russkogo yazyka* [Outline of an active dictionary of Russian]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010, pp. 17–152. (In Russ.)
- Apresjan Yu. D. [Lexical entry for the verb БЫТ' 'be': a corrected and completed edition]. *Slavica Svetlanica. Yazyk i kartina mira. K yubileyu Svetlany Mikhailovny Tolstoi* [Slavica Svetlanica. Language and the picture of the world]. Moscow, Indrik Publ., 2013. pp. 9–30. See also [Apresjan Yu. D. (ed.) 2014: 394–401]. (In Russ.)
- Apresjan Yu. D. (ed.). *Aktivnyi slovar' russkogo yazyka* [Active dictionary of Russian]. Vol. 1. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014; Vol. 3. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2017.
- Iomdin L. L. [Syntactic Phrasemes: Between Lexicon and Syntax]. Apresjan Yu. S., Bogul'svskii I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa. Vzaimodeistvie grammatiki i slovarya* [Theoretical problems of Russian syntax. Interaction between grammar and lexicon]. Moscow, Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2010, pp. 141–190. (In Russ.)
- Kustova G. I. [Semantics of predicatives and functions of infinitives in constructions "predicative + infinitive" in Russian]. *Russian Linguistics*, 2024, vol. 48, no. 5, pp. 1–20. (In Russ.)
- Letuchii A. B. [Predicatives]. *Materialy dlya proekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki* [Materials for the project of a corpus description of Russian grammar]. 2017. Available at: <http://rusgram.ru> (accessed 17.08.2024).
- Letuchii A. B. [The place of the predicative in the system of Russian attributive words (adverbials and adjectives)]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2022, no. 76, pp. 105–147. doi: 10.17223/19986645/76/5 (In Russ.)
- Mel'čuk I. A. [The verb БЫТ' 'be' once again: three new lexemes and something else]. *Yazyk kak on est': sbornik statei k 60-letiyu Andreyu Aleksandrovicha Kibrika* [Language as it is: Collection of papers to commemorate the 60th anniversary of A. A. Kibrik]. Ed. by T. Davidyuk, I. Isaev, Ju. Mazurova, S. Tatevosov, O. Fedorova. Moscow, Buki Vedi Publ., 2023, pp. 388–397. Available at: https://iling-ran.ru/web/sites/default/files/books/2023/aak60/aak60_59.pdf (accessed 17.08.2024). (In Russ.)
- Mel'čuk I., Milićević J. Two predicative-of-state constructions in Russian and Serbian (*Marii_{DAT} stydno / Mariju_{ACC} je sramota* 'Mary is ashamed'). Paper presented at the conference *Formal Approaches to Slavic Linguistics* (FASL) 33, Halifax (Nova Scotia, Canada), May 16–19, 2024.
- Scherba L. V. [Parts of speech in Russian]. Scherba L. *Yazykovaya sistema i rechevaya deyatel'nost'* [Language system and speech activity]. Moscow, Editorial URSS Publ., 2004 [1928], pp. 77–100. (In Russ.)

Shmelev A. D. [Gestures and words: correlations between verbal and non-verbal elements in Russian speech]. *Russkii yazyk i kul'tura. Izuchenie, metody, podkhody i interpretatsii* [Russian language and culture. Study, methods, approaches and interpretations]. Ed. by J. Merrill, A. Logunov, V. Proskurina. Moscow, Edirtorial URSS Publ., 2015, pp. 127–151. (In Russ.)

Tematicheskii blok. “*Imennye predikativy i dativnye modeli predlozheniya v slavyanskikh yazykakh*” na Mezhdunarodnom s”ezde slavistov [“Nominal predicates and dative sentence models in Slavic languages” at International Congress of Slavists], 2018, Beograd. Available at: <http://mpgu.su/isli/proektyi/tematicheskii-blok-imennye-predikativyi-i-dativnyie-modeli-predlozheniya-v-slavyanskikh-yazyikah-na-mezhdunarodnom-sezde-slavistov-2018/> (accessed 17.08.2024).

Zimmerling A. V. [Russian predicates in the mirror of experimentation and corpus grammar]. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*, 2017, no. 16 (= 23). Available at: <https://www.dialog-21.ru/media/3964/zimmerlingav.pdf> (accessed 17.08.2024). (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Impersonal constructions and dative-predicative structures in Russian]. *Voprosy yazykoznaniya*, 2018a, no. 5, pp. 7–33. (In Russ.)

Zimmerling A. V. [Predicates and predicates of state in Russian]. *Slavistična revija*, 2018b, no. 1, pp. 45–64. (In Russ.)

Zimmerling A. V., Trubicina M. V. [Dative and sentential subjects in Russian: from internal states to general judgments]. *Rhema. Rema*, 2015, no. 4, pp. 71–104. (In Russ.)

И. В. Нечаева

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

(Россия, Москва)

inechaeva@mail.ru

ПРАВОПИСАНИЕ НОВЕЙШИХ ЗАИМСТВОВАНИЙ И ОРФОГРАФИЧЕСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

В статье речь идет о способе словарной кодификации заимствований с опорой на орфографический прецедент. На лексических примерах показано, что опора лишь на внутренние аналогии в русском языке без учета этимологических влияний не оправдывает себя. Узус как среда формирования орфографической нормы не подчиняется диктату прежних аналогий. Так, утрата консонантного удвоения в слове *блог(г)ер* не влечет за собой аналогические процессы в неологизмах *триггер*, *джиггер* и *шоппер* и др. Напротив, при поддержке словарной фиксации вариантов *парти* и *пати* время выявило предпочтительный вариант (*пати*), и колебания в узусе практически сошли на нет. В статье приводятся случаи, когда неосторожно выбранный и рекомендуемый вариант написания породил целый ряд нежелательных орфографических аналогий вследствие применения закона унификации: напр., *ВИП-персона* (с использованием прописных) и другие сложения в количестве тридцати четырех единиц.

Неединственность лингвистических оснований при выборе написания имеет следствием оправданную письменную вариативность. Это касается не только заимствованной лексики, но относится также к некоторым лексическим группам в основной системе (сложные прилагательные, наречные сочетания, слова с корневыми чередованиями и др.). Действующий в настоящее время орфографический диктат де-факто не приводит к единообразию письменной практики. Разумеется, принятие вариативных написаний означает разбиение орфографических норм на строгие, обязательные к исполнению, и нестрогие, допускающие отклонения, но этого не следует опасаться, поскольку данная антиномия заложена в самой природе языка, в том числе и в его письменной форме.

Ключевые слова: заимствование, орфография, орфографический прецедент, словарь, словарный порядок, вариативность, норма, унификация.

Вступив в третье десятилетие XXI века, мы по-прежнему можем констатировать, что процесс интенсивного иноязычного заимствования в русском языке

продолжается. Происходит достраивание денотативных рядов (например, к уже существующему иноязычию *фастфуд* добавляются *стрит-фуд*, *дэсанк-фуд*, *ком-форт-фуд*), не прекращается вторичное заимствование (*локация* ‘место, местонахождение’ при более раннем заимствовании в процессуальном значении ‘определение местонахождения’, *амбассадор* ‘представитель бренда’ при более раннем заимствовании в значении ‘посол при международной организации’), образуются композиты (*мейнстрим-медиа*, *джип-сафари*, *промоакция*, *вакцинофобия*, *пост-локдаун*), сленг пополняется производными от заимствований (*банить*, *троллить*, *хакнуть*, *гифка*, *татушка*, *френд-лента*), появляются семантические дериваты (*бюджетный* ‘недорогой, подходящий данному конкретному бюджету’, *токсичный* ‘негативно влияющий, создающий вокруг себя нездоровую обстановку’, *мажор* ‘представитель “золотой молодежи”’). За последние три десятилетия подготовлено немало словарей, авторы которых спешат зафиксировать иноязычные по происхождению приобретения русского языка. Это и моноязычные словари [Комлев 2000; Зенович 2000; Крысин 1998, 2005, 2011; Захаренко и др. 2003, 2006, 2008; Шагалова 2019 и др.], и переводные (например, [Улуханов, Хебекер и др. 2007]). И каждый раз неизбежно встает вопрос о той письменной форме, в которой новое слово должно быть отображено в словаре.

Лексика, которая была заимствована языком в 1990-е и в начале 2000-х, уже давно описана в лексикографии (хотя иногда и в разном орфографическом облике). Казалось бы, по миновании первой волны заимствования должны были сформироваться некие закономерности письменной передачи иноязычий. Подобное должно передаваться подобным образом — это общепринятое представление принимается как главный постулат орфографической унификации. Но что есть подобное и как быть, если подобные в каком-л. отношении слова неподобны в другом отношении? А такое встречается довольно часто. Поэтому при взгляде на практику современного письма мы отмечаем, что во многих случаях это правило уподобления не работает и узуальная вариативность написаний в настоящее время едва ли менее распространена, чем три десятилетия назад.

Попытка нивелировать орфографическую вариантность в сфере иноязычной неологии связана с принципом орфографического прецедента, сформулированного В. В. Лопатиным в одной из своих работ: «именно используя метод, который я продемонстрировал вам на словах “риелтор” и “офшор”, метод опоры на орфографический прецедент, на тип написания аналогичных в той или иной степени слов, можно сразу рекомендовать единственный вариант написания слов в качестве обязательного, канонического» [Лопатин 2007: 726]. Для слова *офшор* цитируемый автор использует аналогии со словами *офсайд*, *офсет* и *офис*, пишущимися без удвоения согласного “ф”, а для слова *риелтор* — со словами *диета*, *дизель*, *абитуриент* (“е”, а не “э” после “и”). Такие уподобления всегда использовались в русской орфографии в правописании исконных слов (хотя и при допущении так называемых «исключений»); В. В. Лопатин распространяет данный метод на иноязычные неологизмы. Тем самым имплицитно существующий подход к явлениям письма приобретает эксплицитную формулировку.

Теперь, по прошествии времени, мы можем наблюдать, как работает принцип орфографического прецедента на материале новейших заимствований (и работает ли?). Рассмотрим несколько примеров.

1. Интенсивные дискуссии о правописании слова *блоггер* ~ *блогер* при активной поддержке «Русского орфографического словаря» и его редакторов завершились, пожалуй, победой написания с упрощением удвоения: *блогер*. Но, как можно было ожидать, появились новые иноязычия с той же орфографической проблемой: *триггер* [англ. trigger ‘спусковой крючок’] при [trig ‘тормозить, заклинивать, защелкивать’], *джиггер* [англ. jigger ‘мерный стаканчик бармена’] при [jig — ‘шаблон, калибр’], *шоппер* [англ. shopper ‘сумка для покупок’] при [shop ‘покупать’], которые этому прецеденту пока что не следуют. (О проблеме сохранения ~ утраты консонантного удвоения в подобной позиции немало уже сказано, см., например, [Нечаева 2012а: 76], [Кронгауз 2008: 74–76]). Вряд ли без нормализаторского давления эти слова утратят присутствующее в них удвоение согласного — это противоречило бы современному тренду ориентации на язык-источник. Во всяком случае, на данный момент аналогия, связанная со словом *блогер*, в узусе не работает. Налицо уже описанная в прошлом оппозиция синхронно-парадигматического и этимологического принципов в орфографическом нормировании [Нечаева 2014: 543]: внутрисистемные факторы написания находятся в противоречии с влиянием языка — источника заимствования.

2. Осознаваемая двухосновность и очевидная морфемная делимость неологизмов *джанк-фуд* [junk food] ‘вредная еда’, *стрит-фуд* [street food] ‘уличная еда’, *комфорт-фуд* [comfort food] ‘привычная еда из детства, которая ассоциируется с уютом’ сыграли свою роль: в своем дефисном оформлении эти слова противостоят аналогии с ранее заимствованным словом *фастфуд*, которое обрело слитную кодификацию благодаря «Русскому орфографическому словарю», но в узусе колеблется до сих пор (см., напр., статью в Википедии). Как быть лексикографу? Загонять эти неологизмы в прокрустово ложе нормативно-словарных аналогий во имя орфографической унификации? Но если можно еще допустить, что первые два слова последуют слитному написанию прецедента *фастфуд*, то *комфорт-фуд*, благодаря аналогии с *комфорт-классом*, — вряд ли, и, следовательно, унификация все равно будет нарушена.

3. Выше уже говорилось о слове *офшор* и о том, благодаря каким сопоставлениям оно обрело приведенное здесь написание. Однако более поздний неологизм с тем же этимологическим префиксом *оффтопик* [offtopic] ‘сетевое сообщение, выходящее за рамки ранее установленной темы’ ожидаемо испытывает узуальные колебания по удвоению согласного, несмотря на словарный орфографический прецедент (и статистически узус склоняется в пользу этимологического удвоения). Конкуренция внутрисистемного и этимологического факторов в неологии дает о себе знать и в очередной раз проявляется в орфографии.

4. Появление в языке аббревиатур иноязычного происхождения обнаружило еще одну орфографическую тенденцию, на этот раз касающуюся прописной графемы.

Еще недавно считалось, что «звукосимвольные инициальные аббревиатуры пишутся прописными буквами» (кроме слов *вуз, втуз, дот, дзот*, иногда *нэп* и *загс*) (§ 205), тем более это касается заимствований (§ 207) [Лопатин (ред.) 2009: 168–169]. Поэтому сокращение *ВИП* [very important person] с его все расширяющимся гнездом (*ВИП-пассажир, ВИП-трибуна, ВИП-парковка* и др.) и *ПИН* [personal identification number] (*ПИН-код*) так и зафиксированы в «Русском орфографическом словаре». Надо ли говорить, что узус не следует этим рекомендациям и уже давно преобразует ненужные для нарицательных слов прописные графемы в строчные¹, однако существующая словарная кодификация остается неизменной и таким образом создает здесь неупорядоченность. Но неожиданно мы замечаем, что аббревиатурный неологизм 2020-го года *ковид* [corona virus disease] (также в сочетаниях *ковид-госпиталь, ковид-инфицированный, ковид-кризис, ковид-отрицательный, ковид-позитивный, ковид-положительный*) имеет словарную фиксацию строчными буквами — как молчаливое признание несостоятельности прежних установок. Подобное отступление от прецедента можно только приветствовать, но и более ранние заимствования уже требуют корректировки (что неоднократно отмечалось, например в [Нечаева 2017: 453–454]).

5. Один их редчайших случаев словарно закреплённой вариантности являет нам пример статьи *парти* и *пати* [англ. party], а также сложений с этими словами, зафиксированных в «Русском орфографическом словаре» [Лопатин, Иванова 2018]. Вот эти статьи:

па́ти и па́рти, нескл., ж. (вечеринка, званый вечер)

данс-па́ти и данс-па́рти, нескл., ж.

джаз-па́ти, нескл., ж. и **джаз-па́рти**, нескл., ж.

па́рти и па́ти, нескл., ж. (вечеринка, званый вечер)

пресс-па́рти и пресс-па́ти, нескл., м. и с.

В настоящий момент можно с уверенностью констатировать, что освоен и закрепился в языке вариант *пати*², а *парти* практически не употребляется. Новые вхождения с данным корнем (например, *афтепати, пати-бум*) это подтверждают. Напрашивается вывод: способ словарной фиксации вариантов, давно и неоднократно предлагавшийся (например, в [Нечаева 2006] и далее), но не принятый в орфографических словарях до сих пор, оправдывает себя: вариантные формы,

¹ Примеры из «Национального корпуса русского языка»: «Искусственный интеллект научился по видео подбирать четырехзначный пин-код от банковской карты, который граждане вводят в банкомате». Ведомости, 2021.10.24; «Мне представлялось, что это будет зажравшийся богачей, которому нужна в подруги непременно победительница конкурса “Краса России” — для вип-эскорта, как это тогда называлось». А. Слаповский. 100 лет спустя. Письма нерожденному сыну // «Волга», 2009.

² Пример из НКРЯ: «В таких случаях девушка закатывала прощальную пати с изысканными кондитерскими изделиями и хорошими напитками». А. Снегирев. Черный асфальт, желтые листья // Октябрь, 2014.

сосуществующие в языке и словаре, позволяют с течением времени свободно выявлять языковые предпочтения, не навязывая искусственно выбранную орфограмму, что и произошло в данном случае. Теперь непопулярный вариант, на наш взгляд, может уже быть удален и из словаря.

6. Не раз орфографистам приходилось (и приходится до сих пор) отвечать на вопрос, как следует писать слово *капучино* [итал. *sarrossino*]: с удвоением или без удвоения “ч”? «Русский орфографический словарь» однозначно рекомендует писать с одиночной согласной, не давая при этом ответа на вопрос, на каком основании выбрано данное написание. Многолетняя настойчивая работа лексикографов по упрощению этимологических удвоений у заимствований дает свои плоды: в «Национальном корпусе русского языка» (газетный подкорпус, центральные СМИ) в настоящий момент преобладает написание с одиночной согласной (217 примеров в 172 текстах), но и написаний с удвоением тоже немало (106 примеров в 90 текстах). Колебания сохраняются, и причина тому — неэксплицитность мотивов кодификаторского решения.

Вероятно, поэтому при освоении неологизма *фетуччини* [итал. *fetuccini*] ‘один из типов итальянской пасты’ мы снова наблюдаем вариативность написаний с примерно равным распределением вариантов, по данным НКРЯ³ (внешнее фонетико-графическое подобие этих двух заимствований очевидно). Несмотря на орфографический прецедент, закрепленный в словарях, этимология слова и здесь влияет на его кириллическую графическую передачу.

7. В отношении слова *мини-пиг* [от английского словосочетания *mini pig*] кодифицирующий прецедент⁴, казалось бы, сработал — дефисных написаний, по данным НКРЯ, несколько больше, нежели слитных, хотя и незначительного (слитно 24 примера в 10 текстах, дефисно 27 примеров в 25 текстах). Однако возникает вопрос: почему же он не сработал, к примеру, у заимствования *минивэн* [*minivan*], о чем уже писалось, а также у слов *минипьяно* и *миницикл* [Нечаева 2012а: 81–82]? Почему одни слова, казалось бы, подчиняются правилу, а другие нет? Вероятно, на написание заимствованных слов влияют различные условия, и правила русской орфографии отнюдь не единственный фактор в этом ряду (и, похоже, не главный). Дело в том, что дефисная орфограмма заимствования *мини-пиг* поддержана этимологией: оно происходит не от слова, а от словосочетания (в отличие от *минивэна*), и даже тот факт, что *-пиг* не является самостоятельным словом в русском

³ См. примеры: «В *Laff Cafe* делают домашнюю пасту — *фетуччини*, *папарделли* и *спагетти*». Такие разные кафе // Коммерсант, 01.09.2006; «По ночам тренер записался в номере и тайно от всех готовил себе свои любимые *фетуччини*». И. Тарасенко. «Смотрю на Жиркова, а вижу — стейк!». Главный тренер «Челси» Карло Анчелотти сходит с ума по сытным блюдам // Советский спорт, 03.11.2010.

⁴ В соответствии с правилом: «§ 120. Следующие разряды существительных и сочетания существительных пишутся через дефис <...> Слова с первыми частями *диско-* (муз.), *макси-*, *миди-*, *мини-* (как отступление от правила § 117, п. 3), напр.: *диско-клуб*, *диско-музыка*, *максимода*, *миди-юбка*, *мини-платье*, *мини-трактор*, *мини-футбол*, *мини-ЭВМ*» [Лопатин (ред.) 2009: 108].

языке, не имеет существенного значения (хотя, возможно, он сыграет свою роль в будущем).

И так далее. Примеры можно умножить.

Из сказанного логически выводится следующее: одного внешнего подобия слов недостаточно для того, чтобы определять нормативную орфограмму, когда мы имеем дело с неустоявшимися написаниями иноязычных слов. Существуют и другие, более глубокие факторы, может быть не столь очевидные, но не менее существенные. Нельзя основываться только на аналогиях русского языка, не принимая во внимание этимологическое влияние — как в произношении, так и в написании слов, и т. п. Об этих и других случаях орфографических противоречий см. [Нечаева 2012б: 148–154]. Неединственность лингвистических оснований при выборе орфограммы и закреплении за ней нормативного статуса — источник ортологического конфликта в правописании заимствований. Правописная норма формируется под влиянием многих обстоятельств, по своей природе она так же стихийна и малоуправляема, как и норма на других уровнях языка. Приведем цитату из статьи Н. Д. Голева, замечательно иллюстрирующую эту мысль:

«Орфографию следует изучать “как таковую”, как объективную данность, как особый речевой механизм и подсистему языка, которые сложились в течение многовековой практики письма, имеют свои собственные далеко не очевидные закономерности, подлежащие “естественно-научному” изучению. <...> Это ко всему прочему означает, что они (механизм, подсистема и т. д.) отнюдь не предопределены в абсолютной степени предписаниями установителей норм, правил, реформаторами или специалистами в области обучения языку, но имеют свой естественный, стихийный статус» [Голев 2019: 187].

Вернемся теперь к прецеденту, де-факто являющемуся на сегодняшний день основой орфографического нормирования. Очевидно, что смысл его применения заключается в идее единообразия правописания. Отсюда же непримиримость кодификаторской позиции по отношению к орфографическим вариантам, хотя, как мы видели, в отдельных редких случаях варианты все же попадают в орфографические словари. Но достижимо ли полное единообразие написаний? Наблюдения показывают, что по факту оно существует весьма ограниченно в русском письме. Довольно часто орфографические колебания отмечаются в узусе, несмотря на кодификаторские запреты. Это касается не только иноязычий, но и наречных сочетаний, сложных прилагательных, слов с корневыми чередованиями, собственных имен и наименований и др. (см. [Нечаева, Перцов 2020: 12–32]), поскольку вопрос о том, что считать образцом, эталонным написанием, в значительном количестве случаев не имеет убедительного однозначного решения. Дело в том, что написание, назначенное на роль орфографического прецедента, часто не является «единственно верным». При этом новые слова, внешне подобные заимствованным ранее, в соответствии с принципом унификации должны быть оформлены аналогичным образом; тем самым неудачность первоначального выбора при многократном его повторении становится очевидной. Приведем примеры из

«Русского орфографического словаря» (с использованием его электронной версии «Академос» (<https://orfo.ruslang.ru/search>):

1) бай-бэк , -а и <i>нескл.</i> , <i>с.</i> (фин.)	бэк-канти-лагерь , -я, <i>мн.</i> -лагеря, -ей
бэк-вока́л , -а	бэк-канти-поход , -а
бэк-вокали́ст , -а	бэк-о́фис , -а
бэк-вокали́стка , -и, <i>р. мн.</i> -ток	бэк-танцо́щица , -ы, <i>тв.</i> -ей
бэк-канти , <i>нескл.</i> , <i>с.</i> (спорт.)	бэк-фли́п , -а (спорт.)

Почему в данном корне после твердого согласного употреблена буква “э”, а не “е”? Ведь в списке основных исключений в [Лопатин (ред.) 2009] слова с морфемой *бэк* отсутствуют:

«§ 8. Не в начале корня после согласных буква э пишется для передачи гласного э и одновременно для указания на твердость предшествующего согласного в следующих случаях.

1. В немногих нарицательных словах иноязычного происхождения. Перечень основных слов: *мэр, мэтр* ‘учитель, мастер’, *пленэр, пэр, рэкет, рэн, сэр*; то же в производных от них словах, напр.: *мэрия, пэрство, рэкетир*. Круг других слов (преимущественно узкоспециальных) определяется орфографическим словарем» [Лопатин (ред.) 2009: 19–20].

Мотив кодификации остался непроясненным, однако реестр сложений с данным иноязычным корнем быстро пополняется, что создает диспропорцию между правилом и словарем.

2) Еще более продуктивной оказалась аббревиатура *ВИП*: словарный список композитов с этой аббревиатурой, из которых все нарицательные, составляет тридцать четыре единицы (и это не предел). Оформление ее прописными на соответствующей странице словаря буквально «режет глаз», но что делать: ведь ранее был создан орфографический прецедент.

ВИП , -а	ВИП-клу́б , -а
ВИП-автомобиль , -я	ВИП-контра́кт , -а
ВИП-ателье́ , <i>нескл.</i> , <i>с.</i>	ВИП-котте́дж , -а, <i>тв.</i> -ем
ВИП-ба́р , -а	ВИП-купе́ , <i>нескл.</i> , <i>с.</i>
ВИП-биле́т , -а	ВИП-ло́жа , -и, <i>тв.</i> -ей
ВИП-гос́ть , -я, <i>мн.</i> -и, -госте́й	ВИП-меропри́ятие , -я
ВИП-за́л , -а	ВИП-обслу́живание , -я
ВИП-зо́на , -ы	ВИП-отделе́ние , -я
ВИП-зри́тель , -я	ВИП-парко́вка , -и
ВИП-казино́ , <i>нескл.</i> , <i>с.</i>	ВИП-пассажи́р , -а
ВИП-ка́рта , -ы	ВИП-персо́на , -ы
ВИП-кла́сс , -а	ВИП-по́ст , -поста́
ВИП-клие́нт , -а	ВИП-приглаше́ние , -я
ВИП-клиенту́ра , -ы	ВИП-про́пуск , -а

ВИП-ресторáн, -а
ВИП-сéктор, -а
ВИП-сéрвис, -а
ВИП-стационáр, -а

ВИП-трибúна, -ы
ВИП-тури́ст, -а
ВИП-тусóвка, -и, р. мн. -вок

3) А вот пример отступления от прецедента, имеющего столь же категорический характер («единственно верным» стало противоположное изначальному написание) — это слово *шоурум*:

шо́у-... — первая часть сложных слов, пишется через дефис, но: *шоумéн, шоуэ́умен, шоума́н, шоумáния, шоуру́м*
шо́у-áкция, -и
шо́у-балéт, -а
шо́у-биз́нес, -а
шо́у-бизнесме́н, -а
шо́у-го́нка, -и, р. мн. -го́нок
шо́у-группа́, -ы
шо́у-ди́ва, -ы
шо́у-дри́фт, -а
шо́у-индуст́рия, -и

шо́у-кля́сс, -а
шо́у-лотере́я, -и, с. и ж.
шо́у-обозре́ние, -я
шо́у-площа́дка, -и, р. мн. -док
шо́у-представле́ние, -я
шо́у-програ́мма, -ы
шо́у-продю́сер, -а
шо́у-реви́ю, нескл., с.
шоуру́м, -а [изменено, ср. «Русский орфографический словарь» 2012: **шо́у-ру́м, нескл., ж.**]
шо́у-сéрвис, -а
шо́у-теа́тр, -а

(Электронный ресурс «Академос», созданный на базе «Русского орфографического словаря», дает соответствующую ремарку, что невозможно сделать в книге, изданной печатным способом.)

Создав однажды орфографический прецедент, выбрав один вариант написания из возможных, кодификаторы находятся в плену собственного решения (будь оно удачным или ошибочным), закрепляя его в словарном порядке. Предоставление пишущему возможности выбора почему-то расценивается как большая опасность, чем кодификаторская неудача: «Наличие значительного количества точек колебания приведет к катастрофе в системе с большим успехом, чем накопление асистемных элементов» [Бешенкова, Иванова 2016: 74].

О кодифицирующей роли словаря в установлении нормы пишет С. М. Кузьмина: «Обычной является такая последовательность: изучение узуса (практики произношения или письма), затем установление нормы — и, наконец, отражение ее в словаре. Словарь фиксирует норму, несет ее в общество, в повседневное пользование» [Кузьмина 2004: 166]. При этом она признает: «Одним из проявлений неустойчивости норм является то, что словари, как орфоэпические, так и орфографические, дают разные рекомендации» [Кузьмина 2004: 165]. Но что же делать при фиксации иноязычных неологизмов составителям других, не орфографических словарей, например словарей иностранных слов? Не имея возможности однозначно предвидеть будущее кодификаторское решение, они зачастую приводят все встретившиеся им варианты написания неологизма, без какого-либо отбора, и таким образом лишают свой словарь возможности считаться нормативным.

Однако существует и другой путь: с использованием установленных или предполагаемых закономерностей (см., например, [Нечаева 2011]) и узуальных предположений отобрать для словарной фиксации два-три наиболее перспективных варианта. Есть отнюдь не нулевая вероятность, что в будущем один из них (а может быть, и не один) будет выбран языком в качестве нормативного, как это произошло со словом *пати*. Разумеется, вопрос о вариантности написаний нуждается в дальнейшей детальной проработке. Очевидно, что «введение вариативных написаний означает разбиение орфографических норм на строгие, обязательные к исполнению, и нестрогие, допускающие отклонение от строгого стандарта» [Кузьмина 2001: 410]. Но ведь это не прихоть лингвиста — таково объективное состояние языка в его письменной форме. Немало примеров подобных случаев приведено в [Нечаева, Перцов 2020]. При всей императивности русской орфографии в ее кодифицируемом пространстве должна быть зона относительно свободного выбора. Мы уверены, что будущее за таким решением, несмотря на упорное сопротивление сторонников жесткого орфографического режима, установившегося почти век тому назад.

Литература

Бешенкова Е. В., Иванова О. Е. Теория и практика нормирования русского письма. М.: ЛЕКСРУС, 2016. 424 с.

Голев Н. Д. Некоторые проблемы «объективистского» изучения русской орфографии в функционально-прагматическом аспекте // Современное русское письмо: графика, орфография, пунктуация: хрестоматия научных работ. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2019. С. 186–194.

Захаренко Е. Н., Комарова Л. Н., Нечаева И. В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003. 784 с.; 2-е изд. М.: Азбуковник, 2006. 784 с.; 3-е изд. М.: Азбуковник, 2008. 1040 с.

Зенович Е. С. Словарь иностранных слов и выражений. М.: Олимп; ООО Фирма «Издательство АСТ», 2000. 784 с.

Комлев Н. Г. Словарь иностранных слов. М.: ЭКСМО-Пресс, 2000. 672 с.

Кронгауз М. А. Русский язык на грани нервного срыва. М.: Знак; Языки славянских культур, 2008. 232 с.

Крысин Л. П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: «Русский язык» — «Дрофа», 1998. 856 с.; М., изд. 6-е, испр. и доп. М.: ЭКСМО, 2005. 944 с.; изд. 9-е. М.: ЭКСМО, 2011. 944 с.

Кузьмина С. М. Об умягчении нравов русской орфографии (к проблеме вариативности написаний) // Жизнь языка. Сборник статей к 80-летию М. В. Панова. М.: Языки славянской культуры, 2001. С. 406–411.

Кузьмина С. М. Норма в орфоэпических и орфографических словарях // Русский язык сегодня. 3. Проблемы русской лексикографии. М., 2004. С. 165–171.

Лопатин В. В. Проблемы нормирования и опыт орфографической работы // В. В. Лопатин. Многогранное русское слово. М.: ИЦ «Азбуковник», 2007. С. 720–726.

Лопатин В. В. (ред.). Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2009. 432 с.

Лопатин В. В., Иванова О. Е. (ред.). Русский орфографический словарь. 5-е изд., испр. О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2018. 896 с.

Нечаева И. В. Орфографическая нестабильность иноязычных заимствований и проблемы кодификации // Русский язык сегодня. 4. Проблемы языковой нормы. М., 2006. С. 395–412.

Нечаева И. В. Актуальные проблемы орфографии иноязычных заимствований. М.: ИЦ «Азбуковник», 2011. 168 с.

Нечаева И. В. О шоп(н)инге, мини(-)взне и тайнах орфографической кодификации // Русский язык в научном освещении. 2012а. № 1 (23). С. 81–82.

Нечаева И. В. О явлении и случаях двойной орфографической мотивации. // Вопросы культуры речи. Вып. XI. М., 2012б. С. 148–154.

Нечаева И. В. Синхронно-парадигматический принцип в орфографии заимствований: границы его применения // Русский язык: исторические судьбы и современность. V Международный конгресс исследователей русского языка. Труды и материалы. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2014. С. 543. [Электронное издание]. URL: https://www.philol.msu.ru/~rlc2014/docs/Trudy-i-materialy_RLC2014.pdf (дата обращения 29.08.2024).

Нечаева И. В. Употребление прописной графемы: аргументы и факторы // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2017. Вып. 13. С. 449–458.

Нечаева И. В., Перцов Н. В. О вариативности в русской орфографии // Русский язык в научном освещении. 2020. № 1. С. 10–35.

Улукханов И., Хебекер Х., Беленчиков В., Беленчикова Р. Русско-немецкий словарь новых слов. М.: Издательский центр Азбуковник, 2007. 667 с.

Шагалова Е. Н. Словарь новейших иностранных слов. М.: АСТ-Пресс, 2019. 576 с.

I. V. Nechaeva

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences

(Russia, Moscow)

inechaeva@mail.ru

THE SPELLING OF THE LATEST BORROWINGS AND THE SPELLING PRECEDENT

The article deals with the method of dictionary codification of the borrowings based on spelling precedent. Lexical examples show that relying only on internal analogies in the Russian language without taking into account etymological influences does not justify itself. Usage as a medium for the formation of a spelling norm does not obey the dictates of previous analogies. For instance, the loss of consonantal doubling in the word *блог(г)ер* does not entail analogous processes in the neologisms *триггер*, *джиггер* и *шоппер*,

etc. On the contrary, with the support of the dictionary fixation of the *napmu* and *namu* options, time revealed the preferred option (*namu*), and fluctuations in usage practically disappeared. The article cites cases when a carelessly chosen and recommended spelling option has generated a number of undesirable spelling analogies due to the application of the law of unification: for example, *ВИП-персона* (using capital letters) and other combinations (a total of thirty-four units).

The non-uniqueness of linguistic grounds when choosing the spelling results in justified written variability. This applies not only to borrowed vocabulary, but also to some lexical groups in the basic system (complex adjectives, adverbial combinations, words with root alternations, etc.). The current spelling dictate does not lead to the uniformity of the spelling practice. It is clear that the introduction of variable spellings means the division of spelling norms into strict, binding, and non-strict, allowing deviations, but this antinomy is inherent in the very nature of language, including in its written form.

Key words: borrowing, spelling, spelling precedent, dictionary, vocabulary order, variability, norm, unification.

References

Beshenkova E. V., Ivanova O. E. *Teoriya i praktika normirovaniya russkogo pis'ma* [Theory and practice of rationing Russian writing]. Moscow, LEKSUS Publ., 2016. 424 p.

Golev N. D. [Some problems of the “objectivist” study of Russian spelling in a functional and pragmatic aspect]. *Sovremennoe russkoe pis'mo: grafika, orfografiya, punktuatsiya: khrestomatiya nauchnykh rabot* [Modern Russian writing: graphics, spelling, punctuation: a textbook of scientific works]. Publ. House of St. Petersburg Univ., 2019, pp. 186–194. (In Russ.)

Komlev N. G. *Slovar' inostrannykh slov* [Dictionary of foreign words]. Moscow, EKSMO-Press Publ., 2000. 672 p.

Krongauz M. A. *Russkii yazyk na grani nervnogo sryva* [The Russian language is on the verge of a nervous breakdown]. Moscow, Znak Publ., Yazyki Slavyanskikh Kul'tur Publ., 2008. 232 p.

Krysin L. P. *Tolkovyi slovar' inoyazychnykh slov* [Explanatory dictionary of foreign words]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., Drofa Publ., 1998. 856 p.; 6th ed. Moscow, EKSMO Publ., 2005. 944 p.; 9th ed. Moscow, EKSMO Publ., 2011. 944 p.

Kuz'mina S. M. [On softening the mores of Russian spelling (on the problem of spelling variability)]. *Zhizn' yazyka. Sbornik statei k 80-letiyu M. V. Panova* [The life of the language. Collection of articles dedicated to the 80th anniversary of M. V. Panov]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2001, pp. 406–411. (In Russ.)

Kuz'mina S. M. [The norm in orthoepic and spelling dictionaries]. *Russkii yazyk segodnya. 3. Problemy russkoi leksikografii* [The Russian language today. 3. Problems of Russian lexicography]. Moscow, 2004, pp. 165–171. (In Russ.)

Lopatin V. V. [Problems of rationing and spelling experience]. Lopatin V. V. *Mnogogrannoe russkoe slovo* [A multifaceted Russian word]. Moscow, Publ. Center “Azbukovnik”, 2007, pp. 720–726. (In Russ.)

Lopatin V. V. (ed.). *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [The rules of Russian spelling and punctuation. The Complete Academic Handbook]. Moscow, AST-PRESS KNIGA Publ., 2009. 432 p.

Lopatin V. V., Ivanova O. E. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian spelling dictionary]. 5th ed. Comp. by Ivanova O. E., Lopatin V. V., Nechaeva I. V., Chel'tsova L. K. Moscow, AST-PRESS SHKOLA Publ., 2018. 896 p.

Nechaeva I. V. [Spelling instability of foreign language borrowings and codification problems]. *Russkii yazyk segodnya. 4. Problemy yazykovoi normy* [The Russian language today. 4. Problems of the linguistic norm]. Moscow, 2006, pp. 395–412. (In Russ.)

Nechaeva I. V. *Aktual'nye problemy orfografii inoyazychnykh zaimstvovaniy* [Actual problems of spelling of foreign language borrowings]. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2011. 168 p.

Nechaeva I. V. [About shop(p)ing, mini(-)van and the secrets of spelling codification]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2012a, no. 1 (23), pp. 81–82. (In Russ.)

Nechaeva I. V. [On the phenomenon and cases of double spelling motivation]. *Voprosy kul'tury rechi* [Problems of speech culture]. Iss. XI. Moscow, 2012b, pp. 148–154. (In Russ.)

Nechaeva I. V. [The synchronous-paradigmatic principle in the spelling of borrowings: the limits of its application]. *Russkii yazyk: istoricheskie sud'by i sovremennost'. V Mezhdunarodnyi kongress issledovatelei russkogo yazyka. Trudy i materialy* [The Russian language: historical destinies and modernity. V International Congress of Russian Language Researchers. Proceed. and materials]. Publ. House of Moscow Univ., 2014, p. 543. Available at: https://www.philol.msu.ru/~rlc2014/docs/Trudy-i-materialy_RLC2014.pdf (accessed 29.08.2024). (In Russ.)

Nechaeva I. V. [The use of capital graphics: arguments and factors] // *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova* [Proceed. of the V. V. Vinogradov Institute of the Russian Language.] 2017, iss. 13, pp. 449–458. (In Russ.)

Nechaeva I. V., Pertsov N. V. [About the variability in Russian spelling]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2020, no. 1, pp. 10–35. (In Russ.)

Shagalova E. N. *Slovar' noveishikh inostrannykh slov* [Dictionary of the latest foreign words]. Moscow, AST-Press Publ., 2019. 576 p.

Ulukhanov I., Khebeker Kh., Belenchikov V., Belenchikova R. *Russko-nemetskii slovar' novykh slov* [Russian-German dictionary of new words]. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2007. 667 p.

Zakharenko E. N., Komarova L. N., Nechaeva I. V. *Novyi slovar' inostrannykh slov* [A new dictionary of foreign words]. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2003. 784 p.; 2nd ed. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2006. 784 p.; 3rd ed. Moscow, Publ. Center "Azbukovnik", 2008. 1040 p.

Zenovich E. S. *Slovar' inostrannykh slov i vyrazhenii* [Dictionary of foreign words and expressions]. Moscow, Olimp Publ., LLC "Publ. House AST", 2000. 784 p.

Джунгвон Чунг
Национальный университет Чунгбук
(Южная Корея, Чхонджу)
jungwonchung@gmail.com

РУСИЗМЫ В КОРЕЙСКОМ ЯЗЫКЕ И КОРЕИЗМЫ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

В статье рассматриваются русизмы в корейском языке и кореизмы в русском языке. Оба языка заимствуют очень мало слов друг у друга, но причины этого различны. Северная Корея соблюдает принцип лингвистического пуризма, и ранее заимствованные русские слова постоянно заменяются вновь созданными корейскими неологизмами или другими заимствованиями с первичной этимологией. В число русизмов северокорейского языка входят прежде всего научные и профессиональные жаргоны, советизмы и слова, специфичные для русской культуры. А Южная Корея, находившаяся на другой стороне железного занавеса в XX в., имеет очень короткую историю культурных контактов с Россией. Большинство русизмов южнокорейского языка является экзотическими и контекстуально ограниченными культурными словами, тогда как только очень мало русизмов, заимствованных перед или во время Корейской войны, укоренились в южнокорейской лексической системе. С другой стороны, русский язык долгое время не заимствовал слова из корейского из-за отсутствия необходимости и низкого престижа корейского языка в России, и академические словари русского языка до сих пор почти не содержат заглавных слов корейского происхождения. Однако рост всемирной популярности корейской культуры за последние годы привел к появлению многих корейских слов в русскоязычной сети. Большинство из этих новых заимствований являются экзотическими культурными словами и имеют низкий уровень освоения в русской языковой системе. Лингвистическая ситуация в Северной Корее легко не изменится, а существенный рост кореизмов в русском и русизмов в южнокорейском полностью зависит от экстралингвистических факторов, таких как культурные, экономические, политические отношения двух стран.

Ключевые слова: Русизм, кореизм, заимствование, необходимость и престиж, языковой экзотизм, освоение заимствованных слов.

Взаимоотношения между странами и народами оставляют следы в языках. Грецизмы, германизмы, голландизмы, галлицизмы и тюркизмы в русском языке отражают культурное, политическое и религиозное влияние, которое оказали на Россию греческие, немецкие, голландские, французские и тюркские народы.

В отличие от западноевропейских и западославянских языков, в русском языке прямые латинизмы не занимают значительное место среди заимствованных слов, поскольку русские православные христиане не пользовались латинским языком в письменности и не имели тесного культурного контакта со средневековыми католиками, писавшими на нем.

С другой стороны, слова одного языка не всегда проникают в другую лексическую систему в результате непосредственного контакта носителей двух языков. Например, несмотря на то, что русскоговорящие практически не имели возможности общаться с англоязычными в XX в., широкое распространение американской поп-культуры, высокое развитие науки и промышленности в США, а также повышение статуса английского языка как основного языка международного общения способствовали тому, что англицизмы составили значительную долю заимствованных слов в русском языке XX и XXI вв.

Главными факторами заимствования иноязычных слов считаются, прежде всего, необходимость заимствования и престиж заимствованного языка [Hock, Joseph 2019: 240–241]. Заимствования становятся необходимыми, когда люди сталкиваются с новыми предметами и понятиями, пришедшими из других культур, а также с новыми технологиями, явлениями или концепциями, появившимися в других странах.

В данной статье мы рассмотрим русские заимствования в корейском языке и корейские заимствования в русском. Мы обсудим, какие сходства и различия существуют между русизмами и кореизмами в этих языках, а также какие политические, исторические, социологические и культурные особенности народов отражаются в их заимствованиях. Следует отметить, что, хотя корейцы в обеих странах говорят на одном языке и хорошо понимают друг друга без перевода, корейский язык является плюрицентрическим языком де-факто. Южная и Северная Кореи, как отдельные самостоятельные государства, имеют свои собственные языковые стандарты и нормы, а также отдельные лексические и орфографические системы. Поэтому мы вынуждены рассмотреть русизмы в северокорейской и южнокорейской языковых системах отдельно.

1. Русизмы в корейском языке

Россия занимает видное место в мировой политике, экономике и культуре на протяжении веков, начиная с Российской империи. В XX в. при Советском Союзе русский язык также стал одним из языков международного общения, и некоторые слова из русского языка приобрели международную известность и были заимствованы многими языками.

Например, в английском языке насчитывается около 500 заимствований из русского языка с XVI в., а в Оксфордском словаре английского языка содержится около 400 заглавных слов русского происхождения [Podhajecka 2018: 134, 139]. Русизмы занимают 14-е место по количеству среди заимствованных слов в английском языке [Durkin 2014: 25].

Хотя по количеству русизмы составляют заметную часть английской лексики, по качеству они слабо представлены в обыденной коммуникации англоязычных

людей. Пока не входя в повседневное использование, большинство из них являются терминами в области науки и технологии, а также экзотизмами, связанными с русской культурой, которые используются только в узком контексте, ограниченном русской, российской или советской темой [Podhajeska 2018: 153–154].

Аналогичная терминологическая и культурологическая ситуация с русизмами наблюдается и в корейском языке. В обоих вариантах корейского языка русизмы играют незначительную роль как с качественной, так и с количественной точки зрения. Они составляют крайне малую долю в корейской лексике. Причины такого ограниченного количества и узкого спектра применения русизмов в корейском языке различаются в северокорейской и южнокорейской лингвистических системах.

1.2. Русизмы в северокорейском языке

С географической точки зрения Россия является самой близкой европейской страной к Корейскому полуострову. В XIX в., когда Корейское королевство и Российская империя стали соседями, тогдашняя корейская династия Чосон отказалась от политического, экономического и культурного взаимодействия с другими странами, особенно с европейскими, поскольку власти боялись военной мощи и отрицательного культурного влияния западных стран. В результате Чосон заключил договор о дружбе и торговле с Российской империей только в 1884 г., позже, чем такие соседние дальневосточные страны, как Китай и Япония, которые заключили первые договоры с Россией соответственно в 1689 и 1855 гг. Однако Корея и Россия не могли продолжить укрепление межгосударственных политических и экономических отношений из-за аннексии Корейского полуострова Японской империей в 1910 г. Это стало помехой для многостороннего культурного обмена между двумя народами.

После окончания японской оккупации в 1945 г. Корея была разделена на две части. В ее северной части к власти пришли коммунисты, установившие дружественные отношения с Советским Союзом. Дипломатические отношения между СССР и КНДР были установлены в 1948 г., и с тех пор Россия является одним из самых важных политических и экономических партнеров Северной Кореи, проводящей политику замкнутого хозяйства и самоизоляции от остального мира. В течение нескольких десятилетий русский язык был обязательным предметом и единственным первым иностранным языком в северокорейских средних школах¹ [Worden (ed.) 2009: 124]. Также Северная Корея является одной из соседних стран России, с которой она делит сухопутную границу длиной 19 км на северо-востоке.

Однако, вопреки ожиданиям, такие географические, политические и социологические факторы не отражены в лексическом составе языка, на котором говорят жители Северной Кореи. В словарях корейского языка, изданных в Пхеньяне, содержится очень мало русизмов, даже значительно меньше, чем англицизмов [Yurn 2003: 180], происходящих из языков стран, с которыми не установлены дипломатические отношения и отсутствует непосредственный культурный обмен.

¹ В 1978 году английский язык также получил статус обязательного предмета в северокорейской средней школе [Worden (ed.) 2009: 124], и после распада Советского Союза английский заменил русский в качестве первого иностранного языка.

Причинами данной ситуации являются, прежде всего, общий принцип языковой политики Северной Кореи и конкретные правила его осуществления.

Во-первых, Северная Корея ведет жесткую политику лингвистического пуризма и стремится очистить свой титульный язык от иноязычной лексики, заменяя заимствованные слова кальками, образованными путем буквального и частичного перевода или специально придуманными собственными неологизмами. Такая политика препятствует широкому распространению заимствованных слов, в том числе и русизмов.

Во-вторых, в случае, когда привычка употребления определенных заимствованных слов укоренилась в обществе и отсутствует возможность прекращения их использования, северокорейские пуристы разрешают их употреблять, устанавливая своеобразные ограничения для их применения, при этом они не отдают предпочтение русизмам. При установлении орфоэпических и орфографических норм необходимых заимствованных слов северокорейские лексикологи и лексикографы считают этимологию более важной, чем языковой узус, и предпочтение отдается произношению и транскрипции/транслитерации заимствованных слов из других европейских языков, которые считаются более первичными по этимологии, чем русские.

В самом главном толковом словаре Северной Кореи [Чен (гл. ред.) 1992] даже рекомендуют заменить широкоупотребительные русизмы англицизмами, галлицизмами, германизамами и др., предлагая норму произношения соответствующих слов этих языков, а также представляя их транскрипции в качестве более желательных вариантов. Так, рекомендуют писать и произносить 안케트 /*ank^het^hu*/ ² ‘анкета’ как 양케트 /*aŋk^het^hu*/ ‘фр. enquête’, 몬따쥬 /*mon^htat^hcju*/ ‘монтаж’ как 몽따쥬 /*mon^htat^hcju*/ ‘фр. montage’, 로만스 /*lomansu*/ ‘романс’ как 로망스 /*lomansu*/ ‘фр. romance’ или 로맨스 /*lomensu*/ ‘англ. romance’, 지렘마 /*t^hciremma*/ ‘дилемма’ как 딜렘마 /*t^hillemma*/ ‘англ. dilemma’, 쟈마 /*t^hcema*/ ‘тема’ как 테마 /*t^hema*/ ‘нем. Thema’, 쩌프³ /*t^hcip^hu*/ ‘тип’ как 타이프 /*t^haip^hu*/ ‘англ. type’, 마이크폰 /*mik^huor^hon*/ ‘микрофон’ как 마이크 /*maik^hu*/ ‘англ. mike’, 아리아 /*arija*/ ‘ария’ как 아리아 /*aria*/ ‘ит. aria’ и т. д. [Yurn 2003: 176–178, 185, 187].

Что касается самого происхождения слов, то в данном словаре описывают 스테프 /*su^hte^hp^hu*/ ‘степь’ и 인텔리전쨌야 /*in^hte^hlligent^hcija*/ ‘интеллигенция’ как англицизмы⁴, а 마몬트 /*ma^hmont^hu*/ ‘мамонт’ как галлицизм, хотя соответствующие английские и французские слова, в свою очередь, происходят из русского языка. Слово 빨쨌산 /*pal^ht^hcisan*/ ‘партизан’ описывается как галлицизм, хотя оно появилось в корейском языке во время Корейской войны под влиянием русского слова *партизан*, и его произношение и транскрипция отражают палатализованную фонему /т’/, соответствующую нормам произношения русского языка.

² В данной статье корейские фонемы транскрибируются соответственно МФА (IPA). Корейские фонемы /t/, /k/, /p/ звучат похоже на русские /т/, /к/, /п/, тогда как /t^h/, /k^h/, /p^h/ — на английские /t/, /k/, /p/. А фонемы /te/, /t^hc/, /t^hc^h/ и /u/ звучат похоже на русские /з/, /ц/, /ч/ и /ы/.

³ Корейские фонемы /te/ и /t^hc/ в транскрипции слов 지렘마 ‘дилемма’, 쟈마 ‘тема’ и 쩌프 ‘тип’ отражают палатализованные русские фонемы /д’/ и /т’/.

⁴ Во втором издании словаря, выпущенном в 2007 г., внесено изменение в этимологическую помету слова 인텔리전쨌야 /*in^hte^hlligent^hcija*/ ‘интеллигенция’, и оно стало русизмом.

В список лексики «Большого толкового словаря корейского языка» [Чен (гл. ред.) 1992] входят слова, отражающие произношение таких русских слов, как: *алюмель* ‘сплав, состоящий из элементов Ni, Al, Mn и Si’⁵, *баллада*, *бархан*, *билет* (на экзамене), *бульдозер*, *вагон*, *ГПУ*, *интонация*, *каталог*, *кабель*, *кабинет*, *казачок*, *казак*, *кампания*, *катюша* (название огружия), *кафтан*, *колбаса*, *колхоз*, *комбайн*, *комбинат*, *комиссия*, *комсомол*, *космополитизм*, *кредит*, *кружок*, *люкс*, *максим* (название пулемета), *мануфактура*, *моготип*, *мотоцикл*, *минус*⁶, *наган* (название оружия), *норма*, *очерк*, *панель*, *пара* (только в основном смысле двух объектов, составляющих единое целое), *паркет*, *печка*, *пирог*, *поэма*, *рубашка*, *рюкзак*, *семинар*, *синос*, *совхоз*, *стиль*, *тачка*, *тема*, *тире*, *точка*, *трактор*, *тройка*, *уклад*, *финал*, *фонд*, *фракция*, *хомут*, *цех*, *шуба*, *этюд*, *яровизация* [Yun 2003: 183], а также *балалайка*, *баян*, *большевик*, *водка*, *гусли*, *декабрист*, *интеллигенция*, *казах* (название их языка), *кремль*, *меньшевик*, *поэзия*, *пуд*, *тротил*, *трал*, *романтизм*, *романтика*, *Россия*⁷, *рубель*, *самовар*, *фракция*, *царь* и т. п.

Этот список не исчерпывает всех русизмов в лексике северного варианта корейского языка⁸, но все же отмечается тенденция, что северокаорейские русизмы — это прежде всего научные и военные термины, а также советизмы. Подробнее говорить о том, какие русизмы и в какой степени адаптированы лексической системой северокаорейского языка, невозможно, ввиду ограниченного доступа к лингвистическим исследованиям и данным по северокаорейскому языковому варианту.

1.2. Русизмы в южнокорейском языке

Южная Корея вступила в дипломатические отношения с Советским Союзом в 1990 г., на 42 года позже, чем Северная Корея. Только с окончанием холодной войны население Южной Кореи смогло встретиться лицом к лицу с русскоговорящим

⁵ Во втором издании словаря заимствованное слово 알루멜 /allumel/ ‘алюмель’ перестало быть русизмом. Его этимологическая помета указывает на его происхождение от английского *aludel*, а не от русского *алюмель*.

⁶ 마이너스 /mainʌsw/, т. е. альтернативный орфографический вариант, отражающий произношение соответствующего английского слова *minus*, также является самостоятельным заглавным словом словаря. В отличие от этого, транскрипция его антонима 플러스 /pʰullusw/ отражает произношение латинского слова *plus*, а не существует альтернативного заглавного слова 플류스 /pʰulljusw/, отражающего произношение соответствующего русского слова *плюс*.

⁷ В южном варианте корейского языка слово, означающее *Россия* происходит из английского языка и пишется как 러시아 /ʌsia/ в форме, отражающей произношение английского слова *Russia*, тогда как в северном варианте оно пишется как 로씨야 /losʃja/, в транслитерации русского слова *Россия*, что кажется более желательным.

⁸ В данной статье мы перечислили все русизмы, указанные в работе [Yun 2003: 183] и добавили то, что мы сами нашли в словаре. К этому можно еще добавить, что корейское слово 거르망 /kʌrʌman/ или 거르만 /kʌrʌman/, употребляемое в северокаорейской провинции КНДР Хамгёне и в корейском автономном округе Китая Яньбяне, также происходит от русского *карман*, и это не может быть единственным диалектным словом русского происхождения. Мы полагаем, что в северном варианте корейского языка фактически существуют целый ряд других русизмов, которые употребляют жители Северной Кореи в повседневном общении, зная или не зная, что они русизмы.

народом и его культурой, скрытой за железным занавесом и закрытой запрещенной территорией Северной Кореи. До этого времени южнокорейскому народу не было разрешено знакомиться с печатными и аудиовизуальными произведениями, созданными в Северной Корее и в других коммунистических странах, в том числе и в СССР. Поскольку история непосредственного культурного контакта между народами Южной Кореи и России не столь длительна, неудивительно, что южнокорейская лексика содержит очень мало русизмов и они почти не успели укорениться в южном варианте корейского языка.

К тому же народ Южной Кореи давно считает США своим важнейшим партнером в проводимом курсе внешней политики, оборонной стратегии и экономическом развитии и высоко ценит их политическую, экономическую, социологическую и образовательную системы, а также их технологии, культуру и язык. В Южной Корее английский язык начинают изучать в качестве обязательного предмета в начальной школе, а состоятельные родители, одержимые элитным образованием, даже отправляют своих детей в детские сады, где обучение проходит на английском языке. Следовательно, в южнокорейском языке подавляющее большинство заимствованных слов составляют англицизмы. Хотя в Южной Корее существует тенденция лингвистического пуризма среди лингвистов и простого народа, и чрезмерное или ненужное употребление иноязычных слов становится объектом осуждения или насмешки, англицизмы все же имеют преимущество над другими заимствованиями, особенно над японизмами, оставшимися после 36-летней оккупации. Англицизмы считаются самыми «стандартными» и престижными заимствованными словами и прочно вошли в повседневную жизнь во всех сферах. Они часто и широко употребляются и в научном дискурсе, как в гуманитарных, так и в высокотехнологических сферах. В южнокорейской лексической системе остается очень мало места для заимствованных слов из других языков, включая русский.

Таким образом, малочисленность и низкая частота употребления заимствованных слов из русского языка в южнокорейской лексике тесно связаны с экстралингвистическими факторами, такими как основные направления внешней политики государства и отношение народа к другим странам, культурам и языкам.

В самом главном толковом словаре корейского языка, изданном в Сеуле [Шим (гл. ред.) 1999] содержится всего 50–60 заглавных слов русского происхождения⁹. Среди них имеются слова, отражающие произношение таких русских слов, как *акмеизм*, *астрахан* (вид меха), *БАМ*, *баян*, *биомеханика*, *большевизм*, *большевики*, *былина*, *в народ* ‘студенческое движение в Российской империи «Хождение в народ»’, *водка*, *гусли*, *декабрист*, *домра*, *Дума*, *закуска*, *западники*, *земство*, *интеллигенция*, *казак*, *квас*, *кулак* (в смысле зажиточного крестьянина-собственника), *курган*, *мамонт*, *меньшевизм*, *меньшевики*, *мир* (в смысле сельской общины),

⁹ В данном словаре мы нашли 58 русизмов и не исключаем возможности, что некоторые малоупотребительные слова русского происхождения выпали из нашего списка или в список добавятся еще новые русизмы. Однако резкого увеличения числа русизмов в списке ни в данный момент, ни в ближайшем будущем не предвидится.

Молния (название спутника), *народники*, *НЭП*, *община*, *партизан*, *печка*, *пирожки*, *политехнизм*, *пуд*, *разночинцы*, *рубашка*, *рубль*, *самбо*, *Салют*¹⁰ (название космической программы СССР), *самовар*, *сарафан*, *чека*, *совхоз*, *спутник* (в смысле искусственного спутника), *степь*, *тайга*, *татлинизм*, *терменвокс*¹¹, *токамак* ‘установка для создания и удержания высокотемпературной плазмы внутри тора’¹², *точка* (в смысле гарнизона), *трепак*, *тройка*, *тундра*, *фракция*, *фунт*, *царь*, *шапшлык*, *Эрмитаж* и т. д.

Большинство из них представляют собой научные термины, касающиеся русской истории, культуры, естественных наук. Они употребляются ограниченно в научных дискурсах, а обычные носители корейского языка их совсем не понимают. В отличие от языковой ситуации в англоязычных странах и Северной Корее, среди южнокорейских русизмов очень мало советизмов, поскольку межкультурные отношения между двумя странами начались на закате Советского Союза, а во время холодной войны жители Южной Кореи не уделяли значительного внимания Советскому Союзу, по сравнению с ближайшей коммунистической страной Северной Кореей.

Некоторые из этих слов, т. е. *царь*, *водка*, *декабрист*, *большевики*¹³, *рубль*, *тройка*, *тайга*, *тундра*, *в народ*, *интеллигенция*, *партизан* и *фракция* хорошо известны и обычным носителям корейского языка и чаще употребляются в повседневной речи¹⁴. Они тесно связаны с культурой и историей России, а иногда и с корейской культурой и историей. Слова русского происхождения с относительно более высокой частотой можно разделить на две группы, которые не сильно различаются по популярности в сети, как показывают нижеуказанные диаграммы статистики Google Trends (2-1) и (2-2).

Относительно русизмов первой группы, таких как 차르 /tɕʰaru/ ‘царь’, 보드카 /podukʰa/ ‘водка’, 데카브리스트 /tekʰabuɾisutʰu/ ‘декабрист’, 폴세비키 /polsjebikʰi/

¹⁰ В Толковом словаре стандартного корейского языка [Шим (гл. ред.) 1999] была пропущена помета «русизм» к заглавному слову *Салют*, хотя исходя из его толкования можно сделать вывод, что оно происходит из русского языка.

¹¹ В корейском языке оно пишется как 테레민 /tʰeremin/ в транскрипции соответствующего английского слова *theremin*.

¹² В Толковом словаре стандартного корейского языка [Шим (гл. ред.) 1999] была пропущена помета «русизм» к заглавному слову *токамак*, и его толкование также не показывает его происхождение. Сложно предположить, что оно является русизмом.

¹³ В Южной Корее Октябрьская революция часто называется Революцией большевиков и заимствованное слово 폴세비키 /polsjebikʰi/ ‘большевики’ употребляется довольно часто. Обычные корейцы хорошо осведомлены о последствиях революции, но не знают, каким образом большевикам удалось прийти к власти. Поэтому слово 멘себики /mensjebikʰi/ ‘меньшевики’ употребляется гораздо реже.

¹⁴ Статистические данные о поисковых запросах в Google (<https://trends.google.com/trends/>), и в корейских поисковых системах Naver (<https://datalab.naver.com/>) и Daum-Cacao (<https://datatrend.kakao.com/>) показывают, что в Интернете жители Южной Кореи довольно часто и стабильно запрашивают информацию об этих словах. По другим русизмам сложно отследить статистику.

‘большевики’ и 루블 /lubʌl/ ‘рубль’¹⁵, обычные носители корейского языка знают, что они происходят из русского языка, и часто употребляют их в разговоре на любую тему, касающуюся России, т. е. о ее политике, экономике, истории, культуре, туризме и т. д. Они являются экзотизмами, находящимися на втором этапе усвоения [Крысин 1991: 76–77], поскольку корейцы считают их русскими словами, а не корейскими.

Русизмы второй группы, таких как 브나로드 /puɲarodʌ/ ‘в народ’, 인텔리겐치아 /intʰelligentsʰia/ ‘интеллигенция’, 빨치산 /palʧʰisan/ ‘партизан’, 폐치카 /pʰetʧʰikʰa/ ‘печка’, 타이가 /tʰaiga/ ‘тайга’, 트로이카 /tʰʉoikʰa/ ‘тройка’, 툰드라 /tʰundʉra/ ‘тундра’ и 프락치 /pʰuraktʧʰi/ ‘фракция’, большинство корейцев не связывает с русским языком и употребляет их, говоря о чем-то не русском или российском. Эти слова находятся на третьем и четвертом этапах усвоения заимствованных слов и широко и часто употребляются на равных с исконными корейскими словами, обычно с жанрово-стилистическими ограничениями, а иногда без них [Крысин 1991: 77–78].

Корейское слово 트로이카 /tʰʉoikʰa/ ‘тройка’ означает три ведущие конкурирующие фигуры в какой-либо области, например, в кино, телесериалах, спорте, политике, промышленности и т. п. В корейском языке лексическое значение русского слова *тройка* подверглось семантическому переносу и уже почти не употребляется в прямом значении слова ‘экипаж, запряженный тремя лошадьми’, которое передает корейская калька 삼두마차 /samdumatʧʰa/. Обычным носителям почти неизвестно и неинтересно, откуда это слово происходит.

Слово 폐치카 /pʰetʧʰikʰa/ ‘печка’ использовалось в качестве военного жаргона, поскольку в XX в. в казармах южнокорейской армии была установлена печь-камин в русском стиле. Хотя теперь все такие печи заменены обогреваемыми полами и радиаторами, и само слово также больше активно не употребляется, но все южнокорейские мужчины, прошедшие обязательную службу в армии в XX в. и многие их современницы, знают это слово, не зная его этимологию.

В южнокорейском языке слово 빨치산 /palʧʰisan/ ‘партизан’ прежде всего указывает на партизан из Северной Кореи, которые занимались военной деятельностью, скрываясь в южнокорейских горах во время Корейской войны. Множество жителей Южной Кореи воспринимают его как исконное корейское слово, так как первый слог 빨 /pal/ напоминает им слово 빨갱이 /palɡeŋi/ (бранн. сл.) коммунист, от 빨강다 /palɡatta/ ‘красный’, а последний слог 산 /san/ созвучен со словом 산 /san/ ‘гора’, где северокорейские партизаны действовали во время войны. Это слово также может использоваться для обозначения партизан в других странах, но при этом предпочитается другое заимствованное слово 게릴라 /kerilla/, происходящее от испанского *guerilla*.

¹⁵ Заимствованное слово, означающее *Кремль*, также часто и широко употребляется и в принципе должно входить в эту группу. Однако соответствующее южнокорейское слово пишется и произносится не в транскрипции русского слова *Кремль*, а в форме, отражающей произношение английского слова *Kremlin*, т. е. как 크렘린 /kʰʉremlin/. Таким образом, южнокорейское слово, означающее Московский Кремль или власть Российской Федерации, является англицизмом. А соответствующее северокорейское слово 크레믈리 /kʰʉremulli/ четко отражает произношение русского языка.

Южнокорейское слово 프락치 /pʰuraktɕʰi/ происходит от русского *фракция* и означает шпиона, который становится членом чужой организации, долго работает там и завоевывает доверие сотрудников, тайно добывая информацию, необходимую своей организации. Северокорейская версия слова 프락치아 /pʰuraktɕʰia/ имеет такое же значение. По-видимому, лексическое значение изменилось при заимствовании русского *фракция* перед Корейской войной. Происхождение этого слова почти не известно обычным носителям южнокорейского языка.

Русская культура оказала значительное влияние на корейскую интеллигенцию во время японской оккупации в первой половине XX в. Движение «Хождение в народ» при Российской империи вдохновило корейскую интеллигенцию в 1930-е годы на изменение тактики борьбы за освобождение от японской оккупации. Они открывали частные вечерние школы и работая волонтерами, учили простой корейский народ читать и писать. Корейский роман «상록수 /saŋroksu/ ‘Вечнозеленые растения’» описывает это движение, и отрывок из него раньше содержался в учебниках по корейскому языку для средней школы, а теперь входит в список литературных произведений для подготовки к корейскому ЕГЭ. Следовательно всему населению известно слово 브나로드 /pʰunarodu/ ‘в народ’, хотя не все знают, что оно происходит из русского языка.

И само слово 인텔리겐치아 /intʰelligentɕʰia/ ‘интеллигенция’ входит в число самых широко употребительных русских заимствований. В бытовом дискурсе жителей Южной Кореи еще чаще употребляется его сокращенная форма 인텔리 /intʰelli/. Предполагается, что эта сокращенная форма, в свою очередь, произошла из японского языка во время оккупации. В японском языке есть такая же сокращенная форма インテリ /intʰeri/, и старая корейская транскрипция 인테리 /intʰeri/ отражает ее произношение. В северокорейской лексике есть и полная, и сокращенная формы слова. А в Южной Корее в XXI в. калька 지식인 /tɕisigin/ ‘бук. человек со знаниями’ постоянно заменяет обе заимствованные формы, которые теперь чаще употребляются среди людей старшего поколения.

Казалось бы, что почти все заимствования второй группы, которые начали употребляться в первой половине XX в., пережили несколько десятков лет холодной войны и могли быть усвоены населением Южной Кореи. Однако в данный момент большинство из них теряет актуальность и переходит из активного словарного запаса носителей в пассивный.

Кроме этого, корейцам известны и русские слова *матрешка*, *ушанка*, *белуга*, *союз* (в смысле семейства советских и российских космических кораблей) и др. и довольно часто встречаются как в сети, так и вне ее, хотя они не стали заглавными словами «Толкового словаря стандартного корейского языка» [Шим (гл. ред.) 1999]. В Интернете также встречается корейская транскрипция русского слова *бабушка*, но главным образом в смысле головного платка, который обычно носят бабушки в России, и в смысле матрешки. Эти значения изначально появились в английском языке в XX в. [Podhajecka 2018: 149] и, по-видимому, передались корейцам младшего поколения, которые хорошо знают английский язык и часто соприкасаются с американской культурой прежде, чем узнают основное значение оригинального русского слова.

Таким образом, в южном варианте корейского языка русизмы занимают периферийное место среди заимствованных слов из-за краткой истории межкультурного контакта между Южной Кореей и Россией. Южнокорейские русизмы тесно связаны с русской культурой и наукой. Среди них имеется мало советизмов, а некоторые из самых широкоупотребительных русизмов тесно связаны с корейской историей в начале и середине XX в. и вполне усвоены носителями языка.

2. Корейзмы в русском языке

2.1. Корейзмы в словарях

Корейская культура долго не занимала заметного места в мировой культуре до того, как появилась *халлю*, т. е. «корейская волна», с которой современная корейская культура, например, поп-музыка, телесериалы, фильмы и т. д., приобрела огромную популярность в странах Азии на рубеже XX и XXI вв. В корейской культуре, транслирующейся в медиа и развлекательной отрасли, отражены не только ее корейские и восточные, но также западные и универсальные элементы, и в 2010-х годах она стала завоевывать сердца жителей и на других континентах. В 2020-х годах впервые в корейской истории фильм «Паразиты», телесериал «Игра в кальмара», работы писательницы Хан Ган и др. получили наиболее престижные международные награды, такие как «Золотая пальмовая ветвь», «Оскар», «Эмми», «Нобелевская премия по литературе» и т. д.

Рост популярности корейских произведений способствовал дальнейшему повышению интереса к корейской культуре в целом и привел к увеличению уровня осведомленности о некоторых корейских словах по всему миру.

В список заглавных слов Оксфордского словаря английского языка входят 48 слов, происходящих из корейского языка. Хотя первый корейзм в английском языке *ri* ‘ри, единица измерения расстояния’ появился в Оксфордском словаре в 1800-х годах, темп увеличения использования корейзмов был крайне незначительным. В словаре было всего 22 заглавных слова корейского происхождения, до того, как в 2021-м году к списку добавились еще 26 новых корейских слов [Ahn, Kiaer 2024: 71–72].

Старыми корейзмами в Оксфордском словаре являются историзмы (*ri* ‘ри, старая единица измерения расстояния’, *gisaeng* ‘кисэн, корейская артистка в старину’, *yangban* ‘янбан, корейский аристократ в старину’, *sijo* ‘сиджо, жанр древней корейской поэзии’, *Kono* ‘корейская традиционная игра’, *ontun* ‘старое название хангыля’), слова, отражающие корейскую культуру, общую для обеих Корей (корейская письменность *Hangul* ‘хангыль’, корейские боевые искусства *taekwondo* ‘тхэквондо’ и *hapkido* ‘хапкидо’, корейские блюда *kimchi* ‘кимчхи, острый салат из овощей, обычно из капусты’, *myun* ‘лапша’, *doenjang* ‘твенджан, соевая паста’, *gochujang* ‘кочхуджан, острая соевая паста’, *bibimbap* ‘пибимпап, блюдо из риса, мяса, яйца, разных овощей под соусом кочхуджана’, и корейские алкогольные напитки *soju* ‘соджу’ и *makkoli* ‘макколи’), слова, связанные с бытом обеих Корей (*ondol* ‘ондоль, корейская система обогрева домов’), слова, связанные

с экономической и административной системой обеих Корей (*won* ‘вона, денежная единица Южной и Северной Корей’, *ri2* ‘ри, административно-территориальная единица’), слова, связанные с социально-экономической системой Южной Корей (*chaebol* ‘чеболь, южнокорейская форма финансово-промышленных групп’, *hagwon* ‘хагвон, южнокорейский частный институт’), и слово, связанное с идеологией Северной Корей *Juche* ‘Чучхе, северокорейская государственная идеология’.

А в 2021 г. в словарь добавились: названия корейских блюд (*bulgogi* ‘пюлькоги, корейское барбекю’, *dongchimi* ‘дончими, холодный суп с кимчхи’, *galbi* ‘кальби, блюдо из ребрышек говядины, свинины’, *jaepchae* ‘чапчхэ, лапша, смешанная с бланшированными или обжаренными овощами, мясом, грибами’, *kimbap* ‘кимбап, корейские роллы с разнообразными начинками’ и *samgyeopsal* ‘самгёпсаль, поджаренные куски свинной жирной брюшины’), слова, связанные с корейскими кулинарными обычаями (*banchan* ‘панчхан, различные закуски, подающиеся в качестве аккомпанемента к основному блюду и рису’, *chimaek* ‘чимэк, курица и пиво’ и *mukbang* ‘мукбанг, трансляция приема пищи’), формы обращения (*noona* ‘нуна, обращение от лица мужского пола к старшей сестре’, *oppa* ‘оппа, обращение от лица женского пола к старшему брату’ и *unni* ‘онни, обращение от лица женского пола к старшей сестре’), слова, связанные с другими частями корейской, особенно южнокорейской культуры (*hanbok* ‘ханбок, корейский традиционный костюм’, *manhwa* ‘манхва, корейские комиксы’, *trot* ‘трот, южнокорейский жанр поп-музыки’, *PC bang* ‘южнокорейское интернет-кафе,’ *tang soo do* ‘тансудо, корейское боевое искусство’, *Konglish* ‘конглиш, английское слово, созданное и используемое в корейском языке’, *skinship* ‘скиншип, конглиш, означающий тактильные и психологические прикосновения между членами семьи, друзьями, коллегами’ и *aegyo* ‘эгё, детский голос, мимик или жест, специально сделанный с целью вызывать симпатию другого лица к себе’), междометия (*fighting* ‘файтинг, конглиш, соответствующий к «Вперед и удачи!»’ и *daebak* ‘дэбак, «Круто!»’) и слова, указывающие на саму корейскую волну (*hallyu* ‘халлю’, *Korean wave* ‘корейская волна’, *K-drama* ‘корейские телесериалы’ и префикс K-).

В последние годы в России также возросла популярность корейской культуры. Вместе с тем интерес к изучению корейского языка среди россиян также резко увеличился¹⁶. В российских школах начали преподавать корейский язык¹⁷, а в университетах больше студентов хотят его изучать¹⁸.

Однако в «Словаре современного русского литературного языка» [Чернышев (гл. ред.) 1948–1965] и в «Большом академическом словаре русского языка» [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–] мы не смогли найти ни одного слова корейского

¹⁶ «Интерес к изучению корейского языка в РФ вырос за год более чем на 100%», ТАСС, 17 августа 2023 (<https://tass.ru/obschestvo/18526093>).

¹⁷ «Корейский язык может официально преподаваться в школах России», KBS World, 11 ноября 2020 (https://world.kbs.co.kr/service/news_view.htm?lang=r&Seq_Code=63772).

¹⁸ Валерия Мишина, «Студенты переходят на дружественные языки», Ведомости, 09 ноября 2022, (<https://www.vedomosti.ru/career/articles/2022/11/09/949414-studenti-perehodyat-druzhestvennie-yaziki>).

происхождения¹⁹. «Большой толковый словарь» [Кузнецов (ред.) 1998] содержит заглавное слово *тхэквондо*, а толкует его как «разновидность восточных единоборств» без какой-либо конкретной информации о его происхождении. «Словарь русского языка» [Евгеньева (ред.) 1981–1984] содержит заглавное слово *вона* и толкует его как «денежная единица Корейской Народно-Демократической Республики». Но такое толкование не полностью отражает действительность, так как такая же денежная единица используется и в Южной Корее. Кроме того, в «Русском орфографическом словаре» [Иванова, Лопатин (ред.) 2023] можно найти *тхэквондо*, *вона* и *чучхе* в качестве заглавного слова, в словаре «Русское словесное ударение» [Зарва 2001] — *тхэквондо* и *вона*, а в «Большом орфоэпическом словаре русского языка» [Каленчук, Касаткин, Касаткина 2012] — *тхэквондо* и *чучхе*²⁰.

Таким образом, корейзмы почти не вошли в официально признанный список русской лексики, несмотря на то что они пользуются популярностью среди носителей русского языка.

Мы полагаем, что практически полное отсутствие корейзмов в главных словарях русского языка связано с экстралингвистическими и лексикографическими причинами.

Во-первых, это обусловлено прежним слабым присутствием обеих Корей в мировой политике, экономике и культуре. Когда планировались «Словарь современного русского литературного языка» [Чернышев (гл. ред.) 1948–1965] и «Словарь русского языка» [Евгеньева (ред.) 1981–1984], не только старая единая Корея, но и две новые разделенные Кореи были небольшими и не очень развитыми странами, расположенными между Китаем и Японией, которые традиционно считались ведущими восточными странами. Корейцы в большей степени подвергались влиянию разных восточных и западных культур, чем сами оказывали культурное влияние на другие народы. А когда были опубликованы первый том «Большого академического словаря русского языка» [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–] и другие вышеупомянутые словари, Южная Корея уже стала одним из главных лидеров в мировой экономике, и корейская массовая культура была востребована во всей Азии, включая Китай и Японию. Тем не менее, корейская волна еще не была столь значительной, чтобы повлиять на русскоязычное общество. Корейская культура и корейские слова пока оставались малоизвестными широкой аудитории носителей русского языка, что и объясняет практически полное отсутствие слов корейского происхождения в словарях.

Во-вторых, в словарях русского языка условия принятия новых заимствованных слов в их словник, по-видимому, гораздо жестче, чем в словарях английского языка. Такая консервативная лексикографическая традиция не ограничивается

¹⁹ Мы провели поиск только в 1–27 томах «Большого академического словаря русского языка» [Горбачевич, Герд (ред.) 2004–], опубликованного онлайн, и пока не провели исследование заглавных слов, начинающихся с Т–Я. Поскольку в списке условных сокращений словаря имеется помета *кор.*, указывающая на корейский, мы не исключаем возможности включения таких корейзмов, как *тхэквондо*, *чучхе* и *хангыль* в список словаря.

²⁰ Мы хотели бы выразить глубокую благодарность рецензенту за информацию о словарях.

только словарями русского языка, но замечается и в словарях других европейских языков, которые почти не содержат кореизмов, хотя они широко известны и носителям этих языков. Можно сказать, что исключение составляют словари английского языка, которые придают большее значение обогащению своей лексики, чем очищению от иноязычных слов [Hock, Joseph 2019: 251]. Несмотря на то, что носители русского языка также высоко оценивают обогащение своей лексики и гордятся богатством своего лексического запаса, они также опасаются, что красивый русский язык может быть засорен престижными, но ненужными заимствованными словами или нужными, но некрасивыми социальными диалектами. Так, в словнике главных русских словарей не оказалось даже такого слова, связанного с советско-корейской кулинарной культурой, как *морковча* с узбекским суффиксом *-ча*.

Кроме того, как главный словарь английского языка, Оксфордский словарь публикует онлайн-версию с 2000 г., и его третье издание выходит только в электронном виде, который освобождается от ограничения количества заглавных слов, и позволяет быстро и легко добавлять новые слова, в том числе и заимствованные. Однако академические толковые словари русского языка публикуются в основном в печатной форме, и внесение изменений в них представляет собой значительную сложность. Это создает препятствия для своевременной реакции словарей на быстро меняющуюся языковую среду.

2.2. Кореизмы в сети

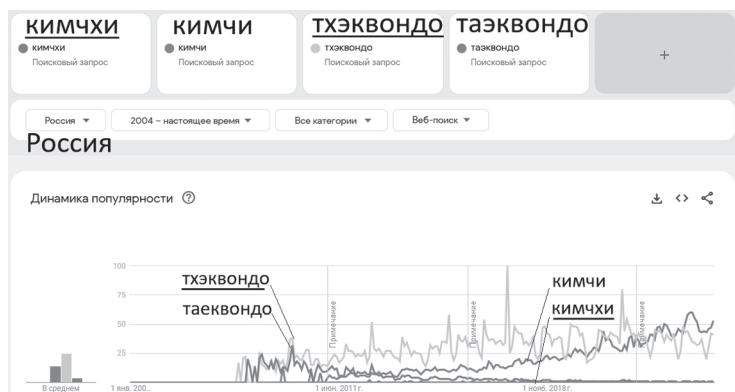
Несмотря на то, что в главных толковых словарях русского языка почти не встречаются кореизмы, в русскоязычном интернет-пространстве часто попадают слова корейского происхождения.

Прежде всего, в Викисловаре — многоязычном электронном словаре, в пополнении и изменении которого может участвовать любой пользователь — мы нашли несколько кореизмов. Разумеется, большинство из них проникли в русский язык в связи с корейской волной, относящейся к нынешнему распространению южно-корейской поп-культуры, хотя многие из них употребляются в обеих Кореях. Такие слова южнокорейского происхождения включают: собственное имя *Доширак* ‘марка лапши быстрого приготовления, от кор. 도시락 /tosirak/ ‘коробка с обедом или упакованный обед’, слово, означающее корейскую письменность *хангыль* ‘от кор. 한글 /hangul/’, слово, означающее корейскую валюту *вона* ‘от кор. 원 /won/’, слова, связанные с корейской кулинарной культурой, например, *кальби* ‘от кор. 갈비 /kalbi/’, *кимбан* ‘от кор. 김밥 /kimbap/’, *кимчхи* ‘от кор. 김치 /kimtɕʰi/’, *куксу* ‘лапша, от кор. 국수 /kuksu/’, *пибимбан* ‘от кор. 비빔밥 /pibimbap/’, *пулькоги* ‘от кор. 불고기 /pulgogi/’, *соджу* ‘от кор. 소주 /sotɕu/’, *твенджан* ‘от кор. 된장 /twentɕaŋ/’, *хе* ‘корейское блюдо из сырой рыбы или мяса, от кор. 회 /hwe/’ и *мукбанг* ‘от кор. 먹방 /mɔkbaŋ/’, слова, связанные с корейскими боевыми искусствами *тхэквондо* ‘от кор. 태권도 /tʰɛgwando/’, *масоги* ‘спарринг в тхэквондо, от кор. 맞서기 /matsɔki/’ и *ханкидо* ‘от кор. 합기도 /hapgido/’, слова, означающие традиционную корейскую культуру *кисэн* ‘от кор. 기생 /kiseŋ/’ и *пучхэчхум* ‘традиционная форма корейского танца, исполняемого с веером, от кор. 부채춤 /putɕʰetɕʰum/’, название профессии

хэнь ‘профессиональная ныряльщица, от кор. 해녀 /hɛnjɐ/’, южнокорейский эконо-мико-социальный класс *чеболь* ‘от кор. 재벌 /tɕɛbɐl/’ и слова, связанные с кей-попом и к-телесериалами *айдол* ‘очень популярная молодая медиаперсона, от кор. 아이돌 /aidol/’, *нуна* ‘от кор. 누나 /nuna/’, *кей-поп*, *кей-попер*, *кей-поп-группа* и т. д.

Займствованное слово *доширак* потеряло свое исходное лексическое значение и подверглось видовому изменению, поскольку оно является нарицательным именем, обозначающим ланч-бокс в корейском языке, но стало собственным именем в русском языке, и указывает на определенную марку лапши.

В Викисловаре также встречаются дополнительные заглавные слова *кимчи*, *чимча*, *таеквондо*, *таэквондо*, представляющие собой альтернативные орфографические варианты слов *кимчи* и *тхэквондо*. По данным поисковой системы Google²¹, орфографический вариант *кимчи* преобладает по частоте над более желательным вариантом *кимчи*, который следует правилам транскрибирования корейских слов кириллицей. Дело в том, что транскрипция определенных корейских слов, сделанная по правилам Л. Р. Концевича, не всегда совпадает с транскрипцией соответствующих английских слов корейского происхождения. По такой же причине признанный «Русским орфографическим словарем» [Иванова, Лопатин (ред.) 2023] орфографический вариант *тхэквондо* до 2010 г. соревновался с *таэквондо*, теперь же, по-видимому, больше россиян знают, что правильной орфографической формой является *тхэквондо*.

(1) Статистика поисковых запросов об **орфографических вариантах** самых известных корейзмов *кимчи* и *тхэквондо* в России с 2004 г. _Google Trends

Это свидетельствует о том, что данные займствованные слова находятся между первым и вторым этапами освоения [Крысин 1991: 76–77], поскольку они уже приобрели транскрипции на кириллице, но эти транскрипции еще не полностью закреплены в орфографической системе русского языка. Два этих слова входят в число самых широко распространенных корейзмов в русском языке, но даже их орфография все еще не устоялась окончательно. Это показывает, что корейзмы в общем пока не прочно укоренились в русском языке.

²¹ URL: <https://trends.google.ru> (дата обращения: 20.10.2024).

Стоит отметить, что *K-pop*, который служил главным триггером роста популярности корейской культуры в России чаще пишется на латинице, чем на кириллице. Заимствованные слова на начальном этапе освоения обычно употребляются в своих исконных орфографических формах, без транслитерации или транскрипции, а на втором этапе они приспосабливаются к системе заимствующего языка и транскрибируются [Крысин 1991: 75–76]. Преобладание нетранскрибированной формы *K-pop* над транскрибированными формами *кей-поп* и *к-поп* в российской сети показывает, что корейская культура и кореизмы еще остаются в статусе экзотизма среди русскоговорящих.

Северная Корея пока не оказала значительного влияния на русскую культуру и в русском языке имеется еще меньше слов, происходящих из северного варианта корейского языка. Такие кореизмы, найденные в Викисловаре, как *чучхе* и *чучхейский* ‘от кор. 주체 /tɕutɕʰe/’, *сонгун* ‘северокорейская политика, которая ставит главным приоритетом армию во всех государственных делах, от кор. 선군 /sʌŋɡun/’ и *кимирсеннизм* ‘от кор. 김일성 /kimilsʌŋ/ + суф. -изм’ связаны в основном с северокорейской политикой и идеологией. Хотя количество заимствованных слов из Северной Кореи незначительно, история их употребления в России довольно продолжительна. Кореизм северокорейского происхождения *чучхе* подвергся деривации и производное слово *чучхейский* также входит в словарь Вики-словаря. В этом словаре мы нашли только 2 примера такой деривации кореизмов южнокорейского происхождения *кей-попер* и *кей-поп-группа*, хотя в Интернете встречаются много других производных слов, таких как *айдолский*, *чебольский*, *мукбангский*, *айдолка*, *айдолиша*, *айдолочка*, *чеболька*, *мукбангер* и др.

Среди слов корейского происхождения, найденных в Викисловаре стоит обратить особое внимание на слова *пьянсе* и *эн-дэн-цо*, так как они отличаются от других кореизмов в русском языке. Они употребляются прежде всего на Дальнем Востоке. Там их фонетические формы, по-видимому, подверглись изменению и отличаются более или менее от соответствующих слов корейского языка. Носители корейского языка обоих вариантов не сразу заметили бы, что они произошли от корейских слов. Кореизм *пьянсе* ‘вид корейского пирожка’, разумеется, происходит от корейского слова северного варианта 편수 /pʰjʌnsu/. А сахалинский региолект *эн-дэн-цо*, указывающий на игру *камень, ножницы, бумага*, резко отличается по форме и от южнокорейского варианта 가위바위보 /kawibawibo/ ‘бук. ножницы, камень, платок’, и от северокорейского варианта 돌가위보 /tolgawibo/ ‘бук. камень, ножницы, платок’. Его наиболее близким фонетическим вариантом кажется японское выражение じゃんけんぽん /jan-ken-pon/. Раньше в Южной Корее игра *камень, ножницы, бумага* также называлась 장겜뽀 /tɕaŋkɛmpo/ под влиянием японского языка, и до сих пор некоторые корейцы старого поколения употребляют это японское заимствование.

В Википедии — электронной энциклопедии, которую может редактировать любой пользователь, можно найти статьи с заглавными словами корейского происхождения, такими, как *вона*, *доширак*, *кальби*, *каягым* ‘вид традиционного корейского многострунного инструмента’, *кат* ‘вид корейской традиционной шляпы для мужчин’, *кимбап*, *кимчхи*, *кисэн*, *конглиш*, *корейская волна* (=халлю), *кочхуджан*,

куджольпхан ‘вид праздничного корейского блюда из девяти различных ингредиентов’, куксу, макколли, манду ‘корейские пельмени’, манхва, мукбанг, ондоль, панчхан, пибимпан, пулькоги, пучхэчхум, пхансори ‘традиционная корейская опера’, пянсе, самуллори ‘традиционное корейское музыкальное представление на 4 ударных инструментах’, синсолло ‘вид блюда корейской придворной кухни’, сиждо, соджу, тансудо, твенджан, тольджанчхи ‘корейская традиция отмечать первый день рождения ребенка’, тток ‘корейский пирожок из риса’, ттокпокки ‘острое корейское блюдо из ттока’, ттоккук ‘корейский суп с ттоком’, трот, тхан (или кук) ‘корейский суп’, тхэквондо, тэгым ‘вид традиционной корейской флейты’, хангиль, ханбок, ханок ‘традиционный корейский дом’, хапкидо, хве (= хе), хэнё, чангу ‘вид традиционного корейского двустороннего барабана’, чапчхэ, чеболь, чогори ‘блузка или жакет ханбока’, чон ‘сытный корейский блин с разного вида овощами, рыбой или мясом’, эгё, янбан и др. Таким образом, в Википедии найдено больше заглавных слов корейского происхождения, чем в Викисловаре.

Кроме того в Интернете можно встретить корейские обращения *оппа*, *онни*, *хён* ‘старший брат лица мужского пола’, *сонбэ* ‘старшие коллеги’, *сонсэним* ‘учитель, вежливое обращение к учителю или к любому человеку’, *аджосси* ‘немолодой женатый мужчина’, *аджумма* ‘немолодая женатая женщина’, *агасси* ‘молодая неженатая девушка’, *макнэ* ‘самый младший среди братьев и сестер, самый молодой член кей-поп группы’, а также междометия *файтинг*, *омо* «Ой!», *дэбак*, *айц* «Блин!» и различные жаргонизмы, которые употребляются фанатами К-поп и могут быть не понятны даже обычным носителям корейского языка.

Современная корейская культура обладает не только собственной спецификой, экзотичность которой привлекает людей других культур, но и универсальностью, находящей отклик у людей по всему миру. Большинство кореизмов в русском языке являются экзотизмами, связанными исключительно с корейской культурой. В других контекстах они используются не по необходимости, а с целью и продемонстрировать знание корейского языка. Уровень престижа корейского языка пока не очень высокий, и кореизмы не всегда могут заменить другие исконные и заимствованные слова русского языка с соответствующим значением. Так, более естественно звучит тюркизм *лапша*, чем кореизм *куксу*, японизмы *мисо* и *тофу* — чем кореизмы *твенджан* и *тубу*, словосочетания *корейская письменность* или *корейский алфавит*, *корейские роллы* и *корейский олигарх* — чем кореизмы *хангиль*, *кимбап* и *чеболь* и т. п. Если заимствования связаны скорее с подъемом престижа, чем с необходимостью, такие заимствованные слова чаще употребляются в неофициальном, а не в официальном контексте [Hock, Joseph 2019: 247]. И кореизмы в основном встречаются в неофициальном дискурсе, особенно когда речь идет о чем-то корейском. Из-за их настоящего статуса экзотизмов и отсутствия необходимости в их употреблении кореизмы (если количественно и качественно они не будут больше развиваться в русском языке) в дальнейшем могут остаться чуждым языковым элементом.

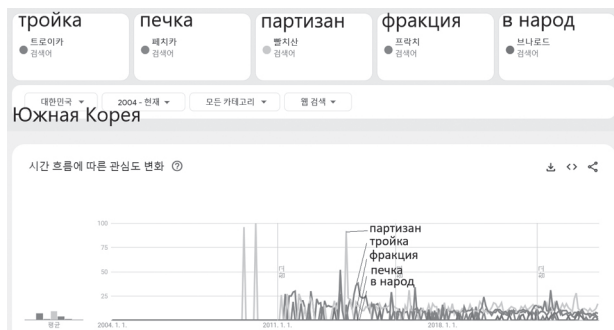
Таким образом, ни русизмы в корейском, ни кореизмы в русском языке не занимают важного места среди заимствованных слов.

Русизмы в северокорейском языке широко не распространены прежде всего из-за отсутствия необходимости их употребления, поскольку лингвистические пуристы заменили прежние русизмы корейскими неологизмами с исконными корнями или заимствованными словами другого происхождения. В южнокорейском языке также имеется мало русизмов из-за отсутствия необходимости в их использовании, поскольку англицизмы уже глубоко укоренились в южном варианте корейского языка еще до того, как население начало знакомиться с культурой и языком России, а русизмы никак не могут заменить англицизмы. Кореизмы в русском языке встречаются в весьма ограниченном количестве. В словарях главных толковых словарей русского языка очень трудно найти слова корейского происхождения. Это связано с обоими основными факторами заимствования, т. е. с отсутствием необходимости в употреблении кореизмов и долговременным низким престижем корейского языка среди русскоговорящих.

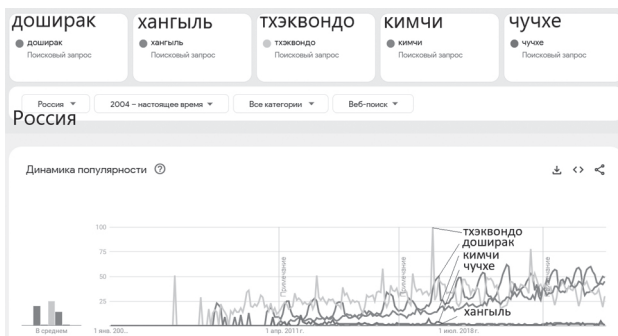
Дополнительно можно рассмотреть тенденции употребления русизмов и кореизмов в сети, анализируя статистику поисковых запросов некоторых из наиболее часто используемых русизмов в Южной Корее (см. (2-1) и (2-2) и кореизмов в России (см. (3-1), (3-2) и (3-3)).

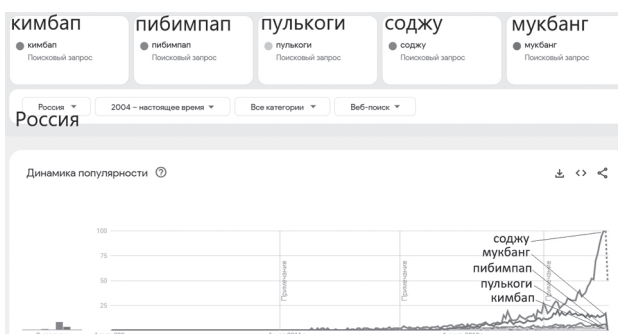
(2-1) Статистика поисковых запросов о русизмах (гр.1) в Южной Корее с 2004 г. (Google Trends)

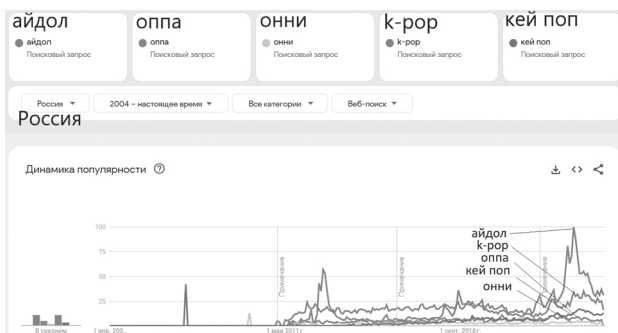
(2-2) Статистика поисковых запросов о русизмах (гр.2) в Южной Корее с 2004 г. (Google Trends)

**(3-1) Статистика поисковых запросов
о самых известных корейцах в России
с 2004 г. (Google Trends)**

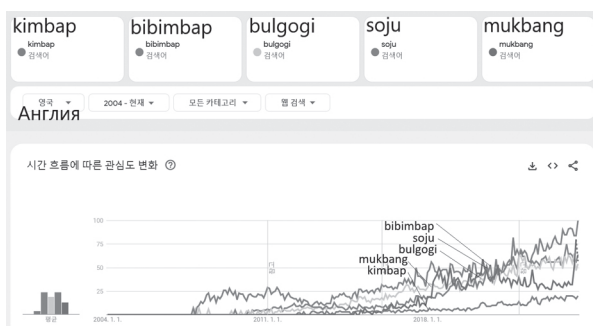
**(3-2) Статистика поисковых запросов
о кулинарных корейцах в России
с 2004 г. (Google Trends)**

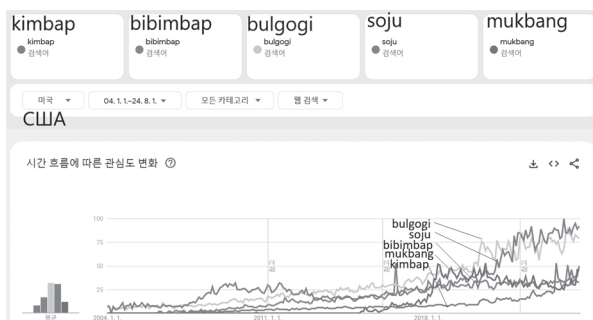
**(3-3) Статистика поисковых запросов
о корейцах, связанных с к-попом в России
с 2004 г. (Google Trends)**

Во-первых, по данным поисковой системы Google²², корейзмы в России в последние годы становятся более популярными, чем русизмы в Южной Корее. В целом, в поисковых запросах о русизмах в Южной Корее не наблюдается особенной тенденции, тогда как поисковые запросы о корейзмах в России увеличиваются с течением времени, что, очевидно, связано с ростом корейской волны.

Во-вторых, популярность запросов о кулинарных терминах корейского происхождения (см. 3-2) в России оказывается гораздо меньшей, чем о наиболее известных словах корейского происхождения (см. 3-1) и о словах, связанных с К-поп (см. 3-3), хотя большинство русских корейзмов, обнаруженных в Википедии и Викисловаре касаются корейской кулинарии. Более того, по сравнению с поисковыми запросами о соответствующих английских словах в Великобритании (см. (4-1)) и в США (см. (4-2)), запросы о корейских кулинарных словах в России находятся на значительно более низком уровне. Это свидетельствует о том, что в России корейская волна ограничена в основном сферой потребления корейских поп-культурных продуктов, таких как музыка, фильмы и телесериалы, и пока не привела к более широкому знакомству с различными аспектами корейской культуры.

(4-1) Статистика поисковых запросов о **кулинарных корейзмах в Англии** с 2004 г. (Google Trends)

(4-2) Статистика поисковых запросов о **кулинарных корейзмах в США** с 2004 г. (Google Trends)

²² URL: <https://trends.google.com/>, <https://trends.google.ru> (дата обращения: 31.08.2024).

Принцип лингвистического пуризма в Северной Корее вряд ли изменится, и в северокорейской лексике, вероятно, сохранится низкое количество русизмов. Однако ситуация с корейизмами в русском языке и русизмами в южнокорейском может измениться, и это будет зависеть от экстралингвистических факторов.

Так, в Южной Корее потребность в русском языке и культуре может снова вырасти, как это было до пандемии COVID-19. Тогда рекламный слоган авиакомпании Korean Air «Самая близкая европейская страна» и популярное корейское реалити-шоу, в котором известные корейские актеры путешествовали по Транссибирской магистрали, способствовали увеличению числа корейских туристов, посещающих Россию. Если такие культурные и экономические связи возобновятся, это может привести к новому росту интереса к русскому языку и, соответственно, к появлению новых русизмов в южнокорейском языке.

С другой стороны, если в России корейская волна расширится и охватит не только массовую культуру, но и разнообразные традиционные и современные аспекты корейской культуры, то корейизмы могут перейти на более высокий уровень усвоения и стать неотъемлемой частью русского языка. Это может произойти только в случае, когда интерес к корейской культуре станет более глубинным и широким, выйдет за рамки популярной музыки и телесериалов и начнет охватывать такие области, как язык, кулинария, литература, история, традиция, искусство и т. д.

Таким образом, увеличение количества русизмов в южнокорейском языке и корейизмов в русском языке возможно при условии расширения и углубления межкультурных связей между Россией и Южной Кореей. Это подчеркивает значимость культурных и экономических обменов для лексического обогащения языков.

Литература

Горбачевич К. С., Герд А. С. (гл. ред.). Большой академический словарь русского языка. М., СПб: Наука, 2004—.

Евгеньева А. П. (ред.). Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1981–1984.

Зарва М. В. Русское словесное ударение. М.: НЦ ЭНАС, 2001. 600 с.

Иванова О. Е., Лопатин В. В. (ред.). Русский орфографический словарь. М.: АСТ-Пресс, 6-е издание, 2023. 884 с.

Каленчук М. Л., Касаткин Л. Л., Касаткина Р. Ф. Большой орфоэпический словарь русского языка. М.: АСТ-Пресс Книга, 2012. 1008 с.

Крысин Л. П. Этапы освоения иноязычного слова // Русский язык в школе. 1991. № 2. С. 74–78.

Кузнецов С. А. (ред.). Большой толковый словарь русского языка. СПб.: Норинт, 1998. 1534 с.

Чен С. Г. (гл. ред.). Большой толковый словарь корейского языка, Пхеньян: Академия социальных наук, 1992. 4170 с. (на корейском языке).

Чернышев В. И. (гл. ред.). Словарь современного русского литературного языка. М., Л.: Академия наук СССР. 1948–1965.

Шим Ч. К. (гл. ред.). Толковый словарь стандартного корейского языка, Сеул: Национальный институт корейского языка, 1999. 7328 с. (на корейском языке)

Ahn H., Kiaer J. Translingual English words of Korean origin and beyond: skinship, fighting, chimaek // *Asian Englishes*. 2024. No. 26 (1). P. 69–83.

Durkin Ph. Borrowed words. A history of loanwords in English. Oxford: Oxford University Press, 2014. 487 p.

Hock H. H., Joseph B. D. Language history, language change, and language relationship: an introduction to historical and comparative linguistics. Berlin: Mouton de Gruyter, 2019. 565 p.

Podhajecka M. Russian Loanwords in the “Oxford English Dictionary” Revisited // *Przegląd rusycystyczny*. 2018. No. 2 (162). P. 133–158.

Worden R. L. (ed.). North Korea — A Country Study. Library of Congress Country Studies. Washington, D. C.: Federal Research Division, Library of Congress, 2009. 332 p.

Yurn G. Loan Words in North Korea // *Oenoehak*. 2003. No. 37. P. 169–193. (на корейском языке)

Jungwon Chung

Chungbuk National University

(South Korea, Cheongju)

jungwonchung@gmail.com

RUSSIAN LOANWORDS IN KOREAN AND KOREAN LOANWORDS IN RUSSIAN

This article examines Russian loanwords in Korean and Korean loanwords in Russian. Both Korean and Russian languages borrow very few words from each other, but the reasons are different. North Korea sticks to the principle of linguistic purism, and its previous Russian loanwords have been constantly substituted with newly invented Korean neologisms or other etymologically primary loanwords. The North Korean lexicon includes Russian loanwords, most of which are academic and professional jargons, Russian cultural terms, and Soviet terms. South Korea, which was situated on the other side of the Iron Curtain in the 20th century, has a very short history of cultural contact with Russia. Most Russian loanwords are exotic and contextually restricted cultural terms, while only few Russian loanwords borrowed before and during the Korean War have taken root in the South Korean lexical system. On the other hand, the Russian language did not borrow words from Korean for a long time due to the lack of need and prestige of Korean in Russia, and Russian academic dictionaries contain almost no headwords with Korean etymology. However, the recent global rise of Korean culture has brought many Korean words into the Russian online space. Most newly borrowed Korean words are exotic cultural terms and still in a low level of localization in the Russian lexicon. North Korean language situation is not going to change easily, and the substantial growth of Korean loanwords in Russian and Russian loanwords in the South Korean lexicon totally depends on extralinguistic factors such as cultural, economic and political relations between two countries.

Key words: Russian loanwords, Korean loanwords, word borrowing, need and prestige, linguistic exotism, loan word adoption.

References

- Ahn H., Kiaer J. Translingual English words of Korean origin and beyond: skinship, fighting, chimaek. *Asian Englishes*, 2024, no. 26 (1), pp. 69–83. (In Eng.)
- Chernyshev V. I. (ch. ed.). *Slovar' sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Dictionary of Modern Russian Literary Language] Moscow, Leningrad, Academy of Sciences of the USSR. 1948–1965.
- Durkin Ph. *Borrowed words. A history of loanwords in English*. Oxford, Oxford University Press, 2014. 487 p.
- Evgen'eva A. P. (ed.). *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1981–1984.
- Gorbachevich K. S., Gerd A. S. (ch. eds.). *Bol'shoi akademicheskii slovar' russkogo yazyka* [Great Academic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, St. Petersburg, Nauka Publ., 2004–.
- Hock H. H., Joseph B. D. *Language history, language change, and language relationship: an introduction to historical and comparative linguistics*. Berlin, Mouton de Gruyter Publ., 2019. 565 p.
- Ivanova O. E., Lopatin V. V. (eds.). *Russkii orfograficheskii slovar'* [Russian Orthographic Dictionary]. Moscow, AST-Press Publ., 2023. 884 p.
- Jung S. G. (ch. ed.). *Great Korean Dictionary*. Pyongyang, Academy of Social Science. 1992. 4170 p.
- Kalenchuk M. L., Kasatkin L. L., Kasatkina R. F. *Bol'shoi orfoepicheski slovar' russkogo yazyka* [Great Orphoeptic Dictionary of the Russian Language]. Moscow, AST-Press Kniga Publ., 2012. 1008 p.
- Krysin L. P. [Stages of foreign word adoption]. *Russkii yazyk v shkole*, 1991, no. 2, pp. 74–78.
- Kuznetsov S. A. (ed.). *Bol'shoi tolkovyi slovar' russkogo yazyka*. [Great Explanatory Dictionary of the Russian Language]. St. Petersburg, Norint Publ., 1998. 1534 p.
- Podhajecka M. Russian Loanwords in the “Oxford English Dictionary” Revisited. *Przegląd rusycystyczny*, 2018, no. 2 (162), pp. 133–158. (In Eng.)
- Shim J. K. (ch. ed.). *Standard Korean Language Dictionary*, Seoul, National Institute of Korean Language, 1999. 7328 p.
- Worden R. L. (ed.). *North Korea — A Country Study*. Library of Congress Country Studies. Washington, D. C., Federal Research Division, Library of Congress, 2009. 332 p.
- Yurn G. Loan Words in North Korea. *Oenoehag*, 2003, no. 37, pp. 169–193. (In Kor.)
- Zarva M. V. *Russkoe slovesnoe udarenie* [Russian Word Stress]. Moscow, Innovation center ENAS Publ., 2001. 600 p.

М. В. Шульга

*Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Россия, Москва)
shoulga@mail.ru*

ИМЕНИТЕЛЬНЫЙ-ВИНИТЕЛЬНЫЙ МНОЖЕСТВЕННОГО НА -А́: ОГРАНИЧЕНИЯ И МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ В СИСТЕМЕ СКЛОНЕНИЯ

В научных описаниях форм именительного-винительного падежа множественного числа на -а́ (*лесá, берегá*) называется множество факторов, не имеющих непосредственного отношения к морфологии, но не сформулированы собственно морфологические функции флексии -а́ в системе склонения.

Путем уточнения ограничений в образовании форм на -а́ автор приходит к заключению, что основным фактором, регулирующим распространение флексии -а́, является перенос ударения с основы в единственном числе на окончание во множественном числе. Флексия -а́ безальтернативна для всех существительных с неодносложной основой акцентной парадигмы С независимо от исхода основы, двухсложности или многосложности основы, места ударения на основе единственного числа. Связь флексии -а́ с мужским родом является производной от акцентуации. Существительные с односложной основой в пределах акцентной парадигмы С составляют особое явление: только в этой подгруппе имеется альтернатива флексии -а́ — ударная флексия -ы́ при подвижности ударения (*мирý — домá*).

В морфологическом плане флексия -а́ характеризуется в статье как один из элементов показателя множественности, дополнительное средство выражения числовых противопоставлений. Она сопровождает более общие и более регулярные морфологические процессы: флективную унификацию падежных форм и падежных оппозиций в маркированном числовом значении — значении множественного числа; усложнение морфемной структуры парадигмы мн. числа за счет формирования показателя множественности в субстантивных и адъективных парадигмах; акцентное противопоставление числовых парадигм.

Ключевые слова: Именительный-винительный на -а́, акцентная парадигма С, показатель множественности, числовые противопоставления.

И. С. Улуханов неоднократно высказывался о методах научного описания грамматики, в частности, о необходимости перехода от преобладающего констатирующего способа к объяснительному способу изложения современных славянских грамматик, встречающемуся, как он отмечал, только спорадически. В своих трудах он успешно демонстрировал возможности одного из объяснительных способов описания словообразования — изучения ограничений и их причин. «Изучение ограничений и их причин — это переход от констатирующего способа описания к объяснительному, что соответствует многим современным направлениям в изучении грамматики и языка вообще (прежде всего таким, как объяснительная грамматика, естественная морфология, когнитивная грамматика)» [Улуханов 1998: 537].

Изучение ограничений в реализации грамматических явлений и их причин остается актуальной исследовательской задачей грамматики и в наши дни. Мы рассматриваем в настоящей публикации форму именительного-винительного падежа множественного числа (далее: ИВмн.) на *-á* (*лесá, берегá*) и пытаемся путем уточнения ограничений в образовании этой морфологической формы сосредоточиться на собственно морфологической функции формы ИВмн. на *-á* в системе субстантивного склонения. Такой подход предполагает, на наш взгляд, обращение к истокам этого грамматического явления: к унификации форм мн. числа, к тенденции к вычленению показателя множественности в ходе грамматического развития категории числа; к акцентному противопоставлению субстантивных парадигм ед. и мн. числа.

Речь идет об уникальном для славянских языков явлении: инновации с ИВмн. *-á* не свойственны другим славянским языкам, в том числе восточнославянским, при этом они наблюдаются почти во всех русских говорах. А. А. Зализняк допускает возможность рассматривать результаты процессов, связанных с распространением флексии ИВмн. *-á*, как проявление агглютинации¹, то есть как инновации типологического уровня в морфологическом строе русского языка, фузионного в своей основе.

1. В научных описаниях морфологической формы ИВмн. на *-á* (*лесá, городá*), начиная с грамматик XIX в., называется множество ограничений, некоторые из них не имеют прямого объяснения с позиций морфологии или даже вступают с морфологией в противоречие. Так, исследователи выявляют следующие ограничения в качестве регулирующих употребление флексии ИВмн. *-á*: акцентная парадигма С существительных с флексией ИВмн. *-á*; мужской род существительных с флексией ИВмн. *-á*; определенная слоговая структура существительных с флексией ИВмн. *-á*; место ударения в парадигме ед. числа; конкретные концовки имен существительных.

Во многих работах авторы останавливаются также на роли лексико-семантических ограничений. «Так, именно под влиянием семантического фактора формы

¹ «В целом русское склонение может быть представлено, таким образом, в виде полуагглютинативной системы, где мн. число выражается одним из двух постоянных показателей, однако показатели падежей в разных числах сходны лишь отчасти (полностью совпадая лишь в максимально немаркированном падеже — именительном)» [Зализняк 1967/2002: 549].

на -á (-я) оказываются предпочтительнее у слов с предметным значением. <...> За названиями лиц по профессиям в письменной речи литературная норма требует флексии -ы (-и): *пекари, токари, слесари, бухгалтеры* и т. д.» [Граудина 1980:185]. Это замечание отчасти расходится с Грамматикой 1970 в отношении названий лиц по профессиям: «В профессиональной речи преобладают формы на -á, -я у существительных — названий механизмов и их частей, различных конкретных предметов, названий профессий и специальностей...» [Шведова (отв. ред.) 1970: 382]. Склонность слов с предметным значением менять окончания на -á отмечается также в коллективной монографии [Крысин (ред.) 1974].

В концепциях, более или менее успешно описывающих современный и/или исторический языковой материал, пока не сформулировано главное: морфологическая функция морфологической формы на -á в системе склонения. Кроме того, особое недоумение исследователя должна бы вызывать связь флексии -á с мужским грамматическим родом, поскольку инновации на -á появились тогда, когда во мн. числе родовые различия уже активно аннулировались, а современные формы мн. числа по роду в целом не охарактеризованы.

В статье излагаются результаты исследования материала, относящегося к этой морфологической проблеме, в основном на материале «Грамматического словаря» А. А. Зализняка² [Зализняк 1977]. Мы рассмотрим отмеченные в научной литературе ограничения на распространение флексии -á с собственно морфологических позиций.

2. Ограничение: акцентная парадигма С. Установлено, что флексию -á в ИВмн. имеют только существительные, относящиеся к акцентной парадигме (далее: а. п.) С, то есть с ударением на основе в ед. числе и с ударением на окончании во мн. числе: ед. *дóктор, дóктора* — мн. *докторá, докторóв*. Перенос ударения с основы в ед. числе на окончание во мн. числе является основным фактором, регулирующим распространение флексии -á³.

Связь между а. п. С и флексией -á в ИВмн. имеет последовательный характер. Исключением по этому признаку являются только слова *рукавá, обилагá* — с неподвижным ударением на окончании (а. п. В). Инновации на -á не отмечаются у существительных без подходящих акцентологических условий (то есть вне а. п. С). Новое заимствованное слово, приобретая в русском языке подвижность ударения по а. п. С, получает флексию -á: а. п. А *скáнер* — *скáнеры, сёрвер* — *сёрверы*; а. п. С *скáнер* — *сканерá, сёрвер* — *серверá*.

Таким образом, перенос ударения с основы в ед. числе на окончание во мн. числе является одним из важнейших факторов, регулирующих распространение флексии -á.

² В сборе и обработке материала принимала участие выпускница МГУ им. М. В. Ломоносова В. В. Борзова.

³ Среди современных исследований особый случай составляет статья И. А. Шаронова [Шаронов 2015], в которой эти акцентные ограничения при развитии инноваций на -á курьезным образом не принимаются во внимание.

3. Ограничение: неодносложность основы. В описаниях И. мн. на *-á* односложные и неодносложные существительные нередко приводятся отдельными списками. Однако принципиальному отличию неодносложных существительных от односложных обычно не уделяется должного внимания. Это отличие состоит в безальтернативности флексии *-á* для неодносложных существительных а. п. С.

На этот факт обратила внимание Н. А. Еськова: «...В русском литературном языке нет существительных мужского рода с неодносложными основами, которые, имея подвижное ударение, образовывали бы именительный множественного на *-ы́, -и́* (т. е. невозможно соотношение типа: *го́род, го́рода* — **горо́ды, горо́да́м*)» [Еськова 2014: 462].

Из этого наблюдения Н. А. Еськовой логически следует, что флексия *-á* обязательна для всех существительных с неодносложной основой а. п. С независимо от каких-либо других ограничений: независимо от двусложности или многосложности основы, независимо от места ударения (на первом, втором или третьем слоге основы в формах ед. числа) и под. Н. А. Еськова, тем не менее, вслед за другими авторами, признает влияние на флексацию неодносложных существительных некоторых морфонологических факторов.

Наше исследование лексического материала подтверждает, что вариантность флексий *-á* и не *-á* у неодносложных существительных в пределах парадигмы С невозможна. Следовательно, не могут быть подтверждены следующие наблюдения Я. К. Грота, В. И. Чернышева, Н. А. Еськовой и других исследователей о влиянии на флексацию определенного исхода основы, двусложности основы, начально-ударности основы: «...Большое число личных имен, означающих звание, составляет тут случайность, происходящую от их окончания на *р, л*, охотно допускающего за собою *-á* и *-я́* во множественном числе» [Грот 1899: 331]; «...Немалое число форм дают иностранные слова, особенно с неударяемыми окончаниями *ерь, оръ, ель*» [Чернышев 1914: 90]; «Дополнительным условием, благоприятствующим приобщению слова к такому типу образования множественного числа, являются определенные конечные элементы основы *-ер, -ор, -рь, -ль, -ус*, как у слов *свитер, рупор, токаръ, дизель, соус*, относительно недавно пополнивших этот тип» [Еськова 2014: 464]; «Область наиболее интенсивного действия тенденции к образованию форм на *-á* — существительные с двусложными начально-ударными основами, в особенности такими, которые кончаются на *-ер, -ор, -рь, -ль, -ус* (*свитер, рупор, токаръ, дизель, соус*)» [Еськова 1990: 30].

Эти наблюдения над морфонологическими особенностями основы не имеют объяснительной силы, поскольку окончание *-á* имеют все существительные с двусложными начально-ударными основами а. п. С, независимо от исхода основы. Но двусложность основы не является фактором, определяющим флексацию. Принципиально важно, что и производные от двусложных основ слова (слова с трехсложной, четырехсложной, пятисложной основой), сохраняющие подвижность ударения, также имеют флексию *-á*: *фельди́ера — ветфельди́ера, тракторá — электротракторá, катера́ — бронекатера́, острова́ — полуострова́, поездá —*

автопоезда́, агитпоезда́, бронепоезда́, мотопоезда́, электропоезда́; провода́ — электропровода́, егеря́ — фельдъегеря́.

Не влияет на флексацию также ударение на первом (третьем от конца) слоге трехсложной основы. В а. п. С таких существительных всего несколько, но все они имеют флексию -á: *те́терев — тетерева́, пе́репел — перепела́, ко́локол — колокола́, о́корок — окорока́, до́говор (не рек.) — договора́ (не рек.).*

Если в ед. числе ударение стоит на последнем слоге основы, то во мн. числе оно сдвигается на соседний слог (на окончание). Эти условия считаются неблагоприятными для распространения флексии -á: «Имена существительные, имеющие более одного слога, в которых ударение падает на конечный слог основы, не образуют множественного числа на -á (-я)... [Виноградов и др. (ред.) 1952: 150]. Тем не менее, перенос ударения с последнего слога основы при акцентной парадигме С наблюдается у следующих слов: *коки́ль — ИВмн. кокиля́, поста́в — ИВмн. поставá; вышедшее из употребления: тага́н — таганá. Все другие формы на -á оцениваются как ненормативные. За пределами литературной нормы: офице́р — офице́ра, инже́нер — инже́нера, догово́р — догово́ра (соотносят также с до́говор), шофе́р — шофера́ (соотносят также с шо́фер).*

Однако похоже, что это не проблема флексации, а проблема акцентуации. Во всех случаях, когда ударение подвижное, флексия -á является безальтернативной. Следовательно, расстояние между ударением в ед. числе и ударением во мн. числе (перенос ударения через слог, через два слога или через три слога) не регулирует образование форм на -á.

Существительные с односложной основой а. п. С принимают флексию -á независимо от места ударения на основе ед. числа. При акцентной парадигме С флексия ИВмн. -á является безальтернативной. Вариантность флексий ИВмн. в пределах парадигмы С невозможна. В случаях типа ИВмн. *корре́кторы* и *корректорá* имеет место вариантность а. п. А и а. п. С, а не вариантность флексий -ы и -á.

4. Ограничение: односложность основы. Что касается существительных с односложной основой, то они в пределах акцентной парадигмы С составляют особое явление. Только у существительных с односложной основой имеется альтернатива флексии -á — ударная флексия -í (-ы́) при подвижности ударения: *сыны́, круги́, еры́, ланы́, сыры́, жиры́, миры́, жиры́, шары́, дары́, чубы́, усы́, носы́* и т. д. У односложных существительных акцентной парадигмы С такие формы преобладают (108 из 144, по материалам [Зализняк 1977]).

Есть довольно многочисленные формы на -á в пределах а. п. С (36 существительных): *хлеба́, хлева́, дома́, тома́, кормá, шторма́, тона́, веса́, леса́, цвета́, счета́, борта́* и под.

Случаи вариантности флексий у одного слова в пределах а. п. С единичны: *гробы́* и *гробá, мехи́* и *меха́* ('кузнечный прибор'). Отмечается также вариантность акцентных парадигм подвижного ударения Е и С, которая сопровождается разной флексацией: а. п. Е *го́ды, годáм* — а. п. С *года́, годáм*.

Таким образом, только на материале существительных с односложной основой можно обсуждать проблему выбора между флексиями ИВмн. *-á* и не *-á*. Для неодносложных существительных а. п. С проблемы выбора флексии не существует.

5. Ограничение: мужской род. Особое недоумение исследователя, как уже отмечалось, должна бы вызывать связь флексии *-á* с мужским родом, поскольку формы мн. числа по роду в целом не охарактеризованы. Однако и это свойство словоформ на *-á* оказывается производным от акцентуации: а. п. С составляют существительные среднего рода (с исконной флексией *-a*) и мужского рода, но не женского рода.

Если слова женского рода развивают подвижность ударения по типу а. п. С, они неизбежно принимают флексию ИВмн. *-á*. Так, в говорах и в просторечии исследователи отмечают следующие формы ИВмн. у существительных женского рода с нулевым окончанием: односложные *вещá, дверя́, кровя́, церквя́*; двусложные, *дочеря́, зеленя́, крепостя́, лошады́, матеря́, мелочá, областя́, отрасля́, площадя́, податя́, помощá, пристаня́, скоростя́, яблоня́* (от *яблонь*); трехсложные *очередя́*.

Таким образом, ограничение ИВмн. на *-á* существительными мужского рода связано исключительно с условиями реализации а. п. С. Распространение флексии ИВмн. *-á* у неодносложных существительных регулируется акцентологическими факторами и не зависит от грамматического рода.

5. Причины подвижности ударения. В основе подвижности ударения лежат морфологические процессы: тенденция к противопоставлению числовых парадигм в процессе исторического развития категории числа.

Тенденция к взаимному противопоставлению парадигм ед. числа и мн. числа не ограничена словами мужского рода, не ограничена а. п. С; она реализуется также у существительных среднего и женского рода, у существительных а. п. D.

А. А. Зализняк в своих лекциях эти процессы иллюстрирует следующими образцами.

Женский род

Древнее состояние	Современное состояние
<i>женá</i> — <i>жены́, женáмъ</i> (а. п. В) <i>красотá</i> — <i>красоты́, красотáмъ</i> (а. п. В)	<i>женá</i> — <i>жéны, жéнам</i> (а. п. D) <i>красотá</i> — <i>красóты, красóтам</i> (а. п. D)
<i>стру́на</i> — <i>стру́ны, стру́намъ</i> (а. п. А) <i>гроза́</i> — <i>грóзы, грóзáмъ</i> (а. п. F)	<i>струна́</i> — <i>стру́ны, стру́намъ</i> (а. п. D) <i>гроза́</i> — <i>грóзы, грóзáмъ</i> (а. п. D)

Средний род

<i>мо́ре</i> — <i>мо́ря</i> (а. п. А) <i>село́</i> — <i>села́</i> (а. п. В)	<i>мо́ре</i> — <i>моря́</i> (а. п. С) <i>село́</i> — <i>сёла</i> (а. п. D)
<i>дѣло</i> — <i>дѣла</i> (а. п. А) <i>зёрно</i> — <i>зёрна</i> (а. п. А)	<i>дѣло</i> — <i>дела́</i> (а. п. С) <i>зёрно</i> — <i>зёрна</i> (а. п. D)

Мужской род

<i>ды́мъ, ды́ма</i> — <i>дымы́, ды́мовъ</i> (а. п. А) <i>дубъ, дуба</i> — <i>дубы́, дубо́въ</i> (а. п. Е)	<i>дым, ды́ма</i> — <i>дымы́, ды́мов</i> (а. п. С) <i>дуб, дуба</i> — <i>дубы́, дубо́в</i> (а. п. С)
--	---

Приведенные образцы демонстрируют, что сдвиг ударения имеет двусторонний характер: не только с основы в ед. числе на окончание во мн. числе, как это наблюдается при переходе от а. п. А к а. п. С. Ударение может сдвигаться с окончания на основу во мн. числе при переходе от а. п. В к а. п. D. Возможен также переход ударения на окончание в ИВмн. при переходе от а. п. Е к а. п. С.

А. А. Зализняк, комментируя изменения в русском ударении с XVII в., констатирует: «Во всех случаях главное направление изменений состоит в том, чтобы после изменения единственное и множественное число были противопоставлены по ударению» [Зализняк 2014].

Таким образом, в формах имен существительных, независимо от грамматического рода, наблюдается морфологическая тенденция к противопоставлению по ударению парадигм ед. и мн. числа.

У части имен существительных тенденция к противопоставлению по ударению парадигм ед. и мн. числа реализуется таким образом, что ударение во мн. числе переносится с основы на флексию (а. п. С). В этом случае в ИВмн. безударная флексия -и (-ы) замещается ударной флексией -á. Флексия -á обязательна для существительных с неодносложной основой, независимо от их лексического значения, количества слогов в основе, места ударения на основе в ед. числе, независимо от исхода основы.

У существительных с односложной основой безударная флексия -и (-ы) может замещаться ударной флексией -í (-ы́) или ударной флексией -á (реже).

Следовательно, история флексии -á предстает как частный случай реализации более общей морфологической тенденции — тенденции к противопоставлению по ударению парадигм ед. и мн. числа. Флексия -á развивается на лексической базе одной из подвижных акцентных парадигм.

Категория числа использует акцентуацию как дополнительное (по отношению к флексии) средство выражения противопоставленных числовых значений — значения ед. числа и значения мн. числа. Связью с развитием грамматической категории числа могут объясняться некоторые лексическо-семантические ограничения на распространение флексии -á. Как было сказано в п. 1, исследователи отмечают преобладание предметных имен среди форм на -á. Это лексико-семантическое ограничение также обусловлено морфологией. Именно для предметных имен (исчисляемых) актуально противопоставление числовых форм; в то время как другие имена (неисчисляемые: отвлеченные, собирательные, вещественные) могут не иметь противопоставленных числовых парадигм.

6. Почему именно флексия -á? В диахроническом развитии инноваций ИВмн. на -á (с XV–XVII вв.) исследователи усматривают влияние ряда случайных морфологических факторов: влияние остаточных форм двойственного числа или [Жолобов 1998: 30–31] квантитативных конструкций типа *два, три, четыре стола*; влияние форм существительных среднего рода на формы существительных мужского рода; влияние собирательных существительных женского рода типа *господа* и др.

Эти случайные морфологические сближения не имеют объяснительной силы. Кроме того, в них игнорируются важнейшие акцентологические ограничения

на распространение ИВмн. на *-á*. Так, в формах двойственного числа у слов с подвижным ударением флексия *-а* была безударной. Этот аспект подробно и доказательно рассматривают В. М. Марков и А. А. Зализняк [Марков 1974: 121; Зализняк 2018: 21–29].

При интерпретации инноваций на *-á* важно не упускать из виду тот факт, что изменение акцентуации при переходе ударения с основы в ед. числе на окончание во мн. числе затрагивает не только форму ИВмн., но всю парадигму мн. числа, то есть ударный элемент *-á* появляется также в дательном, творительном и предложном падежах⁴. Происходит унификация ударного гласного элемента *-á* во флексиях парадигмы мн. числа (кроме Р. мн.).

Современный материал подтверждает концепцию Ягича–Маркова и А. А. Зализняка о тенденции к вычленению показателя множественности *-á* в ходе грамматического развития категории числа [Марков 1974; Зализняк 1967/2002]. Первоначально эта тенденция проявляется в обобщении флексий *-амъ*, *-ами*, *-ахъ*, которые на протяжении нескольких веков объединили формы всех существительных. В. М. Марков особо останавливается на роли акцентуации в процессе раннего (с XIII в.) распространения флексий *-амъ*, *-ами*, *-ахъ* за пределами склонения на *-а*.

Обобщение флексий *-амъ*, *-ами*, *-ахъ* в субстантивном склонении — это одно из проявлений «общей диахронической тенденции к однозначной соотнесенности грамматических значений и морфологических средств их выражения», как ее сформулировал Г. А. Хабургаев [Хабургаев 1990: 68]. В маркированном числовом значении — значении мн. числа — устраняется многообразие падежных флексий, что (вместе с объединением падежных оппозиций, см. [Шульга 2017: 130–150]) приводит к утрате родовых различий во мн. числе как в субстантивном склонении, так и в адъективном. Этот общий для всех восточнославянских языков процесс в той или иной форме представлен также в западнославянских языках [Шульга 2017: 134–141]. Но только в русском языке общность флективных элементов дала направление для вычленения показателей множественности, то есть для усложнения морфемной структуры падежных словоформ.

Этот процесс завершен в системе русского адъективного склонения в основном уже к XVI в. В современном русском языке тот или иной показатель множественности представлен во всех адъективных падежных формах: *т-е*, *одн-и*, *красн-ы-е*, *син-и-е*.

В субстантивном склонении подвижным основанием для дальнейшего распространения показателя множественности *-а* на формы ИВмн. стала общая для всех трех родов тенденция к акцентному расподоблению парадигм ед. и мн. числа, то есть вовлечение акцентуации в выражение числовых противопоставлений. В тех случаях, когда в формах мн. числа показатель множественности *-а* оказывается под ударением, он распространяется также на формы ИВмн. в качестве ударной

⁴ На это обращает особое внимание В. И. Чернышев: «Мы не допускаем формы «ораторá» между прочим и потому, что не терпим произношений *ораторóвъ*, *ораторáмъ* и проч.» [Чернышев 1914: 91–92].

безальтернативной флексии *-á*. За пределами этого процесса осталась часть существительных с односложной основой. Большой частью это, видимо, слова, у которых а. п. С с ударным окончанием *-í* (*-yí*) сформировалась раньше тенденции к вычленению показателя множественности. Однако данное предположение требует проверки.

Таким образом, мы имеем дело с развитием оппозиционных отношений числовых парадигм, проявляющемся во флексии мн. числа и в акцентуации, по крайней мере, на протяжении восьми веков.

7. Морфологическая функция флексии ИВмн. *-á* в системе склонения. Флексия ИВмн. *-á* является дополнительным средством выражения числовых противопоставлений, одним из элементов показателя множественности. Она сопровождает следующие более общие и регулярные морфологические процессы:

- 1) флексивную унификацию падежных форм Д., Т., М. и падежных оппозиций в маркированном числовом значении — значении мн. числа;
- 2) усложнение морфемной структуры парадигмы мн. числа за счет формирования показателя множественности в субстантивных и адъективных парадигмах.
- 3) акцентное противопоставление числовых парадигм.

Литература

Виноградов В. В. и др. (ред.). Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / Акад. наук СССР, Институт языкознания. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1952. 720 с.

Граудина Л. К. Вопросы нормализации русского языка. Грамматика и варианты. М.: Наука, 1980. 287 с.

Грот Я. К. Труды Я. К. Грота П. Филологические разыскания (1852–1892). СПб., 1899. 940 с.

Еськова Н. А. Трудности словоизменения существительных. Учебно-методические материалы к практическим занятиям по курсу «Язык современной печати». М.: ВИПК работников печати, 1990. 106 с.

Еськова Н. А. Словарь трудностей русского языка. Ударение. Грамматические формы. М.: Языки славянской культуры, 2014. 536 с.

Жолобов О. Ф. История двойственного числа и квантитативных конструкций в русском языке. Автореферат дис. ... доктора филол. наук. М., 1998. 36 с.

Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. Ок. 100 000 слов. М.: Русский язык, 1977. 880 с.

Зализняк А. А. О показателях множественного числа в русском склонении // «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по современному русскому языку и общему языкознанию. М.: Языки славянской культуры, 2002. С. 545–549.

Зализняк А. А. Из истории русского ударения / Лекция прочитана 17 февраля 2014 года в школе «Муми-тролль» [Электронный ресурс]. URL: <http://elementy.ru/lib/43237> (дата обращения: 12.07.2024).

Зализняк А. А. Функции флексии именительного падежа на -а в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 9–32.

Крысин Л. П. (ред.). Русский язык по данным массового обследования: опыт социально-лингвистического изучения. М.: Наука, 1974. 352 с.

Марков В. М. Историческая грамматика русского языка. Именное склонение. М.: Высшая школа, 1974. 143 с.

Улуханов И. С. О закономерностях сочетаемости морфем в славянских языках // Славянское языкознание: XII Международный съезд славистов: доклады российской делегации. Отделение литературы и языка РАН. М.: Наука, 1998. 623 с.

Хабургаев Г. А. Очерки исторической морфологии русского языка: Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990. 295 с.

Чернышев В. И. Правильность и чистота русской речи. Опыт русской стилистической грамматики. Изд. 3-е, сокр. СПб.: тип. М. Меркушева, 1914. 272 с.

Шаронов И. А. Формы множественного числа существительных на -а/-я: ретроспективный взгляд и современная ситуация // Верхневолжский филологический вестник. 2015. № 2. С. 41–45.

Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970. 768 с.

Шульга М. В. Грамматические оппозиции в истории морфологии имени. М.: Индрик, 2017. 196 с.

M. V. Shulga

Lomonosov Moscow State University

(Russia, Moscow)

shoulga@mail.ru

NOMINATIVE–ACCUSATIVE PLURAL IN -á: LIMITATIONS AND MORPHOLOGICAL FUNCTION IN THE DECLENSION SYSTEM

In scholarly descriptions of the N–A plural forms in -á (*лесá, берегá*) many factors that are not directly related to morphology are mentioned, but the actual morphological functions of inflection in the declensional system are not formulated.

By clarifying the limitations of morphological forms in -á, the author concludes that the main factor regulating the distribution of the inflectional ending -á is the transfer of stress from the stem in the singular to the ending in the plural. For all multisyllabic stemmed nouns of accentual paradigm C, regardless of the origin of the stem, the bisyllabic or multisyllabic nature of the stem and the place of stress on the stem in the singular, the inflectional ending -á has no alternative. The association of the inflectional ending -á with the masculine gender is derived from accentuation. Nouns with a monosyllabic stem that fall within accentual paradigm C constitute a special phenomenon: the alternative to

the inflectional ending -á, the stressed inflectional ending -bí with mobile stress (*мурьí, домá*), exists only in this subgroup.

Morphologically, the inflectional ending of the N–A plural -á is characterized in this article as one of the elements indicating plurality, and an additional means of expressing number oppositions. It accompanies more general and more regular morphological processes: the inflectional unification of case forms and case oppositions in marked numerical value — the meaning of the plural; the complexity of the morphemic structure of plural paradigms as a result of the formation of an index of multiplicity in substantive and adjectival paradigms and the accentual opposition of number paradigms.

Key words: Nominative–accusative in -á, accentual paradigm C, index of multiplicity, number oppositions.

References

Chernyshev V. I. *Pravil'nost' i chistota russkoi rechi. Opyt russkoi stilisticheskoi grammatiki* [Correctness and purity of Russian speech. Experience of Russian stylistic grammar]. 3rd ed. St. Petersburg, 1914. 272 p.

Es'kova N. A. *Trudnosti slovoizmeneniya sushchestvitel'nykh. Uchebno-metodicheskie materialy k prakticheskim zanyatiyam po kursu «Yazyk sovremennoi pechati»* [Difficulties in inflecting nouns. Educational and methodological materials for practical classes in the course “Language of Modern Printing”]. Moscow, VIPK Rabotnikov Pechati Publ., 1990. 106 p.

Es'kova N. A. *Slovar' trudnostei russkogo yazyka. Udarenie. Grammaticheskie formy* [Dictionary of difficulties of the Russian language. Emphasis. Grammatical forms] Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2014, 536 p.

Graudina L. K. *Voprosy normalizatsii russkogo yazyka. Grammatika i varianty* [Issues of normalization of the Russian language. Grammar and Variations]. Moscow, Nauka Publ, 1980. 287 p.

Grot Ya. K. *Trudy Ya. K. Grot II. Filologicheskie razyskaniya (1852–1892)* [Works of Y. K. Grot II. Philological research (1852–1892)]. St. Petersburg, 1899. 940 p.

Khaburgaev G. A. *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka: Imena* [Essays on the historical morphology of the Russian language: Names]. Moscow, Publ. House of the MSU, 1990. 295 p.

Krysin L. P. (ed.). *Russkii yazyk po dannym massovogo obsledovaniya: opyt sotsial'no-lingvisticheskogo izucheniya* [Russian language according to mass survey data: experience of socio-linguistic study]. Moscow, Nauka Publ., 1974. 352 p.

Markov V. M. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka. Imennoe sklonenie* [Historical grammar of the Russian language. Nominal declension]. Moscow, Vysshaya Shkola Publ., 1974. 143 p.

Sharonov I. A. [Plural forms of nouns ending in -a/-я: a retrospective view and the current situation]. *Verkhnevolzhskii filologicheskii vestnik*, 2015, no. 2, pp. 41–45. (In Russ.).

Shulga M. V. *Grammaticheskie oppozitsii v istorii morfologii imeni* [Grammatical opposition in the history of the morphology of nominal categories]. Moscow, Indrik Publ., 2017. 196 p.

Shvedova N. Yu. (resp. ed.). *Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka* [Grammar of the modern Russian literary language]. Moscow, Nauka Publ, 1970. 768 p.

Ulukhanov I. S. [On the patterns of combinability of morphemes in Slavic languages]. *Slavyanskoe yazykoznanie: XII Mezhdunarodnyi s"ezd slavistov: doklady rossiiskoi delegatsii. Otdelenie literatury i yazyka RAN* [Slavic linguistics: XII International Congress of Slavists: reports of the Russian delegation. Department of Literature and Language of the Russian Academy of Sciences]. Ed. by O. N. Trubachev. Moscow, Nauka Publ., 1998. 623 p.

Vinogradov V. V. and others (eds.). *Grammatika russkogo yazyka*. T. 1. *Fonetika i morfologiya* [Grammar of the Russian language. Vol. 1. Phonetics and morphology]. Moscow, AS USSR Publ, 1952. 720 p.

Zaliznyak A. A. *Grammaticheskii slovar' russkogo yazyka: Slovoizmenenie* [Grammar Dictionary of the Russian Language: Inflection]. About 100 000 words. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1977. 880 p.

Zaliznyak A. A. [On plural indicators in Russian declension]. «*Russkoe imennoe slovoizmenenie*» s prilozeniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniyu ["Russian nominal inflection" with the application of selected works on the modern Russian language and general linguistics]. Moscow, Yazyki Slavyanskoi Kul'tury Publ., 2002, pp. 545–549. (In Russ.).

Zaliznyak A. A. [From the history of Russian accent]. *Lecture given on February 17, 2014 at the Moomintroll school*. (In Russ.) Available at: <http://elementy.ru/lib/43237> (accessed 12.07.2024).

Zaliznyak A. A. [Functions of the nominative flexion -a in russian]. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, no. 1 (35), pp. 9–32. (In Russ.).

Zholobov O. F. *Istoriya dvoistvennogo chisla i kvantitativnykh konstruktssii v russkom yazyke. Avtoreferat dis. ... doktora filologicheskikh nauk* [History of the dual number and quantitative constructions in the Russian language. Doctor of phil. sci. diss. abstr.]. Moscow, 1998, 36 p. (In Russ.).

ЯЗЫК И КУЛЬТУРА

В. Н. Виноградова

независимый исследователь

(Россия, Москва)

istepu@mail.ru

ОБ «ОБРАЗЕ АВТОРА» В САТИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЕ XIX В.: М. Е. САЛТЫКОВ-ЩЕДРИН

В статье рассматриваются изобразительные возможности русской сатирической прозы XIX в. на материале произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина. Особое внимание уделяется экспрессивным номинациям автора, их образным словообразовательным структурам, оценочным, ироничным и текстообразующим окказионализмам, а также другим лингвистическим средствам, которые в русской сатирической прозе XIX в. играют роль поэтического приема — выражения «образа автора» или «образов автора» в их стилевой принадлежности при эмоционально-экспрессивной роли создания отрицательно-оценочных наименований признаков, действий, чувств. Можно сказать, что сатира характеризуется особым «образом автора» — публициста. В сатирических произведениях широко используются в качестве средства воздействия элементы художественных структур, которые в тексте чередуются с публицистическими способами воздействия и документальным изложением. Специфические особенности изобразительных средств сатиры определяются сочетанием публицистических и собственно художественных языковых приемов, что прослеживается как на «уровне» композиции, так и на «уровне» стилистической структуры текста. Композиция сатирических произведений характеризуется совмещением особенностей публицистических и художественных жанров, что диктует особое отношение сфер авторской речи, речи рассказчика и речи персонажей, которым автор нередко «передоверяет» выражение своих взглядов и оценок, причем персонажам не только положительным, но и отрицательным, что в особенности характерно для эзоповского языка сатиры.

Ключевые слова: сатира, ирония, оценка, сравнения и метафоры, образ автора.

В. В. Виноградов, которому принадлежит обоснование идеи «образа автора», в свое время писал: «Само собой разумеется, что аналитический метод воссоздания “образа автора” по экспрессивным формам и оттенкам индивидуального стиля, на основе внутренней динамики речевых средств, выражающих отношение автора к изображаемой действительности, особенно трудно и сложно применять

к изучению таких произведений, в которых идеологические мотивы и краски лежат густым слоем на переднем плане картины <...>. Так, по отношению к творчеству Салтыкова-Щедрина, несмотря на наличие целого ряда работ о его стиле, о стиле его сатиры и т. п., задача исследования стилистической специфики построения “образа автора” или “образов автора” в произведениях этого великого сатирика пока даже еще не поставлена» [Виноградов 1959: 143].

«Техника» сатирического, комического, юмористического изображения требует мобилизации всех изобразительных и выразительных возможностей языка.

В своей статье о Щедрина Софья Ковалевская писала: «Трагический смех, которому он охотно придавал характер простонародного издевательства, не раз прикрывал его дерзкие выходки, и благодаря этому скрытому смыслу, часто, впрочем, весьма явному, умел он маскировать свою мысль» [Ковалевская 1986: 301].

Толкование новых слов с помощью иронического словообразовательного гнезда, раскрытие «внутренней формы» наименования преследует и обличительные цели: «*Головотяпами* назывались эти люди оттого, что имели привычку “*тяпать*” головами обо все, что бы ни встретилось на пути. Стена попадется — об стену *тяпают*; богу молиться начнут — об пол *тяпают* <...> послали сказать соседям: будем друг с дружкой до тех пор головами *тяпаться*, пока кто кого *перетяпает*» (О корени происхождения глуповцев).

Развертывание мысли автора в тексте часто сопровождается использованием словообразовательных цепочек и даже гнезд, «вершиной» которых часто является исходная авторская номинация: «<...> Это картина не лестная, но иною она не может и быть, потому что материалом для нее служит человек, которому с изумительным постоянством долбят голову и который, разумеется, не может прийти к другому результату, кроме *ошеломления*. Историю этих *ошеломлений* летопись раскрывает перед нами <...>, во многих местах заметно даже сочувствие к бедным *ошеломляемым*» (История одного города); «*куроцап!* <...> все мое мирозерцание относительно этого предмета выразилось в одном этом слове, как будто ему суждено было не только заполнить прошлое, но и на мое настоящее и будущее наложить неистребимую печать! Я испугался <...> [становой] слегка пожурил за то, что я <...> слишком обобщал понятие о *куроцапстве* и даже приписывал ему какое-то должностное значение» (Убежище Монрепо).

В сатире Щедрина находим примеры также в некотором смысле обратного приема — как бы снятия ироничности у слов, используемых его героями иронически, что также выявляет и обличает их точку зрения: «Они задумали обучить грамоте самого орла <...> Последняя <кукушка> стала нашептывать орлице: изведут они кормильца нашего, *заучат!* Орлица начала орла дразнить: *ученый! ученый!*» (Орел-меценат).

В одной из своих сказок, сочувственно рисуя постепенное очеловечивание барана, Щедрин пишет, прибегая к «обнажению приема»: «Но овцы не выказывали ни малейшего сочувствия к его <барана> тревогам и даже *не без ядовитости* называли его *умником* и *философом*, что, как известно, на овечьем языке имеет значение худшее, нежели *моветон*». (Баран непомнящий).

Щедрин считал, кроме того, образность просторечия одной из причин его использования. Он несколько раз приводит высказывание «*слаб* стал народ» в объяснение неудач крестьян (в откармливании индейки), а также «мы очень уж *просты*» и потом замечает: «Час от часу не легче. То *слабы*, то есть *пьяны*, то *просты*, то есть... Мы *просты*! Мы, у которых сложилась даже пословица: “простота хуже воровства”. Не верю!».

В диалогах выясняется, что в общем употреблении *прост* — это *дурак* [— Ловко он тебя объехал! Однако *прост* ведь и ты! — Чего прост! совсем *дурак*! — А *дураков*, брат, учить надо!] и что оба эти слова обозначают людей *честных* и *простодушных*. В авторской речи выражается прямая и недвусмысленная оценка и изображаемых явлений и противоестественного словоупотребления, отражающего состояние общества: «Дурак, дурак и дурак! — вот единственные выражения, которые раздаются в моих ушах. Мне становится, наконец, страшно. Куда деваться от этого *паскудного, поганого* слова? Десять дней сряду я слышу *наглый* панегирик *мошенничеству*, присвоивающему себе наименование *ума*» (Благонамеренные речи).

Высокая лексика, если воспользоваться словами М. М. Бахтина, используется в сатире в основном с целью разоблачения установки героя «как неправое претендующей на значимость» [Бахтин 1979: 21]. Таково, например, обличение Щедриным земских деятелей, которых он иронически именует *сеятелями*: «Какой вопрос прежде всего занял умы *сеятелей*? — Вопрос о снабжении друг друга фондами. Мне тысячу, тебе тысячу — вот первый вопль, первое движение»; «— Ужели литература разожгла аппетиты...? ужель она породила эти легионы сорванцов, у которых на языке — “государство”, а в мыслях — *пирог с казенной начинкой*?» (Круглый год).

Прием иронии, заключающийся в употреблении в репозиции положительно-оценочных слов, переосмысливаемых далее как ироническое выражение отрицательно-оценочных значений, является одним из самых характерных для сатирических произведений. У Щедрина это и способ обличения абсурдной, «перевернутой» точки зрения его героев: «И в первое время по приезде его на место *баран* действительно зарекомендовал себя *с самой лучшей стороны*. Ни о чем он не *рассуждал*, ничем не *интересовался* <...>» (Баран-непомнящий // Сказки).

Иронически преувеличенные похвалы — традиционное выразительное средство сатиры. Они часто оформлены по всем правилам риторики — представляют собой пространные периоды текста, включающие риторические обращения, восклицательные предложения, восклицательные междометия и лексические способы выражения мелиоративной оценки, которая, так сказать, дезавуируется столкновением со «сниженным» продолжением: «Где вы, воспетые некогда мною литераторы-обыватели? Где вы, *непреклонные* обличители *исправниковой* неосновательности и *городнического* заблуждения?» (Легковесные); «О, счастливые, о, стократ блаженные Молчалины! Они бесшумно, не торопясь *переползают* из одного периода истории в другой, никому не *бросивши слова участия*, но и никого не *вздернувши* на дыбу» (Господа Молчалины).

Ирония может состоять и в намеренном абсурдном смешении точек зрения и выражающих их положительно- и отрицательно-оценочных слов, например,

в «Обращении к читателю от последнего архивариуса-летописца» в «Истории одного города»: «Ежели древним еллинам и римлянам дозволено было слагать хвалу своим безбожным начальникам и предавать потомству *мерзкие* их деяния для назидания, ужели же мы, христиане, от Византии свет получившие, окажемся в сем случае *менее достойными и благодарными?*». Сравните также: «предки мои кресты целовали по чистой совести, кому прикажут, *беспрекословно*» (Пошехонская старина).

Читателю по ходу изложения приходится менять свое осмысление и оценки довольно часто, иногда даже в пределах абзаца или одного высказывания: «— Мужик умный. А в настоящее время даже и христианин-с. — Ну, батя! что христианин-то он — это еще бабушка надвое сказала! *Умница* — это так! *Из шельмов шельма* — это я и при нем скажу! — отрекомендовал Терпибедов» (Благонамеренные речи).

Перечислительные конструкции, включающие разнородные понятия, проясняют и абсурдность ситуации, и иронию по отношению к тем лицам, которые действительно склонны считать их близкозначными: «Бывали, правда, и в то время казнокрады, вымогатели, взяточники; бывали даже люди, *позволявшие себе носить волосы более длинные, чем нужно*» (Убежище Монрепо).

Присоединение «поясняющих», а по существу противоречащих, обличающих обстоятельств разного рода, выявляет истинный характер явления: «Взглянул он на погибшую артиллерию... — Сколько лет копил, берег, холил — роптал он <Бородавкин> — что я теперь делать буду! *как без пушек буду править*» (Войны за просвещение); о мерах одного из градоначальников: «*просвещение и сопряжённые с оным экзекуции* временно прекратить» (Эпоха увольнения от войн), «Ястреб и коршун <...> свалили все невзгоды на просвещение <...> И в доказательство, что *весь вред от наук идет, начали открывать заговоры*, и непременно такие, чтобы хоть Часослов да замешан в них был» (Орел-меценат // Сказки).

При синтаксическом построении, выражающем несоответствие (союз *а* соединяет два предложения, второе из которых выражает несоответствие тому, что выражено в первом, и противоречит ожидаемому, должному с точки зрения говорящего), осмеивается еще одно несоответствие — ожидаемое и должное с точки зрения говорящего, и тем самым осмеивается и действительность, эту точку зрения спровоцировавшая: «— Наконец, мир сказал: — Сколько ты, Евсейч, на свете годов живешь, *сколько начальников видел, а все жив состоишь!*» (Голодный город // История одного города).

Ироническому осмыслению текста немало способствует также «нарушение» синтаксическое — опущение управления. Отсутствие распространителей у глаголов призвано передать бессмысленность действий, не направленных конкретно, например, о «легковесном»: «Посмотрите ..., как он *стремится*, изгибается, *цепляется...*». И далее в прямой речи одного из них: «Мы *стремимся* и достигаем!» (Легковесные).

Для творчества Щедрина характерна «игра логическими формами» (В. В. Виноградов), которая проявляется в тексте смысловыми несоответствиями разного рода как в пределах предложения, так и в более широком контексте.

В таких изменениях ярко ощущаются смысловые лакуны, восстановление которых «за кадром» обнаруживает истинный иронический смысл текста. Таким образом выявляется логическое несоответствие причины и следствия: «Это что говорить! — прибавляли другие: — *нам терпеть можно! потому что мы знаем, что у нас есть начальники!*» (Голодный город // История одного города); «Но все, как бурные, так и кроткие, *оставили по себе благодарную память в сердцах сограждан, ибо все были градоначальники* (Обращение к читателю // История одного города). «<Снегирь> служил в полку писарем и, *научившись ставить знаки препинания*, начал издавать, без предварительной цензуры, газету «Вестник лесов» (Орел-меценат // Сказки).

Перемена мест причины и следствия обесмысливает описываемое событие и одновременно выявляет нарочито «наивные» точки зрения: «Мало ли было бунтов! У нас, сударь, насчет этого такая примета: *коли секут, — так уж и знаешь, что бунт!*» (Войны за просвещение // История одного города).

Ирония, конечно, заключается и в полной противоположности указанного следствия тому, что можно было бы ожидать: «сороке-белобоке, *благо воровка она, ключи от казны препоручили*» (Орел-меценат // Сказки).

Сатирики заставляют своих отрицательных персонажей цитировать критические о себе отзывы (доводя до читателя авторскую их оценку). Например, у Щедрина товарищ прокурора пишет маменьке: «Он говорил мне: “Вы фарисеи и лицемеры! Вы, как Исав, готовы за горшок чечевицы продать все так называемые основы ваши!” Милая маменька! как хотите, а тут есть доля правды» (Благонмеренные речи).

Персонажи часто занимаются «самокритикой», используя при этом смесь политических штампов, «цитату в цитате».

Такой прием чаще всего встречается именно у Щедрина: «Воблу поймали <...>, вывесили на веревочке на солнце: пускай проявится. Мозг, какой в голове был, выветрился. — Как это хорошо, — говорила вяленая вобла, — что со мной ту процедуру проделали! Теперь у меня ни *лишних* мыслей, ни *лишних* чувств, ни *лишней* совести — ничего такого не будет! Все у меня *лишнее* выветрили <...>. От рождения она была вобла степенная, не в свое дело носа не совала, за “лишним” не гналась, в эмпиреях не витала и неблагонадежных компаний удалялась. Еще где, бывало, слышит, что пескари *о конституциях болтают* — сейчас налево кругом и под лопух схоронится» (Вяленая вобла // Сказки).

И современные Щедрина критики, и он сам отмечали, что ему приходилось, по условиям российской действительности, выражать свои мысли не прямо, а иносказательно, прибегая к эзоповским приемам и средствам оценки действительности. Цензура парадоксальным образом способствовала выработке индивидуальной манеры изложения Щедрина и особых художественных средств, многие из которых в дальнейшем развивались в сатирической прозе. Сатира обладает рядом характерных особенностей в речевых способах номинации, которые, как правило, в сатире содержат и оценку — в особенности благодаря пропуску определенных конкретизирующих звеньев. В. Г. Белинский в статье «Русская литература в 1841 г.» писал, что «постижение комического — вершина эстетического образования» [Белинский 1948: 108].

Ироничные сравнительные конструкции также выявляют и обличают чужую точку зрения: «Дятел был скромный ученый и вел строго уединенную жизнь. Ни с кем никогда не виделся (многие даже думали, что он *запоем, как и все серьезные ученые, пьет*)» (Орел-меценат // Сказки).

Эзоповская манера, по мнению Щедрина, «небезвыгодна, потому что благодаря ее обязательности писатель отыскивает такие пояснительные черты и краски, в которых при прямом изложении предмета не было бы надобности, но которые все-таки не без пользы врезаются в память читателя. ... Она нимало не затемняет моих намерений, а напротив делает их только общедоступными» [Салтыков-Щедрин 1972: 506]. Эзоповская манера, сопровождаемая обычно и прямыми оценками, даваемыми, как нередко у Щедрина, и от лица автора или рассказчика, и героями, в том числе отрицательными, не оставляла сомнений в направленности его презрения: «Лицемерные лгуны суть истинные дельцы современности. <...> Они забрасывают вас всевозможными “краеугольными камнями”, загромаждают вашу мысль всякими “основами” и тут же, на ваших глазах, на камни *паскуют* и на основы *плюют*» (Благонамеренные речи).

Можно сказать, что сатира характеризуется особым «образом автора» — публициста. В сатирических произведениях широко используются в качестве средства воздействия элементы художественных структур, которые в тексте чередуются с публицистическими способами воздействия и документальным изложением.

Специфические особенности изобразительных средств сатиры определяются сочетанием публицистических и собственно художественных языковых приемов, что прослеживается как на «уровне» композиции, так и на «уровне» стилистической структуры текста. Композиция сатирических произведений характеризуется совмещением особенностей публицистических и художественных жанров, что диктует особое отношение сфер авторской речи, речи рассказчика и речи персонажей, которым автор нередко «передоверяет» выражение своих взглядов и оценок, причем персонажам не только положительным, но и отрицательным, что в особенности характерно для эзоповского языка сатиры. Последнему свойственно также создание индивидуальных авторских номинаций, причем используются и словообразовательные, и семантические («приращение смысла») способы образования окказионализмов, которые в ряде случаев выходят за рамки того или иного текста и обогащают литературный язык символическим обозначением тех или иных явлений (*пенкосниматели, применительно к подлости* и т. п.). Особенно характерным для сатиры является совмещение способов выражения прямой и косвенной авторской оценки — иронической, иносказательной и образной. С этой целью писатели-сатирики прибегают к различным способам выражения иронии: переосмыслению и деформации высокой лексики, литературных штампов, разных стилей, фразеологизмов, цитат, синонимизации разнородных и антонимизации однородных понятий и к другим способам «игры логическими формами» (В. В. Виноградов). Текст сатирических произведений характеризуется тенденцией к сочетанию стилистически и семантически контрастных элементов: «<Иван Богатый> Как есть по всей форме *филантроп*» (Соседи).

Н. В. Гоголь писал об иронии в статье «В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность»: «У нас у всех много иронии. Она видна в наших пословицах и песнях и, что всего изумительнее, часто там, где видимо страдает душа и не расположена вовсе к веселости, <...> Трудно найти русского человека, в котором бы не соединялось, вместе с умением пред чем-нибудь истинно возблаговещать, свойство — над чем-нибудь истинно посмеяться» [Гоголь 1952: 395].

К сатире в полной мере относятся слова Р. Якобсона: «<...> творческая сила естественного языка зиждется именно на характерной для него скрытой способности обходить лишние детали и на учете контекста» [Якобсон 1985: 327].

Естественно в сатирической прозе используются в обличительных целях элементы просторечия, в том числе литературного, для создания социально и индивидуально характерной речи. Например, особо выразительны просторечные неправомерности «столпа»: «Ну, надо *экзамент* тебе сделать. Учителям *потрафлял* ли?»; «на *кумпол*-то взгляни»; «руки *склавиши* сидеть»; «*аблаката* нанимаю»; «в город нужно ехать харчиться, *убытчиться!*»; «в *проферанец* играть выучилась» (Столп). В том же произведении Щедрина одним из средств обличения невежественности капитана является передача на письме его произношения: «— Что же, собственно, делает господин Парначев? — <капитан> Все делает. *Каммуны* делает, *протолериат* проповедует, *прокламацию* распускает... все, словом сказать, весь яд!» (Охранители) — ср. обыгрывание невежественности орла в «Сказках»: «Сокол и сова, принявшие на себя руководство в просветительном деле, допустили большую ошибку: они задумали обучить грамоте самого орла. Учили его по звуковому методу легко и занятно, но как ни бились, он и через год, вместо “Орел”, подписывался “Арер”, так что ни один солидный заимодавец векселей с такой подписью не принимал» (Орел-меценат // Сказки).

Писатели-сатирики обычно не довольствуются объективным изображением героев, но прибегают к разным формам выражения авторской оценки, которую они часто вкладывают в чужие уста. Типично, например, разоблачение одного персонажа другим: «[Пантелей Егоров:] — Деньги... кажется, за окно бы их вышвырнул, незачем таких посетителей у себя принимать! — Ну брат, деньги-то ты за окно не бросишь, хоть бы они от самого антихриста были! — по своему обыкновению, сюрпризом вставил Терпибедов» (Охранители // Благонамеренные речи).

Символические определения Щедрина часто им же самим выделяются кавычками или курсивом, как в знаменитой «сказке» «Либерал». Такова характеристика либералов как «пенкоснимателей» (Дневник провинциала в Петербурге), действующих *применительно к подлости*: «А главное, никогда и ничего он не требовал наступая на горло, а всегда только *по возможности*. Ежели нельзя “по возможности”, так удовольствуйся тем, что отвоюешь “*хоть что-нибудь*”. Ведь и “*хоть что-нибудь*” свою цену имеет... — Не хочешь ли, например, “*применительно к подлости*”».

Не находят конкретизации и такие наименования, как *сеятели* (земские деятели), *столпы* («теперь Дерунов — опора и столп»): «Какой вопрос прежде всего занял умы *сеятелей*? — Вопрос о *снабжении* друг друга *фондами*. Мне тысячу, тебе тысячу <...>».

«Рассортировка “умников” и “неумников” должна быть представлена молодцам из Охотного ряда <...> Разуваемым и молодцам, *на персях у них возлежащим*» (Finis Монрепо).

Разоблачение чужой языковой манипуляции также оказывается более экспрессивным, если используются смысловые лакуны при недоговаривании — отсутствие всякой конкретизации делает фразеологию бессмысленной: «В воздухе колом стоят и “*рутинные пути*”, и “*великое будущее*”, и “*твердое упование*”, и “*светлые надежды*”, словом, все, чем красна речь всякого благонадежного сеятеля» (Признаки времени), «<...> у нас, вследствие укоренившейся привычки говорить псевдонимами, понятия самые простые и вразумительные получают загадочный смысл. У нас выражение “*народная политика*” означает совсем не общее довольство и преуспевание, а, во-первых, “*жизнь духа*”, во-вторых — “*дух жизни*” и, в-третьих, “*оздоровление корней*”. Или, говоря другими словами: “мели, Емеля, твоя неделя” (Пестрые письма).

Особенности эзоповской манеры выражения в сатирической прозе Щедрина проявляются также в приемах неназывания.

Один из самых характерных приемов — пропуск необходимого звена в повествовании, который читатель может заполнить, благодаря описанию звена предыдущего и последующего. Например, легко догадаться, что, кроме «речей», были и не упомянутые автором пытки при допросе Алешки Беспятова: «И он тоже “от расспросных *речей* да с *испу*гу и с *боли* умре”» (История одного города).

В другом месте Щедрин, опять-таки не называя цель градоначальника, лишь упоминая о его действиях, дает читателю понять, что такой целью был отнюдь не прогресс науки: «Что названия произвольны и весьма редко что-либо *изменяют* — это очень хорошо доказал <...> Бородавкин. Он тоже ходатайствовал об учреждении *академии*, и когда получил отказ, то, без дальнейших размышлений, выстроил вместо нее *съезжий дом*. Название изменилось, но предположенная цель была достигнута — Бородавкин ничего больше и не желал» (Известие о Двоекурове // История одного города).

Для сатирической литературы характерно ироническое использование эвфемизмов самого широкого значения, которые читатель конкретизировал из контекста и «фоновых», известных ему социальных условий, например, обозначения *вразумление* вместо *действий команды для усмирения бунтовщиков*: «прибегли к истории Глупова, стали отыскивать в ней меры *спасительной строгости*, нашли разнообразие изумительное» (История одного города), «Кончилось достославное градоначальство, омрачившееся в последние годы двукратным *вразумлением* глуповцев» (там же).

Итак, одной из особенностей сатирического изображения, вытекающей из стремления автора как можно определенной и четче донести до читателя свой взгляд на современное общество, является преднамеренное разрушение границ «зон» автора, рассказчика, персонажей, постоянное чередование их в тексте часто одного произведения, одного абзаца и даже одного предложения и слова, а также неоднократный повтор мыслей автора — устами разнообразных персонажей и средствами их речи, а также и самой авторской речью, чаще всего публицистического характера.

Именно в применении к сатире в наибольшей степени справедливы слова Л. Толстого, которые любил приводить В. В. Виноградов в обоснование теории

«образа автора»: «Цемент, который связывает всякое художественное произведение в одно целое и оттого производит иллюзию отражения жизни, есть не единство лиц и положений, а единство самобытного нравственного отношения автора к предмету. В сущности, когда мы читаем или созерцаем художественное произведение нового автора, основной вопрос, возникающий в нашей душе, всегда такой: Ну-ка, что ты за человек? И чем отличаешься от тех людей, которых я знаю, и что можешь мне сказать нового о том, как надо смотреть на нашу жизнь? Что бы ни изображал художник: святых, разбойников, царей, лакеев — мы ищем и видим только душу самого художника» [Иванова и др. (сост.) 1955: 286].

Щедрин в произведении «Итоги» писал: «Литература проводит законы будущего, воспроизводит образ будущего человека», ибо писатель верил, что, как он выразился, «человеческое никогда окончательно не погибало, но и под пеплом, которым временно засыпало его “гиенское”, продолжало гореть» (Гиена).

Литература

Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 423 с.

Белинский В. Г. Собрание сочинений в 3 т. Т. II. Статьи и рецензии 1841–1845. М.: ГИХЛ, 1948. 932 с.

Виноградов В. В. О языке художественной литературы. М.: Гослитиздат, 1959. 654 с.

Гоголь Н. В. Полное собрание сочинений: [В 14 т.]. Т. 8. Статьи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 369–409.

Иванова Ф. А., Мишин В. С., Опульский А. И. и др. (сост.). Л. Н. Толстой о литературе: Статьи. Письма. Дневники. М.: Гослитиздат, 1955. XL, 764 с.

Ковалевская Софья. М. Е. Салтыков (Щедрин) // Ковалевская С. В. Воспоминания. Повести. М.: Правда, 1986. С. 299–310.

Салтыков-Щедрин М. Е. Собрание сочинений: В 20 т. Т. 13. М.: Художественная литература, 1972. 815 с.

Якобсон Р. Язык в отношении к другим системам коммуникации // Якобсон Р. Избранные работы М.: Прогресс, 1985. С. 319–330.

V. N. Vinogradova
independent researcher
(Russia, Moscow)
istepu@mail.ru

ON THE IMAGE OF THE AUTHOR IN SATIRIC PROSE: M. E. SALTYSKOV-SHCEDRIN

The article examines figurative possibilities of Russian satirical prose of the 19th century based on the works of M. E. Saltykov-Shchedrin. Particular attention is paid to the expressive nominations of the author, their figurative word-formation structures,

evaluative, ironic and text-forming occasionalisms, as well as other linguistic means which in Russian satirical prose of the 19th century play the role of a poetic device — the expression of the “image of the author” or “images of the authors” in their stylistic characteristic with the emotional-expressive role of creating negative evaluative names of features, actions or feelings. It can be said that satire is characterized by a special “image of the author” — a publicist. In satirical works, elements of artistic structures are widely used as a means of influence, which in the text alternate with publicistic methods of influence and documentary narration. Specific features of the expressive means of satire are determined by a combination of publicistic and belletristic linguistic techniques, which can be seen both at the “level” of composition and at the “level” of stylistic structure of the text. The composition of satirical works is characterized by a combination of features of publicistic and belletristic genres, which dictates a special relationship between the spheres of the author’s speech, the speech of the narrator and the speech of the characters, to whom the author often “entrusts” the expression of his views and assessments. This regards not only the positive characters, but also the negative ones, which is especially characteristic of the Aesopian language of satire.

Key words: satire, irony, evaluation, similes and metaphors, image of the author.

References

- Bakhtin M. M. *Ehstetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow, Iskusstvo Publ., 1979. 423 p.
- Belinskii V. G. *Sobranie sochinenii v 3 t. T. II. Stat'i i retsenzii 1841–1845* [Collected works in 3 vols. Vol. II. Articles and reviews 1841–1845]. Moscow, State Publ. House of Fiction, 1948. 932 p.
- Gogol' N. V. *Polnoe sobranie sochinenii: [V 14 t.]. T. 8. Stat'i* [Complete works: [In 14 vols.]. Vol. 8. Articles]. Moscow, Leningrad, Publ. House of the USSR Academy of Sciences, 1952, pp. 369–409. (In Russ.)
- Ivanova F. A., Mishin V. S., Opul'skii A. I. and others. *L. N. Tolstoi o literature: Stat'i. Pis'ma. Dnevnik* [L. N. Tolstoy on literature: Articles. Letters. Diaries]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1955. XL, 764 p.
- Jacobson R. [Language in relation to other communication systems]. Jacobson R. *Izbrannye raboty* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1985, pp. 319–330. (In Russ.)
- Kovalevskaya Sof'a [M. E. Saltykov (Shchedrin)]. Kovalevskaya S. V. *Vospominaniya. Povesti* [Memories. Stories]. Moscow, Pravda Publ., 1986, pp. 299–310. (In Russ.)
- Saltykov-Shchedrin M. E. *Sobranie sochinenii: V 20 t. T. 13* [Collected works in 20 vols. Vol. 13]. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1972. 815 p.
- Vinogradov V. V. *O yazyke khudozhestvennoi literatury* [On the language of fiction]. Moscow, Goslitizdat Publ., 1959. 654 p.

М. Петшиак¹, Я. Носович²

Варшавский лингвистический университет

(Польша, Варшава)

m.pietrzak@uw.edu.pl¹, j.f.nosowicz@uw.edu.pl²

РОЛЬ ПОЭТИЧЕСКОГО ТЕКСТА В СОВРЕМЕННОМ ХУДОЖЕСТВЕННО-КУЛЬТУРНОМ ОБРАЗОВАНИИ

В статье обозначены взгляды на использование поэтического текста в культурном образовании как основного инструмента творческой коммуникации. Представлено историческое влияние античной поэзии и театра на современное голосовое исполнение и декламирование. Определена роль поэзии Ц. К. Норвида в процессе формирования литературного и лингвистического сознания читателей и слушателей. Он самый выдающийся поэт-эмигрант периода романтизма, создатель лирики и стихотворений, прозаик и драматург, а также живописец и иллюстратор, автор поэм «Прометидион» («Promethidion») и «Квидам» («Quidam»). Творчество поэта считается образцом использования языкового наследия для достижения большего, чем просто художественного эффекта. Примером может служить прекрасное, известное и признанное произведение поэта «Дело о свободе слова» («Rzecz o wolności słowa»).

Важнейшим фактором формирования художественного и культурного сознания является активное участие детей и молодежи в культуре, подготовка их к восприятию старинных и современных произведений искусства. Эта подготовка необходима для определения языкового состояния личности в творческом общении, что окажет огромное влияние на его последующее участие в культурной и художественной жизни всего общества. Важными элементами этого процесса являются актеры, участвующие в уроках и лекциях как в школах, так и в университетах, не являющихся школами актерского мастерства. Их активное участие позволяет лучше и глубже интегрировать литературу с другими видами искусства, понять их взаимозависимость.

Ключевые слова: поэтический текст, культура, театр, декламация, общение.

Антропологический смысл понятия «культура» с точки зрения социологии можно определить как «единое целое, включающее поведение человека, подчиняющееся общим для социальной общности закономерностям, выработанным и приобретенным в ходе взаимодействий, и содержащее продукты такого поведения», а упомянутые закономерности обусловлены «иногда не самим взаимодействием, но и авторитетными лицами, которые передают их какому-то сообществу»

[Puzynina 2017: 34]. Авторитетные лица обязаны обладать знаниями, профессиональной этикой и использовать красивые письменные и устные слова, которые служат примером для других. Поэтому неудивительно, что преподаватели, актеры, театральные педагоги и ученые воспринимаются как те, кто благодаря непосредственному контакту со студентами зрителями и реципиентами не только становятся популяризаторами художественных литературных текстов, но и обучают их пониманию, анализу, прочтению и интерпретации, соответствующим принципам древнего риторического искусства.

В древности эпическая поэзия положила начало первым векам искусства красноречия в греческой культуре, примером чего являются произведения Гомера. Его поэзия дала возможность воспитать поколения читателей и слушателей, определить их жизненные и художественные идеалы, сформировать их вкус и понимание, установить критерии и каноны красоты, справедливости и истины. Современная концепция Джона Харингтона, профессора греческого языка в Университете Беркли, представленная в 1978 г. в его лекции, говорит, что «Илиада» была предназначена для живого исполнения перед публикой, для громкого, красивого декламирования [Kosur 2001: 37–38].

Поэзия послужила основой для создания античного театра. Поэты греческого театра ставили собственные пьесы, становясь «учителями» (*didaskaloi*), делая «авторские замечания» (*didaskalia*). Они обучали хор, тщательно демонстрируя и исполняя каждый вербальный, невербальный и музыкальный элемент своего произведения. Они показывали жесты и движения, исполняли и диктовали строго определенную для данного текста манеру речи (фразу, ритм, интонацию голоса), пели и играли мелодию фразы. Хор точно повторял и исполнял все элементы, подражая поэту.

В Древнем Риме актерскому мастерству обучали по принципу мастер-ученик. Молодые актеры, статисты, учились актерскому искусству у старших главных актеров. Затем появились постоянные преподаватели актерского мастерства, которых Квинтилиан называл *scaenici Doctores* и *Artifices pronuntiandi*, т. е. преподавателями сцены и артистами произношения (актерами-артистами в искусстве красноречия и жеста) [Kosur 2001: 37–38]. Уже в школе дети с семи лет начинали обучение актерскому искусству произношения и жестикуляции, которое было очень интенсивным. Школьники не только занимались физически, но и брали уроки вокала, сольного пения с музыкальным инструментом, запоминали основной репертуар. Важнейшими предметами мастер-классов для римских актеров были произношение, подача голоса, гармония речи и жеста, искусство памяти, естественность [Kosur 2001: 37–38].

В новое время функцию работы над поэтическим текстом взяло на себя образование. Местами воспитания культуры речи, живого слова и риторики стали также библиотеки, читальные залы и комнаты отдыха, церкви, учреждения культуры, в частности театры, научные, культурные и социальные общества [Pietrzak 2022: 526]. В начале XX в. самой популярной формой работы с поэтическими текстами в школах, библиотеках и общественных центрах была постановка песен, стихов,

рассказов и романов. Различные формы артистической деятельности давали артистам возможность и способность выражать свои мысли словами, развивали остроумие и обучали интонационному выражению. У артистов появлялись музыкальность и чувство ритма, грация и красота движений. Обучающиеся осваивали принципы построения сценария и функционирования всех элементов исполнительского искусства: действия, слова, жеста, костюма. Занятия позволяли развивать навыки построения психологического портрета играемого персонажа, обостряли наблюдательность и расширяли диапазон ощущений, обучали искусству импровизации (драматургической и актерской), подбору речевых средств для выражения заданной формы, цели и характера; учили внимательно прочитывать текст, выбирать события, выделять наиболее важные проблемы и упорядочивать их; знакомили с основными инструментами риторики и театрализации того или иного обряда; развивали привычку к систематической работе (анализ идеи, отбор ресурсов, подготовка шоу) и делали учащихся чувствительными к истории и традициям своего региона и родной культуры [Jabłońska 1936: 23–26].

О богатых возможностях использования поэтических текстов в творческом общении и о том, какую роль в этом процессе играет традиция, писал В. В. Виноградов. По отношению к произведениям А. С. Пушкина Виноградов констатировал: «Слово было намагничено многосторонним влиянием литературной традиции», потому что «мастерство поэта заключается в широком использовании общего блага, которое составляет европейскую литературную традицию» [Виноградов 1941: 374].

Знаменитым польским автором, отразившим в своем творчестве заботу о художественном выражении слова, заимствованном из европейской традиции, был Циприан Камиль Норвид (1821–1883) — выдающийся поэт, создатель лирики и стихотворений, новеллист и драматург. Его поэзии свойственны краткость и многослойность метафор, поэтому она носит интеллектуальный характер, лишена характерной для романтической поэзии описательности и мелодичности, имеет нерегулярное стихосложение¹. Историки литературы связывают его деятельность с течениями классицизма и парнасизма. В своем творчестве поэт создавал и применял такие стилистические средства, как молчание, приближение, намеренная двусмысленность, специфическое использование аллюзий, аллегорий и символов, поэтому его тексты насыщены философскими размышлениями [Kwiatek].

Его знаменитое литературное произведение под названием «Дело о свободе слова» было произнесено 13 мая 1869 г. во время публичной лекции, организованной Комитетом Общества научной помощи в Париже. В этой поэме поэт рассматривает слово не только как языковое и художественное дело, но прежде всего как основу человеческого гуманизма, потому что, как он пишет во введении к данному тексту, человек не сам создал слово, а «слово было вызвано от человека», что следует понимать как необходимое следствие мыслительного процесса и духовного развития.

Инициаторами парижского издания поэмы были Людвик Набеляк, вице-президент Эмиграционной ассоциации научной помощи, и Зофья Венгерская, польская

¹ URL: <https://culture.pl/pl/tworca/cyprian-kamil-norwid> (дата обращения 17.09.2024).

обозревательница и писательница. После восторженной рецензии Агатона Гиллера в «Дзеннике Познаньского» парижская типография братьев Руж, Дюнон и Фресне (Rouge, Dunon i Fresné) на собранные средства выпустила 500 экземпляров первого издания. Поэт получил лишь несколько десятков экземпляров опубликованного произведения, а В. Мицкевич, книготорговец и активист эмиграции, не любивший поэта, поместил остальные экземпляры на склад, откуда оставшийся тираж и был извлечен спустя четверть века после смерти поэта. Вся поэма состоит из четырнадцати глав, написанных тринадцатисложными рифмами, наиболее характерными для польского стихосложения, и насчитывает 1296 строк². «Дело о свободе слова» представляет собой «историсофский очерк истории человечества». Помимо постоянных тем критики европейской цивилизации и общественной жизни, поэт рассуждает о социальной и сакральной функции языка³.

Слово в творчестве Норвида было, по нашему мнению, результатом сознательного, а не случайного формирования языковых способностей, которые затем трансформировались согласно законам или литературным принципам в «гармонию форм», т. е. букву — в письменное и печатное слово, подкрепленное творческой силой воображения.

Силу воздействия стихотворения Норвида на зрителя авторы статьи смогли проследить на примере многих декламационных выступлений польских актеров (в том числе В. Семена, А. Ханушкевича) на радио, телевидении и в театральных представлениях и спектаклях, в которых использовался этот текст.

В спектакле «Норвид», представленном на сцене Национального театра в Варшаве в 1970 г., его режиссер и актер Адам Ханушкевич использовал тексты Норвида, в том числе фрагменты стихотворения «Дело о свободе слова». Как написал один из рецензентов: «лишь небольшой процент этих текстов широко известен; монтаж состоял главным образом из мыслей Норвида в прозе и стихах, пленяющих красотой и мудростью поэта, философа и общественного деятеля, но загадочных своей краткостью и, несомненно, трудных для понимания со сцены. Как директор Национального театра, Ханушкевич справедливо заключил, что без Норвида представление польских традиций не будет полным. Отсюда его решение. И что было создано? Необыкновенное зрелище, названное просто “Норвид”, призванное дать словесное изображение некоторых основных идей и художественных форм творчества поэта, а потому монтаж, состоящий из отдельных стихотворений, фрагментов нескольких стихотворений и отрывков из его публицистического или эпистолярного наследия. На фоне эффектных декораций Мариана Колодзая — темной комнаты со стенами, покрытыми гобеленами, стульев на сцене и фортепиано на заднем плане — происходит декламация текстов Норвида, искусно разделенных на голоса и представленных в различных аранжировках, призванных построить логическое целое, учитывая как патриотические высказывания Норвида, так и, прежде

² URL: https://pl.wikipedia.org/wiki/Rzecz_o_wolno%C5%9Bci_s%C5%82owa (дата обращения 12.09.2024).

³ URL: <https://culture.pl/pl/tworca/cyprian-kamil-norwid> (дата обращения 17.09.2024).

всего, его мысль, мудрую и скептическую, иногда горько-насмешливую и наполненную болью, гневом и мукой»⁴.

И хотя стихи поэта лишь спустя много времени после его смерти стали исполнительским материалом для актеров, певцов и сценическим материалом для режиссеров, постепенно они заняли место среди важнейших явлений литературы и театра и завоевали любовь зрителей. В пьесе Ханушкевича показано не только прекрасное стихотворение, но и портрет трагического художника-гражданина. Потому что, как пишет Я. Якубовская в своей рецензии на этот спектакль, «говоря о родине как о великом общественном долге, Норвид переживает личную драму эмигранта и в то же время формулирует требования к читателю» [Jakubowska 1970: 5].

Рассмотрение письменного или печатного текста, особенно поэтического, требует от читателя не только знания букв, но прежде всего принципов, определяющих композицию данного текста, его форму, стиль, язык и средства его голосового воплощения, ведь поэтический литературный текст существует и в устной форме, в театральном спектакле, в кино и на телевидении, на радио, в Интернете. Норвид утверждает, что «первой формой слова, по-видимому, является внутренняя песня и монолог», то есть необходимость создавать мысли и превращать их в слова, которые сначала пропеваются, а затем произносятся вслух, потому что слово рождается из звука. Он также указывает, что именно традиция и культура слова Средиземноморского бассейна (греческого, римского, иудео-христианского) формировали мысли и слова европейцев. Он подчеркивает, что последующее неуважение к традиции или полное ее отрицание имеет последствия, сначала в качестве слов, затем в качестве выражаемых мыслей и, наконец, в состоянии всей цивилизации. Норвид знал силу произнесенного слова, он утверждал, что однажды произнесенное слово имеет причинную силу, написав: «Однажды произнесенное, оно имеет свою необратимость». Он считал чтение основой сознательного употребления человеком слов, говоря: «Чтение имеет монументальную сторону, чтение — это искусство», и это надо понимать как основу текста и фундаментальное знание.

В польском языкознании под «культурой живого слова» понимают изучение дикции, речевой интерпретации текста (например, стихов) и способа передачи мыслей и эмоций, что включает в себя: точность, слышимость, гибкость, фразировку, прозрачность, суггестивность, мелодичность произнесенного слова. К ним относятся как технические элементы речи, выразительные и эстетические значения звукового слоя высказывания, так и качества, влияющие на производимое на слушателей впечатление (эффектность и суггестивность высказывания)⁵.

Поэма «Дело о свободе слова», как уже было отмечено выше, написана в сложнейшей польской системе стихосложения — тринадцатисложной. Текст отличается языковым богатством, прекрасными поэтическими свойствами и до сих пор

⁴ URL: <https://encyklopediateatru.pl/artykuly/153010/plyna-slowa-madre> (дата обращения 19.09.2024).

⁵ URL: https://encyklopedia.interia.pl/slownik-jezyka-polskiego/news-kultura-zywego-slowa,nId,2069153#google_vignette (дата обращения 16.09.2024).

является сокровищницей знаний об истории и эволюции родного языка, предоставляя материал для исследований лингвистам, литературоведам и культурологам. Важнейшим достоинством стихотворения является возможность его исполнения посредством декламации или пения, в которых все значения текста дополнительно раскрываются и приобретают причинную силу по отношению к чувствам и эмоциям слушателя. Сам поэт пишет о том, что произнесенное слово и говорящий его человек становятся сильнейшим средством убеждения: «И что Ведущий Спикер, какой-нибудь Защитник, который спасет мир — уже не силач». Стоит учитывать, что текст создавался с расчетом на его декламацию, а не только на чтение про себя. Норвид, будучи драматургом, прекрасно знал, как слово, произнесенное оратором или актером, действует на слушателя и зрителя.

Для каждого исполнителя, чтеца-любителя или профессионального актера, «Дело о свободе слова» представляет весьма трудную задачу. Сначала поэма требует всестороннего, сплошного, а не фрагментарного анализа текста, глубокого осмысления и размышления над ее основными посланиями. От каждого актера, декламатора и режиссера требуются отличные исполнительские навыки (отличная дикция и артикуляция, правильное использование голоса, работа над диафрагмально-реберным дыханием) и проработка текста подобная тому, как готовится нотная партитура — с обозначением средних нот, ударений, восходящей и нисходящей интонации, мест голосовых приостановок, выразительных элементов, пауз, точек и т. д. Именно декламация поэтического текста раскрывает перед слушателем дополнительные значения его подтекстов, выявляет новые смыслы, скрытые метафоры («буква из гармонии творения» — в понимании творения космоса «стихия, подобная ребенку или немощному человеку», «Слово — аккорд атома в человеке») и другие риторические фигуры. Благодаря логике устного высказывания слушатель обращает больше внимания на значительные драматические паузы или приостановки голоса, столь важные для лучшего понимания содержания. Интонация голоса исполнителя придает тексту мелодическую линию и характерную музыкальность, невидимую и неуловимую в процессе молчаливого чтения. Точность игры актера позволяет ему превратить текст в музыкальную партитуру. Выражение и интерпретация актера указывают на эмоциональные элементы, которые связывают зрителя и актера в общий момент переживания, ценность которого запоминается на всю жизнь.

Этическое использование художественных слов — это не просто навык. В случае с создателями поэтических текстов (писателями, поэтами), чьи достижения являются цивилизационным наследием, образцом литературы и высокого искусства, канон гуманистического образования, это становится фундаментальной обязанностью. Нация, не уважающая свой язык и речевую культуру, теряет сначала свою идентичность, затем сознание и, наконец, свободу. Уважение к слову в концепции Норвида — это уважение к человеку, его нации и религии.

В последних словах стихотворения Норвид предостерегает от полного разрушения основ, сформировавших традицию и культуру слова, написав: «Кто здесь

способствует упадку, тот нарушает все правила», заставляя молодое поколение осознать, что без традиции невозможно ни построить настоящее, ни обозначить новые пути в будущем. Традиция обеспечивает человека, особенно поэта или писателя, всем, что открыли и испытали предыдущие поколения. Полученные в прошлом знания, в том числе научные, подкрепленные практикой, передаваемые из поколения в поколение, не только позволяют развивать язык как основное средство общения, но и формируют потребность в соприкосновении с культурой и искусством. Именно традиция воспитывает человека и открывает ему возможности приобретения знаний, формирования навыков, позволяющих совершенствоваться не только в письме и чтении, но и в творчестве. А главное, делает чувствительным к содержанию и форме поэтического текста.

В новое время привлечение внимания к поэтическому тексту является одной из основных задач средств массовой информации, прежде всего радио, а затем телевидения. Эту задачу должны решать и социальные сети, но, к сожалению, во многих случаях сейчас они стали антиобразцом и противоречат духу работы над поэтическим текстом.

Язык, как пишет Я. Носович, — «это компонент культуры и ее инструмент, это действительность нашего духа, образ культуры, выраженный в особом национальном менталитете. Язык является механизмом, который открыл человеку сферу его сознания. Он является одновременно и продуктом культуры, и ее важной составляющей, и условием существования культуры. Более того, язык — это специфический способ существования культуры, фактор формирования культурных кодов» [Nosowicz 2006: 9].

Современное художественное и культурное образование формирует соответствующие установки и помогает достичь целей преподавания художественных дисциплин. Такие предметы, как драма, танец, музыка и искусство, преподаются в школах по всей Европе и чаще всего являются обязательными предметами, а театр даже включается в программу как часть урока литературы. Сотрудничество между миром искусства и школами является хорошим способом продвижения художественного образования. Это подтверждает Европейский доклад «Эвридики»⁶, в котором описано множество интересных инициатив и проектов с участием деятелей искусства, культурных и художественных учреждений. Во многих европейских странах, таких, как Бельгия, Дания, Ирландия, Мальта, Нидерланды, Австрия

⁶ Edukacja artystyczna i kulturalna w szkołach w Europie. Warszawa: Wyd. Krajowe Biuro Eurydice Fundacja Rozwoju Systemu Edukacji, 2009 [Электронный ресурс]. URL: http://eacea.ec.europa.eu/education/eurydice/documents/thematic_reports/113E_N.pdf (дата обращения 15.07.2024). «Эвридика» как европейская информационная сеть существует с 1980 г. и в настоящее время является частью Программы «Образование через целую жизнь». Сеть состоит из национальных офисов, созданных национальными министерствами образования, и европейского офиса (EACEA P9), созданного Европейской комиссией (Генеральным директором по образованию и культуре). Сеть работает для лиц, формирующих образовательную политику, и представителей сферы образования, готовя и публикуя описательные анализы систем образования, сравнительные исследования по темам, представляющим интерес для Европейского Союза, и показатели по различным уровням образования.

и Норвегия, созданы национальные организации и сети для содействия художественному и культурному образованию в школах. Посещение музеев, театральные спектакли и концерты были официально включены в учебную программу. Художники, музыканты, танцоры, актеры работают в различных школах (как гуманитарных, так технических), чтобы дать ученикам возможность прямого контакта с миром культуры и искусства. Наиболее популярными являются занятия музыкой. Единственным препятствием для таких занятий становится отсутствие финансовых ресурсов. Многие страны (Бельгия, Чехия, Испания, Италия, Латвия, Австрия, Португалия и Финляндия) полностью покрывают или субсидируют внеклассную деятельность из бюджета или местных фондов. Польские школы также участвуют в этой программе. Подобные программы с особым упором на театральные занятия для детей, подростков и студентов ежегодно готовятся и реализуются в школах, музеях, домах культуры и библиотеках на всей территории Российской Федерации. Более подробно об этом писала М. Петшак в своих трех книгах [Pietrzak 2019, 2020a, 2020b], обращая внимание на большое значение традиции, национального наследия и уважения к достижениям поэзии, театра, актеров, режиссеров и всей культуры в современном обучении, образовании и воспитании молодого поколения россиян.

Важно, чтобы воспитание уважения к поэтическим текстам, развитие умения их использовать и понимать стало постоянным элементом системы образования и культуры, как в воспитании школьников и студентов, так и в профессиональной деятельности театральных педагогов, лекторов и социально-культурных аниматоров. Поэтический текст есть и будет неразрывно связан с литературой и культурой живого слова, с искусством театра и кино. Когда не будет поэтического слова, не будет ни процесса творчества, ни процесса совершенствования. Человек потеряет самое важное, как писал Ц. К. Норвид, — право пользоваться словами, которое для этого великого поэта было синонимом права на личную свободу каждого человека.

Источники

Norwid C. K. *Rzecz o wolności słowa* / Pod red. A. Sekuły, F. Nowary, M. Niedziałkowskiego. Wyd. Fundacja Nowoczesna Polska. 43 s. [Электронный ресурс]. URL: <https://wolnelektury.pl/media/book/pdf/rzecz-o-wolnosci-slowa.pdf> (дата обращения 03.02.2025).

Литература

Jabłońska H. *Teatr ochotniczy* // *Przewodnik świetlicowy*. T. V. *Teatralne formy pracy* / Pod red. W. Regulskiego. Warszawa, 1936. S. 23–26.

Jakubowska J. *Poeta polskiego losu* // *Żołnierz Polski*. 1970. № 51 (2). S. 5. [Электронный ресурс]. URL: <https://encyklopediateatru.pl/artykuly/153003/poeta-polskiego-losu> (дата обращения 19.09.2024).

Kocur M. *Teatr antycznej Grecji*. Wrocław: Wyd. Uniwersytetu Wrocławskiego, 2001. 395 s.

Kwiątek M. *Cyprian Kami Norwid* [Электронный ресурс]. URL: <https://wolnelektury.pl/katalog/autor/cyprian-kami-norwid/gatunek/poemat/> (дата обращения 15.09.2024).

Nosowicz J. Język jako podstawowy element cech kultury narodowej // *Studia Łecki*. 2006. No. 8. S. 7–21.

Pietrzak M. Edukacja artystyczna w twórczej komunikacji. Rosyjski teatr i film. Warszawa: Wyd. BEL Studio, 2019. 253 s.

Pietrzak M. Monolog w twórczej komunikacji. Rosyjski teatr i film. Warszawa: Wyd. BEL Studio, 2020a.

Pietrzak M. Tekst artystyczny w twórczej komunikacji. Rosyjski teatr i film. Warszawa: Wyd. BEL Studio, 2020b. 200 s.

Pietrzak M. Między tekstem a czytelnikiem. Żywe słowo w bibliotece — tradycja i współczesność. Monografia. Toruń: Wyd. Akapit, 2022. 526 s.

Puzynina J. Kultura języka a etyka słowa // *Poradnik Językowy*. 2017. № 2 (741). S. 210–224.

Виноградов В. В. Стиль Пушкина. М.: ОГИЗ Художественной литературы, 1941. 620 с. [Электронный ресурс]. URL: http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/vin/vin-001-.htm?cmd=p (дата обращения 02.02.2025).

M. Pietrzak¹, Ya. Nosovich²

Warsaw University of Linguistics

(Poland, Warsaw)

m.pietrzak@uw.edu.pl¹, j.f.nosowicz@uw.edu.pl²

THE ROLE OF POETIC TEXT IN ARTISTIC AND CULTURAL EDUCATION

The article outlines the perspectives of using artistic text in artistic and cultural education as a basic tool in creative communication. It brings closer the historical influence of ancient poetry and theatre on its vocal interpretation and the development of the culture of the living word and the training of ancient actors in Greece and Rome. The paper underlines the role of tradition, which should accompany contemporary teaching of rhetoric of artistic text and determines the role of C. K. Norwid's poetry in the process of building literary and linguistic awareness. His poem is presented as a model of artistic use of Polish linguistic heritage in order to achieve not only an artistic effect: the poem serves as a philosophical treatise, speaking about the relationship of man to his linguistic, cultural and civilizational achievements. It also defines the role of the word in building the cultural, national and civilizational identity of man. The article indicates the contemporary needs of continuous education in the ability to work with artistic texts, the culture of the living word. The most important factor shaping artistic and cultural awareness is the active participation of children and young people in culture and preparing them to perceive old and modern works of art. This preparation is necessary to determine the linguistic condition of an individual in creative communication, which will have a huge impact on their later participation in the cultural and artistic life of the entire society. The artists

themselves, participating in lessons and lectures both in schools and at universities that are not art schools, are important elements of this process. Their active participation allows for a better and deeper integration of literature with other arts and understanding their mutual dependencies.

Key words: poetic text, culture, theater, recitation, education.

References

Jabłońska H. [Volunteer Theatre] *Przewodnik świetlicowy*. T. V. *Teatralne formy pracy* [Light guide. Vol. V. Theatrical forms of work]. Ed. by W. Regulski. Warszawa, 1936, pp. 23–26. (In Pol.)

Jakubowska J. [Poet of Polish fate]. *Żołnierz Polski*, 1970, no. 51 (2), p. 5. Available at: <https://encyklopediateatru.pl/artykuly/153003/poeta-polskiego-losu> (accessed 19.09.2024). (In Pol.)

Kocur M. *Teatr antycznej Grecji* [Theatre of Ancient Greece]. Wrocław, Publ. House of the University of Wrocław, 2001. 395 p.

Kwiatek M. *Cyprian Kami Norwid*. Available at: <https://wolnelektury.pl/katalog/autor/cyprian-kamil-norwid/gatunek/poemat/> (accessed 15.09.2024).

Nosowicz J. [Language as a basic element of the features of national culture]. *Studia Elckie*, 2006, no. 8, pp. 7–21. (In Pol.)

Pietrzak M. *Edukacja artystyczna w twórczej komunikacji. Rosyjski teatr i film* [Art education in creative communication. Russian theatre and film]. Warsaw, BEL Studio Publ., 2019. 253 p.

Pietrzak M. *Monolog w twórczej komunikacji. Rosyjski teatr i film* [Monologue in creative communication. Russian theatre and film]. Warsaw, BEL Studio Publ., 2020a.

Pietrzak M. *Tekst artystyczny w twórczej komunikacji. Rosyjski teatr i film* [Artistic text in creative communication. Russian theatre and film]. Warsaw, BEL Studio Publ., 2020b. 200 p.

Pietrzak M. *Miedzy tekstem a czytelnikiem. Żywe słowo w bibliotece — tradycja i współczesność* [Between text and reader. The Living Word in the library-tradition and modernity]. Torun, Akapit Publ., 2022. 526 p.

Puzynina J. *Kultura języka a etyka słowa* [Culture of language and ethics of the word]. *Poradnik Językowy*, 2017, no. 2 (741), pp. 210–224. (In Pol.)

Vinogradov V. V. *Stil' Pushkina* [Pushkin's style]. Moscow, Association of State Book and Magazine Publishers of Fiction Publ., 1941. 620 p. Available at: http://feb-web.ru/feb/classics/critics/vinogradov_v/vin/vin-001-.htm?cmd=p (accessed 02.02.2025).

Ji-Hyun Hwang

*Folkuniversity affiliated with Stockholm University¹
(Sweden, Stockholm)
hwng7936@gmail.com*

**USING THE WORD AND CONCEPT “POLYPHONY”
AS A COMMUNICATIVE STRATEGY IN NON-PHILOLOGICAL
DISCOURSES: A CASE STUDY ON APPLYING WORDS
AND CONCEPTS FROM RUSSIAN PHILOLOGY
TO GENERATE INTERDISCIPLINARY DISCOURSES
ON SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND LEADERSHIP²**

Addressing complex global problems necessitates an integrative approach transcending disciplinary boundaries, underscoring the importance and validity of these discussions across different fields.

Business presentations are among the most prevalent communicative genres in our time. This genre significantly influences decision-making on issues that impact people and societies on a global scale. Therefore, it warrants greater attention from linguists and requires further exploration in conjunction with sciences, technology, socio-economic issues, and other disciplines in the humanities.

In Russian philology, the function of the word not only as a bearer of conceptual ideas but also as an intermediary of extralinguistic reality and speaker has been in the scope of linguistic research. In this article, the author presents an experiment involving a communicative strategy she employed during her lecture on organizational management in professional network forums for business leaders in Sweden. The author utilized the concept of polyphony, as highlighted by M. Bakhtin concerning F. M. Dostoevsky's novels, to weave key messages throughout the narrative, marking them with the words from the same word-formation nest. Based on this experiment, the author posits that

¹ Disclaimer: Any views or opinions expressed are solely those of the author and do not necessarily represent those of any organisations the author has been and is working for.

² I dedicate this article to my deeply respected teacher, Igor' Stepanovich Ulukhanov. From 1996 to 1997, through his lectures and seminars at Yonsei University in Seoul, as well as his friendly relationships with Korean students, including myself, he taught me not only Russian linguistics but also a genuine love for science, attention to the development and well-being of students, and a diligent attitude towards life. Many years have passed since then, but when I need encouragement and inspiration, I recall the time spent with him in Seoul and our subsequent meetings in Moscow.

insights from philology can create a fundament to address global issues such as sustainable development.

Key words: Dostoevsky, interdisciplinary, Russian philology, poetics, extra linguistic discourse, polyphony, narrative, dialogism, sustainability, diversity, inclusion.

In contemporary times, the market economy exerts influence across all fields, including politics, society, and education. Many companies prioritize visible and measurable goals to deliver expected profits for shareholders and maximize company value. While the activities of companies, governments, international organizations, and geopolitical alliances have led to the development of new products, solutions, governance models, and advancements in peace and democracy, these benefits are often selective and unevenly distributed. This has resulted in economic polarization, unequal distribution of opportunities, geopolitical conflicts, and climate change, thereby threatening the sustainability of human society and the planet.

Examples of this crisis include reduced government budgets for the humanities in many countries, the consolidation of previously distinct institutions or faculties in universities, and declining enrolment of students in the faculty of humanities, and relatively lower employment rates for humanities graduates. The primary cause of the humanities crisis is the widespread misconception that the humanities do not address contemporary societal issues or offer practical solutions that contribute to human prosperity in an era of rapid technological advancement.

Effective communication is crucial for steering decision-making on global issues. Complex problems require the mobilization of diverse perspectives and knowledge from various disciplines. To counter misconceptions about the humanities, the author has shared insights and learnings from research in Russian linguistics and literature with senior industry leaders and at academic conferences for science and technology. This article demonstrates how applying terms and concepts from Russian philology and literary studies to non-philological discourses on business economy and ESG issues can serve as an effective communication strategy.

**A Case Study: Extending Mikhail Bakhtin's concept of Polyphony
in Dostoevsky's novels to discourses on Diversity and Inclusion
within Environmental, Social,
and Governance (ESG) Sustainability**

Diversity and Inclusion have become central concepts in social, business, and political narratives over the past decade. This concept, which may initially seem trivial, gained global prominence in 2015 when the 17 Sustainable Development Goals (SDGs) were adopted by all United Nations Member States. Diversity and Inclusion are fundamental values that permeate all these goals.

According to the UN Department of Economic and Social Affairs, these goals call for urgent actions to end poverty and other deprivations, which must be accompanied by strategies that improve health and education, reduce inequality, and promote economic

growth while addressing climate change to preserve the planet. The UN asserts that it took “decades of work by countries and the UN, including the UN Department of Economic and Social Affairs, to build these seventeen goals.”

Despite the extensive efforts of elite politicians from 193 UN Member States, many issues remain unresolved. The challenges highlighted in the Sustainable Development Goals (SDGs), such as poverty, inequality, and human rights violations, as well as the detriments of extreme industrialization and capitalism, including the sacrifice of small people for a greater purpose or the common good, and the conflict between totalitarianism and an individual’s free will, were already explored over a century and a half ago through the diverse voices of characters in F. M. Dostoevsky’s novels like *Crime and Punishment* and *The Brothers Karamazov*. This suggests that the thematic components and linguistic features of classic literary works of Russian realism offer forward-looking perspectives on complex challenges and universal values that urgently need to be addressed or protected.

According to M. Bakhtin, one of the distinctive features of Dostoevsky’s writing that sets him apart from other writers of his time is polyphony. Polyphony, originally a musical term referring to multiple voices occurring simultaneously without one dominating the others, was expanded to philology by the Russian linguist and philosopher Mikhail Bakhtin in his study of Dostoevsky’s poetics. According to Bakhtin, polyphony is a new genre characterized not only by multidimensionality but also by a polyphony of full-fledged voices, meaning a multiplicity of equally authoritative ideological positions. Bakhtin suggests that polyphony is a hallmark of Dostoevsky’s work, most fully manifested in his large novels, where there is ample space for character development and complex plot structures. [Bakhtin 1972]

Polyphony in literature is characterized by the interaction among diverse ideologies of different characters or the internal polemics of a single character. This innovative linguo-literary device distinguished Dostoevsky from most writers of his time. This narrative strategy has been adopted and modified by award-winning writers of our era. For instance, Han Kang, the Korean writer who won the Booker Prize in 2016, employs polyphony combined with various narrative perspectives—first person, second person, and observer—to dismantle, rebuild, and revive characters’ memories of traumatic events from different angles [Chung 2003]. Similarly, Svetlana Alexievich was awarded the 2015 Nobel Prize in Literature “for her polyphonic writings, a monument to suffering and courage in our time.”³

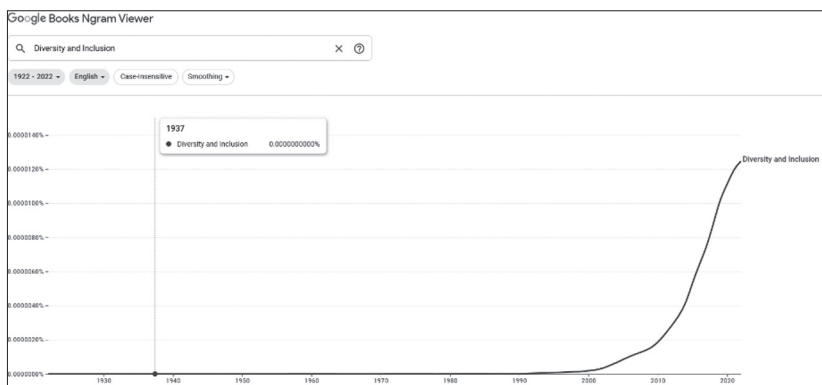
Furthermore, the term polyphony can be expanded to contemporary discourses in broader contexts concerning diversity and inclusion in corporate culture and governance, as well as social sustainability, democracy, and biodiversity in the ecosystem. For example, the author of this article delivered presentations titled “Diversity, Inclusion, and Sustainable Modern Leadership” at a professional network forum held at the Stockholm Chamber of Commerce on September 29, 2021, and at the Rotary Club’s regular meeting

³ Svetlana Alexievich — Facts. NobelPrize.org. Nobel Prize Outreach 2024. Available at: <https://www.nobelprize.org/prizes/literature/2015/alexievich/facts/> (accessed 29.09.2024).

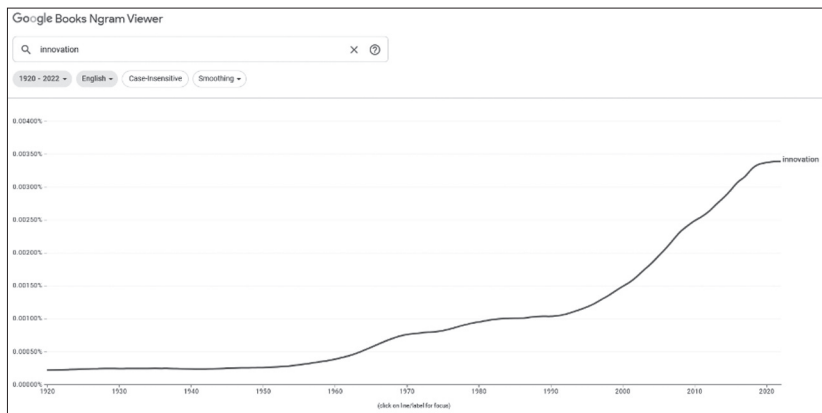
for senior organizational leaders in the Östermalm district in Stockholm on January 14, 2022. The target audience for these presentations consisted of managers from Swedish companies across diverse industry sectors, most of whom had academic backgrounds in business economics, science, technology, law, and human resources — non-philological disciplines.

The author attempted to create a chain of words characterizing polyphony in Russian philological studies. The semantic components of polyphony in this context can be expressed by the following key words: diversity, equality, autonomy, innovation, ideology, and value. Interestingly, the popularity of these search terms has increased over recent decades. Notably, the terms “business value” show the same trend as “diversity,” “equality,” “innovation,” and “ideology,” while the term “value” shows an opposite trend.

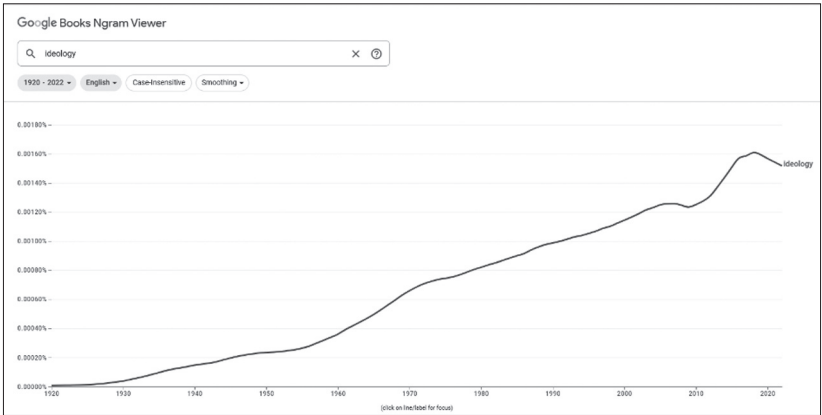
Diversity and Inclusion

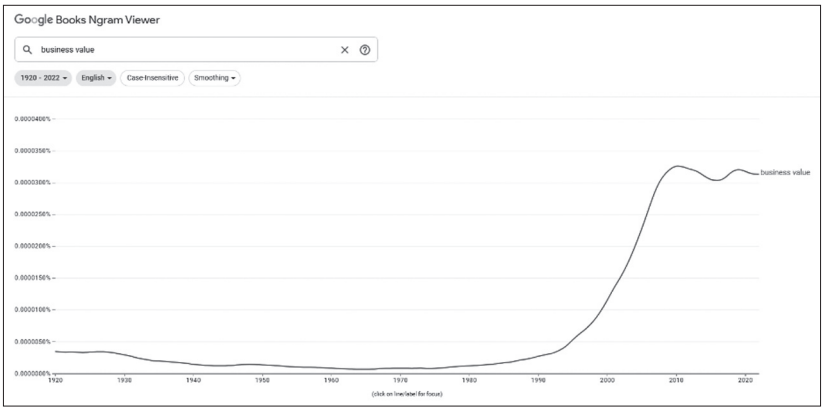
Innovation

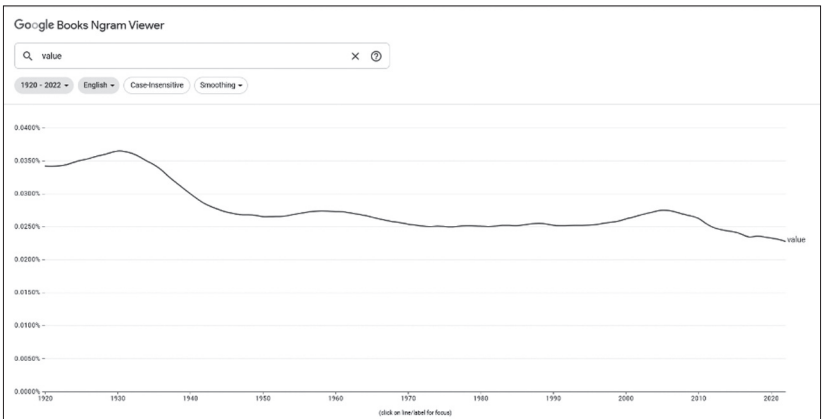
Ideology

Business value

Value

The author's presentation began with a linguistic analysis of the word "polyphony" and its etymology. The author then consciously selected words that connected the concept of polyphony with terms the audience could easily relate to in a business context. The introduction was followed by this statement:

"Polyphony is an **innovative** narrative strategy that characterizes a new literary genre where **diverse voices** of characters interact. This interaction allows readers to resonate with the issues the characters contemplate in Dostoevsky's prose, adding timeless value to the art of language."

Innovation, Diversity, and Inclusion are not only specific elements of narrative in Dostoevsky's prose, but also key concepts supported and promoted by modern management and organizational leadership in many companies. By connecting these common concepts in two seemingly disconnected areas, the author shifted the audience's focus to findings from recent research in non-philological disciplines. For example, studies on group collaboration have demonstrated that diversity and inclusion are critical variables in predicting group performance, thereby fostering innovation.

Science of group collaboration

problems. We find strong support for a general factor of CI using meta-analytic methods in a dataset comprising 20 studies, including 9,276 individuals in 1,368 groups. CI can predict performance in a range of out-of-sample criterion tasks. CI, in turn, is most strongly predicted by group collaboration process, followed by individual skill and group

- Implications for managerial practice
 - Group collaboration process > individual skill
 - Social perceptiveness
 - Evaluate groups, earlier intervention
- Conditions for a group to be smart
 - Diversity, independence, decentralisation
 - Aggregation
 - Trust

Paradoxically, the best way for a group to be smart is for each person in it to think and act as independently as possible.

— James Surowiecki —

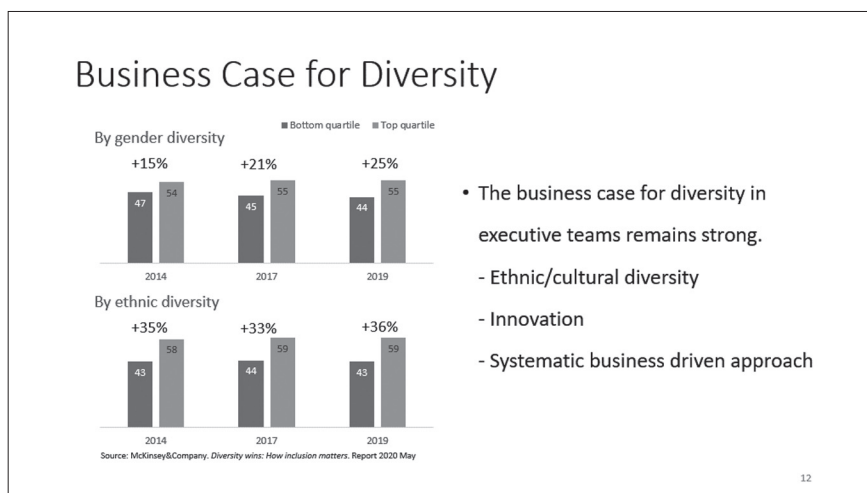
Reference: 1. C. Reid & others. Quantifying collective intelligence in human groups. PNAS. 2021 May
2. Wisdom of Crowds. James Surowiecki. 2004

Diversity, inclusion and sustainable leadership@Ji-Hyun Hwang

10

Following this, the author discussed the business case for diversity in management teams within global companies, supported by economic analysis of data from surveys conducted by the global strategy consultancy McKinsey. During the presentation, the author drew an analogy between the artistic value of literary works characterized by the diversity of multiple voices—liberated from a dominating authorial voice or judgment, and their autonomy and equality in terms of importance—and the business value of successful organizations. In such organizations, employees with diverse competencies, thoughts (synonymous with ideas and ideologies), and perspectives are listened to without judgment, fostering a culture of inclusion that ensures optimal decision-making and creates greater business value.

The author consciously selected the same words or different words with similar meanings used to explain polyphony in literature to describe optimal organizational leadership in the latter part of the presentation.

Finally, to illustrate the expandability of terms and concepts originating from Russian philology to political discourses, the author concluded the presentation by introducing the strategy used by female staffers to get their voices heard in Barack Obama’s administration. By leveraging the semantic components of “voice” and “sound” common to M. Bakhtin’s term ‘polyphony,’ which enables the interaction of autonomous voices in a linguo-philosophical context, and the strategy called “amplification” in the context of US politics, the author aimed to “connect the dots” between early 20th-century Russian philology and 21st-century politics.

Amplification

- A strategy of Obama's female staffers
- Amplification in real organisation.
 - It benefits everyone
 - Psychological safety and unity

Step Up - Amplify the Voice of Others

Reference: 1. White Housewomen want to be in the room where it happens The Washington Post, September 13, 2016
2. Kristin Bain, Tamar A. Kreps, and others. Research Amplifying your colleagues' voices benefits everyone Harvard Business Review, June 2021

Transferring the term “polyphony,” a distinctive literary phenomenon highlighted in the study of Russian linguistics, poetics, and literature, to extra-philological discourses has proven to be an effective communicative strategy. This approach adds colour and depth to messages that might otherwise be perceived as trivial in industry forums that, at first glance, seem unrelated to Russian philology or literature.

1. Using Key Words: Employing the same key words or different words with similar semantic components strengthens the connection between two or more areas that previously seemed unrelated to each other.
2. Creating Analogies: Referring to literary works or applying concepts from one discipline to another are effective methods for message delivery. These techniques can be applied to various discourses in different communicative situations. The human brain responds strongly not only to new information or events but also to new ways of communicating a message, even if it conveys trivial or known information.
3. Quoting Literary Characters: Mentioning the issues that fictional characters in literary works are concerned about during the discussions of real-world issues, such as the economy and technology, adds depth to the discourse and a sense of purpose for the participants.

By adopting the key concepts expressed by the words from the same word-formation nest (*slovoobrazovatel'noe gnezdo*)⁴ or the words with similar semantic components from other disciplines and employing dialogism as a method to engage the audience, presenters can add depth, philosophical richness, and a sense of greater purpose to their discourse. Additionally, applying dialogism in real-time narratives, such as lectures or presentations, typically characterized by one-way information delivery, enhances interaction between the speaker and the audience. This dynamic keeps the audience engaged and facilitates ongoing discussions.

Verbal communication influences or steers people's thoughts and reactions. These thoughts then guide human behaviours and decisions, causing changes in the reality.

In this study, the author suggests that an efficient way to find insights that can solve real-world problems and communicate them impactfully is to seek inspiration in philology, a discipline within humanities. Furthermore, Russian literature, the body of written works produced in the Russian language, has distinctive characteristics. The combination of a deep concern with topical issues in culture and society, a strong tendency toward formal innovation, and defiance of received generic norms creates the timeless aura of Russian classics. Russian philology still holds potential for facilitating productive discourses on real-world issues in our era.

⁴ To get acquainted with guiding principle of describing the semantics of word-formation, types of relationships between words in a word-formation nest, semantic properties of word-formation formants, paradigmatic and syntagmatic connections in word-formation semantics, see [Ulukhanov 1977, 2012].

References

Bain K., Kreps T. A., Meikle N. L., Tenney E. R. *Research: Amplifying Your Colleagues' Voices Benefits Everyone*. Harvard Business Review. June 2021. Available at: Research: Amplifying Your Colleagues' Voices Benefits Everyone (hbr.org) (accessed 11.09.2021).

Bakhtin M. M. *Problemy poetiki Dostoevskogo* [Problems of Dostoevsky's poetics] Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1972. 470 p.

Chung H. Photography, Poetry, and Polyphony: Postmemory of The Gwangju Massacre in Han Kang's *Human Acts*. *Wasafiri*, 2023, no. 38 (3), pp. 27–37. Available at: <https://doi.org/10.1080/02690055.2023.2208951> (accessed 04.08.2024).

Hunt V., Dixon-Fyle S., Prince S., Dolan A. K. *Diversity wins: How inclusion matters*. McKinsey & Company, May 2020. Available at: Diversity wins: How inclusion matters (accessed 04.08.2021).

Riedl C., Kim Y. J., Gupta P., Malone T. W., Woolley A. W. [Quantifying collective intelligence in human groups]. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 118, no. 21. May 17, 2021. Available at: Quantifying collective intelligence in human groups | PNAS (accessed 04.09.2021)

Ulukhanov I. S. *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printzipy eyo opisaniya*. [Semantics of word-formation in the Russian language and the principles of its description]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 256 p.

Ulukhanov I. S. *Slovoobrazovatel'naya semantika v russkom yazyke i printzipy eyo opisaniya* [Semantics of word-formation in the Russian language and the principles of its description]. Moscow, Publ. House LIBROKOM, 2012. 264 p. — *Lingvisticheskoe nasledie XX veka* [Linguistic heritage of XX century].

Чжи-Хюн Хван

*Фолькунверситет, аффилированный со Стокгольмским университетом
(Швеция, Стокгольм)
hwng7936@gmail.com*

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СЛОВА И КОНЦЕПЦИИ «ПОЛИФОНИЯ» КАК КОММУНИКАТИВНОЙ СТРАТЕГИИ В НЕФИЛОЛОГИЧЕСКИХ ДИСКУРСАХ: ПРИМЕР ПРИМЕНЕНИЯ СЛОВ И КОНЦЕПЦИЙ ИЗ РУССКОЙ ФИЛОЛОГИИ ДЛЯ СОЗДАНИЯ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫХ ДИСКУРСОВ ОБ УСТОЙЧИВОМ РАЗВИТИИ И ЛИДЕРСТВЕ

Решение сложных проблем в мире требует интегративного подхода, который включает разнообразные знания и перспективы из различных дисциплин. Универсальность актуальных вопросов, которые часто выходят за рамки дисциплинарных

границ, подчеркивает важность и значимость этих обсуждений в разных областях. Презентация является одной из самых распространенных коммуникативных жанров и методов в наше время. Это жанр коммуникации, одна из основных коммуникативных целей которого — направлять людей к принятию решений по вопросам, которые затрагивают людей и общества в глобальном масштабе. Поэтому он заслуживает большего внимания со стороны лингвистов и требует дальнейшего изучения в связи с другими дисциплинами в области гуманитарных и других наук, технологий и их современных вопросов.

В русской лингвистике функция слова как носителя концептуальных идей, а также как посредника внеязыковой реальности и говорящего о ней, является одним из актуальных предметов лингвистических исследований. В данной статье автор представляет эксперимент, включающий коммуникативную стратегию, использованную во время своих лекций по организационному управлению на профессиональных сетевых форумах для бизнес-лидеров в Стокгольме в 2021 и 2022 гг. Автор применил концепцию полифонии, выделенную М. Бахтиным в отношении романов Ф. М. Достоевского, чтобы вплести ключевые сообщения в повествование. На основе этого эксперимента автор утверждает, что идеи русской филологии и литературы могут быть эффективно применены для обсуждения и решения внефилологических проблем, таких как устойчивое развитие, которые первоначально могут показаться не связанными с русской филологией и литературой.

Автор этой статьи предлагает следующие:

1. Использование ключевых слов или похожих семантических компонентов укрепляет связи между, казалось бы, несвязанными областями.
2. Применение аналогий на основе литературных концепций к обсуждениям экстралингвистических тем, таких как бизнес, экономика и технологии, может сделать сообщения более увлекательными и запоминающимися.
3. Упоминание проблем, которые волнуют вымышленных персонажей в литературных произведениях, при обсуждении реальных проблем, таких как экономика и технологии, добавляет глубину дискурсу и придает участникам чувство цели.

Применяя ключевые слова и концепции из одного и того же словообразовательного гнезда или слова с аналогичными семантическими компонентами из других дисциплин и используя диалог как метод взаимодействия с аудиторией, говорящий может добавить глубину, философскую насыщенность и чувство большей цели в свои нарративы. Кроме того, применение диалога в повествованиях, таких как лекции или презентации, которые обычно характеризуются односторонней передачей информации, усиливает взаимодействие между докладчиком и аудиторией. Эта динамика удерживает внимание аудитории и способствует продолжению двустороннего обсуждения.

Ключевые слова: Достоевский, междисциплинарный, взаимодействие, Русская филология, поэтика, внеязыковой, дискурс, полифония, нарратив, диалогизм, разнообразие, инклюзия.

Литература

Bain K., Kreps T. A., Meikle N. L., Tenney E. R. [*Research: Amplifying Your Colleagues' Voices Benefits Everyone*]. Harvard Business Review. June 2021. [Электронный ресурс]. URL: Research: Amplifying Your Colleagues' Voices Benefits Everyone (hbr.org) (дата обращения 11.09.2021).

Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М.: Художественная литература, 1972. 470 с.

Chung H. *Photography, Poetry, and Polyphony: Post memory of The Gwangju Massacre in Han Kang's Human Acts*. Wasafiri. 2023. № 38 (3). P. 27–37. [Электронный ресурс]. URL: <https://doi.org/10.1080/02690055.2023.2208951> (дата обращения 04.08.2024).

Hunt V., Dixon-Fyle S., Prince S., Dolan A. K. Diversity wins: How inclusion matters. McKinsey & Company, 2020. [Электронный ресурс]. URL: Diversity wins: How inclusion matters (дата обращения 04.08.2021).

Riedl C., Kim Y. J., Gupta P., Malone T. W., Woolley A. W. [*Quantifying collective intelligence in human groups*]. *Proceedings of the National Academy of Sciences of the United States of America*. Vol. 118, no. 21. May 17, 2021 [Электронный ресурс]. URL: Quantifying collective intelligence in human groups | PNAS (дата обращения 04.09.2024).

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М.: Наука, 1977. 256 с.

Улуханов И. С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. Лингвистическое наследие XX века. М.: ЛИБРОКОМ, 2012. 264 с.

Научный журнал

**Труды Института русского языка
им. В. В. Виноградова**

2025 г., № 2 (44)

Макет: *С. В. Родионова*

Гарнитура ZRCola. Формат 70×100/16

Бумага офсетная. Печать цифровая

Печ. л. 17,5

Тираж 300 экз. Заказ №